

Николай Полотнянко

АТАМАН
ВСЕЯ ГУДЬВОЙ РУСИ

ББК 84(2Рос=Рус)6
П52

Полотнянко Н.А.

П52 **АТАМАН ВСЕЯ ГУЛЕВОЙ РУСИ:** Современный русский роман. – Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2014, – 392 с.

На обложке: картина Василия Ивановича Сурикова «Степан Разин» (1906).

«...атамана терзала не пулевая рана, а душевная мука. Он видел себя возлежащим на ковровых подушках в просторном и светлом шатре, где перед ним из воздуха вдруг соткалась прекрасная златовласая дева в полупрозрачном шёлковом одеянии.

– Ты кто? – с трудом ворочая пересохшим языком, спросил Разин.

– Разве ты меня не знаешь? – улыбнулась дева. – Я получила от тебя столь богатый подарок, что не могла не явиться.

Степан Тимофеевич потянулся к красавице, схватил её за руку, и его насквозь ожгло ледяным ознобом.

– Стало быть, ты и есть моя смерть, – промолвил, окаменев лицом, атаман. – Вот ты какая...

– Беда с вами, людьми, – нахмурилась дева. – Придумали, что я костлявая старуха, да ещё и с косою. А я всего лишь открываю человеку дверь в его новую лучшую жизнь. Но для тебя ещё не настал час переступить через мой порог.

– Так что ж меня ещё ждёт? – встрепенулся Степан Тимофеевич.

Дева взмахнула рукавом шёлкового одеяния, и перед Разиным явился резной столец, на котором, дымясь, стояла золотая чаша.

– Испей, атаман, и всё тебе станет ведомо.

Степан Тимофеевич обеими руками взял чашу и жадно приник к ней пересохшими губами. Сначала питьё приятно охладило его нутро, затем стало сладковато-тёплым и приобрело вкус крови. Разин, с трудом сдержав тошноту, заглянул в чашу и зажмурился.

– Ужели ты ослаб духом, атаман? – промолвила дева. – Ты хотел знать свой последний час, так узри его!

Степан Тимофеевич с трудом разлепил очи, и его взору открылась огромная площадь, заполненная московским простонародьем, устремившим свои взгляды к большому помосту, на который всходил он сам, Разин. Сутулый и длиннорукий палач разорвал на нём рубаху и опрокинул навзничь. Сверкнуло лезвие топора, и скоро атаман был расчтвёртован, а затем обезглавлен.

– Мне Горинич такую страшную смерть не сулил! – встрепетал, опрокидываясь на ковровые подушки, Разин.

– А что же тебе насулил Горинич? – спросила дева.

– Великую славу, – прошептал атаман.

– Эх, Степан Тимофеевич! – воскликнула дева – смерть. – Не обманул тебя Горинич, а уважил. С лобного места тебя узрит вся Великая Русь, и в народном мнении ты обретёшь такую великую славу, какой ни у кого не было и не будет!»

Николай Полотнянко

АТАМАН

ВСЕЯ ГУЛЕВОЙ РУСИ

Современный русский роман

Ульяновск
2014

© Полотнянко Н.А. 2014

* * *

*Обрыв над Волгой у Симбирска.
Мерцанье чаек в вышине.
И удаль разинского риска
В седой раскатиистой волне.*

*Течёт река путём былинным
Сквозь поколения, сквозь века.
Омыты свистом соловьиным
Её крутые берега.*

*Просторно сердцу, вольно взгляду...
И вспомнишь, глядя на волну,
Про атаманову усладу,
Про шемаханскую княжну.*

*Их обвенчал каспийский ветер,
Их разлучил казацкий смех.
Улыбку девы в лунном следе
Таит царица русских рек.*

*И кто расскажет, как любилося
Им под разбойничьей луной?..
Куда колечко закатилось,
Тяжёлой сорвано рукой?..*

*В крутой волне замес свинцовый.
Стихия волжская слепа.
Не избежать судьбы бедовой,
Ведь это русская судьба*

*Ах! Боже мой, чуть не забыл!
Вот тебе задача: историческое
сухое известие о Стеньке Разине,
единственном поэтическом лице
русской истории.*

*А. Пушкин
(из письма брату Льву,
ноябрь 1824 г.)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– 1 –

Соловый конь, оставленный Максиму верным человеком, оказался крепким и привычным к лесу: шёл, сноровисто обходя поваленные старостью деревья, не лез в чащобу, а выбирал путь попросторней среди мелколесья и остерегался болотин, откуда несло гнилью и сыростью. В первые дни пути беглый холоп не стремился попасть на проезжую дорогу, останавливался часто и подолгу. Думы о потерянной Любаше разрывали его сердце отчаяньем. Во всём, что с ней случилось, Максим винил только себя, и от этого ему становилось ещё горше. Несколько раз он порывался вернуться в Воздвиженское и сжечь усадьбу Шлыкова, но бессильный гнев понемногу отгорал в нём, хотя, и это ему было ведомо, память о Любаше всегда будет тлеть в его сердце незатухающей болью, как угли под пеплом.

Назад пути не было, и, проснувшись от шума вековых сосен, он умылся в роднике, разгрыз сухарь, запил водой и, свистнув бегавшего в кустах пса, пошёл к высокому холму, чтобы оглядеться. Скользя по лиственной опади, Максим взобрался на вершину и увидел, что вокруг него, куда ни кинь взгляд, простирается дремучий лес, без малейшего намёка на присутствие человека. На вершине ярко сияло солнце, а внизу лес был затенён и сумрачен, из него ещё не ушла ночь, но малопомалу верхи деревьев уже начинали светлеть и отсвечивать молодой листвой.

Внезапно отчаянно забрехал Пятнаш, и чёрная тень скользнула по земле. Пёс выскочил из-за дерева и прижался к ногам хозяина. Рядом снова промелькнула тень, и Максим понял, что своим появлением он обеспокоил орла, свившего

громадное гнездо в ветвях могучего дуба. Орёл сел на толстую ветку и, втягивая голову в плечи, неотрывно смотрел, готовый броситься на пришельцев в любое мгновение. Максим сбегал вниз, схватил лошадь за повод и поспешил укрыться в частых зарослях молодых дубков. Вдогон раздавался шип и клёкот разъярённого хищника.

«Царь-птица! – восхитился Максим, чувствуя, как в ногах и руках утишается дрожь ознобного испуга. – На такой чудоптице в один день домчался бы до Волги-реки! Вольно ему летать, где хочет. А тут ползи, как червяк, не зная, куда выползешь».

Этот случай убедил его, что в лесу смертельного подвоха можно ждать отовсюду. Максим отошёл от холма, привязал Солового к дереву и рассупонил выюк. Достал из кожаных ножен выкованный им самим клинок, полюбовался матовым блеском металла, коротко размахнулся и срубил, как былинку, берёзку в руку толщиной. Приладил оружие к поясу, сел на коня и направился в сторону восходящего солнца.

К полудню Максим выбрался на поросшую сосновым редколесьем гриву, остановился и посмотрел назад. На самом краю неба он едва отыскал холм с орлиным гнездом на дубе, а впереди перед ним простирался всё тот же бескрайний лес.

Спустившись с гривы, Максим обрадовался ключевому ручейку, быстро текущему в меловом ложе, напился воды и напоил коня, который измаялся отбиваться от комаров. Было жарко, и они качающимися столбами висели в воздухе, лезли в рот, уши, глаза, забивали ноздри. Максим с надеждой посмотрел на небо, но на нём не было ни облачка. Перейдя ручей вброд, он вошёл в ельник, сырой и тенистый. Земля под ногами мягко пружинила, колючие ветки хватили его за одежду, было душно, но Максим упрямо шёл вперёд, пока ельник не кончился, и не начался светлый березово-осиновый, лес. Солнце уже клонилось к земле, и он, выбрав небольшую сухую поляну, остановился. Сняв с коня выюк, удлинил повод и пустил Солового пастись. Пятнаш упал на траву и тяжело дышал, высунув язык.

К вечеру Максим одолел ещё вёрст с десять пути, и когда начало смеркаться, отыскал родничок, напоил коня, набрал

котелок воды и ударами ноги разломал гнилую берёзу на кострище. Развёл огонь, вскипятил воду, насыпал в неё три горсти толокна, перемешал, остудил варево и поел.

Костёр догорал, и Максим решил, что огонь нужно поддерживать всю ночь, и поджёт толстый березовый обломок, положив рядом ещё несколько, чтобы пламя переходило с одного на другой. Он плохо знал лес, но осторожность подсказывала ему, что вокруг бродит немало зверей, которых следует опасаться. Пёс тоже чего-то боялся, жался к хозяину и сторожоко прислушивался к лесным шорохам, скрипам и вздохам.

В чащобе ухнул филин. Пятнаш приподнял голову и насторожился. Максим отвернулся от света костра и огляделся. Вокруг никого не было, лишь тревожно пошумливали верхушки деревьев. Он сгреб в кучу сухие листья, сделал из них мягкую и пахучую лежанку, и лёг, положив под голову шапку. Крупно вызвездило, небесные огни, казалось, висели совсем близко над землей, почти касаясь верхушек деревьев.

Утром Максим вошёл в зрелый вековой бор, где сосны были столь высоки, что, казалось, подпирали небо. Громадные деревья не теснились, а стояли на почтительном отдалении друг от друга, прогонистые стволы увенчивали редкие ветки крон, кора понизу, у комлей, была тверда, как камень, темна, и только где-то с середины ствола начинала светлеть и золотиться, отцеживая пахучие капли янтарной смолы.

Но величавые сосны не были одиноки в этом лесу. Чуть ниже полога хохластых сосновых вершин на фоне синего утреннего неба выделялись острые верхушки елей. Тёмная, почти чёрная, их хвоя стремительно скатывалась во все стороны вниз, в полусажени от земли резко обрывалась, открывая чёрно-лиловый ствол и космы лишайников, свисающих с ветвей.

В прогалинах стояли кущи менее теневыносливых деревьев – рябины, клёна, липы, кустарники крушины и жимолости. Где-то неподалёку стучал дятел, падали сверху пересохшие сосновые шишки, сыпалась хвоя. Пахло грибницей и особым крепким настоем сосны, от которого у Максима закружилась голова. Он сел на поваленное дерево, и его охватила дремота и слабость.

Из этого полусумеречного состояния Максима вывел лай собаки. Пятнаш лаял часто, с повизгиванием, который выдавал страх. Соловьи тоже забеспокоились и захрапели, вырывая из рук Максима повод. Он вскочил и с ужасом увидел, что перед ним – медведь. Ноги подкосились, и Максим опустился на бревно. Медведь покачался из стороны в сторону и тоже присел на задние лапы, а передние раскинул, будто хотел кого-то обнять. Максим выпустил повод, конь убежал в кусты, следом за ним кинулся и Пятнаш.

«Как же мне с ним совладать?», – вспотев от страха, подумал он, и хотел взяться за рукоять сабли, но решил оставить эту затею. Два десятка шагов медведь преодолет в один миг и замнёт его, как муху. В горле запершило, и Максим осторожно кашлянул.

– Что тебе надобно, дедушка? Иди своей дорогой, а я своей. Ты не голоден, не шатун, зачем пугаешь прохожего человека? Я тебе зла не сделал. Отпусти меня...

Максим встал и осторожно шагнул вперёд. Медведь тоже встал и шагнул ему навстречу. Максим отступил и сел на бревно. И медведь вернулся на старое место.

Максим долго разговаривал с медведем, рассказал кто он, откуда и куда идёт. Медведь слушал его и кивал, будто что-то понимал. Максим в конце измотался, и уже решил было пойти на хозяина леса приступом, будь что будет. Но его выручила сорока-стрекотуха, она так раскричалась над елью, под которой сидел медведь, что тот не вытерпел, рявкнул, махнул передней лапой и побрёл, не оглядываясь, в заросли рябины. А сорока, прыгая с дерева на дерево и стрекоча, последовала за ним.

– Слава тебе, Господи, ушёл! – Максим перекрестился и побежал искать коня. Тот спокойно пасся неподалёку, а Пятнаш дремал на сухой, разогретой солнцем кочке.

– Хорош сторож! – Максим легонько пнул пса. А тот виновато юлил вокруг ног хозяина и радостно лаял. Не медля, Максим вскочил на коня и рысью направился от опасного места.

– Может, это и не медведь был, а оборотень, – думал Максим. – И место это зачатое.

За купой высоких осокорей Максим увидел ручей, напоил коня, осмотрелся и, увидев слабо заметную тропу, пошёл по ней, держа коня в поводу. Вскоре пахнуло дымком, затем показались колья ограды, в которой были узкие ворота.

– Есть кто живой? – крикнул Максим.

Вскоре послышались неторопливые шаги, ворота растворились, и Максим увидел старого монаха. Подслеповато щуря глаза, старик разглядывал гостя. Одежда на нём была ветхая, заплатка на заплате, на плечах – зипун, на ногах поскрипывали лапти.

– Доброго здоровья, батька, – сказал Максим. – Прости, коли тебя потревожил.

– Заходи, – молвил монах. – Коня за изгородь привяжи. Здесь лихих людей нет. Да и что тут им делать? Лихие люди там шныряют, где выгода есть.

Он закрыл ворота, подпёр их крепкой палкой.

– А забор тебе для чего? – спросил Максим.

– Звери балуют. Любопытства в них много. Лисица тут забралась в келью, я захожу, так она, бедная, чуть со страха не померла. Пришлось уйти, чтобы она выбралась.

Войдя в келью, Максим увидел складень, прикреплённый в углу, и перекрестился. Сруб кельи был на полсажени заглублен в землю. Низкий закопчённый потолок лоснился от сажи. Волоковое оконце, видно, никогда не затыкалось и обросло паутиной. Вдоль стены была приделана лавка, на которой лежала рогожная подстилка и полено вместо подушки. Воздух в келье был сырой и зольный.

Снаружи раздался залиvistый пёсий брех. Максим с отшельником вышли во двор и увидели, как Пятнаш, упёршись лапами в ствол ели, кого-то облаивает наверху.

– Белка, видать, – промолвил монах. – Звери здесь непуганые.

Максим, смущаясь, рассказал ему о встрече с медведем.

– Эка невидаль, что испужался. Никогда не поймёшь, что у него на уме. Вроде улыбается, а на деле скалится. В старые времена медведи отшельников чтили, о том в житии преподобного Сергия Радонежского сказано. Этот медведь ко

мне захаживает, потрясёт колья, а я молюсь, чтобы живу остаться. Но во всю свою силу никогда городьбу не ломал, побалует и уйдёт.

За кельей была видна обработанная земля.

– Сажу каждый год капусту, репу, морковь. Этот год тыквы посадил. Хлебца и соли мне привозят из Ардатова мои дети духовные, Кирилл и Фёдор.

– Давно здесь бытуешь?

– Годов десять. Поначалу страшно было, особенно в непогоду: ветер воет, деревья стонут. Кажется, что бесовское войско обступило келью и ломится на приступ. Аз, грешный, возглашаю имя Божие... А ты куда бежишь от отца с матерью? На лихоимца вроде не похож, от тех чад, как от головни, исходит. А ты чист душою, только чую, не всё у тебя ладно, парень.

– На вольные земли иду, а найду ли их, не ведаю. На прежнем месте мне было держаться не за что: ни земли, ни избы. Была Любаша, да и та на себя руки наложила по злой воле сластника барина.

Отшельник молча выслушал Максима и потянул его за рукав в келью. Там взял с полки сухарь, вяленого леща и положил на стол.

– Не надо мне угощенья, батька, у меня всё есть, – сказал Максим. – Ты мне лучше скажи, как такому, как я, жить дальше на белом свете?

– Это должно быть тебе известно сызмала, – сказал отшельник. – А если ты того не ведаешь, то знай: не переступай заповеди Господа нашего, утишай свою гордыню и беги от уныния.

– Куда бежать? – в отчаяньи вымолвил Максим. – От себя не убежишь, а в монастырь или в такую келью, как твоя, я негоден: хочу жить с людьми.

– А что тебе мешает, живя среди людей, сохранить душу? – ласково произнёс монах. – Я по твоим рукам вижу, что ты с огнём и железом привык работать, вот и трудись с зари до зари людям в радость и себе в утешенье, в этом твоё счастье.

– Может, я на Волге его найду, – сказал Максим. – К тебе

путники забредают, знать, ты ведаешь, что меня ждёт на синбирской окраине?

– Не вовремя ты побежал, парень, – вздохнул отшельник. – Ведомо мне, что скоро на Руси начнётся смута, какой не бывало. А ты не прилепляйся к бунту. Кто ты? Мужик, кузнец. Вот и держись за свою работу, детей плоди... А теперь ступай, мне время становится на молитву.

Монах повернулся к образам, перекрестился и опустился на колени. Первые же слова молитвы унесли его душу к горним пределам далеко от земного и суетного мира.

Максим вышел из кельи, осторожно приворил за собою дверь, и, ведя за собой в поводу коня, пошёл вдоль ручья, который тёк, понемногу раздвигая берега, проталкиваясь через лес, и становился ещё малой, слабосильной, но настоящей речкой. Внезапно она раздалась вширь, и Максим вышел к небольшой запруде, устроенной бобрами. В этом месте речушка была перегорожена плотиной из деревьев и сучьев, и вода, тихо плескаясь, перетекала через её верх.

Максим поднялся повыше и остановился, оглядывая бобровые владения. Хозяева плотины особо не таились – в кустах ивняка послышался тяжёлый плеск, из камышей выплыл бобр, сплавляя за собой только что срезанную его зубами осинку. Не доплыв до плотины, он выпустил деревце, и оно по течению прибило к перемычке, видимо, там, где это было нужно. Вынырнули ещё несколько бобров из своих подземных нор и поплыли к берегу. Вскоре там послышался размеренный хруст: бобры делали извечную, определённую им природой работу...

– 2 –

За несколько дней до масляной недели приказчик привёл в кузницу монаха.

– Максимка! – велел Емельяныч. – Господин посылает тебя в монастырь, у тамошнего игумена случилась великая нужда в кузнечном умельце. Гаси огонь и скоро одевайся!

– Снасти с собой брать? – спросил Максим.

– У нас добрая кузня, только вот кузнеца нет, – сказал монах, опасливо взирая на пса, который неотрывно на него глядел.

– Возьми меня с собой! – пискнул сирота Егорка, что помогал Максиму по мелочам и жил в кузне.

– А ну, кыш! – прикрикнул на мальчика Емельяныч. – Поторапливайся, Максимка, и смотри мне там – не балуй!

Утром на дворе завывала метелица, а к обеду распогодилось: небо прояснилось, воссияло солнышко, снега вокруг лежали чистые, белые, немятые, белизны добавляли атласнокорые берёзы, которые тесно стояли вдоль узкой, в одни розвальни, дороги. Вокруг было празднично тихо, только изредка раздавался сорочий стрекот, да позванивала обмерзшей сбруей старая монастырская кобыла.

Максиму была известна эта дорога: поздней осенью он шёл по ней в монастырь по вызову, гадая, какую работу припас для него игумен. Путь был непростым, через глубокие овраги и крутые взгорки, а вокруг – глухоманное чернолесье.

Минул Покров, и к вечеру крепко подморозило. Максим был в дотканном армяке и озяб так сильно, что когда его привели к игумену, губы у него дрожали мелкой дрожью. Настоятель это заметил и велел налить ему липового взвару с мёдом. Испив сбитню, Максим заметил, что на столце, рядом с лавкой, стоят чудные часы немецкой работы.

– Слышно, ты не здешних мест человек, – сказал старец. – Откуда явился? Где кузнечному умению научился?

– По весне умер брат моего барина и по духовной меня отписал ему, – сказал, низко поклонившись, Максим. – А кузнечному ремеслу научился в Туле, куда меня покойный господин определил десяти лет отроду.

– Туляки – добрые умельцы по железу, – сказал игумен. – Тогда не дивно, что ты князю Муромскому шведский мушкет исправил. Вот теперь погляди часы. Сможешь ли починить?

– Не ведаю, батюшка. Поглядеть на часовые хитрости надо.

Часы были сделаны из бронзы и покоились на мраморной подставке. Максим повернул их к свету, снял заднюю крышку и подивился, какого мусора там только не было: всякие букашки-

таракашки и махонький паук, которого умелец застал врасплох за плетением паутины. Он сильно дунул и напылил вокруг. Игумен расчихался до слёз, Максим тоже.

– Осилишь работу? – спросил старец.

– Попробую. У моего покойного барина, который был приставом Посольского приказа, были часы вроде этих. Прикажи, благодетель, дать мне чистую тряпицу, чарку двойного вина и плошку деревянного масла.

– Выдай умельцу просимое, – велел игумен келарю. – И приглядывай за ним, чтобы не утёк. По делам и расчёт ему будет – батоги или шуба с моего плеча!

Скоро всё нужное для работы было доставлено, Максим тщательно промыл по три раза шестерёнки, запустил часы. Старенький игумен обрадовался, как малое дитя, даже в ладоши захлопал. С сияющей улыбкой слушал часовое тиканье, смотрел на подвигающийся незаметно для глаз цифровой круг и восхитился:

– Чудо великое! Я едва до ветра сходить успел, а четверти часа, как не бывало!

Утром игумен пожаловал умельца ношеной овчиной шубой и отправил восвояси.

– Слушай, батюшка, и давно стоит твой монастырь? – спросил Максим, заскучав от долгого молчания.

– А тебе что за дело? Но коли спросил, так внемли. Вскоре по нашествию поганого Батыги был Муромским епископом благочестивый пастырь Василий. Вёл он жизнь праведную, но ослеплены были миряне бесом и стали его чернить. Тщетно праведник доказывал невиновность свою, эти безрассудные хотели убить его. Тогда Василий и возгласил: «Отцы и братья! Дайте мне малое время до утрия, до третьего часа дня!» Кротость епископа и произнесённые им слова поразили народ, и он мирно разошёлся по домам. Благочестивый архипастырь молился всю ночь в храме, затем, возложив надежду спасения своего на заступницу Богородицу, Василий принял чудотворную икону и подошёл к Оке. Провожавшие его чада хотели дать ему судно для плаванья. Святой же, стоя с образом Богородицы на

берегу, снял с себя мантию, простёр её на воду, ступил на неё и был унесён против течения до того места, что ныне зовётся Старая Рязань. Место, где архипастырь ступил на воду, с того часа почитается святым. Со временем там возникли первые ветхие келейки монахов, затем монастырь. А вот он сам!

Монах снял шапку и три раза перекрестился. Максим последовал его примеру.

Над белизной заснеженных полей ярко вспыхнули золотыми брызгами купола собора.

Возле стен богатой обители шумело торжище. Через множество спешащих людей, пеших и конных, они протолкнулись к отверстым воротам монастыря, въехали через них на площадь, там оставили лошадь у коновязи и вошли в покои. Розовощекий келарь поморщился от угольного запаха кузнеца и повёл Максима в сарай, где находились телеги, выездные сани и розвальни. Обочь от них, на помосте из бревён, стояла коляска, чёрная, с вычурными изгибами, на ажурных колесах, с окошками и приступками для ног. Для кучера имелось кресло, над ним – козырёк от дождя и также приступка для ног.

– От самого князя Черкасского дар обители. Везли из Польши – цела осталась до Москвы. А у нас на переправе вздумали тащить через яму на руках. Уронили, ироды, и ось сломали.

Утром, съев на скорую руку кусок хлеба с квашеной капустой, Максим поспешил к иноземной коляске. Долго ходил вокруг неё, присматривался к узорной работе и прикидывал, с чего начать. Надо было идти за снастями в кузницу, и первый же монах, не удивившись просьбе мирского человека, провёл его к чёрной избе, отпер засов и ушёл. Максим зажгёт лучину, закрепил её в поставце и стал осматриваться. Снасти в кузне нашлись: молотки, щипцы всяких размеров, выколотки, в углу Максим разобрал кучу железа и обнаружил четырехгранный брусок подходящей длины, из которого можно было выковать ось. Раскрутил точило, попробовал находку на искру, оказалось подходящее железо, прокаленное, без раковин. Пошёл в другой угол и поразился: там были свалены кольчатые оковы, многие с

длинными зазубренными стержнями, которые забивались в огромные неподъёмные столбы или колоды, чтобы удержать узников. Посмотрел, потрогал, послушал кандалный звон.

Хотя заготовка и выглядела прочной, Максим решил её ещё проковать в несколько заходов. А для этого требовался подсобник. Максим вышел из кузни и, увидев келаря, поспешил к нему.

– Спирька! – окликнул тот рослого парня. – С сего часа будешь у кузнеца в подсобниках.

Максим хотел разглядеть Спирьку получше, но увидел Любашу. Она вышла из терема и направлялась к воротам.

– Иди в кузню и разведи огонь на горне. Я сейчас приду, – сказал Максим и бросился за Любашей. Догнал её уже в торговых рядах, тронул за плечо. Она живо обернулась и заулыбалась.

– Максим! Мне в последние дни всё казалось, что я тебя встречу.

– Я и не ведал, что тебя здесь найду.

– Барыне сильно неможется. Кашель её забивает, исхудала. Боярин на неё злится. Знахарка сказала, порчу на неё навели. Вот и пришли на богомолье. Барыня с постели не встаёт. Попросила купить сладенького.

К ним подкатился разбитной мужичонка с коробом, полным бус, лент и других девичьих радостей.

– Заплети, соколик, красной девичьей ленту в косу – век твоя будет!

– Врёшь, поди?

– А ты оглянись, милый! Все, кто у меня ленты брали, счастье обретали!

– Ну, ладно! Давай пару.

Мужик выдернул две красные ленты, ловко подхватил брошенную Максимом денежку и убежал.

Он протянул ленты Любаше.

– Не умею я вплетать ленты в девичьи косы. Но считай, что вплёл.

Любаша засмушалась, но ленты приняла.

– Ой, тороплюсь я! Боярыня ждёт.

– Приходи меня навестить, Любаша. Я целый день в кузне монастырской буду. Мне тебя видеть – радость!

Спирька разжёл на горне огонь и веником подметал пол. Максим показал ему, как работать мехами, сделал первую засыпку угля, взял снасти и пошёл разбирать заморскую коляску.

Спирька скоро усвоил, как держать молот и наловчился ударять по тому месту заготовки, на которые кузнец укажет своим молотком. Под ударами самородное железо усаживалось, выплескивая окалиной вредные для его крепости примеси.

– Когда постриг примешь? – спросил Максим.

Спирька метнул на него испытывающий взгляд и нехотя ответил:

– Какой мне постриг. Я тут в работниках зиму.

– Что, разве и так жить можно?

– Ещё как! Зимой здесь тепло, еда есть, работа лёгкая. Вот зашумит дубрава зелёными листьями и уйду на волю.

– Так поймают! – Максим пнул оковы. – Забьют в железо.

– Пока не поймали. Сызмала по монастырям шатаюсь, кое-где уже по два раза побывал. Я человек смиренный, людей живота не лишаю. Вот взломает Оку и Волгу, уйду с купцами на Низ, до моря.

– И не страшно? Уйдёшь, и родные не узнают, где запропал.

– Это на Москве страшно, а на Волге вольготно! Соберутся в кучу две сотни дощаников, насад, стругов: государевых, патриарших, боярских, иноземных, наших купеческих, и айда! Распустят паруса по ветру, кормщик на кормиле только успеваешь ворочать веслом из стороны в сторону, чтобы на мель не напоротся, и несёт всех высокая вешняя вода на полуденное солнце. По берегам странники бредут, а куда? Всё туда же – волю ищут!

– Разве есть место, где можно жить вольно? – спросил Максим, крепко заинтересовавшись словами подсобника.

– Как не бывать! Только снег сойдёт и побежит народишко от тягла да долгов на юг. Кто к донским казакам норовит пристать, но те не всех берут, молодых только. А с Дона выдачи нет. Сейчас больше бегут на засечную черту, на волжскую

Окраину. Кто ты, откель, больно не спрашивают, лишь бы человек был. Землю занимай, какую хошь, паши и никого над тобой. Одна опаска – ногайцы налететь могут, и избу спалят, и самого уволочут. Сейчас больше по Волге селятся. Новую крепость поставили – Синбирск. На высокой горе стоит. К ней новожители и жмутся. Чуть что, ударят в сполох, и все за ограду прячутся. Рыбы там много, дичи лесной, земля добрая. Своим умением работать по железу тебе цены там не будет. Бегут кто? Нищета, голи кабацкие, они и топора в руках не держали.

Рассказы бывалого монастырского жителя разбередили душу Максима.

Ночью его поднял ото сна крепкий тычок в спину:

– Ты кузнец? – спросил стрелец и череном бердыша опять ткнул в бок.

– Я, а что? – спросонья Максим не понимал, что происходит. Ему только что снилась Любаша, а наяву обнаружилось мурло, заросшее волосяной ржавью.

Стрелец поволок Максима за собой, ступая сапогами прямо на спящих богомольцев. На монастырской площади возле невысокой каменной палатки стояли розвальни, и в них, гремя цепями, бился в корчах человек.

– Никониане! Блядино семя! Мните, взяла ваша диавольская сила! Аз не един страдалец за веру Христову! Кажете Богу трёхперстный кукиш и на спасение надеетесь? А ты кто есть, никонианский выблядок, козёл толстобрюхий, каким саном нарёк тебя диавол в этом вертепе?

Келарь, к которому обращался скованный человек, закричал:

– Закройте ему пасть! Волоките в подклеть! Где кузнец?

Максима вытолкнули вперёд. Раскольника потащили вниз по ступеням, в каменный мешок без окон, с крепкой входной дверью.

– Кузнец! Закуй его так, чтобы сидеть не мог! Распни его по стене!

Стрельцы обвязали раскольника вокруг подмышек цепями, и Максим тяжёлыми ударами вбил аршинный железный клин в каменную кладку. Келарь попробовал на прочность крепления.

– До утра пусть повисит, а завтра мы его на Москву

направим. Там его не по-нашему расспросят, а с пристрастием.

Остаток ночи Максим провёл без сна. Сидел, нахохлившись, в углу трапезной, думал. Отчаянный раскольник не выходил у него из головы. Тщедушный мужичонка, щелчком перешибить можно, а духа великого!

Утром за Максимом припёрся тот же стрелец: узника надо было освободить из оков. Конвойные стрельцы, видимо испробовав монастырских медов, были веселы и благодушны.

– Иди один, чай, не забоишься дохляка. Это они на глотку сильны, а на другое не годны.

Максим поджёт смольё от костра и спустился в подвал. Колодник встретил его разъярённым взглядом, но, увидев, что перед ним всего лишь мужик, а не монастырский никониан, успокоился. Максим взял в руки кольцо цепи и, крикнув, разорвал его.

– Силен ты, парень! – удивился раскольник. – Чей будешь?

– Боярского сына Шлыкова холоп. Сюда послали кузнечить. Коляску игумену делаю.

– Вижу, верный ты человек! Не сробеешь передать грамотку?

– Не сробею!

– Если что, кричи – бес попутал!

Раскольник сунул ему в руку бумагу.

– На торге найди купца Автонома Евсеева, он в мясном ряду стоит. Ему и отдашь. Скажешь, что от верных людей.

– Сделаю.

Вдвоём они вышли на свет. Стрельцы повалили узника в розвальни, залезли, отягчённые трапезой, на коней, и поезд двинулся из стен обители. Они поехали через торг. Узник вскочил на розвальнях, что-то закричал, народ внимал ему, а стрельцы начали стегать коней и толпу, чтобы скорее выбраться на безлюдье.

Переждав, пока народ успокоится, а стрельцы со своим узником скроются из виду, Максим неспешно пошёл в торговые ряды. Торг кипел, волновался. Приближалась масляная неделя, и все, кто имел хоть какой-нибудь достаток, пусть даже гривенник, спешили его истратить, чтобы встретить праздник с полным брюхом.

Автоном Евсеев владел большей половиной мясного ряда. Он торговал без весов целыми тушами, частями туш, связками рябчиков, гусями, курами. Для бедноты имелся рубщик мяса, рыжий детина, который стоял возле колоды с воткнутом в неё широкощёким топором. Подходили нищие, пожелавшие отведать мяса, выплевывали из-за щеки сбережённую деньгу. Молодец, не поморщившись, бросал денежку в кошель и одним ударом отваливал от ноги быка щепку мёрзлого мяса.

Ловко работал парень, весело, с прибаутками. Максим загляделся на него и обратил на себя внимание кряжистого мужика в овчинном полушубке.

– Много берёшь, купец? Убоинка свежая.

– Не купец я, а кузнец. Мне Автонома Евсеева надобно видеть.

– Я – он и есть. А ты кто, добрый молодец?

– Максим... Я от верных людей, ваша милость.

Купец незаметно, но зорко огляделся по сторонам. Успокоился.

– От верных людей, говоришь? Где они сейчас, верные люди? Иной обниматься лезет, а норовит ухо откусить.

– Увезли сейчас одного слуги царские. От него грамотка.

Максим полез рукой за пазуху.

– Погодь! Не сейчас, на торге ярыжки промышляют. После обедни подойдёшь к рубщику мяса, он отведёт тебя, куда надо.

Спирька протянул Максиму кусок мяса и хлеба.

– Это, – сказал он с улыбкой, – красна девица озаботилась.

– Любаша! – обрадовался Максим.

– Чего не ведаю, того не ведаю! Баяла, что ещё забежит.

День прошёл за работой, и когда монахи и мирские стали выходить из храма после обедни, Максим отпустил своего Спирьку, притворил двери кузницы и пошёл на торг. Детинушка мясоруб уже ждал его, перетапывался на хрустом снегу и поглядывал по сторонам.

– Иди за мной, – шепнул он Максиму, – да поотстань чуток.

За углом монастырской стены, через овраг, начинался посад, выстроенный по-московски, улицей. Жили здесь люди достаточные: избы на подклетьях, большие дворы, за которыми

была видна заснеженная Ока, а на другом берегу стоял непроходимой чашей чёрный лес.

Во двор зашли не с красного входа, а через маленькие воротца в бревенчатой ограде, а затем тропкой подошли к избе, где их ждал Автоном Евсеев.

– Заходи, верный человек, – сказал Автоном. – А ты, Игнатий, походи по двору, погляди, чтобы чужих глаз да чужих ушей не было.

Он пододвинул Максиму чашку с калёными орехами.

– Давай грамотку! Сам-то грамотный?

– Учился одно время. Буквы все знаю, а в слова складываю плохо.

– В любом деле навычка нужна.

Автоном развернул свёрнутую в трубочку грамотку, склонился поближе к свече и, шевеля потрескавшимися от постоянного пребывания на морозе губами, начал читать послание. Он, видимо, грамотей был тоже неважнецкий, и чтение потребовало от него таких усилий, что прошиб пот.

– Цены нет грамотке, – вздохнул Автоном и перекрестился. – Се вопль наших верных братьев из никонианских узилищ, страждущих за истинную веру.

Пристально и строго посмотрел Максиму в глаза.

– Тебя выбрал и послал с грамоткой святой человек. Он никогда не ошибается в людях. И я о тебе своих верных людей порасспросил. Чую, что манит тебя уйти от своего барина, да и Любаша хороша, но пока ты холоп, ей не ровня.

– Откуда ты всё ведаешь? – изумился Максим.

– Не велика тайна сия. К Николину дню придёт к тебе от меня верный человек. Ему и поведаешь, надумал ли ты уходить на Волгу. От этого человека возьмёшь то, что я тебе пошлю.

В тот вечер Максим не виделся с Любашей, а на другой день узнал, что она с хозяйкой уехала домой. Теперь и ему нужно было спешить в Воздвиженское и, за два дня справившись с работой, он, получив от отца эконома гуся на масленицу, с тем же монахом, что доставил его сюда, уехал домой.

Дверь кузницы была завалена снегом, на котором виднелись собачьи следы, видно, Пятнаш не забывал навестить дом

хозяина. И точно: едва Максим убрал снег от двери и растворил кузницу, прибежал Пятнаш и начал радостно лаять и подпрыгивать. Вскоре появился и Егорка.

– Как жили-поживали? – весело спросил Максим. – Не оголодали? Вот отец экономом мясцом нас пожаловал. Разводи, Егорка, огонь, неси воду. Я тебе, малец, баранок купил, а Пятнашу кость припас.

Кузня осветилась огнём, и в котле скоро закипела вода. Максим отрубил половину гуся и бросил её в воду. Остальное мясо завернул в рогожку и подвесил к потолку.

– Ну, что на деревне? – спросил он.

– Масленица началась. Боярин разрешил пива сварить. Мужики с утра сидят весёлые. Задирают соседей с той стороны Теши. Завтра, должно быть, на кулачки выйдут, стенка на стенку.

– Да ну! Вот это новость. Откуда и прыть взялась. Всю зиму, как медведи в берлоге лежали, а тут на такое дело решились!

– А ты, Максим, пойдёшь?

– Куда мир, туда и я! Али я не воздвиженский? Пойду! Пора поразмять косточки.

– Зареченские – здоровые дяди. Прошлый раз нашим намяли бока.

– Раз на раз не приходится. Ещё поглядим, чья возьмёт.

Гуся ели большими кусками, бросая Пятнышу кости. Отвар, чуть остудив, выпили из деревянных кружек, пред тем накрошив туда лука. Егорка довольно похлопывал себя по пузу: «Потрескивает! Теперь можно с голодным наравне!»

От домов, что были близ кузни, послышался шум, треск, грохот, визг.

– Масленица гулять вышла! – восторженно закричал Егорка. – Я побегу! А ты не пойдёшь?

– Нет, отдохну. Что-то с дороги притомился. Да и гусь ко сну клонит. Ты вот что, Егорка, завтра сбегай во двор к боярину, может, Любашу увидишь, так шепни ей, что я приехал и жду её.

– Я, может, и сегодня шепну. Деревня на барский двор идёт разгуляться.

Масленица разбудила от зимней спячки деревню. Все, кто

хоть чуть умел на чём-нибудь играть, достали ещё дедовские гусли, гудки, сопели, домры, волынки, медные рога и барабаны. Сначала дудели, бренчали, гудели всяк сам по себе, а потом вывалили на улицу и заиграли разом. К играцам присоединились ряженые, и пошли скоки-подскоки, слышались скабрзные песни. Ряженный козлом затейник не давал проходу девкам, валил их в снег. Девки визжали, потом сами завалили ряженого в сугроб, заголили ему гузно и облепили снегом причиндалы. Все были в подпитии: мужики куражились, схватывались друг с другом в споре, матерный лай клубился над толпой, но всё это непотребство накрывалось грохотом барабанов и воем волынок и медных рогов.

На подходе ко двору боярского сына толпа присмирела, и раздался стройный хор мужских и женских голосов:

А мы масленицу дождедем,
Дождедем, душе, дождедем.

Сыр и масло в глаза увидаем,
Увидаем, душе, увидаем.

Как на горке дубок зеленёнок,
Зеленёнок, душе, зеленёнок.

А Воздвиженский попок молодёнок,
Молодёнок, душе, молодёнок.

Попадъихи пили, да попов пропили во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи.

А дьячихи пили, да дьяков пропили во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи.

Пономарихи пили, да пономарей пропили во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи.

Во дворе Романа Шлыкова были выставлены столы, на которых горами высились блины, а в больших чашках стояли

масло, сметана. Господский виночерпий каждому наливал крепкого ставленного мёда. Мужики и бабы, испив хмельного, закусывали блинами и благодарили господина. И опять раздалась разгульные масленичные песни. Хозяин благодушно смотрел на своих веселящихся крестьян. Порой его и самого подмывало пуститься в пляс, но сан боярского сына нужно было блюсти беспоручно. Время было непокойное, вокруг рыскали шиши-соглядатаи. Донесут властям, что такой-то дворянин занимался козлоплясием, презрел все указы на этот счёт великого государя, быть тому дворянину в ответе перед властью мирской и духовной.

Масленица покатила от господских глаз к деревне. Была уже глубокая ночь, и тонкий месяц, выглянув из-за тучи, смотрел на разгульное русское озорство. А где месяц, там, известно, и чёрт. «Бесовская седмица», – огорчались монахи, укрепляя свой дух стоянием на молитве.

Утром незлобно забрехал подле кузни Пятнаш, и послышался ласковый девичий голос, уговаривающий пса пропустить её к хозяину. Максим обрадовался, откинул овчину, соскочил с лавки и открыл дверь. Запыхавшаяся Любаша погрозила пальчиком мохнатому сторожу.

– Лаялся на меня? Я хотела тебя блином угостить, а теперь не стану.

Пёс виновато завил хвостом и принялся облаивать сороку, которая раскачивалась на берёзовой ветке и стрекотала взахлёб.

– Я тебя пришла с масленицей поздравить, – и чмокнула парня в щёку. – А это гостинцы – блины, масло, варёное мясо.

– Спасибо, Любаша! Я, признаться, не ожидал тебя в такую рань.

– Вчера боярин с гостями так нахлебались пива да мёда, что долго спать будут. Дай Бог, к обеду бы поднялись. Моя боярыня всю ночь с гостями маялась. Пригубит с одним гостем чарку, идёт переодеваться в новое платье, потом опять новое, и так шесть раз. А я вокруг кручусь, одеваю, раздеваю.

Максим взял нежные руки девушки в свои опалённые раскалённым железом ладони и, вздохнув, тихо промолвил:

– Люба, ты по моему сердцу! С первого раза, как тебя увидел,

вот здесь. Сنيшься мне – мы живём с тобой в далёкой вольной стороне, у большой реки...

Девушка вздохнула и грустно посмотрела на Максима.

– И ты мне снисься, но себя я рядом с тобой не вижу...

– Быть того не может! Я знаю, мы рабичи, но у нас есть молодость, есть сила, уйдём отсюда на Волгу, в вольный край! Я в монастыре разговаривал с бывалым человеком. Он мне всё обсказал, как пройти туда. Это дорога на полдень. Сначала дремучие леса, где живёт мордва, а за Сурой уже наша русская Окраина, где все земли вольные, где хочешь, там и селись. И град есть сторожевой – Синбирск на Волге. Там и заживём. Запишусь в кузнецы, построим кузню, свой двор. Я буду работать, а ты по хозяйству хлопотать. Не гнить же здесь под пятой барина!

– Страшно мне, Максимушка! Далеко зовёшь ты меня. Там же басурмане окаянные живут. Как бы не попасть из огня да в полымя.

– О чём печалиться! Не ровен час, завтра прикажет господин выдать тебя за лядашего смерда замуж, или подарит любимому псарю, или соседу продаст. Утечь надо, Любаша! Нет на нас никаких пут. Надо! Иначе сгинем мы здесь!

– Знал бы ты, Максимушка, как тяжело мне в господском терему. Страшно мне, но я согласна, уйдём искать свою волю.

И девушка крепко прижалась к Максиму.

– Утечём весной, как только залиствеют деревья. Я схоронку надёжную в лесу припасу. Там сложим то, что нам надобно в дороге. И смотри, не говори никому, а то обдерут батогами, как липку, и в подклеть на цепь посадят. Никому, даже во сне бойся проговориться!

– Тяжело мне, Максимушка! Хозяин-то наш сладник, у него временницы-полюбовницы не переводятся. Те, что в мыльню его водят. Меня моя боярыня, голубушка, стережёт, а он нехорошо смотрит. Боюсь я!

– Держись своей боярыни, ни на шаг от неё не отходи. Если что, падай к ней в ноги, а не поможет – беги сюда. Уйдём махом, хоть босые по снегу.

– Я уже решила, если содеет надо мной боярин плохое, руки на себя наложу! Вот те крест святой, наложу!

– Бог с тобой, Любонька! Не делай это ни в коем разе. Это же грех! Потерпи ещё до Пасхи. И утечём...

– А ты не обманешь меня? Про тебя тут всякое говорят, ты человек пришлый.

– Ни за что в жизни! Хочешь, крест поцелую! Мы будем с тобой вместе до последнего часа!

Горячий разговор влюблённых прервал лай собаки, и они отпрянули друг от друга.

– Это Егорка бежит.

– Вот напужал, пострелёнок! – сказала Любаша. – Ажно сердце застучало.

Она взяла руку Максима и прижала к своей груди.

– Дядька Максим! Тебя воздвиженские мужики кличут. Вся деревня на Теше собралась, и зареченские с другой стороны.

– Сейчас! – ответил Максим. – На кулачках будем биться. Ты не ходи смотреть, а то ненароком выдашь себя.

– Береги себя, милый Максимушка!

– Я пойду с Егоркой, а ты потом выйдешь.

В один из погожих майских дней к кузне верхом на коне подъехал нездешний мужик. Максим вышел ему навстречу. Мужик строго посмотрел на него и пробасил:

– Челом, верный человек! Я от Автонома Евсеева. Как, надумал идти на Волгу?

– Ушёл бы уже, да тебя поджидал.

Мужик слез с коня, привязал поводья к колу и махнул рукой:

– Давай отойдём отсель, чтобы лишних ушей не было.

Они скрылись за кузню, сели на поваленную ветром сосну. Мужик достал из-за пазухи туго скрученные грамотки.

– Это передашь в Синбирске мельнику Андрееву. Вот тебе ещё три рубля на хозяйство. Попусту не трать. Грамотки пуще глаза своего храни. Передашь их кому велено. В остальном полагайся на свою сметку. Коня я тебе оставляю. Он хоть и мал, да удал: ногайских кровей.

Верный человек скрылся среди деревьев, а Максим вынес из кузни кусок хлеба, протянул коню. Тот мягкими губами коснулся ладони, принял хлеб и заржал.

– Как же тебя звать? Ладно, по масти – Соловый. Будешь пастись здесь. Если кто и спросит, чей, скажу, что приезжие люди на время оставили.

Максим почувствовал, что уже ступил на дорогу, с которой нет обратного пути, и решил быть осторожным. Егорку он отправил с мужиками в поле, там требовались огольцы, чтобы ходить в ночное, пасти и стеречь рабочих лошадей. Пятнаш был возле кузни, без собаки пускаться в путь нельзя, она и об опасности предупредит, и ночью разбудит.

Идти придётся долго, не меньше месяца, обходя стороной любое жильё. На себя он надеялся, что выдержит долгий путь, а вот Любаше придётся тяжело, хотя конь должен был выручить, но на нём, чтобы ездить, привычку надо иметь.

Рыбы купил у приезжих мужиков, что по Теше сплавлялись до Нижнего. Купил и соли, и сухарей, а ещё небольшой туес мёда. Слышал от стариков, что если его понемногу есть утром и вечером, то крепче себя чувствуешь, да и от простуды помогает.

Ночью Максим погрузил припасы на Солового и стороной, опасаясь деревенских собак, отвёз всё в найденную заранее потаёнку – огромное дупло старой ветлы, что стояла саженой в сорока от дороги на Ардатов. Потом долго, до первых проблесков зари, сидел неподалёку, вслушивался в живую тишину леса, но никого не заметил и, сев на Солового, поехал домой.

Любаша, сердечко, видно чувствовало, прибежала на следующий день. И когда Максим сказал ей, что завтра вечером срок уходить отсель навсегда, загорюнилась, закручинилась. Максим утешал её, говоря, что здесь им всё равно вместе не жить, а ждёт их воля, своя, только им принадлежащая, судьба. Высохли девичьи слёзы, а когда Максим, осмелев, первый раз поцеловал свою ненаглядную, то о горе-злосчастии не было и помину.

Максим объяснил ей, где будет её ждать, наказал, чтобы не брала с собой лишнего, а только самое необходимое. Расставались долго, Любаша никак не хотела уходить, будто чувствовала, что завтрашний день будет для неё самым тяжким в её жизни.

На другой день вечером Максим запер дверь кузни, закинул за плечо суму и, свистнув Пятнаша, пошёл к месту встречи с Любашей. Село и барский двор он обошёл стороной, чтобы ни с кем не встретиться. Идти было легко, мох пружинил под ногами, сквозь ветви деревьев не жарко светило вечернее солнце, где-то неподалёку закуковала кукушка, и Максим посчитал это доброй приметой перед долгой и опасной дорогой. Схоронка была на месте. Осталось только ждать Любашу, которая должна была вскоре подойти, если только чего-нибудь не случилось. Об этом Максим не хотел и думать, но не мог остановить себя. Слишком всё удачно складывалось у них в последние дни, чтобы бес не позавидовал их удаче и не устроил какую-нибудь каверзу.

Он лежал под ветлой, жевал травинку и чутко прислушивался к звукам леса. Чу! Мимо проскакали двое верховых. Он поднялся на ноги и увидел, что это были воздвиженские мужики с топорами за опоясками. Что-то случилось, раз начались розыски. Где Любаша? Этот, главный вопрос, обжигал его огнём. Скорее всего, схватили, решил он, а теперь ищут меня.

Назад мужики возвращались неспешно, лошади шли шагом. Неподалёку от места, где схоронился Максим, мужики спешили и сели на землю. Один из них, постарше летами, злобно сказал:

– Маем коней, а завтра им в работу!

– Нет, молодец Максим, – сказал другой. – Сбег и Любашу увёл. Уйдут они в вольные края. Хошь, на Дон, хошь на Волгу. Я слышал от бывалых людей, житьё там вольное, казацкое.

– Чего долдонишь, дурак! – огрызнулся первый. – Снимут голову на той Волге с тебя полоротого, не татарин, так свой же брат! Воля, она в сказке хороша!

– И где же они сейчас? – не унимался молодой.

– Дурень ты, Митрий, да и к тому же глухой. Говорили же, что с берега в Тешу бросилась Любаша! Поехали, что ли, завтра ни свет, ни заря опять в поле.

Известие о смерти Любашы омертвило Максима. Он сидел, прислоняясь спиной к дереву, ничего не видя и не слыша.

В верхах деревьев подул сильный ветер, лес зашумел, застонал, закрипел. Напуганные непогодой собака и лошадь жалась к хозяину, но он не обращал на них внимания. Так он провёл всю ночь. И когда стало светать, поднялся с земли, забросил на Солового выюк и, держа его в поводу, пошёл по лесу, не выбирая пути.

– 3 –

Теперь Максим шёл по меловому подножию гривы, отыскивая выход родника, чтобы отдохнуть. Солнце клонилось к вершинам черного леса, но ещё было беспощадно жарко. А на противной от него стороне неба поднималась огромная, как гора, сине-белая туча.

Вдруг Пятнаш остановился и тихо заворчал. Соловый тоже насторожил уши. Максим, положив руку на рукоять сабли, осторожно двинулся кустами и нечаянно заметил вьющуюся, тонкую, как нитка, струйку дыма. Возле костра на коленях стоял человек и старательно раздувал огонь.

– Бог в помощь! – поприветствовал Максим незнакомца.

Тот резко повернулся, но, увидев, что гость один, успокоился и сказал:

– Полбы Бог послал, хотел кашицу сварить.

– Так не медли. Огонь-то у тебя полымем пошёл.

Костерок действительно разгорелся. Максим огляделся: вот и родник, который он искал. Подошёл к нему, напился.

– Прими к огоньку, добрый человек.

– Садись, казак!

– Почему казак? По чему видно?

– Видно. Вон и сабелька у тебя, и конь добрый, и от людей хоронишься. Разве не угадал? Тогда прости, мил человек.

– Не угадал. А ты сам-то из каких будешь, не монастырский?

– Монах я только с виду. А так, переписчик книг, зовут Саввой.

Вода в котелке стала закипать. Максим вынул из сумы кус вяленого мяса, сухари и отдал Савве.

– Не знаю, идучи, какой сегодня день – постный или скоромный. Но всё равно, грех не велик, если и ошибёмся. А тебя как люди зовут?

– Максим. Кузнец я. Не пожилось мне за барином, вот и тащусь на Синбирск. Верные люди посоветовали.

– Такому молодцу везде дорога есть, – сказал Савва, помешивая варево в котелке. – Я, признаться, в те же края путь держу. Все ноги избил, от Москвы иду. Всё один. Вот, Бог попутчика послал.

– Знать ты, батька, и дорогу на Синбирск ведаешь?

– А что её ведать? Вон она, рядом! Старая царская дорога с Муром на Казань. Ещё царь Иван Грозный проложил, когда воевал с Казанью. Эта дорога идёт до Суры-реки, а за ней начинается Синбирская земля.

– И близко Сура?

– Две сторожи осталось, сейчас их ямами зовут. Была бы у нас государева подорожная, покатили бы. А у тебя, мил человек, верно, грамотка на сабельке чеканена?

Максим недовольно посмотрел на Савву и взялся рукой за саблю.

– Что ты, окстись! Мне вольные да весёлые люди всегда по сердцу. Пусть казакут, но Бога не забывают. А то водятся промеж них такие каины. Кровь одному пустит и пойдёт всех резать подряд, ни старых, ни малых не щадит. Правда то, что свои их сразу кончают, как окаянство почуют.

– Не казаковать я собираюсь, батька, – сказал Максим. – Хочу дойти до Синбирска, осмотреться, потом построить кузню и работать.

– Эх ты, простота святая! – засмеялся Савва. – Построить кузню, жить спокойно. Да кто тебе это позволит сделать? Это на Дону, на Яике тебя определили бы в кузнецы. А в Синбирске воевода Дашков сидит, как ворон, на Синбирской горе, выглядывает, кого сцапать да послать на государевы работы. Кого засеку валить, кого ров рыть. А тебе он работу точно найдёт – посадит на цепь в воеводской кузнице, и будешь ты ковать кандалы.

Максим помрачнел и задумался. Первая встреча за долгие дни с живым человеком – и такое огорчение. Он вздохнул, прилёг на землю и уставился в небо.

– Ну, вот ты и закручинился, Максимушка, – ласково промолвил Савва. – А о чём кручиниться? Обойдёшь ты воеводу и слуг его, как вон ту лесину. Разве твои несчастья – это несчастья? Знал бы ты, что за беды кружат надо мной, ты бы усмехнулся своей кручине. Поэтому выслушай мою судьбу, может чем-то она и подскажет тебе, как дальше жить-поживать. Родом я из Ростовской земли, где благостный свет просиял над нашим святителем Сергием Радонежским. Родитель мой был купцом, торговал рогожными кулями, берестяными коробами, всяким щепным товаром. Богатства у него не было, но кое-какие зажитки имелись. Отец трясся над своей казной, над торговой лавкой, жили мы мелочно, крохоборно. И родитель попрекал нас, мать свою, мою мать, брата моего старшего Степана и меня обжорством, расточительством и леностью. Меня, может, и за дело бранил, а Степан был послушен, перед старшими учтив, все работы в лавке справлял, пока батя без дела толкался между людей на торжище. И вот однажды он решил отдать меня в обучение грамоте, чтобы вывести меня в писцы или дьячки, а нажитое оставить Степану. Родительской воле не прекословь!

– Батька Савва! – сказал Максим. – Полба, поди, сопрела?

– Ах ты, Господи! Заболтался, ажно про хлебово забыл.

После еды, попив водички, Савва вернулся к своему повествованию.

– Училище в нашем городе было разрешено иметь протопопу Проклу. К нему батя и повёл меня, пред этим надавав как следует под рёбра, поелику не хотел я учиться. Учение мне тогда казалось страшным наказанием Господним! Тем более, что пришлось бы оставить голубей. У меня к тому часу десятка три турманов было. Так мой батя всех их продал, а деньги отдал протопопу за год учения. Отец Прокл был благочестивый иерей, это сейчас он в никонианство сверзился. Училище держал на своём подворье в отдельной избе. Набирал он не больше десяти неукон, ибо не за прибылью гнался, а хотел обучать людей добрых и прилежных. Ну, а для ленивых имел «Благослови,

Боже, оные леса, иже розги родят на долгие времена». И ещё памятую: «Если кто ученьем обленится, таковой ран терпеть не постыдится». В училище мы пребывали с рассвета до вечернего благовеста. Занятий не было только в праздники. Первый год учили грамоту и основы самого простого письма. Книги, чернильницы, перья – всё было от отца протопопа. К семнадцати годам я не только освоил не шибко разумное чтение священных текстов и творений отцов церкви, но и стал овладевать секретом уставного письма. Протопоп Прокл донёс о моих успехах игумену Святой Троицы, и меня определили туда на послушание переписчиком книг. Я двадцать лет скрёб пером бумагу. Мои книги у самого великого государя есть, у патриарха. Вот кто был я! А сейчас скитаюсь, сир и наг, и где буду завтра, не ведаю.

Максима рассказ Саввы тронул. Он, видимо, попал в такую беду, что всю оставшуюся жизнь будет трястись, как осиновый лист.

– В конце концов, слепнуть я начал. Издаля буквицы хорошо вижу, а сблизил всё, точно молоко. А тут ещё мой благодетель окольничий Ртищев почил в бозе. Любил он моё письмо. Ты, говорит, Савка, самый лучший! Другие писцы рыла кукожат, начинают ковы под меня строить. Однава наладились листы подкладывать для переписки из других книг. Аз учил их, не бестолочью писаху, а со вниманием. И всегда памятовал, написанное. Как-то духовник государев Стефан Вонифатьев в Троицу припожаловал. Он мою работу читал, я и низвергся к нему в ноги. Поднял он меня, расспросил и замолвил словечко перед Никоном. А тому потребны дельные писцы стали. Начали старые книги исправлять на новый лад. Чего ты на меня уставился?

– Да вот смекаю, – промолвил Максим. – Правду я слушаю или околесицу мелет прохожий человек.

Савва от удивления и неожиданности выпучил глаза, потом хлопнул себя по бокам и залился мелким дребезжащим смехом. Отдышавшись, он достал свою суму, развязал и достал из неё книгу в кожаном переплёте с блестящими серебряными застёжками.

– Дубина же ты, Максим! Во зри! Это моё рукотворство. Читать умеешь?

– Буквы знаю, но давно их в слова не складывал.

– Вот и попробуй!

Максим бережно взял книгу, открыл застёжки, развернул первый лист и, медленно выговаривая каждый слог, прочитал: «Казанская история...».

– Люблю я, брат, читать о делах минувших и славных. Эта книга о казанской победе Грозного Иоанна над басурманами. Мой дед побывал в этом походе и рассказывал мне, да аз, молоденький дурачок, слушал в полуха. Попалась мне эта книга на глаза в монастырском хранилище, вспомнил своего славного предка и сделал список. Изуграфия не моя... Так, чти, что в конце написано.

– Это я не осилю, – сказал Максим. – Но и без того тебе верю.

– Книги мои, Максим, многих рублей стоят.

– Что же приключилось с тобой, батька?

– Душно мне стало на Москве. Повидать восхотел иные края, среди людей пожить. Однаво вышел за ворота, и до сих пор иду.

– Стало быть, и ты, Савва, волно ищешь?

– Не знаю, может и её.

Утром они встали с восходом солнца и, помолясь, вышли на царскую дорогу, широкую просеку, которая была истоптана пешими и конными. Виднелись и глубокие колеи от телег, кострища на оставленных ночёвках.

– Пойдём краем леса, – сказал Максим. – Можно будет в случае чего и за куст сигануть.

– Добро, пойдём по обочине.

– Знать бы, где оне, сторожа, – бормотал Савва. – Может, рядом. Слушай, Максим, давай свернём в сторонку. Надо тебе грамотку выправить, а то стрельцы на стороже схватят тебя.

– Ну и что?

– Назад, может, не отправят, а в кабалу точно продадут за водку.

– Это как? – возмутился Максим. – Я – человек, а не коза. Как же меня продавать?

– Эх, темнота! По велению последнего Земского собора все беглые людишки подлежат возврату туда, откуда бежали. Страже будет недосуг волочь тебя к твоему боярскому сыну. А сейчас в Синбирской окраине лютый спрос на крестьянишек. Землю царь-батюшка дворянам жалует, а людей крепостных они сами ищут-свищут. Понял, дитятко?

Найдя поваленное ветром дерево, Савва прочно уселся на него, развязал свой мешок, вынул оттуда чернильницу, перо, свиток бумаги и дощечку для писания.

– Вот-ка, сочиним мы тебе, добрый молодец, охранную бумагу от всякого шиша и лиходея. Видишь, Максим, бумагу? Это аглицкой работы бумага, только на ней государевы дела пишутся. Золото, а не бумага! Она и есть порука, что грамотка настоящая, приказная.

– Экий ты, батька, говорун!

Савва развернул лист бумаги, поскрёб сухим пером в скомканных волосах на голове, макнул его в чернильницу и, заперевав дыхание, начал строчить, писать.

Закончив работу, вынул тугой кожаный мешочек, посыпал буквы мелко толчёным песком, подержал на ветру, сдул и протянул грамотку Максиму.

– Храни пуще глаза! И меня, старого, не забывай.

– Не забуду, батька. Вот заведу кузню и сделаю тебе добрую чернильницу из железа.

Они долго шли по пустынной дороге, пока не проголодались. Савва насобирав сухих листьев, веточек и достал круглое и толстое стекло.

– Гляди, Максим! Сейчас этим волшебным стеклом мы костёр запалим.

– Да ну!

– Я его солнцем зову. Мне его один учёный немец отдал за книгу. Оно буквы увеличивает. А если поймать солнечный луч, то оно любое дерево зажжёт, а листья – плевое дело.

Максим пригляделся и увидел, что на растопке приплясывает крохотный солнечный зайчик. Через мгновение листья задымились, Савва дунул, и сучья охватило пламя.

– Вот это красало! – восхитился Максим. – И железо может прожечь?

– Железа не прожжёт, нагреет, но не сильно. Для твоей кузни оно не надобно.

– А кому же оно потребно?

– Звездочётам, тем, кто звёзды смотрит. Они от нас далеко, дальше солнца. Но это не для твоего ума.

Максим обиделся.

– Что, я не уразумею?

– Видишь ли, Максим, то, что я могу тебе открыть, дело запрещённое святым православным собором. Но один польский монах спознал, что солнце стоит на месте, а земля вокруг него ходит, и от этого бывает день и бывает ночь.

– Как же земля ходит? Это солнце поднимается и опускается, а земля от века на одном месте.

– Забудь мои слова. Живи со своим понятием, нечего голову мутить.

Максим бросил в кипящую воду толокно, посолил варево, кинул сухарь Пятнашу. Пёс съел его, обнюхал траву и опять устался на хозяина. Потом насторожился, выбежал на дорогу и гавкнул. В ответ раздался недалний собачий брех.

– Ах ты, Господи! – забеспокоился Савва. – Уйти не успеем. Что за люди? Если стража или стрельцы, то не лезь наперёд, пока не спросят. Да саблю отцепи, сунь в куст, а то за вора примут!

По дороге, вихляя высокими колесами, ехали две запряженные двуконь телеги. На них сидели две жёнки и ребятишки. Четыре мужика за ними следом. За последней телегой на привязи волоклись корова, две козы и телёнок.

– Переселенцы! – сказал Савва. – Барин переводит мужиков на новые земли. Наши попутчики.

Не дойдя до костра несколько шагов, мужики сняли шапки и поклонились.

– Можно мы рядом пристанем, крещёные? – спросил степенный мужик, видимо, отец семейства.

– Располагайтесь, мужики! – отвечивал Савва, зорко оглядывая каждого из новоприбывших.

– Мы из Патрикеевой вотчины, что близ Коломны, – снимая с коней латаную верёвочную упряжь, объяснил старший. –

Царь-батюшка пожаловал нашему боярину сто пятьдесят четвертей земли в Синбирском уезде. Летось две семьи уже уехали, теперь и мы волокёмся. Тут всё, что нажито. Кони слабы, а вот корова – чудо, ведёрница, что ни вечер, то полную лохань молока даёт. Возле неё и кормимся.

– Поздно идёте, – заметил Савва. – Крестьяне отстрадавались.

– Не по своей воле идём, а по барской прихоти. А на здешней земле на наш прокорм полосу засеяли. Так что с хлебцем будем. Боярин спешит взять землю, да мало кто хочет идти в неизвестные края, под бок к нехристям.

– А ты, стало быть, не боишься? – спросил Максим.

– Не было бы обузы, жёнок, да сыновей, да внуков, давно бы вольнул на Волгу, а может дальше. А вы кто, добрые люди?

– Аз есмь инок смиренный, – ответил Савва. – А это Максим, кузнечный умелец. Тоже на Синбирск волокёмся.

Жёнки тем временем собрали на траве стол: сухари, лук, вяленая рыба.

– Присаживайтесь с нами, – предложил хозяин.

– Отказываться – грех, но мы отснедали, – сказал Савва. – Ты лучше скажи, кого как кличут?

– Меня – Власом. Это мои сыновья – Клим и Андрей, это – Климова жёнка Дуняша, это пострелята внуки, это моя жёнка Агафья. На новое место нас и захребетником пожаловал барин – Прошкой, что добре работает ложкой.

Здоровый парень Прошка широко осклабился, показывая кривые зубы.

Крестьяне, не торопясь, поснедали. Савва поглядывал на них, потом тихо промолвил:

– Вот и попутчики. Как мыслишь?

– А что, добрые люди, – согласился Максим.

Мальцы подружились с Пятнашом, бегали с ним взапуски. Пёс был тоже доволен весельем. Максим предложил Савве сесть на Солового, но тот отказался, сказав, что его седалище привычно к мягким подушкам, а на жёстком хребте мерина ему долго не усидеть.

Стали попадаться и встречные. Мимо них проскакали трое верховых казаков. Затем вскоре показался небольшой обоз в пять телег, гружённых бочками. Вокруг обоза трусили трое ратников на мосластых конях.

– С Суры везут живую рыбу, стерлядь, к царскому столу, – промолвил всеведущий Савва.

– Пути-то! – поразился Максим. – Не затухнет?

– Уже целый век возят, научились. Надсмотрщики есть над каждой бочкой, воду меняют, траву кладут бережную.

Шли они нешумно, и разом все услышали какую-то возню в лесу, треск сучьев, сопение и ворчание.

– Стой, ребята! – велел Влас. – У тебя, Максим, как, оружие есть?

В ответ тот выдернул из-под вьюка саблю.

– Все остаются на месте и ждут нас. Мы скоро вернёмся. – Влас взял из телеги рогатину. – Поспешай!

Они углубились в лес, двигаясь на звуки.

– Ветер на нас, не учуют, – шепнул Влас. – Там свиньи желуди роют. Посмотрим, где вожак.

На большой поляне между дубов усердно рыли землю кабаниха с полосатыми юркими поросятами и несколько довольно крупных подсвинков. Секача не было видно, но из зарослей осинника доносились звуки схватки. Скорее всего, в эту дружную семейку пожаловал непрошенный гость, и сейчас хозяин прогонял его прочь.

Влас показал пальцем на подсвинка, который отошёл от стада и ожесточённо рыл землю, добывая вкусные корешки. Он был так увлечён своим делом, что не заметил приблизившихся охотников. Влас резко взмахнул рукой и бросил рогатину в зверя, угодив ему под лопатку. Подсвинок пронзительно завизжал, подпрыгнул и рухнул на траву.

– Добей! – Влас толкнул Максима вперёд.

Тот в несколько прыжков достиг подранка, который уже поднялся на колени, и размашистым ударом вогнал клинок под лопатку рядом с торчащей рогатиной. Зверь рухнул замертво.

Максим достал клинок из туши, а Влас уже умело накидывал верёвочные петли на ноги подсвинка.

– Где секач? – хрипло произнёс он.

– Никого нет. Все разбежались.

Влас просунул рогатину под верёвки, и они поволокли добычу к дороге. Их встретили радостными криками, Пятнаш лаял и прыгал, стараясь укусить зверя, которого охотники положили на землю.

– Дойдём до первого же родника и остановимся на ночь, – решил Влас. – Нужно тушу разделать, да и отдохнуть следует: три седмицы прём, как угорелые.

Удачная охота его возбудила, он сделался разговорчив.

– Хорошо, что секач увяз в драке, а то мог бы на нас броситься. Я ведь охотник. Но сейчас в наших местах мало зверя стало. Наш боярин никому проходу не даёт, ему лишь бы бить, стрелять. Медведей собаками травит, в усадьбе у него целый загон для того сделан. Соберутся гости, напьются мёда и пошла потеха. А мне медведей жалко, безобидные они, и на людей похожи. Хотя и среди них душегубы встречаются. А разве среди людей их нет? А кабанчик хорош, даже не растерял за зиму сальцо.

К вечеру они набрали на родник, уже обжитый людьми. Вода из него лилась по деревянному желобу и была сладка на вкус.

Влас в душе был рад, что прилепившиеся к нему путники не суются со своими советами и стал распоряжаться.

– Телеги ставь вплотную вдоль опушки. Прошка, за скотиной приглядывай!

Максим лёг на сухую траву, закрыл глаза, и сразу в память вошла Любаша, весёлая, простодушная. Не уберёт он её, и сейчас горько корил себя за это. Надо было не бежать, сломя голову, из деревни, а толком всё разузнать. Мужики могли и сбрехать, и теперь, если она жива, Любаша проклинает его как обманщика. Но что теперь поделаешь, слишком далеко ушёл он от Теши, говорят, Сура не сегодня-завтра покажется.

– Ишь, ты! – воскликнул Савва, поднимаясь во весь рост с земли. – Кажись, к нам ещё гости пожаловали.

С дороги к их стану подворачивали телеги с поклажей, за которыми шли с десятков мужиков и жёнок.

– Что за людишки? – обеспокоился Влас. – Как бы прях с ними какая не случилась.

Первым к стану подъехал страховитый на вид мужик в красной рубахе и сапогах – знать, не холоп. За спиной у него болталась пицаль.

– Кто такие? Откель? Куда бежите? – строго начал допрашивать он мужиков. Влас посмотрел на верхового, почесал пятернёй голову, отвернулся и сплюнул.

– Ты чего косоротишься? Отвечай, коли спрашивают!

Влас повернулся к сыновьям.

– Смотрите, чтоб всё цело было. А ты кто такой будешь, чтобы сыск учинять? Я крестьянин с сыновьями и жёнками. Эти – по государевой надобности путь держат. А ты, может, лесной помещик? И крепостные твои дубинами пашут, а шестоперами боронят?

– Я приказчик князя Шелонского! А ты, зрю, Рязань косопузая?

– Коломенские мы, боярина Патрикеева.

– Тоды ничо... Мне велено крестьян доставить в новое поместье князя. А места здесь воровские, язычники христиан забижают.

– Это брехня, – вмешался Савва. – Здесь мордва да чуваша, смирнее народа нет. Многие крещены.

– Мы чуток в сторонке от вас заночуем.

– Земля здесь вольная. Только, чур, коней не мешать и коров не пугать.

– На чужое мои не позарятся.

– Бережёного Бог бережет.

Люди князя с неохотой покидали стан Власа: вода в казане бурлила, и воздух вокруг был пропитан запахом кабанятины.

Скоро на синем небе выпрыснули звёзды, запели комары, которых нисколько не отгонял дым от костра. В стороне приезжие тоже развели костры, распрягли лошадей.

– У приказчика и рожа воровская, и навички, – сказал Савва. – Ты, Максим, за своим Соловым приглядывай, ладный конёк, незаезженный. А с приказчика спрос невелик – угонят конька, пиши, пропало.

– Присаживайтесь к огню, мясо упрело! – крикнул Влас. – А то от одного толочка животы свело.

Кабанятину брали руками с листьев лопухов. Кто подсаживал, а кто на чеснок налегал, после него ощущение сытости держалось дольше. Утром попьёшь водички и опять вроде сыт.

Поели, отвалились от котла, накидали псу гору костей.

– Повезло нам с тобой сегодня, Максимка, – рыгнув, сказал Влас. – Завтра такого случая не будет, это точно.

– Будем сурскую стерлядь исть, – ответил Максим. – Скоро Промзино Городище. А что, действительно Грозный царь здесь бывал? А, Савва?

– Иван Грозный на Казань несколько раз ходил, и причина тому была: казанцы таскали русских людей к себе, торговали ими по всей Туретчине. Приступал царь и к самой Казани, да одолеть не смог. Вот тогда и повелел он поставить крепость насупротив её, и построили Свяжск на сорок тысяч воев в один день, потому что по готовым срубам делали. Построили, и через какое-то время русское войско взяло Казань. И Астрахань. И теперь Волга – русская река. Только земли здесь безлюдные, от Казани до Астрахани почти сплошное нежилое место, с пяток крепостей всего и стоят.

– Ну, вот мы едем, да не пустые – у Власа соха, да сыновья и жёнки, у меня снасти кузнечные, у тебя, Савва, книги. Так-то и заживём.

– Легко сказать – заживём, – Влас отмахнулся от комаров. – Как жить без воли? Вот ты учёный человек, Савва, столько книг прочёл. Скажи, есть ли на земле место, где человеку живётся вольно, как птице?

– Нашли о чём думать – о воле! – первый раз за день подал голос Прошка. Он лежал на охапке свежей травы, растопырив в разные стороны рваные лапти. От сыти захребетник захмелел, глаза подёрнулись сальной поволокой, грязные щёки жирно блестели.

– Во! Подал голос, тетеря, – пренебрежительно промолвил Влас. – Тебе-то везде неволя. Ты холопом родился, холопом и сдохнешь. Мой тятя свободно крестьянствовал, а бояре приговорили, вот и попали мы в крепь. Мы-то волю не забывали!

– Кто это, на ночь глядя, воли возжелал? – внезапно раздался весёлый голос. Рядом с костром стоял невысокий человек среднего роста, в сапогах и рваном кафтане.

– Я тут случайно проходил, думал, где на ночь устроиться, и вдруг слышу: «Воля! Воля!» Ну, думаю, значит, добрые люди ночевничать собрались. Может, и меня примете? Правда, сума у меня прохудилась: последний алтын вечер в дыру закатился, да Бог с ним!

– А ты что за человек будешь, с каких краев?

Тут и Пятнаш опомнился, что подпустил к очагу незнакомого человека, загавкал и начал наседать на пришельца.

– Уймись, раззява! – крикнул на пса Максим. – За мосол службу забросил, сторож!

Пришелец уже подсел ближе к костру, потянул воздух носом и весело сказал:

– Накормите, и всё расскажу. И кто я таков, и про Остров Счастья, про который вы слыхом не слыхивали. Вот там, на острове и есть ваша мужицкая воля!

– Жёнка! – приказал Влас. – Налей хлёбова страннику, да со дна зачерпни. В наше время редко бойкого человека встретишь. Всё больше горемыки разнесчастные, жалобщики да слёзники.

Гость не заставил себя упрашивать, ухватил одной рукой чашку, другой достал из-за пояса ложку и принялся хлебать, с треском разгрызая сухари и кабанячьи рёбра. Поел, облизал ложку и сунул её за пояс.

– Самая нужная вещь! – отрыгнув, сказал он. – Без неё человек, как хромой без костыля.

Подгрёб травы, сел, по-татарски поджав ноги под себя.

– Зовут меня Федот, сын Федотов. Купецкий сын, следую по надобности в Царицын. А жительство имею в Архангельске. Вот подрядил меня немец сходить на Низ по его делам.

– Из Архангельска, значит, – протянул Савва и повернулся на бок, поближе к пришлому человеку. – Хорош город. Сам не был, но кое-кого знал из поморов. Скажи-ка, мил человек, а кто у вас в Троицком соборе протопоп?

– Сейчас какой-то никонианин, а до него, года два назад, был протопоп отец Иоаким. А ты что, божий странник, знал его?

– Како не знал, – оживился Савва. – Отец Иоаким в моей келейке жывал, когда в лавре бывал.

– Вот оно что, – задумчиво промолвил Федот. – Нет протопопа. Как никоновская замятня началась, так отец Иоаким проклял новое лжеучение и ушёл на острова к соловецким старцам. И многие с ним ушли.

– И что, стоит монастырь, держится? – спросил, волнуясь, Савва. – Он же в осаде. Там войско царское, пушки...

– Не тужи, батька, стойт! – сказал Федот. – Бояре, известное дело, предали святую церковь, но наш народ не весь, слава Богу, стадо! Этим летом запылает волжский Низ. На Москве слух идет, что царевич Алексей жив, не удалось его извести супостатам.

– Как жив? В церквах объявили, что почил в бозе. И брат его Симеон, и сестра.

– Про этих ничего не ведаю. А про царевича Алексея точно говорят, что чудесным образом был спасён и теперь скрывается у заволжских старцев.

Влас сидел, молча глядя на красные угли костра. В разговор он не вступал, его больше тревожил день завтрашний. А ну, как шиш какой-нибудь послушает всё, о чём здесь брешут. Так завернётся дело, что и хвоста родной кобылы не увидишь: вздёрнут на дыбу, да язык урежут.

– Слушай, Федот! – сказал он. – Ты человек, видно, не раз пытаный, а я простой мужик, и мне не след в мои года ложиться под кнут. Лучше перед сном расскажи нам про Остров Счастья. Хотелось бы на сон грядущий услышать что-нибудь душепокойное.

– 4 –

– Изволь, хозяин! А что допрежде было, так я ничего не говорил. Ну, так слушайте, только это не придумка, а сущая правда. А началось дело так: заспорили лет этак двадцать назад два наших высоких иерарха о том, какой он – рай. Один уверяет, что рай – это понятие мысленное, откроется человеку только в

другой жизни. Другой твердит, что правда твоя, но есть и на земле рай, только даётся он не каждому. Спорили, спорили и порешили найти сметливого человека, снабдить его на дорогу одежей, припасами, дать ему денег полтину, а потом тычок в спину, и отправить его искать заповедную страну, где нет зла, а правит добро, где все сыты, довольны, у каждого христианина земли вволю, и урожай сам-сто, и бояр с приставами нет, да и царя тоже, потому что в раю правят не государевы, а Божеские законы. Звали удалого молодца, как водится, Иваном. Очень не хотел Иван шастать по чужим краям, у него свадьба ладилась с одной раскрасавицей, что телят монастырских отпаивала парным молоком для архимандритова стола, но прознали про эту телятницу шпыни, доложили монастырскому эконому, и запечатал он Матрёну в самую потайную келью до Иванова возвращения. И пошёл Иван первой попавшейся под ноги дорогой через леса дремучие Муромские, как раз те, что мы одолели седмицу назад. Только с нами ничего не случилось, а к Ивану явился старец и объявил ему, что не дойдёт он до Пещаного моря, где Остров Счастья, коли не будет он знать странноприимцев, которые указывают путь-дорогу и сберегают от опасностей.

– Так укажи, куда обратиться? – сказал Иван.

– Укажу, а ты пообещай мне за это принести ягоду-финник, – потребовал старец.

– Изволь, принесу! Только зачем тебе эта ягода?

– Это не ягода, Иван, а яйцо, которое растёт на деревьях. Я подложу его под курицу-наседку, и выклюнется птица Феникс, которая живёт вечно, и если даже сгорит, то из пепла восстанет живой и невредимой.

– Добро, принесу тебе это яйцо-ягоду.

– Ну, ступай тады до Змиевой горы, что под городом Саратовом, там дед-молчун в дупле живёт. Дашь ему три сухаря, он тебе тридцать золотых корабельников отсыпет и дорогу укажет.

И побежал Иван. Бежит день, бежит два, бежит десять дён. Уже леса и дебри кончились, степь пошла ковыльная, полынная,

репейная. Погнались за ним было калмыки, заарканить хотели и кобыльим молоком опоить, да не догнали: скор наш Иван на ходьбу. Дошёл-таки до Змиевой горы, нашёл дуб, в нём дупло, а в дупле старец, который, увидев Ивана, заплакал как малое дитя.

– О чём горюнишься, отче? – спросил Иван.

– Мочи моей нет, Иван, от таких мук. Кормят меня здесь винными ягодами, арбузами, дынями круглый год, чтобы я поливал этот дуб, а то высохнет он, а под ним пещера с золотыми бочонками, полными лалов, рубинов и яхонтов. Нет ли у тебя сухариков, Ванюша?

– Как не быть, есть. На Руси жить, да без сухаря есть-пить? Бери, дедушка!

Подал ему три сухаря, а старец отсыпал посыльщику в полу армяка тридцать золотых корабельников.

– Беги теперь, Иван, на Терек-реку. Там казаки живут, с бессерменами сабельками помахивают. Дашь ихнему ватаману два корабельника. За один корабельник даст тебе ватаман доброго коня, за другой всю казацкую справу.

И опять побежал Иван. Бежит день, бежит два... Степь кончилась, пошли пески зыбучие, жара окаянная, безводье. Но одолел всё-таки, вышел к реке, вода в ней чисто лёд, холодная. Достал из-за пазухи сухарь, размочил в воде, съел, стал оглядываться – осматриваться.

Видит – едет берегом реки казак, папаха на нём белая, чекмень малиновый, сапожки козловые, сабля серебряная, копьё ясененое.

– Будь здоров, казак! Мне бы ватамана увидеть надобно.

– Может, мне своё дело обскажешь?

Уперся Иван, ни в какую не хочет говорить ни с кем, окромя ватамана.

Засмеялся казак и говорит:

– Я и есть ватаман. Поедём ко мне в приёмный дворец.

И как свистнет. Сразу из камышей конь выбежал и к Ивану ластиться.

– Хватит играть. Поехали!

И помчались они вдоль берега бурливой реки, где вода с камня на камень прыгает, ревет и рвет берега. Скоро

примчались на место. Видит Иван между двух дубов жерди берёзовые привязаны, а на жердях камыш наложен в несколько рядов. И на земле тоже камыш, а поверх него настелены ковры драгоценные персиинские, и стоит посредине огромная бочка с чихирём-вином, и казаки черпают вино кто ковшом, кто ведром и пьют так, что усы и бороды у всех взмокли.

Ватаман отправил казаков, кого границу стеречь, кого отсыпаться на печи, сел в камышовое кресло и говорит:

– Коня ты получил, а где плата?

Иван достал золотой корабельник и подаёт ему. Затем второй отдаёт.

Ватаман открыл камышовый сундук и выдал Ивану и кафтан, и острую сабельку, и папаху белую. Потом спрашивает:

– Не раздумал, Иван, ехать к Пешаному морю?

– Нет, не раздумал. Чую, верное дело. Ноги так самого и несут.

– Тут тебе ноги не подмога. Страшенные горы впереди. Народы живут дикие, обычаев человеческих и Божьих не чтут. Как раз тебя у первой скалы сцапают и уволокут в горы. Но ничего, я помогу, надо тебе до Кахетии пробиться, там грузины живут, православный народ. Главное, сквозь горцев проникнуть. Они, вроде, молятся Аллаху, а верят в волка, хотя сами по всем повадкам шакалы.

– Как же мне быть? – загоревал Иван.

– Не кручинься! – хлопнул его по плечу ватаман. – Казачки наши засиделись возле баб. Винище хлыщут да порох зазря на кабанов да фазанов жгут. Завтра возьмём сотню бывалых казаков да сопроводим тебя через перевал до Кахетии. Там сам думай, голова должна быть своя на плечах, раз за такое дело взялся.

Наутро, ещё туман стоял густой, как сметана, выехали. Казаки копыта коней обмотали войлоком, чтоб не греметь подковами по камням. Вскорости и дымком пахло, аул, значит, близко. С десятков казаков исчезли в тумане, вскоре послышался шум, раздался пищальный выстрел. Казаки вернулись не одни: приволокли на арканах двух парней и деву. Девка плачет, а парни злые, зубами верёвки грызут. Ватаман

подъехал к ним, вытянул одного, другого плетью поперёк спины. Умолкли, соколики, они силу дюже уважают. А тут со стороны аула три старика прискакали на конях.

– Вот и договорились, – довольно сказал ватаман, подъехав к Ивану, – до самого перевала путь свободен. Они будут нас сторожить, чтобы никто случайно из кустов не стрельнул. А эти будут в аманатах.

И пустились в путь. А дорога, братцы, скальная, то осыпь, то тропа, где двоим не разойтись. Долго ехали. К утру выехали на перевал, откуда открылся благодатный вид на долину. Сёла, города – всё как на ладони.

Тут и сторожа грузинская приспела. Ватаман им всё обсказал про Ивана, попрощался с ним и пустился в обратный путь.

А грузины не дают Ивану выспаться, везут в стольный город к своему царю, потому что тот был рад всякому православному. Иван заснул в седле, но его бережно сняли с седла, умыли ключевой водой, дали выпить рог белого вина, и усталость как рукой сняло.

Царь грузинский спрашивает Ивана:

– Как изволит царствовать и здравствовать мой дорогой старший брат, его православное и царское величество великий государь Алексей Михайлович? Скоро ли прибудет его посольство с крепким войском, чтобы защитить веру православную от перса и турка, которые мордуют народ грузинский? Куда путь держишь, добрый молодец?

Без утайки всё рассказал Иван грузинскому царю, только про корабельники умолчал, ибо видел в царском дворце бедность страшную: всё потаскали турки да персы, да их помощнички с волчьим знаменем.

– Эх, Иван! – вздохнул царь. – Слышал я про тот чудо-остров за Пешаным морем. Уехал бы с тобой, остался бы в раю. Но кто будет сохранять мой народ?

Повелел он кормить, поить Ивана безденежно и отправить с купеческим караваном в Багдад.

Дорогу до Багдада Иван не запомнил: засунули его в корзину, повесили её сбоку верблюда, и он все двадцать дней проспал, чем удивил караванщиков крепостью русской породы.

Правда, левую щеку отлежал, да ногу, но ничего – растёрся, расхотелся, распрыгался. Вспомнил он про своего казацкого коня, да не нашёл. Продали его караванщики, азиаты коварные, а деньги продували. Пощупал одежду – целы корабельники. Порадовался Иван этой удаче и пошёл туда, куда пёр весь народ с узлами, коромыслами, бурдюками – к реке великой, известной ещё со времени потопа, Ефрат. Идёт, а сам думает, как он с корабельщиком договариваться будет. Так расстроился, что ругнулся по-русски, что есть силы. Народ от него шарахнулся, а один человек от радости Ивану на шею бросился, обнимает и говорит:

– Давно я русской мовы не чув! Ай! Ай! Какой пан и так далеко от Москвы! Может, помощи треба?

– А ты что за человек?

– Я? Да меня в Кракове знают, в Астрахани знают, в Москве самому великому государю часы с боем преподнёс. Я честный человек и зовут меня Марк. Говори, что у тебя за беда?

– Мне к Пешаному морю, там, сказывают, недалече от берега есть Остров Счастья.

– Был я там, – сказал Марк, – да не пожилось: на острове нет денег, ни золотых, ни серебряных, ни железных. А теперь скажи, Иван, что мне делать там, где нет денег?

– У меня другая печаль: не знаю, как добратся до Пешаного моря.

– Денег, стало быть, у тебя нет, – оживился Марк. – А вот кун добрый, дам я тебе за него пять динаров.

Устроил Марк нашего Ивана на корабль честь честью. Дали ему место на палубе под тростниковым навесом, кормили сарацинским пшеном, поили крепким пахучим напитком, кофе называется, он у арабов потребляется навроде нашего сбитня. Ехал Иван до Пешаного моря долго: пять раз на день корабельщики бросали паруса и вёсла, расстилали молитвенные коврики и совершали намаз своему Аллаху.

Иван, глядя на них, благочестивым стал, молился Пресвятой Троице и с умилением трепетным взирал вокруг. Ведь в этих местах некогда Господь устроил для Адама и Евы райский сад, и жили они там, пока не прогневали творца, и изверг он их

оттуда. Но всё равно многое осталось от райского сада на берегах Ефрата. Вдоль реки стояли чудные деревья, усыпанные плодами, воды были покрыты цветами, от коих, особенно по вечерам, разливался благовонный аромат, в волнах то и дело плескались рыбы с радужным оперением, из тростниковых зарослей тучами подымались оранжевые длинноклювые птицы.

Добрался Иван до Пешаного моря и пошёл берегом, высматривая в просторе морском Остров Счастья, но солнце так слепило ему глаза, что ничего не было видно. Сел он под раскидистое дерево и скоро задремал. И вдруг, будто кто-то его толкнул, открыл глаза и видит: стоит перед ним, покачиваясь с пяток на носки и ухватившись большими пальцами рук за отвороты своего короткого кафтана, невысокий лобастый человек с большой лысиной, рыжеватыми усами и бородкой и смотрит на него с таким добрым прищуром, что Иван сразу почувствовал к нему неодолимую сердечную тягу.

– Пришлось разбудить тебя, Иван, – сказал незнакомец. – Ещё час назад на Остров Счастья идти было рано, через час будет поздно, а сейчас в самый раз.

– Как же я до него доберусь? – усомнился Иван. – Я по воде не ходок.

– Разве ты дороги на Остров Счастья не видишь? – незнакомец повернулся лицом к бескрайнему морю и, оставив левую руку на отвороте кафтана, правую вскинул в указующем жесте. – Иди по лунному следу и не страшись, что утонешь! Главное для тебя, Иван, не отклоняться от правильной линии ни влево, ни вправо, иначе своей цели ты не достигнешь.

– Авось, и останусь жив! – решил Иван и ступил на воду, где неведомая сила его подхватила и повлекла прочь от берега.

Не успел Иван моргнуть три раза, как оказался на острове перед воротами города. И ночи как не бывало. Удивился Иван – солнце из моря встаёт, птицы с длинными хвостами поют, стража на пряслах бьёт в тулумбасы и громко дует в трубы.

«Не меня ли так пышно встречают?» – подумал Иван.

Только он успел едва оглядеться по сторонам, как подбежал к нему местный житель.

– Челом, Иван! С успешным прибытием на Остров Счастья!

– Почём ты ведаешь, что меня кличут Иваном?

– Не велика загадка! – улыбнулся встречальщик. – По твоему обличию сразу видно, что ты русак, стало быть, Иван. А теперь говори, зачем к нам припожаловал: насовсем или в гости? Мы в любом разе тебе рады, давно из русской земли к нам никто не являлся, хотя нам доподлинно ведомо, что всякий мужик там мечтает о счастье и воле.

– Послали меня православные архимандриты проверить, есть ли на вашем дивном острове такое, что можно почесть за рай на земле, – сказал Иван. – Посему остаться здесь я не могу, мне надо вернуться и вызволить свою любушку Матрёну, которую монахи запечатали до моего возвращения в тайную келью.

– Раз так, гостюй сколько похочешь, ступай за мной, я определю тебе избу, где ты сможешь отдохнуть, пока я доложу старцам твоё дело.

Провёл встречальщик Ивана через ворота, и ступили они на улицу, вымощенную изразцовыми плитками, а вокруг стояли рубленые избы с широкими стеклянными окнами, в каждом дворе бил упругой струей из земли водомёт и наполнял воздух приятной свежестью.

– А что, – сказал Иван, – у вас мылен нет, и вы на дворе моетесь?

– Как нет, – улыбнулся Ивановой простоте встречальщик. – Вот тебе и мыленка, мы её завсегда держим горячей, на случай приезда гостей. Ступай в неё, а я пока отойду по твоему делу.

Зашёл Иван в мыленку, разделся, прыг на полок, и начал обихаживать себя веником, сначала берёзовым, потом дубовым, а напоследок пальмовым, с того самого дерева, на коем ягода-финик родится. Так проняло жаром-пылом, что он выбежал из мыленки и бросился под водомёт охладиться. От холодной воды Иван скоро пришёл в память, устыдился своей наготы и скрылся в предбаннике. Только успел одеться, как услышал, что его поторапливает встречальщик.

– Поспеши, Иван, старцы сошлись и готовы тебя выслушать!

На площади подле собора стояли вкруговую скамьи, и на них восседали одетые в белые одежды старцы. Поведал им Иван про

спор архимандритов и о своём пути на Пещаное море, и один старец за всех ему отвечает:

– Скажи, добрый молодец, высокочтимым отцам русской православной церкви, что ни о мысленном, ни земном рае мы не ведаем. Мы живём по Божеским законам, как их нам Бог на душу положил. И у нас здесь решено, что все люди равны от своего рождения, и поэтому ни царя, ни патриарха, ни бояр ихних, ни другого дьяческого и подьяческого семени не держим. На нашем острове один господин – равенство во всём. Вот гляди: все жители у нас одинакового роста, примерно равной силы, стати, красоты и приятности, только одни чернявые, другие белявые. Грамоты мы не знаем, книг не читаем, потому что это зловредное занятие, ведущее к гордыне и умопотрясению. Вместо книг у нас предания об отцах, дедах, прадедах, их славе и разуме. Чудный остров, дарованный нам промыслом Божьим, природу имеет, тоже склонную к равенству. У каждого хозяина всего рождается вровень: пшеницы, огородных плодов. Овцы приносят по два ягнёнка, кобылы – по одному жеребёнку, коровы – по одному телёнку. От такого Божьего расположения нет у нас бедных и богатых. Потому нет зависти, корысти, гордыни, преступлений, свар, нехороших слов в обращении. Для житья и работы у каждого есть своего в достатке, поэтому мы не одалживаемся друг у друга, не ходим друг к другу в гости. А все праздники встречаем вместе на этой площади за общими столами, после того как помолимся в храме. На праздниках и дома хмельного не употребляем, но все веселы и довольны. Хотя и не бодем, но приходит срок, и все умираем. А рая у нас, как видишь, нет.

– Ваш остров невелик, и Рязань не поместится, – сказал Иван. – Но как на великой Руси порядки завести вроде ваших?

– На этот вопрос ответа дать сразу не можем, – сказали старцы. – Ходи по городу, смотри, разглядывай, а мы держать совет будем.

Поклонился Иван старцам и пошёл по городу. В первом же доме его накормили щами с мясом, только вместо капусты в хлёбове плавали маслины. Полюбовался он работой мастериц, что вышивали золотом по шёлку. Девушки узнали про зазнобу

Матрёну-телятницу, что томится в монастырской келье, и подарили ей дивный шёлковый плат с золотыми павлинами. Вышел из крепости – мужики огромный корабль сталкивают в море по брёвнам. Помог им, поднапёрся плечом. Долго смотрел на дельфинов, что высоко выпрыгивали из волн, а мальчишки на них верхом катались. Однако темнеть начало, и возвратился Иван в город.

Старцы, видно, весь день с мест не вставали, потные сидят, а для прохлады молоко пьют кокосовое.

– Слушай, Иван, наш приговор! – промолвил маститый старец, видимо, главный между прочими. – Передай своим архимандритам, что ответа от нас им не будет. Они свой спор почерпнули из книг, а мы люди неграмотные, поэтому спросу с нас нет. Скажи ещё, что равенство на Руси быть не может, ибо русские люди изначально не сумели жить мирным общежитием, а поставили над собой царя, бояр, дворян, воевод, дьяков, приставов, старост, которые ими управляют или по праву рождения, или по силе наглости. И Русь с самого начала не освобождается от грехов и неправд, а копит их всё больше и больше. Всё на Руси повязано насилием и неправдами, и порвать эти цепи сможет только народный бунт. Когда-нибудь явится на свет атаман всея гулёвой Руси, вздыбит мужиков на бояр и начнётся резня и великое пролитие крови. А теперь, Иван, ступай на корабль, он идёт в Царьград, затем в крымскую Кафу, а там и до Руси рукой подать.

– Премного вам кланяюсь за гостеприимство, дорогие хозяева! – Иван низко поклонился. – Не обессудьте за просьбишку: муромский старец, что помог мне добраться до вас, просил принести ему финик-ягоду.

– Этого добра у нас премного, – сказал старец. – Возьми и себе, хоть мешок, хоть два.

Сел утром Иван на корабль и через два месяца был у архимандритов, завезя по пути муромскому старцу мешок фиников-ягод. Выслушали архимандриты Ивана, затопали ногами, забрызгали слюной и приказали келарю бить батогами Ивана на конюшне. Выдали Ивану сто батогов и бросили в горячий коровий навоз, чтобы отлежался. Там нашла его

телятница Матрёна и уволокла к себе в избёнку. Омыла его настоем чистотела и спрашивает:

– Где же ты, Ванюша, пил-гулял? Меня, болезную, забыл, а я глазоньки выплакала, тебя поджидаячи.

– Не плачь, Матрёна. Разверни-ка мой кушак и достань подарок с Пешаного моря.

Развернула Матрена кушак, достала плат, накинула на плечи и в избенке стало светлым-светло.

Через несколько дён ушли они убёгом на Терек, к вольным казакам. На оставшиеся корабельники купил Иван коня и всю казацкую справу, построил камышовую хатку и стал казаковать. А Матрёна, что ни год, то казаков да казачек ему рожала. Так и живёт он на Тереке до сих пор, пьёт чихирь, казакам об острове в Пешаном море рассказывает.

Федот потянулся, зевнул, затем опрокинулся на спину, подsunул под голову шапку и захрапел во всю мочь.

– Добрая сказка, – промолвил Максим.

– Почему сказка? – возразил Савва. – Я знавал человека, который мне уже поведал об Острове Счастья. Федот про архимандритов не сказал, а с ними беда вышла: они так расшумелись о мыслимом и земном мире, что патриарх сослал их в дальний монастырь, дабы они народ не смущали.

Захребетнику Прошке рассказ Федота разобрал душу.

– Вот бы попасть туда! – сверкая глазами, сказал он. – Знал бы дорогу, побежал сейчас же, на ночь глядя!

– Тебе ничего другого не надо, как целыми днями на печи качаться, – проворчал Влас. – На блинах спать, а на калаче держать голову. Вот и поживи с таким, хоть и в раю. И на Острове Счастья пашенку нужно холить, и лодырям, как ты, Прошка, там места нет.

– Скорее всего, нет никакого Острова Счастья, – сказал Максим, мостя себе для спанья подстилку из еловых веток. После разразившейся над ним беды – потери Любаши, он стал ко всему недоверчив.

– Слушал бы ты эту бывальщину на голодное брюхо, не усомнился, – шутливо промолвил Савва. – А то натрескался кабанятины и от сытости осовел.

На другой день по дороге к Промзину Городищу к их ватаге стали прибиваться богомольцы, что из разных мест шли к святой Николиной горе пожалиться святому угоднику о своих бедах и испить водицы из чудодейственного родника, помогавшей излечиться от всяких болячек и хворей. Погода благоволила путникам: было тепло и сухо, дул упругий ветерок, сметавший комаров с открытых мест, ельники отступили, и появились, веселя взгляд, дубовые и берёзовые рощи и между ними луга с высокими цветущими травами.

Перед Николиной горой люди остановились, снимали шапки и пали на колени. Она была чудна не только своей святостью, но и местоположением: кругом простиралась равнина, и гора восходила над ней, как огромный опущенный с небес на землю колокол, видный на многие вёрсты вокруг. На её вершине стояла часовня, к которой по наторенным тропам шли, ползли, карабкались богомольцы. Рядом с Максимом взбирался по тропе слепой малец, он через каждые три шага кланялся и крестился, а мать его легонько поддерживала за руку, молясь о чуде прозрения своего сына.

На вершине горы стояла невеликая часовня во имя Святого Николая Чудотворца, люди заходили в неё, молились и, поцеловав образ святого, покидали, просветлев душой, и в полной уверенности, что чаемое ими непременно свершится. Вошёл в неё и Максим, упал на колени и жарко вымолвил: «Святой Никола! Помоги мне вернуть мою Любашу!» Коснувшись губами зацелованного оклада иконы, он вышел из часовни и стал ожидать, когда отмолятся его попутчики. Дольше всех в ней задержался Влас, у него было много прошений к святому угоднику, и он донёс их ему одно за другим, сопровождая каждое истовым и жарким молением.

Богомольцы не спешили покидать святую гору, на днях здесь свершилось чудо оздоровления сухорукого человека, и люди только об этом и говорили, непременно вспоминая все знаки внимания Николая Угодника, которые он оказывал этому месту. Несколько веков назад на сурскую землю напала орда кочевников, а рать защитников была мала и не могла долго сопротивляться. И тогда на вершине горы в столпе огня

появился Божественный всадник – Николай Чудотворец, и, узрев его, поганая орда взвыла от ужаса и обратилась в бегство, и никто из врагов православия не подступал с той поры к заповедному месту.

Сойдя с Николиной горы, они повернулись к ней, перекрестились и пошли к Суре, за которой начиналась синбирская земля. Когда путники по наплавному мосту достигли правого берега, их встретила таможенная стража. Одышливый и рыхлый приказчик окинул людей испытанным взором мздоимца и спросил:

– Кто такие? По какой надобности сюда явились?

– Переведенец из Патрикеевой волости, – сняв шапку, сказал Влас. – Со мной мои домочадцы, а на телеге пожитки.

– Тебя-то я вижу, что ты мужик, – приказчик грозно нахмурил брови. – А это что за люди?

Максим и Савва достали свои грамотки, но отдавать не поспешили.

– Идём в Синбирск, – сказал Савва. – Воевода князь Дашков затребовал нас из Москвы как письменных и кузнечных дел умельцев. У меня в суме чернильница да бумага, а у Максима кузнечные снасти.

– Явите грамотки в воеводской избе, – важно молвил приказчик и ухватил Федота за воротник кафтана. – А у тебя какая грамотка?

Федот весело на него глянул и полез рукой себе за пазуху.

– Погоди чуток, сейчас явлю свою грамотку, только нашарю.

Приказчик принял поданную ему мзду и кисло поморщился.

– Рожа, гляжу, у тебя воровская, а ты её вздумал двумя алтынами прикрыть. А ну, ребята, порастрясите его!

Двое стражников накинулись на Федота, сорвали с него кафтан, сняли сапоги, опростали суму, но ничего не нашли, что можно было присвоить.

– На сей раз я тебя отпускаю без битья, – сказал приказчик. – Ступай, но в другой раз пустым на мой перевоз не являйся, изведешь палок досыта.

Обуваясь, Федот зло пришёптывал:

– Годи, трухлявый пень, будет случай, явлюсь сюда и вздёрну тебя на веску!

ГЛАВА ВТОРАЯ

– 1 –

Подхватив суму, он пустился догонять попутчиков, которые скоро уходили от Суры в сторону карсунской дороги. Максима случай на сурском мосту смутил, до него стало доходить, что в пустом пограничном краю каждый человек известен, а на беглых людей здесь много ловцов, и не все они полоротые, как таможенный приказчик. А Савва не унывал:

– Узнал, Максим, какая сила в приказной грамотке? – похвалился он своей находчивостью. – Не изготвь я её, худо пришлось бы тебе.

– Один раз она меня выручила, а на другой раз? Найдётся грамотей и отыщет какую-нибудь в ней зацепку. Добро бы до Синбирска дойти и грамотку никому не являть.

Они прошли по карсунской дороге вёрст десять, когда Влас остановился и, забравшись на телегу, осмотрелся вокруг.

– Сдаётся мне, что мы лишку прошли, – сказал он. – Починок где-то на берегу Барыша, а мы от него всё отходим и отходим. Сейчас до реки версты две-три будет, надо найти берег и идти по нему до жилья. Выпрягай, Андрейка, кобылу и пробегу до Барыша, сыщи починок.

– Я с ним пойду, – Максим стал снимать с Солового вьюк.

– Тебе же в Синбирск, – удивился Влас. – Савве тоже, а Федотке неведомо куда. Ступайте, мужики, своей дорогой и не тяготитесь моей заботой.

– Поезжай, Максим, – сказал Савва. – Синбирск от нас не убежит, мы можем и подзадержаться. Вот глянем, как живут переселенцы, и пойдём своей дорогой.

– Вместе прогуливаться в незнакомом месте веселей, – поддержал Федот Савву. – Я тоже не спешу, меня, кроме матери-Волги, никто не ждёт.

Парни сели на коней и поехали по луговине к невысокой гриве, взобрались на неё, помахали оставшимся их поджидать людям и пропали из вида.

– Вставай, Влас, на днёвку, – сказал Савва. – Они вернутся не скоро. Раньше вечера мы на месте не будем. А утром оглядимся, если надо, поможем тебе землянку слепить и пойдём на Синбирск.

Через три дня путники достигли неширокой и тихой речки Свяги, за которой на горе россыпью изб и главами церквей виднелся град Синбирск. У въезда на мост на них хмуро глянул караульщик, но не остановил, поскольку сразу смекнул, что поживиться с этих прохожих ему будет нечем – один монах, а двое других явно люди бывалые и привычные за себя постоять.

За мостом Федот остановился и огляделся.

– Давайте, дружье, прощаться, – сказал он. – Мне в город идти не с руки, я лучше обойду его стороной.

– Куда же ты отправишься? – спросил Максим.

– На Волгу, – ответил Федот. – За волей и счастьем нечего на Пешаное море идти, его и недалече, за Синбирской горой, сыскать можно. Айда со мной, а то как раз тебя в Синбирске ярыжки опознают как беглого.

– Я пока воли не ищу, – отказался Максим. – А в граде обязательно побывать должен, людям обещал.

– Что ж, вольному воля, – сказал Федот и, не оглядываясь, пошёл по берегу Свяги.

– Гулевой человек, – сказал Савва. – Сразу видно, что ему матушка – сабля вострая, а батюшка – воровской атаман.

По разбитой тележными колёсами дороге они поднялись в гору к посаду и пошли по улице мимо заборов, за которыми стояли избы, частью свежерубленные, частью обгорелые.

– Видно, пожар недавно был, – сказал Савва. – Дело обычное. Но крепость цела. Что, Максимушка, пойдём к воеводскому крыльцу, явим грамотки, ты свою не потерял?

Максим поскущел, идти к воеводе ему не хотелось. Хотя Савва и горазд писать, но местные дьяки тоже не слепы, а ну, как узрят, что грамота писана не в Москве, а на осиновом пне близ большой дороги? Страх подумать, что будет и с ним и с писарем.

– Погодим идти, батька, – сказал Максим. – Мне здесь на посаде одного человека проведать надо.

– Это кого ж?
– Сам не знаю, – уклончиво промолвил Максим. – И тебе его знать незачем. Ты лучше ступай на зады, вон к тому амбару и будь близ него, я тебя отыщу после.
– Ладно, – сказал Савва. – Но ты не пропадай до ночи.
– Иди, иди! – поторопил спутника Максим, увидев, что от Свяги к ним подымается воз, и рядом с ним, держа в руках вожжи, идёт мужик.
– Как не знать Андреева Ивана Ермолаевича, – сказал возчик. – А на что он тебе?
– Я тебе не про дело говорю, – обозлился Максим и грозно воззрился на него. – Я тебя спрашиваю, где его изба?
– Да я так, слова ради, спросил, – испугался мужик. – Экий ты бедовый! А Иван Ермолаевич недалече живёт. Вон его изба под новой крышей!
Держа в поводу коня, Максим пошёл по улице. Было жарко, обыватели посада, свято блюдя обычай послеобеденного отдыха, попрятались по избам, сеновалам, другим прохладным местам и предавались сну. Фыркнув, Соловый потревожил дремавших под ивовым кустом кур, они прыснули в разные стороны, а петух отважно зыркнул на Максима огнистым оком и, захлопав крыльями, хрипло заголосил.
Домовладение мельника Андреева отличалось от прочих высокой из крепких сосновых кольев городьбой, за которой изб не было видно. Земля возле ворот была присыпана речным песком, рядом с ними находилась коновязь. Максим привязал коня и несколько раз брякнул воротной колотушкой. Послышались быстрые и лёгкие шаги, оконце в воротах распахнулось, и раздался молодой голос:
– Кого ищешь?
– Мне бы хозяина, – сказал Максим. – Я к нему от Автонома Евсеева, с Теши.
Загрели запоры, ворота распахнулись, и появился молодой широкоплечий парень.
– Конь твой? – спросил он и, не дожидаясь ответа, отвязал Солового от коновязи. – Заходи, что стоишь? Здесь все свои. А меня Ермолаем кличут.

Двор был застроен многими избами и амбарами. Максим вслед за сыном хозяина прошёл до крыльца. Ермолай взбежал по ступенькам, стукнул кулаком в дверь, открыл её, вошёл и через мгновение высунулся.
– Заходи!
Мельник Андреев сидел спиной к стене на скамье, положив руки на стол. Максим перекрестился на образа и почтительно поздоровался с хозяином, назвав своё имя.
– Как дорога? – спросил Иван Ермолаевич. – Поди, всё лесом?
– И так было.
– Ты один шёл или с людьми? Может, кого сюда привёл?
– Есть попутчик, переписчик книг Савва, – сказал Максим. – Я его на задах подле амбара оставил дожидаться.
Хозяин стал явно недоволен.
– Давай посылку.
– Прикажи парню принести поклажу с коня.
– Неси, Ермолай. А потом сбегай за этим Саввой и приведи сюда, да так, чтобы никто не видел.
Ермолай принёс вьюк, Максим рассупонил завязи, развернул поклажу, взял свой рабочий ножик и стал распарывать мешковину по шву. Грамотки были завёрнуты в бычьем пузыре, чтобы не промокли. Достал их, отдал хозяину. Тот увидел кузнечные орудия и улыбнулся.
– Ты и взаправду кузнец?
– Кое-что умею, – сказал Максим. – Но до конца не выучился. Хозяин помер, и я достался его брату.
– Так ты холоп?
– Отец себя запродавал и нас с матерью.
В избу вошёл Ермолай и вопросительно посмотрел на отца.
– Привёл попутчика?
– У крыльца оставил.
– Добро. Запри его в амбар. А ты, Максим, побудь здесь. Принеси ему, Ермолайка, из поварни что-нибудь поесть. Я скоро вернусь.
Ермолай принёс чашку рыбы, кувшин квасу, ломоть хлеба и удалился. Максим услышал, как он громыхнул засовом двери и

усмехнулся. Заточение его не огорчило, рыба оказалась вкусной, хлеб мягким и тёплым, квас шипучим и острым. Он поел и, положив шапку под голову, лёг на лавку. Только закрыл глаза и привиделась Любаша, какой он её запомнил во время последней встречи. Не хотела она уходить от него, словно чувствовала разлуку. Где она сейчас, да и жива ли?

В сенях послышались тяжёлые шаги, дверь в горницу распахнулась. Максим закрыл глаза и прикинулся спящим.

– Вставай, странничек! – сказал Иван Ермолаевич. – Огляди, Степан Ерофеич, гостя.

Максим опустил ноги на пол, поправил рукой волосы на голове. Поднял глаза и натолкнулся на цепкий взгляд незнакомца. Тот смотрел на него так остро, будто крючок ему в самую душу забросил и всё оттуда тянул да вытягивал. Максим смутился и потупился.

– Не бойся, парень, – сказал Андреев. – Этот человек может стать твоим счастьем, если приглянешься ему. Это сам Твёрдышев. Слышал про него?

– Пока нет.

Степан Ерофеевичу, купцу гостиной сотни, чьё имя было на всей Волге знаменито, такой ответ был в диковинку и посему понравился. Он сел на скамью напротив Максима и спросил:

– Ты как Автонома Евсеева знаешь? Говори всё, как есть.

Услышав в конце исповеди, что Максим пришёл не один, а привёл с собой учёного монаха, Степан Ерофеевич заинтересовался, коротко бросил Андрееву:

– Показывай этого Савву, переписчика!

Монах даром времени не терял и явился заспанный, ряса в ключьях соломы, в бороде паутина. Испуганно глянул на Максима: мол, за что беду ты, парень, накликал на мою седую голову – сначала в амбар кинули, а теперь розыск хотят учинить.

– Ты что, и в самом деле переписчик? – спросил Твёрдышев.

Эти слова враз успокоили Савву, о своем ремесле ему отвечать было привычно. Он развязал суму, достал из неё «Казанскую историю» и положил на стол.

Твёрдышев взял книгу, перелистал её, прочитал последнюю страницу и сказал.

– Вижу, что ты и впрямь переписчик, таким цены нет. Но что тебя согнало с Москвы?

– Тягостно мне стало, господине, от новых церковных порядков, вот и ушёл, куда глаза глядят.

Твёрдышев ненадолго задумался, затем промолвил:

– Мне такой человек, как ты, нужен. Согласен на меня работать переписчиком? Вестимо, за деньги.

– Куда ж мне, сироте, деваться? Доброму человеку не грех послужить, – сказал Савва. – Возьми тогда, господине, и парня. Он честен и дело знает.

– Что умеешь? – спросил Твёрдышев.

– Кузнечное дело знаю, – тихо промолвил Максим и толкнул ногой суму с железными инструментами.

– С ним непросто, он ведь беглый, – задумчиво произнёс Твёрдышев. – А государевы сыщики и в Синбирске шарят.

– Я ему грамоту сделал, – сказал Савва. – На аглицкой бумаге.

Максим достал бумагу и подал Твёрдышеву. Тот её развернул, прочитал и усмехнулся.

– Наш подьячий Никита Есипов грамотей не слабее тебя, Савва. Он сразу узрит, что сия грамотка писалась не в московском приказе, а в подворотне на коленке. Где у тебя огонь, Иван Ермолаич? Возьми и сожги эту писульку немедленно, она парню ничего, кроме батогов, не сулит.

– Зачем жечь аглицкую бумагу, она денег стоит? Отдай её мне, я повыскоблю написанное и по другому разу, будет нужда, напишу, – сказал Савва.

Но Твёрдышев ему грамоту не отдал, порвал на несколько кусков и бросил на стол.

– Для тебя, Савва, у меня непочатая стопа аглицкой бумаги имеется. Сейчас мы пойдём являться к князю Дашкову, а затем я тебе укажу твоё место в своей избе. Там у тебя будут и стол, и бумага, и перья, и чернила, и лавка для спанья.

– Степан Ерофеич, – сказал Андреев. – Куда решишь парня пристроить? Может, ко мне на мельницу?

– Добро. Пусть у тебя побудет, в стороне от чужих глаз. А там я подумаю, как ему помочь.

Максим с жадностью внимал словам сильного человека, а Иван Андреев толкнул его в спину.

– Кланяйся, дурень! Благодарю Степана Ерофеича за милостивое слово.

Максим прямо с лавки упал на колени и стукнулся лбом о пол.

– 2 –

Когда Твёрдышев и Савва подходили к Синбирскому кремлю, колокол на надвратной башне Крымских проездных ворот звучно, на всю округу, отмерил девятый час дня. Воротник Федька Трофимов подобострастно поклонился Твёрдышеву и хмуро посмотрел на семенившего рядом с шибко шагавшим купцом Савву, которого весьма удивило множество ратных людей вокруг.

– На Низу Стенька Разин большую силу взял, – сказал Степан Ерофеевич. – Грозит своей вольницей самой Москве. Вот мы силы копим, на днях подошли приказы московских стрельцов.

Савва поёжился, ему были ведомы повадки воинских людей, которые страшились только палок своих начальников и были непрочь пограбить обывателей, если те плохо запирали ворота своих домов.

Воевода князь Дашков по случаю жары прохлаждался под шатровым крыльцом съезжей избы, где его обдувало свежим ветерком с Волги. Князь был седоголов, но ещё весьма проворен в движениях, особенно, когда его что-нибудь досадило. Час назад он получил думскую грамоту, что воеводой в Синбирск назначен князь Милославский. Дашков расценил это решение государя Алексея Михайловича как явную каверзу, устроенную супротив него московскими недоброжелателями, и долго вычитывал грамоту. Затем начал метаться по крыльцу и размахивать руками, чем немало удивил московского стряпчего,

который доставил грамоту в Синбирск. Утомившись бегать, он остановился и спросил вестовщика:

– Что знаешь о Милославском?

– Князь отправился следом за мной, – ответил стряпчий. – Ему велено для скорости идти не водой, а посуху, и обоза с собой не брать.

– К чему такая спешка? – задумчиво произнёс Дашков. – Ты ведь трёшься подле царского крыльца, многое ведаешь. Слышал, почему мне такая немилость?

– Не волен я входить в рассуждения сильных людей, – сказал стряпчий. – Правда, краем уха слышал, что в Синбирске будут ждать мятежников с волжского Низа, посему решено на град поставить Милославского, а также дать ему в подмогу князя Барятинского с двумя полками рейтар.

– Что ж они, вора до Синбирска думают допустить? – удивился Дашков. – А что астраханские воеводы? Разве у них нет мочи уничтожить воровских казаков?

– Того я не ведаю, князь, – сказал стряпчий и потупился. Он был разбит до последней жилки своего тела гоньбой по лесным дорогам, смертельно устал и ждал только одного – упасть на лавку и провалиться в беспмятный и мутный сон. Это увидел и воевода.

– Есипов! – крикнул он. – Проводи вестовщика в осадную избу, пусть отоспится.

Подьячий повёл москвича на отдых, и Твёрдышев с Саввой столкнулись с ним на полпути.

– Как воевода? – спросил купец.

– По крыльцу мечется, – усмехнулся Есипов.

– Что так? Чем князь огорчён?

– Сей стряпчий привёз воеводе в перемётной суме полный воз новостей. На Синбирск воеводой поставлен князь Иван Богданович Милославский.

Известие было для Твёрдышева огорчительным: Дашков давно сидел на воеводстве, и купец научился с ним обходиться. Почти все кабаки в Синбирском уезде и в самом граде были у Твёрдышева в откупе, ему же принадлежали крупные участки рыбных ловлей на Волге, со всего этого хозяйства он получал

большие доходы, не забывая при этом полновластного владыку здешних мест, воеводу Дашкова. Брал князь деньги у купца, порой до тысячи рублей, на оплату жалованья служилым людям, потому что Москва часто задерживала выдачу денежного содержания стрельцам и казакам. И сейчас за воеводой имелось шестьсот рублей долга, поэтому Степан Ерофеевич поспешил к воеводской избе.

Князь Дашков уже успел укротить всколыхнувшееся в нём чувство обиды и начал подумывать, что утрата воеводства ему может выйти как раз на руку. Скоро на Волге начнётся такая кровавая смута, что лучше от этих мест быть подальше, к примеру, в родовой вотчине, куда Дашков не заглядывал уже пять лет, отданных синбирской службе. Пусть Милославский воюет с воровскими казаками и всякой другой сволочью, а я, размышлял князь, хоть и саблю не вынимал из ножен, но достойно служил великому государю на Синбирске: добрый городок Сенгилей поставил, до двухсот дворян наделил поместьями по обе стороны Волги, и за Синбирской крепостью догляд держал, ни пожара, ни мора при мне здесь не было, прясла подправил новыми сосновыми и дубовыми срубам, в пороховом погребе под крышку припасено зелья и свинца в чушках, в амбарах запасены солёная рыба, мука на случай приступа, казакам и стрельцам полностью отдано денежное довольствие.

Эти размышления утешили Ивана Ивановича, и он крикнул, чтобы ему принесли квасу, настоящего на винных ягодах, сладкого и слегка веселящего разум заморским хмелем. Окончательно смыв квасом горечь от худой московской вести, Дашков весёлым взглядом оглядел всё вокруг и увидел, что к нему идёт Твёрдышев с каким-то монахом.

«Рублей двести я с него на прощальный поминок возьму, – мелькнуло в голове князя. – У Твёрдышева мощна тугая, на десятки тысяч».

– Будь здрав, милостивый князь! – промолвил, степенно поклонившись, купец. – Вот являю тебе сего смиренного инока Савву, которого я беру себе переписчиком.

Дашков окинул Савву скорым взглядом и погрозил купцу пальцем.

– Знаю я твои переписи, Степан Ерофеич, – молвил, улыбаясь, он. – Ведь не твои приходы-расходы будет переписывать, это ты в голове держишь. А станет сей мних строчить списки с раскольничьих грамот, коими наводнена уже Русь, из Пустозёрска.

Твёрдышев с улыбкой встретил притворно суровый взгляд воеводы, а Савва похолодел от страха: он бежал из Москвы от огня никониан, а в Синбирске, кажется, попал в полымя.

– Давно я хотел, князь, иметь список «Казанской истории», – сказал Степан Ерофеевич. – Теперь Савва мне его исполнит.

– Против этого у меня нет запрета, – сказал Дашков. – Ты ведь знаешь, Степан, я к старой вере терпим. Протопопа Никифора терпел и укрывал, пока вселенские патриархи на Синбирск не наехали и его не расстригли. Хороший был поп, но погиб, как дурак, царствие ему небесное.

Воевода истово перекрестился, отпил квасу и улыбнулся.

– Волей великого государя я освобождён от розыска над тобой, Степан Ерофеевич. На Синбирск поставлен князь Милославский. Пусть у него теперь голова болит о раскольниках и воровских казаках, которые, кажись, надумали устроить между собой стачку против великого государя. Говорю тебе, как некогда попу Никифору: уймись, Степан, со своим расколом и крепче держись за свою мощну. Охота тебе этих трутней, что себя жгут, рублями осыпать! Не купецкое это дело...

– Я дело своё всегда в уме держу, – спокойно сказал Твёрдышев. – За тобой, князь, долг есть в шестьсот рублей. Что будет стоять твоя поручная запись, когда явится Милославский?

– Долг не на мне, а на казне, – возразил Дашков, пылливо глядя в глаза Твёрдышева. – Может, ты по-другому мыслишь?

Степан Ерофеевич подошёл к крыльцу, поднялся по ступенькам и тихо произнёс:

– Сам знаешь, Иван Иванович, что Милославский от долга не

откажется, но отдавать не поспешит. Посему есть у меня для тебя слово.

– Говори, – сказал воевода и замахнулся на некстати выскочившего из избы слугу. – Умное слово никогда не повредит.

– Давай, Иван Иванович, перепишем поручную запись. Скажем, что ты взял шестьсот рублей не в казённый долг, а за рыбные ловли близ Ундоров.

Воевода часто задыхал и начал мерить крыльцо шагами, от одного конца к другому.

– Эти ловли сейчас даны Ушакову, – внезапно остановившись, промолвил он. – Как с ним?

– Через месяц у него его срок заканчивается, – сказал Твёрдышев. – Дай поручную запись, что взял деньги за ловли, начиная со следующего месяца, те же шестьсот рублей. Вот и не станет у казны долга. А тебе, Иван Иванович, от меня будет двести рублей поминка на счастливую дорогу.

– Ушаков буянить начнёт, – задумчиво сказал Дашков, затем резко махнул рукой. – Добро, уговорил! Значит, двести рублей?

– Как одна копейка! – клятвенно произнёс Твёрдышев. – Чтобы не тянуть, сейчас и сделаем поручную запись.

– Кто сделает? – спросил воевода. – Никитку Есипова не надо, он болтун и дурак. Может, твой монах грамотку спворит? Но не тут. Ступай в свою избу, а я после к тебе загляну.

Твёрдышев спустился с крыльца и, поманив за собой Савву, пошёл мимо соборной церкви, возле которой, дожидаясь начала службы, сидели на земле с десятков нищих. Невдалеке от них на скамеечке расположился площадной подьячий, поджидая челобитчика, крестьянина или посадского человека. Красноносый от непомерного питья хмельного грамотей, завидев Твёрдышева, встал и приветствовал купца низким поклоном.

– Бог в помощь, Герасим! – произнёс Степан Ерофеевич. – Много ль полушек за седни сшиб?

– На квас не добыл, – скривился подьячий. – Со вчерашнего дня во рту маковой росинки не побывало. А про остальное уж

молчу. Пожалуй, милостивец, пишущего раба твоего алтыном, я отслужу.

– Худая от тебя служба, Герасим, – сказал Твёрдышев. – Намедни писал мне грамотку и всю жиром заляпал. У меня теперь свой переписчик появился, московской выучки. И хмельное не лопают, как ты.

– Этот, что ли? – пренебрежительно спросил подьячий, указывая грязным перстом на Савву. – Да он ни бельмеса не кумекает в приказных заковырках. А я тебе пригожусь. Вышелкни алтын, Степан Ерофеевич, за мной не пропадёт.

Не хотелось Твёрдышеву развязывать кошель, но пришлось, нужным человеком был подьячий, выручал не раз купца от подвохов соперников, ибо многое ему было ведомо по его службе. Получив алтын, Герасим опрометью бросился к крепостным воротам, за которыми на посаде, стоял кабак.

– Беда с русским человеком, – вздохнул Твёрдышев. – Всем хорош, да пьёт до полусмерти.

– Всё правда, – согласился с ним Савва. – Он и до смерти работает.

Крепость была плотно застроена. Впритык к заволжской и свияжской пряслам стояли, почти вплотную друг к другу, большие избы для ратных людей. Стрельцов подле них не было видно, они работали вокруг внешней стороны крепостной городьбы: углубляли ров, крепили в нём дубовые колоды с вбитыми в них заострёнными железными прутьями. Эти ужасные для осаждающих воинские хитрости назывались чесноком.

В крепости было тринадцать кормовых изб и столько же поварен для кормления служилых людей. Вокруг них была суета, готовили еду, было шумно и дымно, из огромных бочек с помоями смрадно воняло протухшей рыбой и прокисшим тестом. Твёрдышев и Савва испуганно отстранились: из-за угла избы на них нежданно вывернули, позванивая оковами, два тюремных сидельца под доглядом дюжего стрельца, вооружённого ржавой алебардой. Узники на толстой палке несли котёл с горячим хлебовом для всей тюремной братии, которую кормили один раз в день, чаще на казённую полушку

никак не выходило. Этих, что прошли мимо него, Савва сразу определил: беглые крестьянщики, и пойманы недавно, поскольку не успели ещё от подземного житья и худой пищи озеленить лицами и зарости шелудьями.

Через трёхсаженную пыльную улицу от кормовых и поваренных изб стояли амбары, где поварня брала для приготовления пищи овсяную муку, из которой делалось толокно, солёную рыбу, говяжью и свиную солонину, горох, репу, капусту, лук и чеснок. Амбарные приказчики знали Твёрдышева и низко кланялись именитому купцу, когда он проходил мимо.

– Вот и моя изба, Савва, – сказал Степан Ерофеевич. – Сейчас ключница Потаповна ворчать начнёт на меня, что не пришёл обедать. Но ты не смущайся, она жёнка добрая.

Савва огляделся. Вдоль казанского прясла стояли осадные избы. Одна была громадной, в два этажа, и предназначалась для тех людей, которые придут в крепость от набега степняков или воровских казаков. Обочь от неё стояли с десятков изб людей знатных и достаточных, которые в мирное время в них не жили, но содержали на всякий крайний случай. Поволжский край не был до конца замирен, и беда могла явиться в любой час. Знатные люди обычно обитали на посаде или в своих поместьях. Твёрдышев ещё полностью не перебрался в Синбирск, зиму проводил в Нижнем Новгороде, где имел свой двор, а лето – в Синбирске, близ подвластных ему кабаков и рыбных ловлей в своей осадной избе, которую построил его отец, первым из купцов гостиной сотни обосновавшийся в этих привольных и прибыльных для тароватых людей местах.

Горница твёрдышевской избы стояла на каменной, углубленной в землю, подклети, где помещалось премного всякого товару и съестных припасов. Наверх, в горницу, вела широкая просторная лестница из дубовых ступеней, крыльцо было таким же просторным, как и в приказной избе, под шатровым навесом, изукрашенным затейливой деревянной резьбой, точёными перилами и столбами.

– Заходи, Савва, не чинись, – шутиливо молвил Степан Ерофеевич, заметив, что тот робеет испачкать грязным сапогом выскобленную добела ступеньку крыльца.

– И правильно делает, что не прётся с грязными сапожищами в дом, – раздался сверху сварливый голос. – Очисти о скребок большую грязь, а малую обстучи о решётку!

– Неласково ты встречаешь моего московского гостя, Потаповна, – сказал Степан Ерофеевич. – Он на Москве не в такие палаты, как моя худая избенка, хаживал. Что расходилась? Или сама кругом виновата, не поспела с обедом?

– Как же не поспела! – чуть не вскричала Потаповна. – И за поломойками догляд держала, и обед готов давно, а тебя, батюшка Степан Ерофеевич, всё нет.

Савва ожидал увидеть согбенную, чуть ли не с клюкой, старуху, а перед ним предстала дородная белолицая женщина в летнике из тонкой крашенины светло-синего цвета и в чёрном, повязанном под подбородком платке, с пытливым и недоверчивым взглядом, которым она окинула с головы до ног нежданного гостя.

– Потаповна – моя вторая мамка, – сказал Степан Ерофеевич. – В детстве меня, озорника, прутом потчевала, а теперь допекает своими заботами. Весь мой синбирский дом на ней держится.

– Как же за тобой, батюшка, не доглядывать, – строго молвила ключница. – Ты порой к себе незнамо кого ведёшь. Иной вроде купец, а ухватки у него воровские. Вот недавно серебряная чарка пропала, не я же её унесла, а кто-то из тех низовых торговых людей, что ты привечал хлебом-солью.

– Савва не купец, – рассмеялся Твёрдышев. – И будь с ним поласковой. Он теперь у нас жить будет.

– Я не кошка, чтоб к нему ластиться, – нахмурилась Потаповна. – Не погляжу, что монах, если зачнёт бедокурить.

Ключница повернулась и ушла вглубь дома, и только Твёрдышев и Савва успели расположиться за столом на скамьях, как Потаповна внесла судок, достала из хлебницы хлеб, поставила на стол миски. Вскоре, подав и другие блюда, она ушла на свою половину.

Савва в многодневных странствиях исстрадался по горячей пище и себя не сдерживал за столом. Выхлебал две миски стерляжьей ухи, но не насытился и жадно принялся к пирогам с визигой, которых умял несколько штук, запивая терпким хлебным с изюмом квасом.

За столом разговора не было, монах был занят едой, а Твёрдышев думал о чём-то своём, ведомом только ему. Когда Савва, сытно рыгнув, отвалился от стола, Степан Ерофеевич сказал:

– Меня дела ждут на пристани. Пойдём, покажу твою комнату для занятий и отдыха.

Помещение, где Твёрдышев хранил книги, было небольшим, но в нём имелось всё потребное для неприхотливого труженика-грамотея. Вплотную к стене стоял стол, рядом с ним – короткая скамья, вдоль другой стены находилась лавка, покрытая овечьей шкурой. На стене висели две полки с книгами, на железном сундуке, закрытом на круглый замок, была большая стопа писчей бумаги. В первую очередь Савва отправился к ней. Взял лист, ошупал и остался доволен.

– Настоящая аглицкая бумага, и по виду, и по хрусту.

Затем обратился к книгам, просмотрел кое-какие и вздохнул.

– Прежние переписчики, пожалуй, лучше работали.

– Это ж почему? – спросил Степан Ерофеевич.

– Раньше каждую буквицу выписывали, не торопились, а сейчас скорописью всё делают. Про печатные книги доброго и сказать нечего. А тебе, Степан Ерофеевич, что нужно переписать?

Твёрдышев думал недолго.

– Сделай для меня «Казанскую историю». Государь Иван Васильевич для Руси Волгу открыл до Каспия. Долго Казань поперёк стояла, да рухнула с Божьей помощью. Она ведь, татары бают, древней Москвы?

– Враки, что древней, – Савва достал из своей сумы книгу. – Вот здесь написано, что Казань основал болгарский царь Саин в 6680 году от сотворения мира или в 1172 году от Рождества Христова. А что до татар, то они горазды на выдумки, как малые дети. И среди них есть такие, что врут вполне по-русски.

– Занятно, – задумчиво промолвил Твёрдышев. – В таком разе делай эту книгу непременно, а то в Нижнем на ярмарке казанские торговые люди нет-нет да и спор затеют, что де Казань выше Москвы.

Степан Ерофеевич ушёл, а Савва сел на скамейку, снял сапоги, отодрал прикипевшие к ступням портянки и почувал, как вокруг него крепко завоняло псиной. Резко зазудилась спина. Он, привалившись к краю стола, почесал её и услышал за дверью шаги. Савва схватил сапог и стал толкать в него босую ногу.

В комнату вошла Потаповна, нюхнув потного духа, поморщилась и положила на лавку исподнее бельё.

– Ступай в мыльню, ты ведь, поди, завшивел, как бродяга, – строго сказала она. – Нынче очередь казаков мыться, смотри, чтоб они тебя там не замяли.

Савва покраснел от смущения, пролепетал слова благодарности и уставился взглядом в пол.

– 3 –

Свияга – река тихая, покорная. Однажды пошумит в половодье, унося на себе грязно-серые льдины, разольётся по низким травяным берегам, но скоро утихнет, войдёт в коренное русло и задремлет, всем своим видом навевая на человека тихую, посасывающую душу печаль и неясные, словно отражения облаков на воде, раздумья.

– Дядька Севастьян, – сказал Ермолай старому мукосею, – вот тебе парень, определи его на место.

– Ты на мельнице бывал? – спросил Севастьян, нисколько не удивившись появлению незнакомца.

– Не приходилось. А вот кузнечное дело понимаю.

– Тогда тебе, парень, есть дело по твоему умению. Ступай за мной.

Максим оглянулся, молодого Андреева уже рядом не было, и он пошёл за Севастьяном, который подвёл его к амбару и указал на каменный круг.

– Видишь, как насечка сделана на жернове?

Максим присмотрелся. Дело вроде нехитрое, ближе к осевому отверстию насечка была грубее, по краю – мельче.

– Надо зубило и молоток, – сказал Максим. – Сделаю.

Севастьян потрепал его по плечу:

– Не горячись, парень! Насекать жернова тоже уметь надо. Вот возьми половинку от лопнувшего жернова и поработай. Поглядим, что получится.

Почти до темноты Максим возился с камнем, пока его не позвали к столу. Кроме Севастьяна к ужину пришёл ещё один парень, подручный мукосея. Они торопились на рыбалку, скоро поели жидкой толоконницы и ушли. Максим остался один. Мельница не работала, внизу под настилом чмокала о своём вода, из открытой двери был хорошо виден мельничный плес, окрашенный в розовое и золотое лучами заходящего солнца. Над ним, визгливо вскрикивая, небольшими стаями чертили воздух стрижи, а на краю неба, соседствуя с закатным заревом, быстро росло в размерах серо-синее облако.

Максим вышел из амбарушки и приблизился к плотине. Она была уже достаточно стара: выступавшие из воды дубовые сваи, вбитые другими концами в дно Свяги, от сырости зазеленели и осклизли, мшисто зелена была и деревянная труба, по которой шёл поток воды, вращавший мельничное колесо, сейчас отведённый затворами в другое место и шумно изливавшийся по деревянному желобу за плотиной.

Максим был молод, и вид текучей воды затронул его ещё не очерстевшую душу напоминанием о скоротечности человеческой жизни, что всё проходит и вряд ли возвратится. От этих смутных догадок ему стало одиноко и зябко. Будто сквознячком, ознобила душу мысль об утрате самого дорогого и близкого, что он недавно имел – Любаши. В его сиротской доле она появилась радостным лучиком надежды, что счастье станет доступным и ему, но, просияв, он погас по прихоти дикого барина Шлыкова, которого Максим яростно жаждал встретить на каком-нибудь глухоманном перепутье и скрутить ему дряблюю, петушину шею.

«Надо идти на Тешу, – думал Максим. – Рассчитаться с барином. Затем мне останется один путь – на Дон или на Волгу. Живут ведь гулящие люди и страха не ведают. И я так буду жить. Завтра прощусь с Саввой и уйду».

Послышался скрип уключин. Максим присмотрелся: с рыбалки возвращались Севастьян и его подручный, их лодка приведением скользила по поверхности воды. Парень сидел за вёслами, старик был на корме, луна, выглянув из-за тучи, осветила его седую и насквозь пробелённую мучной пылью голову, и от этого Севастьян казался призраком, но лодка уткнулась в берег, и старик громко крикнул:

– Максимка! Ты где подевался? Встречай работников!

– Здесь я, – нехотя отозвался Максим и пошёл к лодке.

– Мы тебе, парень, докуку привезли, потрошить рыбу. Неси из амбарушки долблёное корыто.

Когда Максим вернулся на берег, рыбаки уже ушли почивать. Рыба небольшой горкой лежала на берегу, самая разная – несколько крупных окуней, щучки, серебристые лини и всякая сорожка. Крупную рыбу Максим отложил в сторону, а мелочь покидал в воду. Достал нож и принялся за работу.

Ночь вступила в свои права, небо очистилось от туч, светила луна, было безветрено и тихо, даже трепетанья камышей не слышалось вокруг. Очистив несколько рыбин, Максим вдруг почувствовал, что рядом кто-то есть. Он огляделся, ничего не усмотрел, но неприятное ощущение не проходило. Максим чуть привстал с земли, огляделся и вздрогнул: из травы на него взирали два горящих ока. «Что за чудо-юдо!» – пронеслось в голове. Он крепче сжал в руке нож и встал в полный рост. Видение исчезло, но в траве что-то зашуршало. Максим замер в тревожном ожидании и, охнув, присел на корточки, не в силах сдержать нервный смешок. Из травы к ногам парня вышел, держа трубой хвост, чёрный кот, единственный мельничный обитатель, к которому никогда не приставала мучная пыль, он, даже упав в ларь, выбирался оттуда в своём первозданном угольном цвете.

Кот, выйдя из травы, не торопясь, подошёл к рыбе, схватил зубами крупного линя и поволок в сторону. Скоро оттуда раздалось хриплое урчание, затем послышался треск рыбьих костей.

Вычищенную рыбу Максим переложил крапивой и сверху

накрыл лопухами. В амбарушке раздавались храп подручного и посапывание старого Севастьяна. Максим взял рогожный куль, бросил его на пол и разлёгся на нём, подложив под голову шапку. Комары накиннулись на новосёла, но он был к ним привычен и скоро уснул здоровым молодым сном.

Севастьян встал вместе с солнышком, сварил уху и растолкал парней.

– Вставайте, ребята, на молитву!

Максим разом поднялся, свершил несколько крестных поклонов в сторону засиженного мухами образа и побежал на берег. Холодная вода остудила опухшее от комариных укусов лицо. Он расчесал мокрыми пальцами включенные волосы, стряхнул с одежды соломенный сор и невольно засмотрелся на плес. Над водой, подгоняемые ветерком, плыли клочья белого тумана, возле берега, куда он кинул вчера рыбную мелочь, опустилась чайка и стала жадно хватать рыбу широко раскрытым клювом. За первой чайкой невесть откуда появились другие, и начались визгливый ор и махание крыльями прямо перед лицом у Максима. Максим кинул в них палкой, но они не испугались, а раскричались ещё громче и визгливей.

После еды Севастьян посмотрел каменотёсную работу Максима и указал на целый каменный круг.

– Трудись, парень! А я скажу Ивану Ермолаичу, что на мельничную работу ты гожд. Хозяин наш не скуп и добрых трудников не обносит своей милостью.

– Спасибо на добром слове, дядька Севастьян, – поблагодарил Максим старика. – Однако долго близ тебя я не задержусь.

– Что так? – удивился Севастьян. – Мельница тебя всю жизнь кормить будет, и жену, и детей. Нашей работой не бросаются, её у Бога просят.

– Я жду слова от Твёрдышева, – объяснил Максим.

– Вот как! – удивился Севастьян. – Да ты не так прост, раз с Твёрдышевым знаешься.

До обеда Максим трудился над жерновом, затем лёг под деревом и задремал. Разбудил его громкий крик.

– Максим! Где ты спрятался? – шумел Ермолай.

– Тут я. Что надо?

– Поспешай! Тебя Степан Ерофеич кличет!

Твёрдышев с Андреевым стояли возле двора мельника. Рядом с ними переминались с ноги на ногу двое парней, а к коновязи было привязаны несколько коней, среди них и Соловый.

– Беда, Степан Ерофеич, что у меня все люди в разгоне! – сказал Андреев. – Вот только этих двое, да мой Ермолайка и пришлый Максим.

– Управлюсь и этими, – промолвил Твёрдышев. – На струге есть люди. Им только лодка нужна.

Степан Ерофеевич был встревожен. Только что прибежал его человек, отправленный им ранней весной в Астрахань, и поведал, что струг с рыбой и другими товарами в десяти верстах от Синбирска посажен на мель, и бурлацкая ватага не в силах его стронуть с места.

Завидев Ермолая, за которым, уцепившись рукой за седло, бежал Максим, мельник крикнул своим парням, чтоб те сажались на коней, и отвязал от коновязи Солового.

– Поспешай за Степаном Ерофеичем, – сказал он Максиму. – Делай всё, что он велит.

Твёрдышев с парнями скоро домчались до пристани, где их поджидал Савва возле большой, на четыре весла, лодки.

– Ты, Савва, зачем здесь? – недовольно спросил Степан Ерофеевич. – Я тебя не гребцом взял, а переписчиком.

– Потаповна сюда прогнала. Говорит, у хозяина беда, а ты в стороне.

– Покоя мне с ней нет, – вздохнул Твёрдышев. – Так и норовит всем распоряжаться. Ты, Савва, возьми коней и отведи их на гору.

Монах с опаской посмотрел на лошадей, управляться с ними он не умел.

– Как же я их поведу? Их вон сколько!

– Тогда жди нас на пристани, – решил Степан Ерофеевич. – И гляди, чтобы у тебя их не увели.

Его люди были уже в лодке. Твёрдышев сел на корму, Ермолай веслом оттолкнулся от пристани, и весла в руках

дюжих парней запенили воду. Люди, бывшие на пристани, глядели вслед лодки и гадали, куда это именитый купец Степан Ерофеевич отправился по Волге в большой спешке и сильной тревоге.

– 4 –

Поначалу Максим никак не мог совладать с веслом, грёб не в лад, захватывал воду то глубоко, то мелко, и получил от парней, что сидели за ним, несколько крепких тумачков по спине. Это помогло, и скоро он стал наравне с другими махать-помахивать весельцем и поглядывать по сторонам. А смотреть было на что, когда лодка вышла в коренное русло, а над ней захлопал дерюжный парус и можно было бросить весло, вокруг распростёрлась такая ширь, что от этого затрепетала душа, будто почувствовала, что именно здесь, между волжских берегов, на островах, заводях, плесах и находится её прародина, которую она наконец-то узрела и ощутила.

Но, кажется, попутчики Максима не испытывали подобного ликования, андреевские работники о чём-то перешептывались и похохатывали, Ермолай смотрел за парусом, а Степан Ерофеевич был мрачен, ведь могла сорваться его торговая затея – опередить соперников и первым явить на нижегородском торге низовые товары – рыбу свежего посола и икру, камку, бархат, сафьян и другие персианские редкости. Именно на то он и рассчитывал, посылая струг на Низ прошлой осенью перед ледоставом. По всему выходило, что эта торговая путина будет неудачной, как началась, так и кончится. Сегодня струг зарылся днищем в песок, а впереди целое лето, и что оно принесёт, никто не ведаёт.

«Посмотреть – широка Волга, но воды в ней нет, – размышлял Степан Ерофеевич. – Снегу зимой почти не видели, мужики без саней обошлись. Весной солнышко враз выпило всю воду, какая была. Вот и осела Волга...»

Усугубил беду ещё и струговой приказчик, который, посадив струг на мель, решил не извещать хозяина, хотя до Синбирска

рукой подать, но понадеялся сдвинуть судно своими силами, чего сделать было невозможно без разгрузки части товаров. А струг мог привлечь к себе взоры лихих людей, которых в здешних краях великое множество. Степан Ерофеевич вдруг вспомнил об этом и понял, что в спешке допустил оплошность – не взял оружие сам и не вооружил парней, второпях как-то из памяти вышибло, что в последний год, с появлением Стеньки Разина, все воры на Волге стали невиданно дерзки и не боялись заниматься разбоями почти на виду у воевод, не ставя ни в грош их воинскую силу. Пока близ Синбирска воры были тихи и предпочитали уходить к Жигулям, и Твёрдышев надеялся, что беды не будет, но тревожился, вглядываясь в даль волжского простора.

Волга была пуста, в начале мая все струги ушли на Низ, и лишь твёрдышевский возвращался одним из первых. Позднее Степан Ерофеевич понял, как ему повезло: его струг прошёл мимо Царицына до появления на Волге казаков Разина, прибывших в большом числе с Дона и перекрывших путь на Астрахань государевым и торговым людям.

– Как же вас угораздило застрять посреди Волги? – спрашивал Степан Ерофеевич мужика, который известил его о беде. Тот поднял голову и повторил скороговоркой то, что Твёрдышев уже слышал. Приказчик, чтобы не обходить громадный плес, приказал поставить парус и пересечь его напрямик, и тем выгадать время. Но получилось другое, на пути оказался донный нанос песка, и струг в нём безнадёжно увяз.

– Скоро прибежим, – сказал мужик и полез к носу лодки. – Будь в надежде, Степан Ерофеевич, твой струг цел, и бурлаки на месте, за путину им ещё не плачено. Вот за тем поворотом и будет то место...

И, действительно, река сделала изгиб, и лодка вышла на обширный плес, где в сажнях двухстах от берега стоял струг. Людей на нём не было видно, но вскоре появился человек с пищалью в руке, в котором Степан Ерофеевич сразу признал приказчика Гонохова. Бурлаки сидели на берегу, возле затухающего кострища, дымок от которого был явственно виден.

– С прибытием, приказчик, – сдерживая злость, произнёс Степан Ерофеевич, ступив на палубу струга и хозяйским взором окидывая всё вокруг.

Сняв шапку, Гонохов застыл в земном поклоне, показывая, что он готов безропотно принять от хозяина любую кару.

– Подымись, Фома, – произнес Твёрдышев. – Дай глянуть на твою рожу.

Приказчик встал и опасливо посмотрел на хозяина. Твёрдышев поднес кулак к его облупленному багровому носу.

– Винище лопал?

– Ни в жизнь, господине! – затряс кудлатой головой Гонохов.

– Ты ведаешь, что я на воде хмельного не пью. Промашка вышла, хотел скорее дойти, не угадал.

– Сколько на струге людей?

– Я да мой парень, Сергунька.

– Облегчить надо струг, – сказал, успокаиваясь, Твёрдышев.

– Грузи на лодку всё, что в надежных укладках, бочках, кулях, и вези на берег.

Гонохов немедленно стал распоряжаться. Прибывшие с Твёрдышевым люди прочно привязали лодку к стругу и стали грузить в неё товары, наложили так, что лодка низко осела, и в неё едва смогли поместиться приказчик и гребцы, которые осторожно повели её к берегу, стараясь не зачерпнуть воду бортами. На струге остались Твёрдышев, Максим и приказчиков сын, молодой парень Сергунька.

– Скинь с себя порты и рубаху да полезай в воду, – велел ему Степан Ерофеевич. – Глянь, как сидит струг.

Сергунька скоро разделся и нагишом прыгнул за борт.

– Где дно? – спросил Степан Ерофеевич.

– Ногами хватаю, а встать не могу, – ответил парень.

– Нырни и погляди, как сидит струг, – сказал Твёрдышев.

Сергунька бултыхнулся и, мелькнув белыми ягодицами, ушёл под воду. Через некоторое время он вынырнул с другой стороны струга.

– Помоги ему подняться, – велел Степан Ерофеевич Максиму.

Тот схватил Сергуньку за руку и одним рывком вознёс парня в струг.

– Ну что? – спросил Твёрдышев.

– Нос увяз, – ответил Сергунька. – А корма свободная, я под ней пролез.

– Давайте, ребята, таскать кули с носа на корму, – сказал Степан Ерофеевич. – Лодка уже на берегу, скоро вернётся.

Но работать им не пришлось, на берегу люди враз загалдели и стали размахивать руками. Некоторые из них забегали в воду, что-то кричали, но слова до струга доходили плохо и понять, почему все забеспокоились, было невозможно.

– Что они там заволновались? – спросил Степан Ерофеевич, и тут Сергунька схватил его за рукав.

– Гляди, хозяин! – вскричал он и указал на плёс. – Чья-то лодка к нам идёт и шибко!

Твёрдышев обернулся и мигом понял, что попал в большую беду. К стругу стремительно приближалась большая лодка, полная воровских людей. Некоторые из них, что были впереди, держали пищали и явно готовились стрелять, другие гребли из всех сил. Вёсла, как крылья, мелькали в их могучих руках, и со струга воровская лодка казалась хищной птицей, падавшей на застигнутую врасплох добычу. Кормщик покачивался соразмерно с движениями вёсел и каждый раз вскрикивал:

– Навались, ребята! Навались!

Появление воров сначала показалось Максиму какой-то забавой, но Твёрдышев вдруг страшно закричал на Сергуньку:

– Неси оружие и припасы!

Сергунька метнулся под дощатый навес на корме и принёс отцовскую пищаль, суму с пулями и пороховницу.

Твёрдышев схватил пищаль, подержал и бросил на палубу.

– Где гранаты?

– Там же, – ответил Сергунька, но не двинулся с места.

Твёрдышев оттолкнул его в сторону, в несколько прыжков достиг кормы, расшвырял кули, достал деревянный ящик, но тот был закрыт на замок.

– Дай топор! – крикнул Твёрдышев, пытаясь руками открыть замок.

Максим подхватил валявшийся на палубе топор, подбежал к ящику и взломал запор. Твёрдышев в это время уже раздувал подождённую искрами из пищального кресала обсыпанную порохом паклю.

Гранаты на струге были трёхфунтовые, чугунные шары, начинённые порохом, с запальными трубками.

Воровская лодка была уже в пятнадцати саженях от струга. Из неё раздался недружный залп. Сергунька вскрикнул и упал на палубу.

– Поджигай! – велел Твёрдышев и подставил под огонь запальную трубку, которая тотчас зашипела и забрызгала искрами.

– Мечи, Максим! – сказал он, протянул парню гранату, взял другую и начал её поджигать.

Максим с гранатой, пригибаясь, побежал к другому борту струга. В это время из лодки опять грянул пищальный залп. Воры стали готовиться к приступу, часть из них гребли, что было сил, остальные вынимали сабли и кистени, и яростно ими размахивали с самыми ужасными воплями. Максим понял, что больше из пищалей стрелять не станут, поэтому встал во весь рост, поняв на ладони гранату, примерился и метнул её в лодку, сопровождая полёт взглядом. Увидев, что в них летит какой-то чёрный шар, воры поняли, что им грозит, и заорали ещё пуще. Граната взорвалась, разлётова чугунные осколки прямо над головами воров. Взметнулся чёрный клуб дыма, часть нападавших была сразу убита, другие остались живы, но ненадолго: граната, брошенная рукой Твёрдышева, разорвалась прямо в лодке, её осколки убили остальных воров и сделали в бортах и днище большие пробоины, в которые тотчас кинулась вода.

– Глянь, как Сергунька! – крикнул Степан Ерофеевич, затаптывая сапогами огонь на палубе.

Этот возглас вывел Максима из оцепенения, в которое тот впал после того, как увидел, что случилось с людьми в лодке. Он поспешил к парню, перевернул его на спину и оледенел от ужаса: пуля попала Сергуньке в переносицу, оба глаза были выплеснуты из глазниц и висели на окровавленных нитях. Подошёл Степан Ерофеевич, скривился, посмотрев на убитого, и накрыл его пустым рогожным кулём.

Лодка злодеев почти целиком погрузилась в воду, вокруг неё покачивались трупы, несколько уцелевших воров плыли,

взмахивая руками, к дальнему берегу, а Твёрдышев стал громкими криками призывать своих людей на струг. Пустой берег ожил, попрятавшиеся бурлаки и работники стали вылезать из кустов. Приказчик Гонохов сталкивал лодку в воду, чтобы скорее плыть к хозяину, он ещё не ведал, что ждёт его на струге.

– Я тобой премного доволен, – сказал Степан Ерофеевич. – Будь сегодня подле меня. Думаю поручить тебе важное дело, Максимка.

Лодка уже подошла к стругу. Приказчик Гонохов первым взошёл на его борт и сразу понял, что случилась беда. Побледнев, он опустился на колени, снял с убитого рогожный кулёк и забился в беззвучных рыданиях. Степан Ерофеевич подошёл к нему, обнял за плечи и поднял.

– Крепись, Фома!

– Ему же всего пятнадцать лет минуло на Благовещенье! – обливаясь слезами, всхлипнул Гонохов. – Первый раз взял с собой в Астрахань.

– Ермолайка! Максим! Унесите тело на корму! – велел Твёрдышев. – И ты с ними, Фома, ступай! До темна струг надо вызволить.

Лодку нагроулили товарами, и едва она отчалила от струга, как тот заколебался и снялся с песчаной мели. Люди заметно повеселели и стали работать слаженнее и скорее. Твёрдышев и Максим взялись за большие вёсла и отвели струг на глубину. Затем разгрузили лодку и привезли с берега отправленные туда ранее товары. Бурлаки были на месте и, пройдя на вёслах плес, струг взяли на бечеву и потащили к Синбирску.

В протоку, отделявшую остров Чувич от синбирского берега, струг вошёл уже в сумерках. Твёрдышев смотрел на пристань и дивился: она была плотно заставлена стругами, а на берегу пылали костры, вокруг которых находилось множество ратных людей. «Видно, что-то случилось, – подумал Степан Ерофеевич. – Стрельцы пришли в Синбирск даром, они пойдут далее, на Стеньку».

Твёрдышев разглядывал берег, примериваясь, где бы ему ловчее пристать, когда услышал, что его кличут. Кричал

приказчик кабака, который был у Степана Ерофеевича в откупе. Приказчику вторил залиvistый тенорок Саввы.

– Ступай сюда, Степан Ерофеевич! – кричал приказчик. – Тут глубоко и помост для схода есть!

– Со счастливым прибытием! – поклонился своему хозяину Савва.

– Кони целы? – спросил Твёрдышев.

– Слава богу, целы. А то как явились стрельцы, я страху за них натерпелся, всё, думаю, уведут, а мне за них ответ держать.

– Что за стрельцы? – спросил Степан Ерофеевич.

– Из Москвы, – ответил кабацкий приказчик. – Слышно, на Низ идут, на Стеньку Разина.

Разгружать струг было уже поздно, и Твёрдышев позаботился о его охране, оставил сторожами Максима, Ермолайку и двух андреевских парней.

– Зрите в оба, ребята! Стрельцы, хоть и государевы люди, но лиха от них можно в любой час ждать. Если полезут, стреляйте поверх голов и шумите шибче, чтобы их начальникам невмоготу было молчать и прятаться от баловства своих подначальных людей.

Взяв своего коня, Степан Ерофеевич пошёл на свет большого костра. За ним следом поплёлся и Савва.

Твёрдышев не ошибся. Возле костра он нашёл начальных людей, прибывших и местных стрельцов, князя Дашкова и стрелецкого полковника Лопатина.

– Где ты запропал, Степан Ерофеевич? – спросил воевода. – Вот, полковник, это и есть гость Твёрдышев.

Лопатин сдержанно поклонился. Это был статный светлородый красавец богатырского сложения. Твёрдышеву всегда были по нраву люди породистого склада, и этим полковник пришёлся сразу ему по душе.

– А я, Иван Иванович, чуть не сгинул!

– Что так? – поднял брови князь.

– Пошёл струг с мели снимать, а тут воры и набежали. Если б не гранаты, то не стоял бы сейчас перед тобой.

Степан Ерофеевич благоразумно умолчал, откуда у него оказались гранаты. Военские припасы было запрещено иметь

неслужилым людям. Гранатный приказ отпускал их только в солдатские полки и пограничные крепости. Твёрдышев выпросил у Дашкова несколько гранат для обороны своего струга от воров, и сейчас чуть не проговорился. Дашков остался этим недоволен.

– Присмотри, Степан Ерофеевич, чтобы вино из кабака стрельцам не давали. Им завтра дале идти!

– Полковнику сподручней это сделать, – сказал Твёрдышев. – Пусть поставит вокруг кабака караул.

– Тогда прошу отведать хлеба-соли, – любезно произнёс князь Дашков и махнул рукой денщику, чтобы тот подвёл ему коня. – Правда, Синбирская горка крута, но осилим.

В воеводской избе к пированию всё было готово. На столе стояло и рыбное, и мясное, и сладкое, и кислое. Начали, по обычаю с хмельного. Князь поднял чару с вином и, стоя, возгласил тост за здравие великого государя Алексея Михайловича, с полным царским титулом. Лопатин и Твёрдышев, тоже стоя, с благоговением выслушали его, и все приветственно сдвинули чары. Полковник явил себя завидным едоком, не отставал от него и проголодавшийся Твёрдышев. Дашков мигнул ключнику, и перед гостями, после ухи, тут же появилась стерлядь, пироги всяких видов. Не пустовали и чары.

Хозяин ждал, что гость, захмелев, поведаёт о московских делах, но Лопатин оказался на редкость молчалив и, опустошая чару за чарой, только побрякивал, краснел и наконец вымолвил:

– Добрый у тебя повар, воевода, давно я так вкусно и сытно не едал. Благодарствую за угощение, однако мне пора к своим людям.

– А поговорить? – удивился воевода. – Мы здесь, в Синбирске сидючи, дел московских не ведаем. Ты уж просвети нас, батюшка, как дела на Москве, что о воре Стеньке Разине слышно, не его ли ты направился воевать?

– Не мне, сироте, ведать о больших московских делах, – взвешивая каждое слово, осторожно сказал Лопатин. – Но все лучшие люди в большом смущении: на Дону великая замятня началась. Великий государь послал туда своего жильца Герасима Евдокимова с милостивым словом, так его Стенька

кинул в Дон и со своими голутвенными казаками идёт к Царицыну.

– Вот и добаловались с этим Стенькой! – ударив ладонью по столу, воскликнул князь Дашков. – Вор уже второй год терзает волжский Низ, перекрыл дорогу персианским купцам и нашим торговым людям, а на Москве будто о сем не ведают. Посылают душегубу милостивые грамоты, зовут к покаению...

– Великий государь боголюбив и великодушен, – сказал Лопатин. – Его смущает пролитие христианской крови.

– А сам Стенька сколько православных зарезал и утопил? – спросил воевода. – Недавно был у меня гость Гурьев. Ему Стенькины кровавые потехи известны не понаслышке. В его Яицком городке воры устроили резню, зимовали там, всё лето и осень занимались грабежами и убийством на Каспии, а воевода Прозоровский, имея шесть тысяч стрельцов, пропустил его на Дон без единого выстрела, хотя войска у Стеньки едва ли с две тысячи было. Тут бы его и схватить, так нет, князь Львов с ним в догонялки вздумал играть. А нынче возьми-ка Стеньку, когда он зализал раны, оголодал и олютел, и теперь с казачьей голытьбой обрушится на Волгу. Совладать ли тебе, с твоей тысячью стрельцов, полковник, с этой силой?

Слова Дашкова заметно смутили Лопатина. Ему навязали вести стрельцов против бунтовщиков недоброжелатели и завистники, не простившие полковнику его быстрого возвышения из сотников в стрелецкие головы. Умный командир и отчаянный рубака, получивший за польскую войну из рук великого государя трёхрублевый золотой для ношения на шапке, Лопатин с трудом представлял себе, как он будет воевать против православных людей. Его весьма тяготило и тревожило то, что московские стрельцы шли в Астрахань с большой неохотой, а как они поведут себя при стычке с воровскими казаками, угадать было нельзя, хотя прямой измены быть не должно: донские издавна враждовали с московскими.

– Под моим началом два приказа, – осторожно произнёс Лопатин. – Велено их отвести в Астрахань, о другом мне не ведомо.

– Нелёгкую на тебя взвалили ношу, – сказал Дашков. – Гляжу я на наше безурядье и вижу, что долго конца ему не будет. Я так мыслю, что Разин в скором времени опрокинется на верховые города – Саратов, Самару, Синбирск, Нижний, а от них и до самой Москвы недалеко.

Твёрдышев не вмешивался в разговор начальных людей, но мимо ушей не пропустил ни слова. У него был особый интерес знать всё о смуте, которую заварил Стенька Разин. И когда Лопатин начал прощаться с хозяином, он тоже встал из-за стола, вышел вслед за стрелецким полковником и проводил его до крепостных ворот.

– У меня к тебе просьбишка, Иван Васильевич, – сказал Твёрдышев. – Воевода прав, Разин вот-вот запрёт Волгу, а у меня безотлагательное дело в Астрахани. Возьми моего человека с собой. Расходы я готов оплатить хоть сейчас.

– Что за человек, ты за него ручаешься?

– Смирный парень, дурных мыслей у него нет.

– На рассвете приведи его на мой струг, – решил Лопатин. – Гляну на него сам.

– 5 –

Едва только заголосили первые петухи, которые обретались возле поварен, дожидаясь своего часа попасть в воеводские щи, как Степан Ерофеевич встал с лавки, совершил утреннюю молитву и спустился в подвал, где у него хранилась казна и самые важные бумаги. Нащупав ногами каменный пол, Твёрдышев высек огонь, зажёл свечку и достал из прочного дубового сундука кожаный чехольчик, откуда вынул грамоту. Страхнув с неё упавшего с потолка долгоногого паука, Твёрдышев развернул грамотку и поднёс к свету. Прочитал, затем вздохнул и покачал головой, засунул её обратно в чехольчик и поднялся в горницу.

– Экий ты непоседа, Степан Ерофеевич! – встретила его ворчанием Потаповна. – Сумерки на дворе, а ты уже на ногах. И

гостенёк твой ночь просидел со светом, жёг свечи, почём зря, это ж какой разор от такого постояльца!

– Не жужжи, старая, – улыбнулся Твёрдышев. – Савва делом занят.

– У всех дела, только я без дела маюсь, – продолжала ворчать ключница. – А ты куда ни свет, ни заря, наладился?

– Коли кто искать будет, скажи, что я в подгорье, на пристани, – ответил Степан Ерофеевич и вышел на крыльцо.

Вокруг было сумеречно и туманно, с шатрового навеса на лицо Твёрдышева упали несколько холодных капель росы. От поварен тянуло горьким смрадом, повара затопили печи, и дым от них, перемешиваясь с сырым от росы воздухом, заволок всю крепость. Мимо крыльца, покашливая, прошёл соборный протопоп, за ним семенил звонарь, ему нужно было звонить к утрине, с которой по всей православной Руси начинался всякий день.

Степан Ерофеевич миновал крепостные ворота и почувствовал, как с Волги потянуло ветерком. За рекой зардела полоса восхода, на посадке было заметно шевеление, обыватели выгоняли со своих подворий скотину для пастьбы, были слышны мычание коров, бляенье овец и пощелкивание пастушьего бича.

Оставив в стороне острог, Твёрдышев, быстро перебирая ногами по крутой тропе, которую протоптали в стороне от дороги, сбежал до половины горы и здесь остановился, глядя на пристань. Рядом с ней пылали не менее двух десятков костров, на которых артельные кашевары готовили для стрельцов пищу, а сами ратные люди с обнажёнными головами стояли на утренней молитве, оборотясь лицами к Заволжью, навстречу встающему из земли золотисто-рдяному солнцу.

Степан Ерофеевич сбежал к подножию горы и, обойдя войско, подошёл к кабаку. Около него стояло несколько стрельцов, со струга увидели хозяина, и Максим поспешил ему навстречу.

– Хочешь мне услужить? – спросил Степан Ерофеевич, уведя парня подальше от чужих ушей.

– Всегда рад, господине, – прямо глядя в глаза хозяина,

ответил Максим. – Мне, сироте хилому, окромя тебя и податься некуда.

– Добро, – сказал Твёрдышев. – Раз так, есть для тебя у меня одно дело. Не утаю, опасное, но ты вечор показал, что духом твёрд.

– Что за дело?

– Нужно отвезти на Низ и передать одному сильному человеку грамоту, но так, чтобы об этом никто не ведал.

– Что за человек?

– Степан Тимофеевич Разин, – наклоняясь к уху парня, тихо произнёс Твёрдышев.

Услышав имя грозного атамана, Максим нахмурился. Идти в гости к вору, о котором разносились такие страшные известия, было так же опасно, как с голыми руками на медведя.

– Дойду ли я до него? Дело тайное, первому встречному о нём не скажешь, а к Разину меня не допустят его есаулы.

Степан Ерофеевич полез за пазуху и достал две пуговицы, синюю и красную, связанные зелёной ниткой.

– Это Стенькин знак. Покажешь его первому встречному есаулу, и он доставит тебя к атаману. Смотри, не потеряй его, а то головы лишиться можешь. Три года назад я помог Разину добраться на своём струге от Рыбной Слободы до Царицына, вот он и отдал мне этот знак. Ты грамоту знаешь?

– Нет, – ответил Максим.

– Тогда слушай и запоминай. Грамотку не тревожь, может, на ней тайный знак имеется. Если Разин поймёт, что её читали, то тебе смерть. Бude опасность, что её у тебя отберут, изловчись и брось в воду, она с грузилом и сразу пойдёт на дно.

– Ладно, отдам грамоту Разину, а что дальше?

– Иди обратно в Синбирск. Сделаешь дело, получишь награду. Что хмуришься, или что не так?

– Не один я с Теши убежал, а с невестой, – тихо молвил Максим. – Не знаю, что с ней, мужики, что за мной гнались, промеж собой говорили, что она в воду кинулась. Но сердцем чую, что жива.

– Вон что, – покачал головой Твёрдышев. – Добро, помогу твоему горю. Пока ты будешь в отлучке, постараюсь всё о ней проведать. Автоном Евсеев про твою невесту знает?

Максим кивнул, он уже жалел, что согласился идти к Разину, собирался на Тешу, а придётся уходить совсем в другую сторону.

– Не тужи, – сказал Степан Ерофеевич, доставая из кармана небольшой кошель. – Вот тебе два рубля полушками. Сейчас лучше о себе думай, чтобы целым вернуться. А про твою невесту я проведаю. Даст Бог, и на твоей свадьбе спляшу!

Твёрдышев осмотрел парня и остался доволен.

– Одежка на тебе ещё крепкая, как раз по тебе. Перед воровскими людьми выделяться негоже, сразу обдерут, как липку, им это просто. Вот, держи грамотку.

Максим взял её и, не разглядывая, сунул за голенище сапога.

– Ступай за мной, – сказал Степан Ерофеевич. – Я тебя стрелецкому полковнику покажу.

Ратные люди начали заходить на струги. Чуть в стороне от них стоял Лопатин в окружении стрелецких полуголов и сотников. Он отдавал последние распоряжения людям, начальствующим над стругами, в каком порядке двигаться, указывал строго смотреть за стрельцами и пресекать всякое баловство. Полковник, увидев Твёрдышева, движением руки разрешил ему приблизиться.

– Ступайте по своим местам, – сказал он своим людям. – И, не торопясь, выходите на коренную Волгу.

– Это и есть твой гонец, Степан Ерофеевич? – Лопатин пристально оглядел Максима. – На купеческого приказчика не похож. Так кто он?

– Твоя правда, Иван Васильевич, – улыбнулся Твёрдышев. – Он не приказчик, но им будет. Парень духом твёрд, вчера себя показал против воровского набега. А кто он, так про то в сей грамотке прописано.

Степан Ерофеевич протянул полковнику кошелек, в котором что-то побрякивало и позвонкивало.

– Слышу доброе мнение о твоём парне, – произнёс Лопатин, забирая купеческий посул. – Пусть заходит на крайний струг, со мной пойдёт, под моим доглядом.

– Челом тебе, Иван Васильевич, уважил! – с чувством

произнёс Твёрдышев. – Поспешай, Максим, хватай свою суму и беги на струг. Помни, что я тебе наказывал!

Провожать стрелецкое войско прибыл и воевода Дашков. Он был в некоторой обиде на Лопатина за его сдержанность на вчерашнем пируваньё, потому с коня не сошёл и придиричиво оглядывал всё вокруг.

– Ничем не обидели тебя стрельцы? – обратился он к Твёрдышеву. – Всё ли цело, не растащено, не поломано?

– Всё в сохранности, – ответил Твёрдышев. – Кабак стрельцы сами сторожили, товары на струге целы.

– И то добро, что целы, – язвительно произнёс Дашков. – Иной раз свои ратные люди погостят, а урону от них больше, чем от ногайского набега.

– Мои люди выучены блюсти порядок, – сказал Лопатин. – Вот погоди, придёт в Синбирск солдатский полк, тогда и помянешь мои слова.

– Мне о сем не ведомо, – произнёс, удивлённо воззрившись на полковника, воевода. – А что, он далее на Стеньку не пойдёт? Ужели здесь вора ждать будет? А как же Самара, Саратов? Их что, Стеньке пожалуют на питье да кормление? Мало ему того, что под ним весь волжский Низ?

– Ближайшие государю люди на сей счёт розмысли учиняют, мне ли о том ведать? – ответил Лопатин. – Что до солдатского полка, так он скоро будет здесь. Я обошёл его в Казани.

– Может, ты и князя Ивана Милославского на пути встречал? – спросил Дашков. – Я, признаться, его жду на своё место. Пусть бы приезжал, пока солдаты во хмелю не раскатали Синбирск по брёвнышкам. Пусть уж новый воевода с ними справляется.

– Князя Милославского не видел, – ответил полковник. – Прощай, воевода! Меня на струге ждут. Благодарствую за хлеб-соль. До встречи, Степан Ерофеевич! Даст Бог, свидимся.

Полковник, приложив ладонь к груди, поклонился и поспешил к своим людям. Едва он ступил на струг, как тот отошёл от пристани. Стрельцы сильными гребками вёсел вывели струг на середину протоки, и он неспешно пошёл за другими судами в коренную Волгу.

Степан Ерофеевич имел счастливую способность скоро переходить от одного дела к другому, и, махнув рукой выглядывавшему его Максиму, он поспешил к своему стругу. Кабацкий приказчик ждал его с людьми, которых подрядил на работу, найдя их тут же у кабака среди гуляк, которые ждали открытия кружала после ухода стрельцов и были готовы за чарку вина исполнить всякое дело. Твёрдышев пригляделся к гулящим людишкам, взял из них дюжину потрезвее и направил на струг, где они под присмотром нового приказчика, поскольку Фома Гонохов был занят похоронами убитого ворами сына, стали перекладывать бочки и кули с товарами, сваленными после снятия струга с мели кое-как, не в должном порядке. Дело было важным, и Степан Ерофеевич не уходил с пристани до тех пор, пока его струг не ушёл в Нижний Новгород.

Провожая своих людей, он с тревогой отметил, что Волга день ото дня становилась всё пустее. С Верха в Синбирск не явилось ни одного судна, а с Низа пришла большая лодка с солью из Надеинога Усолья. И причина этому была только одна: Стенька Разин перенял Волгу у Царицына, и слух об этом уже разлетелся по всему Поволжью.

– 6 –

Сиротская жизнь приучила Максима к самым неожиданным поворотам судьбы, и он легко к этому относился, надеясь, что когда-нибудь и ему улыбнётся удача. Потому в своей посылке на Низ увидел случай, который поможет ему надёжно устроить жизнь подле такого сильного гостя как Твёрдышев. Степан Ерофеевич мог сделать его вольным человеком, а это было самой сокровенной и жгучей мечтой беглого холопа.

По былой жизни в Туле он знал стрельцов, их повадки по отношению к людям низкого звания. Там стрельцы чувствовали себя вольно до такой степени, что находили в себе силы иногда перечить воеводе, а среди простых людей чванились и встречали в тычки всякого простолюдина, кто посмел ненароком задеть их в уличной толчее или просто не пришёлся

по нраву словом или обличем. Памятуя об этом, Максим приблизился к стругу с осторожностью и спросил сотника. Тот сам услышал, что его кличут, и нехотя подошёл к борту.

– Что ищешь, парень?

– Полковник Лопатин велел дать мне место на струге, – сказал Максим, с опаской поглядывая на начальника.

– Заходи, коли так, – сказал сотник. – Корней! – крикнул он. – Возьми парня к своему котлу и место дай!

– Вели кашевару и на его долю толокно сыпать, – откликнулся десятник. – Пускай приходит, найдём, где спать.

– Ты табаком балуешь? – спросил сотник. – Гляди, если что, спиной ответишь.

– Не научен.

– Добро, – похвалил сотник. – Ступай к десятнику. Ступай! Освободи путь полковнику!

Подхватив свою суму, Максим поспешил к указанному ему месту. Тем временем полковник Лопатин прибыл на струг, стрельцы взяли за вёсла, а те, кто был свободен, стали устраиваться на своих местах: одни в приземистом дощатом строении, занимавшем почти весь струг, другие на его плоской крыше, огороженной со всех сторон невысоким забором. Всего на струге было до полутора сотен стрельцов с оружием и с десятков начальных людей во главе с Лопатыным.

Корней принял Максима равнодушно, указал ему место, где положить суму, и вернулся к прерванному его появлением делу – починке сапога, у которого от ветхости ниток развалилось голенище. Стрельцы поглядывали на парня с любопытством, дорога им наскучила, и они искали развлечения. Максим сразу понял их намерения и решил не давать им потачки, отвечать тем же, с чем к нему будут приставать. Поначалу они переглядывались, перемигивались, затем самый бойкий из стрельцов стал расспрашивать Максима, кто он, куда идёт и что ищет. Стрелец вопрошал довольно настырно и в ответ получал порой такие острые ответы, что стрельцы веселились и похохатывали, но от Максима не отставали. Вперед выступил мордатый стрелец весьма наглого вида.

– Я вижу, ты парень бойкий, – сказал он, ощупывая новичка мутным взглядом. – Давай махнёмся шапками.

– Это с чего бы? – удивился Максим.
– А так, ради дружбы. У нас такой обычай. – Шапка на стрельце была рваной.
– Тебе не со мной надо меняться, а с кашеваром.
– Почему так? – недоуменно спросил стрелец.
Вокруг все притихли, ожидая, что скажет Максим. Десятник Корней отложил сапог и тоже прислушался.
– Так на твою башку только котёл и налезет!
Эти слова вызвали взрыв хохота.
Стрелец начал багроветь и приближаться к обидчику.
Максим насторожился и приготовился вскочить на ноги.
– Фролка! – крикнул десятник. – А ну отступись от парня! А ты, острослов, прикуси язык, пока стрельцы тебе дурна не сделали!
Стрельцы от Максима отстали, только Фролка продолжал бросать на него свирепые взгляды, но и то недолго. Всем надоело стоять на ногах, и каждый начал устраивать себе лежбище. Когда нет службы, всякий ратный человек норовит поспать подольше и послаще. Максим тоже устроился, подложив под голову суму, на тёплых досках. Стрельцы в нижнем помещении тоже спали, отсюда через щели перекрытия сочился терпкий стрелецкий дух и слышались вздохи и храпы уснувших людей.
Скрип вёсел прекратился. Кормчий велел поставить парус, и струг, увлекаемый ветром и течением, заметно быстрее заскользил по реке. Вокруг воцарились тишина и покой, которые нарушали лишь слабое плескание воды и отдалённые крики чаек.
Корней дошил сапог, натянул его на ногу и лёг недалеко от Максима.
– Эхма! – вздохнул десятник. – Думал, дослужу царю-батюшке последний год без войны. Да не пришлось, окаянный Стенька поднялся на дыбы, вот и кинули нас супротив вора, а что будет, не ведаю. А ты зачем в разбойное полымя идёшь, что там ищешь?
– Хозяин послал, – ответил Максим.

– Хозяин, – задумчиво произнёс Корней. – Жизни нет без хозяинов. Надо мной сотник – хозяин, над своими стрельцами – я хозяин. Так всё и устроено. Или не так?
– Над Разиным нет хозяина, – сказал Максим.
– Тихо, парень! – встрепенулся Корней. – За такие слова как раз на рели вздёрнут. У нас тут на струге их знаешь сколько, верёвок, запасено? А я сам, когда на Язуе струг снаряжали, их заносил, на самое днище складывал.
Разина ещё и близко не было, но его мятежное имя уже витало над Волгой, настраивая думы всех людей, и начальных, и подневольных, на тревожный лад. Все ждали, что вот-вот на волжской окраине случится доселе небывалое и ужасное, что бывало во время Смуты, ведь оставались ещё живы люди, помнившие времена лихолетия, и память о нём жила в преданиях. Но были ещё более близкие примеры – Соляной и Медный бунты, когда народное возмущение обнажилось в кровавом неистовстве почуявшего своё право на насилие простого люда. От Стеньки Разина ждали гораздо большего, гулящие люди и инородцы Поволжья с нетерпением выглядывали, когда явится атаман, чтобы пополнить в несметном числе ряды его бунташного войска.
Знали о Стеньке Разине и стрельцы Лопатина. За одну зиму до них докатились известия о казачьем атамане, который занял Яицкий городок, затем счастливо пограбил персидское побережье Каспия, явился в Астрахань с несметной добычей, получил от царя милостивую грамоту и до весны удалился в Паншин городок на Дону. Подвиги Разина простонародьем воспринимались как деяния сказочного богатыря, превращались в былины, которыми заслушивался народ, всегда мечтавший о появлении мстителя за свои унижения и муки от сильных и богатых людей.
Над Волгой уже сияла звёздами летняя ночь, но не все на струге спали. И Максим сквозь щели в досках, на которых он лежал, слышал разговоры стрельцов, что находились внизу.
– Знать, правду говорят, что атамана ни пули, ни стрелы не берут? – спросил молодой голос.
– А как они его возьмут, если у него заговор от них самим

Горинычем на него наложенный, – слышалось в ответ. – Немецкий капитан в него с трёх шагов из своего мушкета стрелял, пуля на Стенькиной груди только царапину оставила, как на камне, а сама – всмятку.

– Слушай, Нефёд, а кто такой Гориныч?

– Это, брат, царь водяной. У него со Стенькой договор: атамана ни пуля, ни сабля не берёт, а тот ему за это подарки посылает, золото в воду сыплет, шелка да бархаты, но больше всего по нраву Горинычу, когда Стенька его человеческой кровью потчует. Часто слышно про него, что он то и дело своих супротивников в воду сажает. А Гориныч-то тем доволен и своим благоволением атамана жалует.

– Слышно, он жёнку в воду бросил, так ли это? – спросил ещё чей-то голос.

– Не жёнку, а персианскую княжну. А до того он Горинычу свою жену невенчанную подарил близ Яицкого городка. Одел её в лучшие одежды и бросил в Яик со словами: «Прими, благодетель мой Горинович, самое лучшее и дорогое, что я имею!» От этой жёнки у него сын имеется, Стенька отослал его к астраханскому митрополиту с тысячью рублей в придачу, чтобы тот его воспитал в православной вере. А персианку он уже опосля в Волгу кинул, когда из набега на Каспий возвратился...

Рядом с Максимом смачно, с присвистом, захрапел стрелец. Максим толкнул его и снова приник к доске ухом.

– ... на подходе к Астрахани встретил Разина товарищ воеводы князь Львов с милостивой царской грамотой. В крепости пальба учинилась, когда казацкие струги встали у берега, сам воевода князь Прозоровский, митрополит и лучшие люди вышли встречать Стеньку, как же, сам великий государь его милостью пожаловал. Однако воевода своровал от атамана милостивое царское слово, стал ему казацкие вины выговаривать, что-де в Яицком городке двести стрельцов жизни лишил, государевы струги топил, торговлю с персианами порушил, много чего воевода выговаривал. Поначалу Разин слушал его терпеливо, только ножкой в сафьяновом сапоге притопывал, а потом возговорил громким голосом: «Ты, князь,

на воеводстве сидючи, совсем обомшел, как пенёк гнилой. Вот велю я своим побратимам сбросить тебя с раската крепостной башни, не возрадуешься!» Задрожал Прозоровский от страха, за митрополита прячется. А Разин усмехнулся и говорит: «Хоть ты, князь, государево милостивое мне слово своровал, я тебя сам пожалую частью казацкого дувана как своего есаула». И положили казаки к ногам воеводы золото, жемчуга и лалы, и платья парчёвые, бархатные и камчатые. От жадности возжглись глаза у князя, он Стеньку винить перестал и молвил: «Гуляйте, ребята, только Астрахань не сожгите...»

Последние слова привели слушавших Нефёда стрельцов в восторг, и число слушателей увеличилось, поскольку до Максима явственно донёлся строгий голос: «Не сбивайтесь в кучу, а лежите по своим местам. Говори, Нефёд!»

– А как раздували казаки персианский дуван, то гулять начали, любо-дорого посмотреть! Расхаживают по граду Астрахани в шёлковых да бархатных кафтанах, на шапках нити жемчуга, дорогие каменья. Торг открыли невиданный, отдавали шёлк нипочём, фунт за десять копеек. А уж, сколько дорогих заморских вин было выпито, сколько пролито! Воевода глядит на казацкий разгул, злобится, да поделать ничего не может. Посадские люди и астраханские стрельцы за Стеньку горой. А Разин что ещё удумал: как-то вынесли ему кресло из дома, где он гулял, да поставили посреди улицы, а казаки на весь город загорланили: «Подходите, сироты астраханские, Степан Тимофеевич всех жаловать будет!» Сел Разин в кресло, а у его ног большой кожаный куль с золотом положили, тяжёлый, четверо дюжих казаков еле донесли. Поначалу астраханские люди побаивались подступиться к грозному атаману, однако нашёлся один смельчак, подбежал и бухнулся перед Разиным на колени. «Говори твои нужды, – сказал Стенька». «Выпить хочу за твоё здоровье, Степан Тимофеевич, да карманы дырявые, были две полушки и тех нет!» Улыбнулся Разин, сунул руку в куль и достал горсть золотых: «Гуляй, детинушка, без просыху!» Тут весь народ к нему и прислонился...

Стрелец, спавший рядом с Максимом, опять захрапел с затейливым присвистом. Парень ткнул его кулаком в бок. Тот

сел, поворачивал полоумными глазами и опять упал навзничь. Максим прислушался

– Про соловецкие дела Разина я не ведаю, – сказал Нефёд. – Кондрат там бывал, может, что и слышал.

Послышались уговоры какого-то Кондрата поведать о знаменитом атамане.

– Я могу сказать, – послышался голос. – Только вы, ребята, обещайте, что не будете меня тузить, коли слова мои вам не придутся по нраву. Ведомо вам, что соловецкие старцы не приняли никонианства и объявили великому государю войну. Царь посовестился наслать на знаменитый монастырь большую воинскую силу и поначалу отправил туда стряпчего Игнатия Волохова с сотней стрельцов с тем, чтобы привести обитель к покорности. Я шёл в той сотне десятником, что случилось, видел наяву. Старцы ворота нам не открыли, а самим не зайти: в монастыре по громадным стенам сотня пушек, монахи камни и огонь мечут. Игнатий Волохов покричал, погрозил старцам и велел нашему сотнику готовиться к уходу. Мы, знамо, возрадовались, а стряпчий в ярости готов камнями грызть. И тут, ему на радость, в последнюю ночь поймали сторожевые стрельцы монаха у самых монастырских стен. Кликнул сотник меня и ещё одного десятника и велел идти к стряпчему. Пришли, а Волохов над монахом лютует, всего искровянил. Увидел нас и кричит: «Ставьте его на огонь!..»

– А дальше что? – спросил кто-то замолчавшего Кондрата.

– Долго терпел монах муку, а потом проклинать начал, страшно вспомнить, самого великого государя, патриарха Никона, ближних бояр блядинами детьми называл и вопил, что скоро явится на всех них кара, могучей вор, что спалит Москву и всех вероотступников и лучших людей будет казнить лютой смертью. Тут Волохов оттолкнул нас и сам взялся за раскалённые щипцы и начал терзать монаха, выведывая имя вора, и откуда он явится. И монах всё поведал, перед тем, как испустить дух.

– Стало быть, о Разине государевым людям загодя стало известно? – сказал Нефёд. – Как и то, что его направили на воровской путь соловецкие старцы?

– Вестимо, известно. Стенька явился в Соловки богомольцем и открыл на исповеди такую адскую бездну своей души, что

исповедник был в ужасе. Проведав о том, начальные старцы заинтересовались Разиным, приблизили к себе, распознали в нём мстителя за поруганную никонианами христианскую веру и благословили его учинить великое возмущение простого люда против бояр, которые замыслили известить государя и насадить на русской земле окаянное латинство. Через соловецких старцев Разин получил силу отводить от себя пули и стрелы и отпущение от всех будущих грехов...

– Вон как! Значит, он не сам по себе замыслил поднять Русь против бояр, а по наущению соловецких старцев! – воскликнул шёпотом кто-то из стрельцов.

– А ну уймись! – раздался начальственный голос. – Не то те верёвки, что для воров припасены, как раз вам достанутся!

Угроза оказалась нешуточной, и внизу все замолчали. Максим поднял голову и осмотрелся. Вокруг было темно, стрельцы спали, упругий ветерок и течение несли струг бесшумно и плавно. И видя вокруг покой и безмятежность, Максиму трудно было представить, что где-то внизу на Волге, возможно, уже начал полыхать мятеж, уничтожая вокруг всё живое и человеческое.

Согласившись выполнить поручение Твёрдышева, Максим и представить себе не мог, что послан в самую пучину бунта, а теперь он понял, что весть, которую он доставит Разину, может быть настолько важной и своевременной, что мятеж разгорится ещё пуще, как головня, на которую вдруг внезапно подул ветер. Подумав об этом, Максим спохватился и сунул руку за голенище сапога. Грамотка была цела, он достал её, оглядел и сунул обратно за голенище. «Как бы голову не потерять, – подумал Максим. – Если кто про неё прознает, то висеть мне на рели».

Всему, что он услышал про Разина, Максим поверил безоговорочно. Ясно, что атаман – не простой человек и ему помогают колдовские силы, в них Максим верил не менее, чем в существование Святой Троицы. К такому человеку трудно подойти, а ещё труднее остаться живым, не опалиться до смерти чарами, которые, подобно невидимому огню отделяют его от всех смертных.

Лопатинские стрельцы шли в Астрахань с неохотой, там их ждали невыносимая северным жителям жара летом и пронизывающие леденящие ветры зимой, а также возможность погибнуть от моровой хвори, ведь всегда чума и холера наваливались на Русь с поволжского Низа. Позади уже остался Саратов, крохотная крепостница среди голых, обдутых степными ветрами холмов, впереди был Царицын, а вокруг простиралось только одно устрашающее взгляд безлюдье. Были пусты и безлесны берега реки, была пуста и сама Волга, после Саратова стрельцы не встретили ни одного струга, но полковник Лопатин чувствовал, что так продлится недолго, и за любым изгибом реки могла таиться смертельная опасность, имя которой всем известно – Стенька Разин со своими воровскими людьми.

Уходя из Москвы, Лопатин и думать не мог, что попадёт в самое пекло разинского бунта. Поначалу он смотрел на порученное ему дело, как на докучную, но неизбежную для всякого служивого человека работу. Ему даже нравилось идти на струге по Волге, озирать окрестности и предаваться отдыху, которого он не знал долгие годы войны с поляками. Так было до Синбирска, где Лопатин встретил прибывшего туда со своим приказом из Москвы стрелецкого голову Бухвостова, с которым недавно вместе бился против ляхов, и теперь их пути пересеклись на степной границе.

Была уже ночь, когда Бухвостов явился к Лопатину на его струг. Они обнялись и расцеловались. Затем полковник велел накрыть стол и соратники сначала предались воспоминаниям, а затем Бухвостов открыл товарищу совершенно для того неожиданное.

– Знаешь ли ты, Иван Васильевич, что на Москве против Стеньки Разина замыслили? – спросил стрелецкий начальник, опорожнив чару с вином. – Не отвечай, я сам до вчерашнего вечера и подумать о таком не мог. А вчера думский посыльщик стряпчий Ильин, что привёз Дашкову весть о его замене, во

хмелю поведал, что великий государь приговорил отдать Астрахань и другие города Низа Стеньке Разину.

– Не может того быть! – поразился Лопатин. – Зачем же я веду тысячу стрельцов? Этого посыльщика за облыжные на великого государя слова нужно взять на дыбу. А ты, выходит, смолчал?

– Не горячись, Иван, – невозмутимо ответил Бухвостов. – Если всех, кто сейчас о воре Стеньке говорит, брать на дыбу, то без людей останемся. А что тебя и стрельцов послали, так экая невидаль! На Москве всегда правая рука не ведаёт, что делает левая. Тысяча стрельцов для Москвы – пустяк, под Гродно сколько стрельцов задаром положили? А в других местах? Москва людей не считает.

– Какая же прибыль государю от утраты Астрахани и других городов? – спросил Лопатин, вспомнив, что на Москве, и правда, жизнь любого человека, от смерда до высокородного князя, мало чего стоит.

– Города никуда не денутся, как стояли, так и будут стоять, – сказал Бухвостов и, понизив голос, подвинулся ближе к полковнику. – Розмыслы государя и ближних бояр в том, чтобы дать Стеньке возможность собрать под своим началом всю людскую гиль – голутвенных казаков, воров и гулящих людишек и уничтожить всех разом, дабы очистить Поволжье от всякого человеческого хлама для заселения пустых земель служилыми людьми и крестьянишками. Сам посуди, Иван, стоит ли жалеть для такого дела Астрахань, где стрельцы ненадежны, разинским горлопанам во рты заглядывают?

– Они могут пристать к Стеньке, – согласился Лопатин. – А ведь их шесть тысяч, тут все города на Волге не устоят, не только низовые, против такой силы.

– Стенькино войско встретят здесь, – многозначительно произнёс Бухвостов.

– В Синбирске?

– В Синбирск лучшие стрелецкие приказы пришли, – сказал Бухвостов. – Скоро окольный князь Барятинский сюда явится с двумя полками рейтар. Супротив их лучшие Стенькины казаки не устоят. Ты ведь знаешь рейтар в бою. Когда почти три

тысячи рейтар пойдут в атаку и с нескольких саженей каждый стрелит по два раза из пистолетов, то казаки и сабель не успеют поднять, как будут сметены свинцовым дробом.

– Но под Синбирск явятся ещё русские крестьянишки, чувашаи и мордва. Здесь столпится столько людей, что всех не перестреляешь и не перерубишь.

– Ты что, в расчёт берёшь мужиков? – усмехнулся Бухвостов. – Смерды – не ратные люди, они побегут сломя голову, только лишь завидят рейтар. А что до здешних русских крестьянишек, а также чувашей и мордвы, то всем им пора кровь дурную спустить. То в одной волости забунтуют, то в другой. Надо под Синбирском людишек так утратить, чтобы они сто лет не помышляли о бунте.

– Вроде всё складно замыслено, – помолчав, произнёс Лопатин. – Но кому мне верить, тебе или князю Троекурову, который велел мне вести стрельцов, выходит, на смерть?

– Князь сказал одно, а, к примеру, боярин Хитрово – другое. Сам смотри, как поступить.

– А я вот что мыслю, – сказал Лопатин. – Наврал этот стряпчий. Захмелел и вообразил, что он в государевой думе.

– Мне так не кажется, – возразил Бухвостов. – Может, стряпчий и лгун, но чтобы придумать такое, надо добрую голову на плечах иметь.

Наутро Лопатин и думать забыл об этом разговоре, но прошло несколько дней, и саратовский воевода, провожая стрельцов, вдруг сказал:

– Я бы на твоём месте не торопился, полковник. Неведомо, как встретит тебя Царицын.

– Есть дурные известия? – вопрошающе глянул на него Лопатин.

– В том-то и дело, что нет никаких вестей, – ответил воевода. – Уже неделю как с Низу не прошло ни одного струга.

– Ты мыслишь, что Стенька перенял Волгу у Царицына?

– Скорее всего, так. Оставайся пока в Саратове, полковник, а буде Стенька явится, то сядем в осаду.

Не послушал Лопатин доброго совета хорошо знавшего здешние места человека, и сейчас, стоя на носу своего струга,

который шёл впереди остальных, вдруг остро ощутил опасность верным чутьём бывалого воина. Явных примет присутствия воров не было видно, но враждебность, казалось полковнику, сочилась отовсюду: от голых пустынных берегов, от островов, покрытых непроходимыми зарослями камышей, высокой травы и ивняка, от самой реки, которая то растекалась на множество протоков, то сливалась в широкое русло.

После Саратова Лопатин вызвал к себе всех сотников и велел во время пути зреть в оба. Начальные люди были невесёлы, они наслышались о Стенькиных кровавых проделках, но с надеждой взирали на своего полковника, зная по польской войне о его здоровой осторожности, которая сберегла жизни многим ратникам.

– Как люди? – спросил Лопатин. – Нет ли среди них опасных шатаний?

– Стрельцы, конечно, шепчутся о воре, – отвечали сотники. – Но прямых изменников на стругах нет. В случае Стенькиного приступа все готовы, не щадя своего живота, биться и стоять насмерть.

– Авось пронесёт, пройдем мимо Царицына тихо. А теперь ступайте на струги и не спите, шарьте окрест глазами и хватайте каждого, кто попадётся на пути.

Прошло ещё несколько дней, пока опытный кормщик не объявил Лопатину, что завтра будет Царицын.

– Надо бы подойти к граду с утра, чтобы хорошо осмотреться, – сказал Лопатин.

– Так и будет, – уверил кормщик. – К вечеру будем на Денежном острове, а там и до Царицына рукой подать.

– Далеко ли до него? – спросил полковник.

– Вёрст с пять будет, – ответил кормщик. – Место мне ведомое.

Лопатин поразмыслил и кликнул к себе сотника.

– Скинь на воду малую лодку, – велел он. – Посади на вёсла добрых стрельцов и отправь их к Денежному острову, чтоб они там всё проведали, пока мы на стругах будем до него тащиться.

– Как узнать, что это тот остров? – спросил сотник.

Лопатин обратился к кормщику.

– Он приметный, – объяснил бывалый человек. – На нём стоят громадные вёстры, на других островах таких нет.

Сотник кликнул десятника Корнея, и тот, получив указание, начал поднимать своих людей. Стрельцы взяли оружие и пошли на корму струга, позади которой была привязана лодка.

– Зачем всех людей привёл? – сказал кормщик. – Тут пятерых достанет, четверо на вёслах, один на кормиле.

Корней посмотрел на своих людей, решая, кого взять. Стрельцы отворачивали взгляды, и только трое глядели прямо. Невольно людей десятнику не хотелось.

– Кто сам хочет идти? – спросил он.

Откликнулись трое, нужен был ещё один человек.

– Кто ещё пойдёт? – уже заметно осерчев, повысил голос Корней.

Стрельцы начали переглядываться между собой, и тут выступил вперед Максим:

– Возьми, дядя Корней, меня!

– Добро! – решил десятник. – Ты, парень, могучий, как раз в гребцы сгодишься.

С высокого борта струга стрельцы и Максим, держась за верёвку, спустились в лодку. Кормщик освободил её от привязи, гребцы взяли за вёсла, и лодка пошла на обгон струга.

– Корней! – громко сказал Лопатин. – Смотри, чтобы ребята рты не разевали и сам гляди в оба!

В ответ десятник только взмахнул рулевым веслом и погрузил его полностью в воду, направляя лодку, чтобы сократить путь на ближний береговой изгиб руки.

Долго, не давая себе отдыха, размеренно работали вёслами стрельцы и Максим, и всё это время они были молчаливы, поглядывали на пустынные берега реки. Каждый ощущал растущую в душе обеспокоенность и тревогу. Солнце уже повернуло на правую сторону Волги, лодка миновала немало поворотов, когда Корней вдруг привстал на корме и промолвил:

– Глядите, ребята, кажись, дым.

Максим обернулся. Действительно, над островным лесом вставал прямо вверх белёсый столб дыма.

– А ведь это и есть Денежный остров, – сказал Корней. – А ну, давай ближе к берегу.

Всем в лодке, кроме десятника, вдруг стало весело от внезапно обнаруженного дыма. Так бывает, когда одно чувство в человеке сменяется другим, поэтому люди плачут от счастья и беспричинно веселятся вблизи опасности.

– Гребите в лад! – приказал Корней стрельцу, который, хохотнув, сразу закашлялся.

– Там, наверно, рыбаки, дядька Корней, – ответил парень, утирая рукавом мокрый рот.

– Как раз тебя ждут, – строго молвил десятник. – Рыбу в котёл засыпают.

Мрачный вид бывалого воина подействовал на всех отрезвляюще. Максим не поддавался общему настроению, но чувствовал себя неуютно, сожалел, что напрасился в лодку, ведь Твёрдышев говорил, чтобы он вёл себя смиренно и без надобности никуда не совался.

Лодка, зашуршав днищем о песок, уткнулась в берег. Стрельцы, взяв пищали, вылезли из неё. Максим двинулся за ними следом, но десятник его остановил.

– Стереги лодку, – сказал он. – Оружие есть?

– Только нож, – ответил Максим.

– Сгодится и это. Сиди здесь тихо. Увидишь чужих людей, сразу выгребай на глубину. И жди там нас или прихода стругов.

Стрельцы, вслед за Корнеем, быстро скрылись в ивняковых зарослях. Проводив их взглядом, Максим столкнул лодку в воду и отплыл сажень на десять от берега. Здесь, рассудил он, его не могли застать врасплох чужие люди. Сидя на корме, Максим удерживал рулевым веслом лодку на одном месте и прислушивался к звукам, которые доносились с острова. Вскоре он услышал резкий вопль, затем раздались несколько пицальных выстрелов. В ивняковых зарослях началось шевеление, на берег выбежал человек, метнулся в одну сторону, в другую, а увидев спешащих к нему с криками стрельцов, обречённо махнул рукой и опустился на песок. Максим всмотрелся в него и от неожиданности даже охнул. Это был

Федот, его попутчик до Синбирска, а того уже схватили стрельцы и начали вязать ему руки и ноги.

– Гроби сюда! – крикнул Корней. – Что стоишь столбом?

Максим схватил весло и начал поспешно подгребать к берегу, а в голове у него свербило: как бы Федот не наговорил чего-нибудь про него, что могло бы ему навредить.

– Гляди, Максимка, какого скользкого налима занесло в наши сети, – весело сказал стрелец, переворачивая ногой Федота, лежащего ничком, на спину.

Максим приблизился к пленнику. Тот равнодушно взглянул на него и, отвернувшись, сплюнул на песок кровавую слюну.

– Вот, погоди, явится полковник, – злобно сказал стрелец. – Всё нутро выхаркаешь.

Корней смотрел озабоченно: трое воров, которых они застали врасплох, вздумали махать саблями, и одного стрельца сильно поранили, пока их смогли застрелить. Раненый потерял много крови, впал в беспамятство, бредил, и по всему было видно, что скоро он отойдёт.

– А ведь уха-то, поди, у воров выкипела! – спохватился кто-то из стрельцов и кинулся в ивняковую чашу. Следом за ним побежал другой стрелец. Вскоре они принесли на толстом пруте немалый котёл с дымящимся варевом. Ложки у стрельцов всегда были с собой и они, нарвав свежей травы, начали выкладывать на неё разваренную рыбу. Максим от них не отставал, выловил из котла большого окуня и положил остужаться.

– Эй, стрельцы! – подал голос Федот. – Меня не обносите, это я рыбу наловил.

– Тебе нельзя, – рассудительно сказал Корней. – Пытку лучше терпеть на голодное брюхо.

– Много ты знаешь, – заговорил Федот после некоторого молчания. – За что ж меня пыткой казнить, я не вор, а гулящий человечиска. Я всё сам расскажу, что знаю, да если и не знаю, то всё равно расскажу. Спрашивайте! Только не мучайте голодухой!

– Да ты, парень, и впрямь затейник, – не сдержал улыбку десятник. – Максимка, сунь ему в рот рыбину. Или ладно, развяжи руки, но гляди за ним.

Федот с жадностью начал есть поданного ему окуня. Затем потребовал другого, третьего...

– Хватит! – запротестовали стрельцы. – Завяжи ему руки, Максимка!

– Молодец, парень, что смолчал про меня, – жарко зашептал Федот на ухо Максиму, когда тот склонился над ним. – Сделай так, чтобы я дожил до утра. Эхма! Степан Тимофеевич уже близко, а я на верви, как телок!

– Откуда знаешь, что Разин близко?

– Сам видишь, не дошёл до атамана, но он рядом, я это чувствую. Ты побереги меня, чтоб стрельцы не зашибли. Помоги, брат...

В этот миг громко застонал, а затем захрипел раненый. Все бросились к нему. Корней наклонился к стрельцу, поднял веко, снял шапку и перекрестился. Стрельцы и Максим тоже сняли шапки и перекрестились. Сотник сломил несколько ивовых веток и закрыл ими лицо покойного.

– Надо рыть могилу, – сказал Корней и выжидающе поглядел на стрельцов, но те не откликнулись, от ухи всех потянуло в сон.

– Я сделаю, – вызвался Максим и краем глаза успел заметить, что Федот, услышав его слова, широко улыбнулся.

Сотник снял с мёртвого стрельца саблю и протянул Максиму.

– Копай этим до пояса себе, а сверху мы завалим могилу камнями.

Стрельцы были привычны к чужой смерти, полегли, как снопы, на траву и вскоре стали похрапывать. Максим, держа саблю в руке, тупо смотрел на убитого. Он не мог решить, что ему делать: то ли копать могилу, то ли бежать отсель без оглядки.

– Максимка, Максимка, поди сюда...

Этот шёпот вывел парня из оцепенения, он подошёл к Федоту и разрезал на нём верёвочные путы.

– Беги, Федот, беги...

– А ты?

Максим молчал. Федот встал на ноги, схватил его за рукав и потянул за собой в кусты.

С весны 1670 года градом Царицыным правила казачья вольница. Ворота крепости днём и ночью были всегда распахнуты настежь, в самом граде и окрест него шаталось без дела множество вооружённых людей. Более семи тысяч вольного народа привёл Разин за собой из Риги, казачьей крепости сплошь окружённой водой, где его войско в землянках, крытых камышом, пробедовало всю зиму. Атаман, как мог, поддерживал своих сподвижников: давал им деньги, кормил и, в расчете на летнюю добычу, сам займы брал порох и свинец у воронежских посадских людей, рассылал прелестные грамотки донским станицам и в Запорожскую Сечь, подбивая охочих людей на вольное казакование.

Поначалу Разин был щедр, но за зиму порастряс воровскую казну и к началу весны запустил руку в свою последнюю захоронку с остатками персианской добычи. Выручить его мог только новый набег, поэтому когда он проведал, что домовитые казаки низовых станиц на Дону приняли государева посыльщика жильца Герасима Евдокимова с милостивой царской грамотой, то кинулся в Черкасск, застрашал мирных казаков, а посыльщика до полусмерти избил и велел его кинуть в Дон. Совершив прилюдное убийство и распалившись им, Разин вернулся в Ригу, поднял своих людей и всей громадой двинулся к Царицыну.

Он уже побывал там, возвращаясь на Дон из Астрахани прошлой осенью, разбил кабак и оттаскал за бороду воеводу Унковского. Весной же граду была уготована кровавая потеха. Новый воевода Царицына стольник Тургенев не открыл ворота и засел в осаду. Стенька велел Васьеке Усу осаждать крепость, а сам с тысячью самых отпетых казаков набросился на кочевья едисанских татар, разорил их дочиста и пригнал к Царицыну пленных людей, громадные табуны лошадей, гурты скота и отары овец.

Голодное войско при виде добычи возликовало и в семь тысяч глоток восславил своего атамана, но тот велел ничего из взятого не трогать, а немедля идти на приступ града, из

которого уже переметнулось к казакам много стрельцов и посадских людей. Видя измену, воевода Тургенев с кучкой московских стрельцов заперся в башне, но был взят и в тот же день приведён на верёвке к Волге, проколот копьём и утоплен.

Несколько дней вольница гуляла, но вино скоро было выпито, пошла череда трезвых дней и раздумий воровской головки бунта, куда же идти дальше. Об этом Разин часто совещался со своими старшинами и есаулами.

– Идти надо на Москву! – убеждал атамана его ближний подручный Васька Ус. – Я ходил, четыре года тому назад за Тулу ушёл, но тогда я не имел и четверти той силы, которая есть у нас сейчас.

– Без Волги нам нельзя, – возражал Усу разинский брат Фрол. – Летом к ней гуляющие люди теснятся, на них мы обопремся, а на мужиков надёжи нет. Они привычны ковырять пашню, а нож в руки берут, когда хлеб режут.

– Брось, Фрол, – гнул своё Ус. – Мужику только дай почуять волю и правду, и он, кому хошь, шею свернёт. Надо идти на Москву, а вперёд выслать посыльщиков с прелестными грамотками. Тогда вся коренная Русь на дыбы встанет и опрокинется на бояр.

– Спешу да не торопись, – говорил бывалый есаул Корень. – На Москву мы всегда поспеем, не худо бы на Астрахань оборотиться. Пока не отомщены обиды воеводе Прозоровскому. Помнишь, Степан Тимофеевич, как этот старый мозгляк на тебя ножонками топал, стрельцов на казаков насылал, моего побратима старого казака Ванюшку Носатого на рели вздёрнул?

Разин не отвечал, но его глаза возжигались пламенным блеском, и на скулах начинали ходуном ходить желваки.

– Дело молвит Корень! – вскакивал с места черкас из Запороги Остап Очерет. – Были мы в Астрахани, да не растрясли её как следует. Пока до Москвы дойдём, половина казаков разбежится, без дувана казак не воин. Надо, Степан Тимофеевич, поначалу Астрахань раздуванить, а там можно и на Москву идти, но не посуху, а Волгой.

Разин слушал своих соратников, но последнего слова не говорил, его одолевали раздумья, в какую сторону ему

повернуться: на Астрахань или на Москву. Атаман в опасности, которая угрожала его жизни, всегда был находчив, но когда требовалось принять какое-нибудь решение в мирной обстановке, то его начинали одолевать сомнения и неуверенность, он тогда ждал, как он иногда говорил, знака оттуда, что выше всякого человеческого разума. В ожидании этого знака Стенька со временем начинал чувствовать, как над ним и в нём самом сгущается невидимая мгла, которая с каждым часом начинает теснить душу всё сильнее и сильнее, пока из неё не полыхнёт молнией внезапное озарение, и ему станет дышать так вольно, будто у него вдруг появились крылья.

От своих соратников, споривших, куда двинуть казацкую громаду, Разин уходил за город на волжский откос и подолгу стоял там, подставив разгорячённую томлениями грудь вольному ветру, вглядываясь в бескрайнюю степную даль, над которой белокорые кучевые облака казались ему кремлями и соборами неведомых градов. Бывало, по какому-то порыву, он падал на землю и его чуткий, как у зверя, нюх, начинал щекотать, дурманя голову, сладковатый запах богородицкой травы – чабреца и, надышавшись ею, он забывался в недолгом беспмятном сне. Однако настал миг, когда чаемое Стенькой много дней свершилось: ему во сне явился Гориныч и молвил вещие слова:

– Жалую я тебя, казак, своей силой, гуляй – веселись по всей Волге, от Низа до Верха, да не забывай и меня, старого, своими дарами...

Проснулся Стенька и почувствовал себя таким могучим, будто в живой воде искупался. Вскочил на ноги, распростёр руки и так вскрикнул, что все люди в граде Царицыне это услышали, а те, кто знал своего атамана, возрадовались: пришла пора веселиться всем гуляющим людям, началась воровская путина, и у каждого на всякий день будет сытная пища, а порой и море разливанное зелена-вина.

Пыля красными сапогами по сухой глине, Стенька сбегал с бугра и уже из ворот увидел, что возле крыльца атаманской избы столпились лучшие казаки. Его ждали.

– Чую вести недобрые дошли до Царицына? – спросил Разин, оглядывая своих ближних острым взглядом.

– Только что явился казак из дозорного разъезда, – ответил Фрол. – А какие вести, добрые или злые, ты сам рассуди.

– Где дозорщик?

– Да вот он, – Ус указал на молодого казака, который тотчас выступил вперёд.

– Говори! – велел Разин.

– Идут, атаман, по ближней к нагорной стороне протоке шесть стругов с воинскими людьми, – сказал казак.

– И где они?

– К вечеру будут у Денежного острова.

– Добро, – сказал Разин. – А что за ратные люди, стрельцы или солдаты?

– Стрельцы московские, в красных кафтанах.

Стенька вздрогнул, ему послышалось, как чей-то голос явственно произнёс: «Как раз тебе, атаман, будет, чем отдарить Гориныча...» Он зажмурился и, как конь, потряс головой, прогоняя наваждение. Муть в очах исчезла, и сразу пришло решение, как поступить.

– Бейте сполох! – велел Разин и обратился к ближним людям. – Давайте, казаки, думу думать, как стрельцов повоевать.

– Годи, Степан Тимофеевич, – сказал черкас Очерет и указал рукой на крепостные ворота, через которые на взмыленном от долгой скачки коне промчался всадник и резко остановился перед крыльцом атаманской избы.

– Скликай громаду, атаман! – прохрипел запыленный с ног до головы казак. – Товарищ астраханского воеводы князь Львов с двумя с половиной тысяч стрельцов подошёл к Чёрному Яру и стоит там уже два дня.

– Не беда, что пришёл, – усмехнувшись, сказал Разин. – Князь – мой дружок, прошлой осенью пировали с ним оба два, он нам лиха не сотворит.

– Сверху идёт тысяча ратников, с низу – две с половиной, – осторожно заметил есаул Корень. – Как бы они нам не повредили. Особенно московские стрельцы.

– С этими крепко воевать надо, – согласился атаман. – Что до

астраханских стрельцов, то князь Львов привёл прибавление к нашему войску. Астраханцы переметнутся к нам и своих начальных людей приведут на верёвках.

Колокол на башне ударил тревожно и часто. Услышав набат, казаки и прибывшие к ним со всех сторон бунташные люди, расположившиеся станами подле Царицына, всполошились, схватили в руки оружие и устремились к крепости. Ещё не ведая, зачем их кличет атаман, они все были радостно возбуждены, догадываясь, что началась, наконец, гулевая путина.

Вскоре всё пространство против атаманской избы и вокруг неё было заполнено вооружёнными людьми. В крепости все не поместились, многие стояли за воротами и ждали, когда до них донесутся повторяемые многими людьми слова атамана. И Разин знал, что жаждут услышать от него люди.

– ... Бояре изводят семью царя, царевича Алексея Алексеевича они пытались извести ядом, но тот спасся и скрылся под нашу защиту! Как, казаки, не выдадим боярам царевича?

– Не выдадим! Не выдадим!

Ближние Стенькины люди были поражены, до сей поры они не слышали от атамана таких слов. Ус глянул на Корня и встретил недоумевающий взгляд есаула, для которого весть о царевиче, скрывающемся у казаков, была тоже новостью. Смешливый Васька Ус потупился, чтобы не хохотнуть. Черкаса Очерета интересовали не московские дела, а добыча, Фрол Разин внимал с обычной для него пустотой во взгляде, он верил брату всегда и во всё.

– ... Наши люди опростали из монастырского заточения, куда его бросили бояре, патриарха Никона! – продолжал витийствовать Разин. – И скоро святейший патриарх явится в наше войско.

На этот раз люди восприняли неслыханное известие с меньшим шумом, многие из них уже давно жили вне церкви и вспоминали о Боге, когда их ужалил какая-нибудь беда.

– Бояре своими неправдами затуманили очи царю и насладились на нас стрельцов. Они сейчас вблизи Царицына! – повысил

голос Стенька. – Потому разбирайтесь каждый по своим есаулам и сотникам, седлайте коней и готовьтесь попотчевать незваных гостей саблями и пулями. Я буду с вами!

Толпа возвопила так оглушающе сильно, что своим криком погасила лампаду перед надвратной иконой Святителя Николая. Люди, толкая друг друга, кинулись по своим станам готовиться к боевому выходу. Площадь перед атаманской избой стремительно пустела.

– Как же так, Степан Тимофеевич, – сказал Корень, – мы, твои ближние люди, про царевича Алексея и патриарха Никона до сего часа не ведали?

– Много чего вам неведомо, – снисходительно молвил Разин. – Царевич уже здесь.

– Как уже здесь! – поразился Ус. – Меж нами, атаман, не было уговору, что-нибудь друг от друга утаивать!

– Я и не таю, – улыбнулся Разин. – А ну, други, садись на коней!

Есаулы, молча, ехали по берегу Волги следом за атаманом, гадая, чем надумал удивить их предводитель. Версты через две атаман повернул к берегу, и все встали у обрыва. Перед ними в сажнях пятидесяти на воде стояли два небольших струга. Один был покрыт по верху синим бархатом, другой – красным. Людей на стругах не было, а по берегу в разных местах прохаживалось несколько сторожей с пищальями на плечах. Их есаулы узнали сразу: одностаничники Разина, которых он держал близ себя.

– Фролка! – велел Разин брату. – Сбегай на струг и ударь челом царевичу Алексею, чтобы он нам явился.

Фрол сошёл с коня, сбежал с берега и скрылся под красным бархатом на струге. Потом выпятился оттуда задом на карачках, а за ним появился невысокий рыжеволосый юноша в лазоревой чуге и повернулся к берегу. Завидев это, Разин одним махом спрыгнул с коня и упал на колени, преклонив голову к земле. Вслед за ним попадали с коней и его есаулы, даже Васька Ус не замешкался и преклонился ниц. Когда они подняли головы, царевича на струге уже не было видно.

– Царевича Алексея являть всему народу рано, – сказал Разин. – Людям достаточно знать, что он есть.

– Но ведь когда-то он должен выйти из своей захоронки, – задумчиво молвил Корень.

– Царевич явится на Москве, – важно сказал атаман. – Явится всему народу царём Алексеем Вторым...

– А где патриарх Никон? – спросил Васька Ус.

– Будет тебе и Никон! – вскричал Разин и ударил каблуками сапогов под ребра своего коня. – Гойда! Пора идти на московских стрельцов!

– 9 –

Федот с силой, невесть откуда взявшейся в столь тшедушном мужике, увлекал за собой Максима всё дальше в кусты, так что тот едва успевал переставлять ноги. Ветки хлестали его по лицу, сучки цеплялись и рвали одежду. Наконец они выбежали на ту самую поляну, где стрельцы поймали гулящих людей. Федот остановился, и, отпустив рукав Максима, забежал за куст и вышел оттуда с небольшим кошелём.

– Учись, парень, пока меня ноги носят! – сказал он и потряс находкой, в которой забрякали деньги. – Едва стрельцы приладились в нас стрелять, как я успел выкинуть кошель и упасть на землю.

– Я сразу понял, как впервые тебя увидел, что ты борзой, – пробормотал Максим, утирая ладонью пот. – Попутал ты меня, Федот, по рукам и ногам. Что теперь будет?

– Жить будешь, разве мало? – весело ответил бродяга. – Сейчас схоронимся до сумерек, а потом пойдём по холодку, чтобы не упреть.

– Куда пойдём? – возмутился Максим. – Тебе добро, ты вечно в бегах, а меня Твёрдышев ждёт, люди государевы с первым же встречным стругом донесут в Синбирск, что я упустил вора. Как раз меня и возьмут на пытку.

– А что, ты в Синбирск пойдёшь? – удивился Федот. – Твёрдышев таких, как ты, за рубль сотню найдёт.

– Много ты знаешь, – Максим резко обернулся. – Чуешь шум? Это за нами!

Беглецы бросились бежать в самую чашу тальниковых кустов и высокой, до пояса, травы, там упали на землю и затаились. Вокруг было тихо, лишь только легонько пошумливали листья да перекликались между собой щебетом птички. Максим смахнул со щеки муравья, приподнял голову и увидел, что недалеко от него над кустом мелькнула красная шапка стрельца. Он напрягся, изготавившись бежать прочь, но стрелец не пошёл в их сторону, постоял, зевнул и повернул обратно.

Максим перевёл дух и посмотрел в сторону Федота. Того не было видно.

– Федот, – шёпотом позвал Максим.

– Чего тебе? – отозвался попутчик сдавленно тихим, точно из-под земли, голосом.

– Ничего. Говорю, кажись, пронесло.

– Вроде так, – уже ясно произнёс Федот. – Повезло нам, брат, что стрелец этот городской дурак, мы ведь за собой в траве торную дорогу оставили, а он её не заметил.

Час шёл за часом, Максим за это время все бока отлежал, много успел чего передумать, всё больше о казачьем атамане Стеньке Разине, о котором он наслушался всякого в первую ночь на струге. «Что это за человек? – спрашивал себя Максим. – Да и человек ли он, если про него такое сказывают? Он ведь всё насквозь видит, сам царь водяной Гориныч ему ведом, соловецкие старцы ему грамоту шлют». Он шевельнул ногой, цела ли грамота, сразу её почувствовал за голенищем. «А ведь в Стеньке нет ничего христианского, людей православных в воду сажает, а сколько крови на нём?» – подумал он, ощутив близкую опасность: а не велит ли Стенька посадить твёрдышевского посыльщика в воду на поживу Горинычу? От этой мысли Максиму стало зябко и одиноко.

– Федот, скажи, а ты правду баял про Остров Счастья?

– Эвон чего вспомнил, – со смешком отозвался попутчик. – Есть такой остров, это правда. Только нам сегодня идти туда не по пути. Остров Счастья ближе, верстах в пяти отсель.

– Будет врать, – недовольно сказал Максим.

– Вот те крест, не вру! – Федот сел на траву. – Есть верные

известия, что Разин стоит со своим войском в Царицыне. Так что вставай и поспешай за мной.

– Ну, стоит он там, – сказал Максим. – При чём же тут Остров Счастья?

– При том, – Федот встал на ноги, – что под рукой Разина, таким, как ты и я – воля. А без неё счастья не бывает.

Максим поспешал за Федотом в сильном смущении: ему казацкая воля была неведома и пугала неизвестность того, чем она окажется на самом деле. «Знать, Стенька всем сулит волю, – подумал он. – А посуленному только дурак рад».

На берег протоки-воложки они вышли, когда уже начали сгущаться сумерки. Она была неширока. Федот скинул с себя одежду и забрёл в воду, нащупывая, сколь здесь глубоко. Дойдя до середины протоки, он чуть проплыл и встал на ноги.

– Тебе, Максим, здесь будет по росту. Захвати со своей и мою одежонку.

Вечерняя вода была тёплой. Ступая по песчаному дну, Максим пересек протоку. Беглецы оделись и, скользя ногами по глинистой осыпи, поднялись на высокий коренной берег, где их сразу окатило порывом ветра. Максим посмотрел на Волгу и увидел на острове, который они только что покинули, много огней. Это прибыли струги Лопатина, стрельцы сошли с них на берег и разожгли костры.

– Не повезло стрельцам, что нас упустили, – сказал Федот. – Их сейчас уже точно бьют.

Максим вспомнил, как он переметнулся от стрельцов на сторону беглого, чтобы его спасти, а подставил под палки Корнея и, отвернувшись, пошёл прочь от берега. Чувство стыда омрачило его, но ненадолго. Ему тоже приходилось терпеть палки, сдюжат и стрельцы.

Они шли вдоль берегового обрыва, настала ночь, звездная и безлунная. Вокруг было тихо, нагретая за день солнцем земля источала тепло, насыщенное запахом молодой полыни.

Они прошли уже версты три, когда Федот вдруг остановился.

– Может, зря мы посреди ночи бежим, как очумелые? Пора бы и поспать, Стенька от нас никуда не денется.

Максим не возражал, бросил на землю свою суму, положил

на неё голову и уставился немигающим взглядом в небо. На ум неожиданно пришло детское воспоминание, как однажды мать показала ему небольшую, но очень яркую звёздочку и сказала, что это и есть его судьба-рожаница, которая всю его жизнь за ним будет приглядывать и оберегать от любых несчастий. Максим попытался найти свою звезду, но небо было так часто завешано светилami, что он скоро устал смотреть и, надвинув на глаза шапку, погрузился в сонное забытие.

Проснулся он от визгливого вопля своего попутчика, открыл глаза, поднял голову и увидел вокруг четверых всадников весьма свирепого вида. Один из них шевелил, скаля зубы, копьём Федота, другой намеревался совершить такое же с Максимом.

– Ишь разлеглись посреди поля, – сказал кто-то, наезжая на них конём.

– Мы вам свои! – визгливо закричал Федот. – Идём к Степану Тимофеевичу!

– Вон как! – сказал, появляясь из темноты человек на белом коне, сопровождаемый большим числом вооружённых людей. Это был есаул Корень, который вёл часть войска на московских стрельцов по нагорной стороне Волги. С ним было до трёх тысяч казаков и примкнувших к ним гулящих людей.

– Стало быть, тебе непременно Разин надобен. По чину ли запрос? А ну-ка возьмите его, ребята!

Казаки бросились на Федота, а есаул обратился на Максима.

– Тебе тоже атаман надобен? Или я сгожусь?

– Я послан к Разину, – волнуясь, сказал Максим. – А ты, казак, глянь на это.

И он протянул есаулу полученный им от Твёрдышева разинский знак – нитку с двумя пуговицами. Корень взял, глянул и осерчал:

– Откуда у тебя знак? Говори!

– Мне велено говорить только с Разиным.

– Гляди, какой умник, – удивился Корень. – Хватайте и этого, ребята! Вот развиднеется, и я возьмусь за тебя по-другому. Где Третьяк?

– Здесь я!

– Возьми их и веди за мной! Да гляди за ними, чтоб не потерялись!

Федоту и Максиму крепко связали руки, посадили обоих на одну верёвку и повлекли к тому месту, где они недавно перешли воложку. Третьяк был опытным вором и не спешил, зная, что сеча со стрельцами не сулит большой добычи, а вот голову вполне можно потерять, потому и не торопился. Пленников и их сторожей обогнали конные казаки, за ними шли пешие люди, вооружённые, кто саблей, кто копьём, кто кистенём или дубиной. Все шли молча с угрюмыми лицами, на которых читались отчаянная решимость ринуться в сечу.

Воложку переходили уже в зыбких утренних сумерках, до стрелецкого стана на другом краю Денежного острова оставалось идти с версту. Федот в протоке, потеряв ногами дно, начал бултыхаться и глотать воду, но привязанный к нему Максим вытащил его за собой из глубины к берегу. Третьяк дал ему отдышаться, затем повёл пленников дальше, но далеко идти им не пришлось: впереди послышались громкие и частые пищальные выстрелы, затем со стороны стрелецкого стана донёсся громкий и леденящий душу рёв людей, схлестнувшихся между собой в смертельной схватке.

– 10 –

Задумав напасть на московских стрельцов, Разин разделил войско на три части. Есаул Корень со своими людьми должен был навалиться на них с нагорного берега, Васька Ус оставлен в царицынской крепости с наказом преградить путь стрельцам в Астрахань, если они побегут в эту сторону, сам атаман решил подойти к Денежному острову с воды на стругах и лодках с самыми отчаянными своими людьми, получившими закалку в персианском походе на Каспии.

Приняв такое решение, атаман не сомневался в успехе: московских стрельцов была всего тысяча, а против них пошли до пяти тысяч лучших казаков и самых отчаянных гулящих людей, к тому же, по догадкам Разина, стрельцы не знали, что

Царицын захвачен его людьми, иначе зачем столь малым числом они шли на его войско. Было ясно, что стрельцам и их начальнику, полковнику Лопатину, что-то затмило очи, и атаман знал, кто это совершил и помнил о своём перед ним долге.

Отправив есаула Корнея с войсками по нагорному берегу, Разин с Васькой Усом пошли к Волге.

– Гляди, Ус, в оба, – сказал Степан Тимофеевич. – Стрельцы – бывалые воины и могут пробиться сюда. Встречай их из всех пушек, да гляди, чтобы не вышло, как у воеводы Унковского, когда он вздумал палить по мне, а порох весь дымом выметнулся.

– Не будет этого, – уверенно произнёс Ус. – Я бывалый пушкар и порох уже проверил, весь свежий. Воевода Тургенев не зря заменил Унковского, он за порохом приглядывал.

В темноте войско грузилось на струги и лодки.

– Мимо стрельцов не пропусти, – сказал Разин. – Всех до единого топи в Волге!

– Нам гребцы нужны, – возразил Ус. – Сами казаки за вёсла с неохотой садятся

– Добро, коли так, – сказал атаман. – Но пока у нас стругов мало, оставь сотню – другую стрельцов в живых.

Стругов было всего три, на них поместилось с полтысячи казаков, остальные полторы тысячи шли в лодках, которые насобирали со всей царицынской округи. Огней не возжигали, двигались в ночных потёмках, озаряемые блеском бесчисленных звёзд. Люди поначалу шумели, но скоро умолкли, грести приходилось против течения реки, и все притомились. К Денежному острову подошли в первых всплесках утреннего света. Разин, стоя на палубе струга, одним из первых увидел очертания берега, проступающие в молозивной пелене тумана, и взмахом руки велел казакам снаряжать пищали, чтобы дружной пальбой подавить сопротивление стрельцов.

Атаман был прав. Полковник Лопатин не ожидал встретить воровское войско близ Царицына и повёл себя весьма беспечно. Его даже не насторожило, что стрельцы, посланные им на Денежный остров, захватили там явно гулящих людишек. Это показалось ему столь малозначительным, что он не стал

наказывать десятника Корнея за то, что тот упустил Федота, а сделал ему лишь строгое внушение. Затем Лопатин не озаботился о надлежащей охране своего стана, не выслал дозорных людей вперёд по берегу и острову. Стрельцы вечером набили брюхо толокном, попили волжской водицы и завалились спать. Стойкие к комарам спали на берегу, но многие бежали на струги, где ветер относил комариные тучи от спящих людей.

И всё-таки, несмотря на беспечность, стрельцы успели заметить казаков, на их стругах началась суматоха, бывалые ратники схватились за пищали, раздался громкий голос полковника Лопатина, призывающий всех явиться на суда и помнить, что они государевы люди.

Пищальная пальба началась разом с обеих сторон, много было убитых и раненых. Беда для Лопатина была в том, что он, прижатый к берегу, стоял на месте, а воровские струги и лодки шли на него со столь многими вооруженными людьми, что устоять против них было невозможно.

– Берите вёсла! – вскричал полковник. – Выгребайте на Волгу!

Стрелецкие струги начали уходить от берега, оставив много людей на берегу и в воде, не успевших прибиться к своему начальнику. А Лопатин уже пришёл в себя, ему, бывалому воину, доводилось попадать во всякие переделки и выходить из них целым. Он велел сотникам как можно ближе сойтись своими стругами к его стругу, и, ожесточенно и прицельно отстреливаясь, стал уходить к Царицыну.

А на берегу началась кровавая потеха. Подошёл есаул Корень с казаками и гулящими людьми и навалился на стрельцов своим многолюдством. Государевы люди стали бросать пищали и падали ничком на землю. Со стругов и лодок на землю сошли казаки и довершили полный разгром бывших на острове стрельцов.

Увидев атамана, есаул Корень поспешил к нему.

– Топи всех в Волге без разбору! – велел Разин. – Я пойду за полковником!

И на трёх стругах Разин устремился за Лопатиным.

Есаул Корень проводил его взглядом и оглянулся окрест.

Стрельцы, ободренные догола казаками и гулящими людьми, стояли, сбившись в кучу. Над островом, чуя скорую поживу, с визгом кружились чайки.

– Сотники! – важно провозгласил Корень. – Ступайте ко мне!

Начальные люди не спешили выходить, жались в толпе, зная, что их ждет.

– Не будьте, стрельцы, дурнями! – начал сердиться есаул. – Выдайте сотников!

Толпа начала шевелиться, послышалась ругань, и перед Корнем оказалось семеро сотников.

– Чикмаз! – сказал Есаул. – Возьми их!

Вперёд вышел сутулый верзила, бывший стрелец Чикмаз, зарезавший по приказу Разина полторы сотни своих товарищей в Гурьевском городке два года назад. В руке у палача был кистень, металлический шар на короткой цепи. Схватив ближнего к себе сотника за руку, он разбил ему голову, затем то же сделал и с другими. Помощники Чикмаза брали сотников за руки и за ноги и с островного обрыва бросали в воду. Начало убийствам было положено.

Стрельцы с ужасом смотрели на гибель своих начальников, многие плакали и, упав на колени, молились. Чикмаз вопросительно посмотрел на есаула.

– Кончайте всех! – велел Корень.

Казаки и гулящие люди с дикими воплями кинулись избивать безоружных стрельцов. Их рубили саблями, кололи копьями, крушили черепа и кости кистенями и дубинами. В полчаса со стрельцами было покончено, весь берег покрылся трупами, которые тотчас же начали сваливать с берега в реку.

Корень глянул на свои зелёные юфтевые сапоги: они были измочены в крови. Есаул забрёл в воду и начал их полоскать, равнодушно глядя, как чайка села на голову мёртвого стрельца и нацелилась выклевывать ему открытый глаз.

Лопатин шёл на переднем струге и часто оглядывался. На беду, не было ветра, и полковник покрикивал на стрельцов, чтобы они гребли сильнее, но те и сами понимали, что нужно спешить, и так рвали вёслами воду, что они трещали от их

напора. Стенька замешкался на Денежном острове, но недолго, вскоре его струги и лодки вышли на коренную Волгу и устремились в погоню, не настигая, но и не отставая от стрельцов. Началась гонка, которую государевы ратные люди должны были неизбежно проиграть, поскольку казаки на конях могли перенять их в любом месте до Астрахани, но впереди был Царицын. Там, в крепости, Лопатин думал укрыться от погони и засесть в осаду вместе с находившимися в ней государевыми людьми.

Вокруг Царицына было безлюдно, Васька Ус укрыл своих казаков в крепости, приказал снарядить все пушки свинцовым и каменным дробом, сам надел шубу утопленного воеводы Тургенева, обрядил с десяток человек в стрелецкие кафтаны и вышел с ними на самый верх крепостной стены, откуда их хорошо было видно с Волги. Полковник Лопатин, узрев ряженных воров, возрадовался и велел поворачивать струги к крепости. Васька Ус простёр свои хитрости дальше: только струги пристали к берегу, как он тотчас велел открыть крепостные ворота и вышел из них со своей ряженой толпой. Лопатину и стрельцам некогда было разглядывать, кто их встречает, они, толкая друг друга, поспешили на берег и побежали к крепости, ища в ней укрытия, и тут ударили все царицынские пушки, а из ворот на стрельцов накинудились казаки и гулящие люди. Нападение оказалось таким неожиданным, что стрельцы не оказали сопротивления, схватили и Лопатина с его ближними людьми.

Разин всё это видел воочию и был премного доволен удачей. Он сошёл на берег, где его встретил Васька Ус, и стал медленно приближаться к пленным.

– Где Лопатин? – спросил атаман.

Связанного верёвками полковника подтащили к Разину.

– А ведь ты изменник, Лопатин, – сказал Степан Тимофеевич. – Держишь руку бояр, а те самого великого государя Алексея Михайловича извести надумали!

Полковник отвернулся и молчал.

– Посадить его в воду! – велел Разин.

Несколько казаков схватили Лопатина и, покалывая копьём, повлекли к Волге.

– Стрельцов надо бы оставить для гребли, – напомнил Ус атаману.

– А что, стрельцы добро гребли! – повысив голос, сказал Разин. – Я едва за ними угнался. Жалую всех животом и сухарями!

Ошарашенные счастливым для них известием, стрельцы молчали. Они ещё не знали, что за служба в воровском войске им предстоит, но поняли главное – им оставлена жизнь.

– А это что за люди? – спросил Стенька, указывая на тех, что стояли поодаль от стрельцов.

– Саратовские кормщики, – ответил Ус. – И приказной человек, бывший с Лопатиным.

– А ну, ступай сюда! – велел Разин. – Для чего шёл со стрельцами?

Приказной, трепеща, предстал перед атаманом.

– Что вёз в Астрахань? – грозно спросил Степан Тимофеевич.

– Жалованье стрельцам, – пролепетал приказной.

– И сколько? – Разин был обрадован известием, после зимнего сидения в Риге денег у него не осталось.

– Десять тысяч рублей.

– А ну, веди на струг!

Деньги оказались целы, пять кожаных мешков: по две тысячи рублей в каждом. Атаман развязал один мешок и запустил в него руки.

– Что с приказным? – спросил Ус. – Кинуть в воду?

– Он нам нужен, – сказал Разин. – Посади его, Вася, писать прелестные грамотки. Пора поджигать Русь с волжского Низа до самой Москвы.

– Как тебя зовут? – спросил от приказного.

– Евсей Жилкин, – ответил тот, обрадованный, что его оставили в живых.

– Ступай за мной, Евсей, – сказал Разин. – А ты, Вася, бери деньги и неси в мою избу.

Пока Разин занимался деньгами, казаки обшарили другие струги и нашли несколько бочек зелена-вина, которое теперь по брёвнам бережно скатывали на берег. Удовольствие от находки

было столь велико, что на Уса и его ближних людей, несших мешки с деньгами, никто внимания не обратил. Всех занимало только вино и ничто другое.

– Что будем делать с этим, атаман? – спросил казак, пнув грязным сапогом бочку.

– Это как решит казацкий круг, – сказал Разин. – Решит в воду кинуть бочки, так и будет.

Ответом атаману стал разноголосый и протестующий шум толпы.

– Тогда не торопитесь, – сказал Разин. – Дождитесь людей Корня и пируйте!

– Да вот они! – закричали казаки. – Идут берегом!

Казаки Корня шли весело, опьянённые пролитой кровью стрельцов. Есаул восседал на своём коне в распахнутом кафтане и сдвинутой набекрень шапке, за ним на верёвке, спотыкаясь, шли Максим и Федот.

– Эге! – воскликнул Разин. – Кого ты, Корень, заарканил?

– Ночью, когда шли к острову, поймали на берегу. У них есть твой знак, атаман.

– Давно мне мои люди не встречались, – сказал Разин. – Но этих я не знаю. А ну, явите мой знак!

Корень нагнулся с седла и снял с шеи Максима нитку с двумя пуговицами.

– Знак мой, – сказал Степан Тимофеевич, внимательно рассматривая и нитку и пуговицы. – Отвечайте, что вы за люди?

– Я – Федотка, гулящий человек, а это Максимка, мой знакомец по дороге в Синбирск. Откуда у него, Степан Тимофеевич, знак, я не ведаю...

– Помолчи, ботало! – Разин начал хмуриться. – Говори, как попал к тебе мой знак?

– Меня послал к тебе купец Твёрдышев, – сказал Максим. – Он и дал мне твою метку.

– Твёрдышев... – Разин задумался, но вскоре его лицо просияло. – Как же! Помню купчину, одна выручил меня. Развяжи их, Корень!

Пленников освободили от пут, и Разин поманил Максима за собой, в сторону от чужих ушей.

– Что купцу надо?

– У меня для тебя от него грамотка, – Максим вынул из-за голенища кожаный чехольчик и подал Разину.

– Добро, – сказал атаман, беря грамотку. – Иди в крепость и будь подле моей избы. Я тебя кликну.

Разин, окружённый толпой приближённых, пошёл в крепость, а Максим стал оглядываться, отыскивая своего попутчика, и обнаружил его среди уже захмелевших казаков возле бочки с вином, где Федот потешал всех какой-то весёлой небывальщиной. «Федот не пропадёт, – решил Максим и пошёл в крепость, осторожно обходя пировавших казаков. – Уходить надо отсель, пока голова цела...»

Разин с ближними людьми пировал на просторном крыльце атаманской избы. На столе в огромном блюде были навалены куски только что вынутого из котла мяса, стояли кувшины с вином, и кубки не пустовали. Стенька мог выпить хмельного бесконечно много, но никогда памяти не терял, смотрел и примечал всё сказанное своими соратниками. А те, за столом, с атаманом особо не чинились, говорили ему всё, что думают, справедливо считая, что в этом и заключается казацкое равенство.

– А что, Степан Тимофеевич, на сей раз дувана не будет? – спросил, опорожнив очередной кубок, черкас Очерет. – Мои запорожцы поговаривают, что у стрельцов взяты несколько мешков с деньгами.

Разину вопрос Очерета пришёлся не по нраву, но он виду, что недоволен, не подал, лишь остро глянул на Уса, и тот понял, что от него хочет атаман.

– Да там и делить нечего, – небрежно произнес Васька. – Всего-то с десять тысяч рублей, как раз на то, чтобы вернуть долг воронежским посадским людям за свинец и порох.

– Мы, запорожцы, явились к тебе, Степан Тимофеевич, по твоему зову, – сказал Очерет, оставив без внимания слова Уса. – Казаки живут с войны, за свинец и порох мои люди не должны ни воронежским, ни другим. Стрелецкую казну надо раздуванить.

– Степан слово дал за всех казаков, что долг вернёт, – вступился за брата Флор. – Дуванить ещё будет что, гулевая путина только началась.

– Мои казаки слова воронежцам не давали, – гнул своё Очерет. – Их надо удовлетворить.

Упрямство черкаса вывело Разина из себя. Он крепко, так что подпрыгнула посуда, ударил кулаком по столу и вскочил на ноги.

– Ну раз так, – вскричал Степан Тимофеевич. – Не буду я вашим атаманом, ищите себе другого! Берите хотя бы Очерета!

Черкас побледнел и потянулся рукой к ножу на поясе, но Разин и не думал с ним биться. Опрокинув стол и скамью, он сбежал с крыльца и устремился к крепостным воротам. За ними на пологом берегу пировали казаки и гулящие люди. Своего атамана они встретили оглашенными криками радости и налитой всклень чарой зелена-вина.

Стоящий неподалёку от воеводской избы Максим услышал, как старый казак Однозуб молвил сам себе:

– Загулял Степан Тимофеевич не на один день. Знать, разобидели атамана соратники...

Максима сильно мучил голод, уже день у него во рту не бывало даже сахарной крошки, а вокруг так зовуще пахло варёным и жареным. Непроизвольно ноги понесли его к поварне, перед которой он и встал, глядя в её приоткрытую дверь, за которой шипело и шкварчило.

– Что стоишь, как сирота? – сказал мужик, появляясь на пороге поварни. – Жрать хочешь?

Максим сглотнул слюну и кивнул.

– Держи! – мужик вынес ему в глиняной чашке большой кус дымящегося мяса и ломоть хлеба. – Вина налить?

– Я хмельного не пью, – ответил Максим и вгрызся зубами в говядину.

– Ну, тогда жри! – обиделся мужик и ушёл в поварню.

Максим утолил голод, подошёл к бочке с водой, отодвинул ладонью в сторону мусор и напился. Мимо него прошли ближние люди атамана, которых вёл Васька Ус. Они решили извлечь Разина из загула, в который он мог впасть вместо того,

чтобы идти к Чёрному Яру на астраханских стрельцов. Рядом с другими есаулами шёл черкас Очерет, соратники понудили его повиниться перед Стенькой. Максим вспомнил, что Разин наказывал ему быть близ него, и пошёл за ними следом.

Появление Разина на казацком пиру добавило гульбе пыла и жара. Каждый казак норовил протиснуться к атаману и выпить с ним оба два заздравную чару. Стенька не отказывался, пил, не закусывая, наконец, по общему требованию всех казаков и гулящих людей, его усадили на днище большой бочки, чтобы он был виден каждому. Там его и нашли явившиеся к нему с повинной есаулы и старшины. Казаки дали им дорогу и, погалдев, затихли.

– Что надо? – сказал, встав на днище бочки, Разин. – Живите сами по себе, а я стану простым казаком. Не мешайте мне жить, как я хочу!

Ус и Фрол шпыняли Очерета, чтоб тот молвил покаянное слово, но упрямый хохол отмалчивался. Тогда вперед выступил Корень.

– Не держи обиды на сердце, Степан Тимофеевич, – с чувством произнёс есаул. – Пожалуй казацкое войско и нас, твоих побратимов, своей атаманской властью. А мы тебе дозволяем владеть нашими головами и казной так, как ты пожелаешь. Веди нас, хоть на Астрахань, хоть на самую Москву!

Разин протянул руку, и тотчас же в неё вложили чару.

– За вас, казаки! – произнёс атаман и выпил единым духом зелено-вино.

– На что вы мне нужны? – сказал он, отирая усы ладонью. – Утомили вы меня, друзьяки, ковы на меня строите, нет у меня на вас надёжи! Уйду я от вас! Меня сегодня к себе грамоткой святые соловецкие старцы позвали, просят, чтобы я опростал их монастырь от боярской осады. Мыслю, я им нужней, чем вам. Ну, какой с вас прок? Святые старцы мне за мои великие грехи прощенье у Господа вымолят, а какого добра ждать от вас? Ступайте от меня подале и решайте, кому быть атаманом!

Казаки жадно прислушивались к каждому слову своего предводителя и начинали всё более и более волноваться.

– Не время, Степан Тимофеевич, считать обиды, – сказал

Васька Ус. – Не держи на нас зла. И помни, что обещал всему казацкому войску. Ты за него в ответе!

И тут внезапно на то место, где стояли есаулы, упал откуда-то сверху вихревой столб и ослепил всех на миг, взбаламутив песчаную пыль. Люди перестали видеть друг друга, ослеп и Стенька, и знакомый голос явственно раздался в его ушах:

– А что ты обещал мне, атаман? Не вздумай отречься! Вона что удумал, какие такие соловецкие старцы тебя поманили! Ты мой, Стенька, на всю твою жизнь...

Разин почувствовал, что его покидают силы, и опустился на днище бочки. А вокруг него бушевали над казацким станом уже десятка два вихревых столбов, поднявшихся от земли до внезапно появившихся туч, которые начали стрелять молниевыми высверками, громыхнул гром, пошёл холодный дождь с градом, и люди начали разбегаться в разные стороны. Фрол и Ус бережно сняли Разина с бочки и, взяв под руки, повели в крепость.

Максим от непогоды убежал на берег, под густые ветки больших вётел, прижался к стволу дерева и стал смотреть на взбаламученную, расходящуюся белопенными волнами Волгу, на которых то исчезала из виду, то поднималась на гребне волны утлая лодка с двумя людьми. «Не выгребут, – сожалел о несчастных, подумал Максим. – Какое здесь, однако, проклятое место, всего день минул, а сколько смертей успел повидать». Он отвернулся от реки и, привалившись спиной к дереву, сел на корточках.

Буря ушла так же внезапно, как и набежала. Засияло солнце, и мириады дождевых брызг на траве и листьях деревьев отразили его свет так ослепительно ярко, что, глянув вокруг, Максим невольно зажмурился. Он посмотрел на Волгу, она ещё вскипала волнами, и увидел, что в нескольких саженях от берега качается лодка, а в ней лежат два человека. Максим быстро снял сапоги и штаны и кинулся в воду. Люди были живы, но совсем обессилили, он начал их тормошить. Это помогло, первым опомнился молодой парень.

– Не приведи, Господь, такое видеть, – стуча зубами, сказал он. – Поехали с батей поснимать снасти, и такое узнали!

– Что, чудо-юдо в сетях, запуталось?

– Какое там чудо-юдо! Тянем сеть, а там человек с проломанной головой. Оглянулись, а по Волге косяком мертвяки плывут, и прямо на нас. А как волны расходились, то и они, показалось, ожили: один рукой машет, другой на волне стояком встаёт. Откуда они взялись?

Максим понял, что это были стрельцы, казнённые на Денежном острове, но парню ничего не сказал. Он встал и посмотрел на Волгу. Она была пуста.

– 11 –

Максим устроился на ночёвку под навесом за атаманской избой. Надёргал себе охапку сена с воза, лёг на неё и тотчас уснул, будто в полынью провалился. Едва начало светать, как его нашёл и растормошил Федот. Максим с неохотой раскрыл глаза и заулыбался: нос и губы попутчика были расквашены чьим-то крепким кулаком.

– Видать, ты весело погулял?

– Не помню, что и было, – сказал Федот. – Проснулся верхом на заборе, как на коне. А ты как?

– Жду, когда Разин к себе позовёт.

– Беда у меня, Максимушка, – искательно произнес Федот.

– Что стряслось?

– Голова потрескивает, как переспелый арбуз. У тебя нет в долг с пяток полушек? Я тебе с первого же дувана верну, вот те крест!

– Чудно, – сказал Максим. – Был ты для меня попутчиком, а теперь захотел стать дорогим другом.

– Как так? – удивился Федот.

– А так. Раз деньги у меня просишь, я мыслю, что без отдачи, значит, ты и есть дорогой для меня друг.

– Тебе смешки, – обиделся Федот. – У меня же с головой беда, спасу нет! Дай, брат, денег, я тебе ещё сгожусь.

Максим ослабил завязку своего кошелька и вытряс оттуда пять полушек.

– Бери. Что окрест слышно?
– Атаман велел забрать всё вино у гуляк и запереть в амбар, – ответил Федот, засовывая полушки за щеку.
– Тогда на что тебе деньги? – удивился Максим. – Вина же нет.
– Молод ты ещё, парень, и не знаешь, что амбар с вином не псы стерегут, а люди, с ними всегда можно договориться!
Повеселевший от полученных денег Федот вприпрыжку побежал похмеляться, а Максим повытряс из головы сено и выглянул из-за угла избы. На крыльце голый до пояса стоял Разин и пил из большого кубка огуречный рассол. Он ещё не успел крепко загулять и смог остановить себя, памятуя, что его ждут у Чёрного Яра астраханские стрельцы.
– Это ты, синбирянин? А ну, поди сюда!
Максим приблизился к крыльцу, поднял глаза на атамана и поразился могучей стати его тела. Разин был не очень высок ростом, обычно одежда скрадывала необычно широкий размах его плеч, но голяком атаман ошарашивал всякого своей видимой мощью, и равных ему по силе казаков не было.
– Ты старой веры держишься? – спросил Разин.
– Чту веру отцов, – ответил Максим и перекрестился двуперстно.
– Как Твёрдышев? Не натёр купеческий хомут тебе холку?
Вопрос смутил Максима, и он промолчал.
– Парень ты хоть куда, – сказал Разин. – Иди ко мне в денщики, мне нужны для посылок сметливые люди.
– Мне надо в Синбирск, – ответил Максим, догадываясь, что быть близ атамана смертельно опасно.
– Ты что, по Твёрдышеву заскучал? – усмехнулся Разин. – Так мы скоро будем там, вот от князя Львова примем стрельцов, которых он привёл из Астрахани, и пойдём на верховые города.
– Мне невесту надо вызволить от помещика, – торопливо пояснил Максим. – Он её в неволе держит.
– Вон, оказывается, какие у тебя дела, – задумчиво произнёс Разин. – А может, ты всё врешь? Я решу, как с тобой быть. А пока не пропадай и будь подле меня.
Чуть позже, когда Разин оделся по-походному, к нему начали

подходить есаулы и старшины. Они приглядывались к своему атаману, в каком он нраве с утра и что от него можно ждать – ругани или ласкового слова.
– Подняли войско к выходу?
– Казаки коней седлают, – сказал Ус. – А пеших посадили на струги и лодки.
– Корень! Веди казаков! – велел Разин. – А я пойду Волгой. Любим!
На зов атамана явился молодой с улыбочивыми глазами казак.
– Атаманствуй, Любим, на Царицыне. Всех посадских людей поверстай в казаки, пусть живут по вольному казацкому обычаю.
– Добро, Степан Тимофеевич, так и сделаю, – весело сказал казак. – Все будут казаками, до последнего пономаря!
– Оставляю тебе полсотни казаков, – решил Разин. – Если будут худые вести, гони ко мне на Чёрный Яр посыльщика.
К нему подвели его любимого боевого коня в дорогой, украшенной золотыми бляхами сбруе. Атаман вставил носок красного сафьянного сапога в стремя и легко сел в седло. За ним воссели на своих коней его ближние люди, и все направились на выход из крепости, за которой собралось, готовое к походу, казацкое войско. Появление Разина было встречено громким шумом, толпа раздалась на две стороны, и люди с восторгом и беспредельным обожанием смотрели на ехавшего мимо них атамана. Разин и впрямь был великолепен и затмевал своим богатырским видом всех, кто был с ним рядом, поэтому его появление всегда колдовски действовало на людей. Каждый видел в нём свою мечту о сказочном богатыре, который появится на русской земле, чтобы установить равную для всех правду и волю.
К тем стругам, что были у Разина, добавились захваченные у стрельцов, в них и в лодках разместилась пешая часть войска. Конные казаки во главе с Фролом, Корнем и Очеретом пошли берегом. Васька Ус находился с атаманом, ему поход на Чёрный Яр был не по сердцу, потому что отдалял войско от Москвы, куда, не теряя времени, следовало устремиться, пока люди не устали, и среди них не начался разброд и шатание.

– Что не весел, Василий? – спросил Разин, подходя к стоявшему на корме Усу. – Глянь вокруг: струги и лодки всю Волгу заполонили. Растёт наша сила...

– С чего веселиться, Степан? – тихо молвил Ус. – Прибежала к тебе тыща людишек, завтра ещё три тыщи прибегут, но туда ли мы идём?

– Опять ты за своё взялся, – улыбнулся Разин. – Нельзя стрельцов оставлять позади себя, могут в спину ударить. Сегодня они ждут меня, а завтра задарят их бояре, и они пойдут против нас.

– Зря на них время тратим, – сказал Ус. – Нам бы сейчас не сюда идти, а на Пензу, Тамбов, оттуда боярские гнёзда поджигать надо, мужики поднимутся, против них ни одна сила не устоит.

– Опять про Пензу, Тамбов, – поморщился Разин. – От Волги я не отойду, вот растрясём купчиху Астрахань, раздуванием и двинемся на верхние города. Однако ты прав, известить православный и другой люд о своём приходе надо.

И Разин велел разыскать и привести к нему приказного человека Евсея Жилкина.

– Вот тебе, Вася, писарь, – сказал он. – Пусть строчит прелестные грамотки в верховые уезды, а ты ему скажи, как писать, чтобы каждого мужика проняло насквозь. Объявляй всем, что Степан Тимофеевич идёт на Русь дать людям правду и волю!

Максим не отстал от Разина и зашёл на струг следом за ним. Поместился он неподалёку от кормы. Там стояла дощатая палатка, где атаман по большей части и пребывал, прохладаясь в тенёчке и на сквознячке, потому что было нестерпимо жарко, и острее всех чувствовали этот зной московские стрельцы, ворочавшие тяжёлыми вёслами под бичом свирепого казака – кормщика.

– Я из вас повытоплю московский жир! – время от времени говорил он и хлестал бичом кого-нибудь из гребцов. – Вы уж, сволочи, расстарайтесь на службе Степану Тимофеевичу!

К полудню зной стал невыносимым, из калмыцких степей и пустынь тянуло, как из печи, сухим жаром. Все люди на струге

искали укрытия, но, казалось, сама Волга до того нагрелась, что в ней вот-вот закипит вода. Кто-то придумал от борта к борту протянуть веревки, и на них развесили, снимав с себя, одежду, под этим хилым укрытием и попрятались от солнца, а гребцам и того не было, они жарились на солнцепёке, как и кормщик, которого, казалось, жара не угнетала. Он продолжал прохаживаться по стругу и пощелкивать своим плетёным бичом.

У Максима пересохло во рту, он подошёл к ведру, попробовал воду и поморщился: вода была почти горячей. Он выплеснул её и, держа веревку, бросил ведро за борт, зачерпнул в него воды и поднял наверх. Приладилась напиться и вдруг услышал стон. Максим оглянулся. Один стрелец, сомлев от жары, упал ничком на доски. Кормщик подбежал к нему, занёс бич для удара, но, повинуясь какому-то внезапному порыву, Максим перехватил его руку и крепко сжал. Почувствовав силу парня, кормщик рванулся и напрасно: Максим его уже отпустил, и казак, споткнувшись, упал на спину. Затем быстро вскочил и потянулся рукой к ножу на поясе.

– Оставь его, Лучка! – раздался голос Разина. – А ты, синбирянин, иди сюда. Ты что у меня на струге смуту устраиваешь?

Голос атаман был так грозен, что душа у парня дрогнула: он бухнулся перед Разиным на колени.

– Я нечаянно уронил кормщика.

– Ба! Ты меня удивил, синбирянин, – чуть помедлив, сказал Разин. – Я тебя хотел поверстать в казаки, а душа-то у тебя холопья. Передо мной только баре на коленях елозят, а простой люд стоит со мной вровень. Скажи, разве я барин?

– Нет, атаман, – пролепетал Максим.

– Что ж мне с тобой делать? – задумчиво и отрешённо произнес Разин. – Может, ты знаешь?

Максим понял, что сейчас решается для него главное: жить ему или умереть. Несмотря на жару, ему вдруг стало зябко, сквозь тьму в очах привиделись стрельцы, падающие под кистенем Чикмаза.

– Ладно, – наконец решил Разин. – Будь пока подле меня, а я промыслю, как возвратить тебя в Синбирск.

На негнувшихся ногах Максим дошёл до своего места и, упав на доски, закрыл глаза. Такого леденящего душу страха он ещё никогда не изведывал. Стенька мог не только кулаком, но и словом изуродовать человека до полусмерти.

– 12 –

Товарищ астраханского воеводы князь Семён Львов уже несколько дней стоял в Чёрном Яру, небольшой крепости на берегу Волги, на полпути между Астраханью и Царицыным. С ним были четыре приказа стрельцов и полтысячи вольных людей, посланных воеводой князем Прозоровским против Разина, когда стало известно, что он опять явился на Волгу и занялся воровским промыслом. Астраханское войско было ненадёжным, и стрельцы, и вольные охочие люди, завистливо помня прошлогоднюю гульбу Стеньки в Астрахани, где он сам и его люди раскидывали золото и жемчуг горстями, только и чаяли переметнуться на сторону удалого атамана. С этим настроением они и пришли в Чёрный Яр, где князь Львов велел своему войску окопаться, сделать валы и рвы, чтобы не дать Разину пройти на Низ, к устью Волги.

Уже несколько дней стрельцы и вольные люди изнывали от жары, работали с неохотой и так огрызались на своих полусотников, сотников и стрелецких голов, что те от них отступились. Князю Львову настроение стрельцов было безразлично, он с нетерпением ждал появления Разина и надеялся с ним поладить, и эта уверенность имела весомые причины. Прошлой осенью князь на тридцати шести стругах с четырьмя тысячами стрельцов гонялся за Стенькой, когда тот явился со своим бунташным воинством из Персии. Кончилась погоня тем, что Львов послал Разину милостивую государеву грамоту, встретился с ним и стал явным обожателем знаменитого вора, вместе с ним пировал, подарил ему икону Георгия Победоносца, даже обменялся со Стенькой нательными крестами и таким образом стал ему названным братом. Разину крестное родство с высокородным князем весьма польстило, а

Семёну Львову оно вскружило голову до такой степени, что он не мог ни о чём другом думать и говорить, как об атамане, которого ждал в Чёрном Яру.

Поверенным своих чувств к Стеньке Львов избрал немца Людвиг Фабрициуса, который в качестве поручика находился на царской службе в Московии, человека весьма проникательного и хитрого. Он был готов без всяких признаков усталости выслушивать часами излияния князя, удивляясь лишь тому, как это может русский вельможа подружиться с разбойником. У них, на Неметчине, такое было невозможно, там дворяне с разбойниками не водились, а вот разбойниками становились и довольно часто.

– Ты представить себе не можешь, Людвиг, какой это самородок! – восторженно говорил Львов. – Могучий, как Самсон, при мне громадного быка как хватил кулачищем по лбу, что тот даже не поспел взмыкнуть, грохнулся наземь и тут же испустил дух! А ты бы слышал, как он поёт, диакон Илларион из Троицкого монастыря по сравнению со Стёпой комар писклявый! О щедрости его ты, конечно, слышал. Не моргнув, поставил передо мной корзину алмазов, выбрал самый крупный и подарил. Я затем дал посмотреть камень знающим людям, так те его оценили в три тысячи рублей! Стёпа тебя полюбит, Людвиг, немцы ему нравятся своей честностью.

– О, я, я, то есть да, – отвечал Фабрициус, вовсе не мечтающий попасть в руки самому знаменитому в Московии вору, о кровавых проделках которого он был слышан. – Я буду ему нравиться. Только где я его увижу?

– Скоро он будет здесь, – говорил князь Львов. – То, что ты увидишь, выше всякой моей хвалы. Давай, поднимем чары за скорый приход моего крестного брата!

Князь отправился в поход не пустой, а взял с собой несколько бочонков заморского вина, он знал, что Стенька падок на сладкое. Были для него припасены и подарки: чуга из лазоревого атласа, штаны из китайского тяжелого шёлка и сапоги с голенищами из куланьей шкуры на высоких золотых каблуках.

Но вот и пришла первая весть о Разине. В шатёр к князю просунул голову его доносчик Филька.

– Казаки подошли к валу, смущают стрельцов на измену!
Львов толкнул в плечо изрядно захмелевшего Фабрициуса.
– Вот и дождались Степана Тимофеевича! – радостно вскричал он. – А где атаман?
– Казаки кричат, что он Волгой идёт, на стругах, – доложил Филька. – Завтра будет.
– Пошли, Людвиг, глянем на казаков, – сказал князь и потянулся за сапогами.
Три тысячи стрельцов и охочих вольных людей стояли и сидели на валу вокруг Чёрного Яра, а перед ними, поднимая сухую глинистую пыль, скакали и рысили на своих конях казаки, задирая государевых людей насмешливыми выкриками.
– Ступайте к нам, астраханцы! Хватит воеводам сапоги вылизывать! Эй, хилоногие и кислопузые, кто на коня влезет, того атаман пожалует казачеством!
Появление Львова вызвало у казаков злобное ликование, они начали князя лаять и поносить, суля ему скорую гибель.
– Не бывать тому! – затопал ногами Семён Иванович. – Всем ведомо, что атаман мой названный брат, и с вас взыщется атаманом, ужо попробуете от него палок!
Для многих казаков это известие было в новинку, они прикусили языки, а тут к валу выехал есаул Корень, и чудо: приветствуя князя, приподнял свою шапку.
– Будь здрав князюшка, Семён Иванович! – сказал есаул. – Велишь сейчас ворота открыть или будешь поджидать Степана Тимофеевича?
Услышав такое, князь Львов поперхнулся и упрекнул себя в несдержанности: за то, что он крестный брат вору, государь может и помиловать, а за прямую измену пощады не будет. И он, цепляясь за Фабрициуса, скатился на крепостную сторону вала.
Стрельцы шумели всю ночь, вопрос о переходе на Стенькину сторону был решён сразу и бесповоротно, спорили об одном – хватать своих начальных людей сейчас или ждать прихода Разина. Так и проспорили всю ночь, а все стрелецкие головы, сотники и полусотники, не имея возможности бежать, молились,

а некоторые, при этом и плакали, вспоминая своих любимых и близких.

В воеводском шатре тосковал Фабрициус, вино его уже не веселило, близость грозного вора опаляла его молодую душу ознобом страха.

– Дозволь мне уйти, князь, в Астрахань, – сказал он, искательно взирая на воеводу.

– Степан немцам дурна не сделает, – отмахнулся от поручика Львов. – Ты мне лучше поведай, как на Неметчине один воевода сдаётся другому? У нас ведь порядки дикие, мигом забьют в колодки, будь ты и рюриковых кровей.

– Доннер ветер! – изумился Фабрициус. – Ты надумал сдаваться названному брату?

– Сила силу ломит, – усмехнулся Львов. – Не кидаться же мне ему на шею при всех людях. Москва далеко, но всё ведаёт.

– У нас воевода подаёт другому воеводе свою шпагу в знак того, что согласен на сдачу в плен.

– А ну, покажи! – оживился князь. – Бери мою саблю и показывай!

Фабрициус взял в руки княжескую саблю, вынул клинок из золочёных ножен, повернул его рукояткой к Львову и, церемонно поклонившись, подал.

– Ловко! – восхитился Семён Иванович. – Мастаки вы, немцы, приплясывать. А ну, я!

Взяв саблю, он сделал несколько неловких движений и, остановившись, почесал затылок.

– Нет, не годится. А вот ты, Людвиг, спляши по-немецки перед Степаном Тимофеевичем, он тебя пожалует.

С первыми лучами солнца перед Чёрным Яром появились разинские струги, и стрельцы, не сговариваясь, накинулись на своих начальных людей. Стрелецкие головы, сотники и полусотники были схвачены, связаны и свалены кучей посреди крепости. Их участь должен был решить Разин.

Доносчик Филька тотчас доложил о стрелецком бунте Львову, тот побледнел и затаился с Фабрициусом в шатре, который стрельцы обходили стороной, но бросали на него алчные взгляды. Князь был богат, и у него было чем

поживиться. От грабежа и убийства воеводы стрельцов удерживал слух о дружбе между Львовым и атаманом.

Разинские струги и лодки подошли к берегу, где их встречали стрельцы и казаки Корня. Образовалась огромная толпа в десять тысяч вооружённых людей, которые радостно кричали и размахивали оружием, всё смешалось, но появление Разина утишило всех. Атаман стоял на борту струга в своей лучшей одежде: на плечах – расстёгнутая ярко-зелёная чуга с золотыми по рукавам и подолу вошвами; на нём были камчатые цвета засохшей крови широкие штаны на наборном, с золотыми бляхами поясе, который Стенька сорвал с нахичеванского хана; сапоги украшали вделанные в носок и в пятку крупные алмазы самой чистой воды; за пояс была заткнута тяжёлая от золота и драгоценных камней сабля.

– Со встречей, дружьё! – возгласил Разин так мощно, что паривший в небе коршун от испуга свалился с высоты и захлопал крыльями. – Низкий поклон астраханцам от вольного Дона! Пришёл час, други, всей нашей силой опрокинуться на верховые города, поднять коренную Русь против бояр, дать людям казачью волю и справедливость!

Слова Разина были встречены людьми одобрительными криками. Атаман сошёл со струга, толпа покачнулась и освободила ему проход к крепостице. За ним шли его ближние люди и старые заслуженные казаки, соратники Стеньки по персианскому походу. Их одежда была богатой, но видно, что они её не берегли, изорвав и замарав, меняли на новую, которую находили на купцах и других богатых людях.

– Эге, я вижу, вы тут до меня славно потрудились! – сказал Разин, увидев связанных стрелецких начальников.

– Суди их, атаман, казацким судом! – закричали из толпы. – Это супостаты рода человеческого!

– Так ли велики их вины? – спросил Разин, всходя на крыльцо воеводской избы. – Может, отпустить? Пусть бегут себе в Астрахань?

Ответом атаману и смертным приговором начальникам был оглушительный рёв толпы. Разин поднял руку, и шум начал стихать.

– Будь по-вашему! – сказал Стенька и поманил к себе Очерета. – Казни их, Остап, чтобы московским боярам страшно стало.

– Добро! – хищно осклабился Очерет. – Всё сделаю.

– Что это я не зрю князя Семёна Ивановича? – спросил Разин своё окружение. – Часом, не затаил ли он на меня недовольство? Или его стрельцы вышибли из воеводской избы?

– Нет, атаман, – ответили из толпы. – Князь цел, но вышибли его из избы не стрельцы, а клопы, и он живёт в шатре за пряслами.

– Ведите меня к нему, – сказал Разин. – Давно мы с ним не виделись.

Князь Львов, узнав о приходе Разина, велел своим слугам готовить праздничный стол из всего лучшего, что у него есть, а сам начал переодеваться в самые дорогие одежды. Фабрициус уныло смотрел на хлопоты князя и думал о том, как остаться живым, но ничего дельного ему на ум не приходило.

– Чего же мне ждать, князь? – спросил немец.

– Ты сначала бы рожу сполоснул, – буркнул Львов. – А Степану Тимофеевичу поклонись, ты ведь это умеешь. Позабавишь атамана и жив останешься.

– Идёт! – в шатёр просунулся доносчик Филька.

– Поторапливайся, Людвиг! – сказал Львов и, приосанившись, поспешил навстречу атаману. Тот шёл в гости к своему названному брату с Фролом и несколькими казаками личной охраны. Сойдясь с князем, Разин облапил его и так стиснул в своих медвежьих объятиях, что у Семёна Ивановича затрещали кости.

– Будь здоров, брательник! – весело молвил Разин. – Дал Бог снова свидеться. Как жив?

– По малу жив, Степан, а правду один Господь ведаёт.

– А это кто? – спросил Разин, указывая на Фабрициуса.

– Немец на царской службе, – ответил Львов. – Пушками ведаёт.

Фабрициус, поняв, что речь пошла о нём, встрепенулся, выхватил из ножен шпагу, перехватил её за остриё, поднёс ко лбу, затем с ужимистым поклоном протянул атаману.

– Что это с ним? – удивился атаман. – Он часом не убогий?
– Возьми шпагу, – сказал Львов. – Это он на твою милость сдаётся и просит пощады.

– Я немцам не враг, – важно сказал Разин, беря шпагу. – Они сметливые люди, я видел построенный ими большой струг «Орёл». А ты, немец, в пушечном деле горазд?

– До сей поры ставил пушки в астраханском кремле, – уже освоившись, ответил Фабрициус.

– Ты-то нам и нужен, – сказал Разин. – Я иду на Астрахань. Фрол, пригляди за немцем, чтобы его наши казаки не зашибли ненароком. Он нам пригодится.

– Изволь, брат, откусать хлеба-соли, – сказал Львов. – И тебе, Фрол, кланяюсь тем же.

Стол был устроен рядом с шатром на сосновых досках, покрытых куском алого бархата. На серебряных блюдах лежала рыба всякого приготовления, холодная варёная говядина, копчёный лебедь, сушёный виноград, яблоки, груши и арбузы на меду, отдельно стояли большие кувшины сладкого вина, русское зелено-вино и серебряные чарки.

– Вижу, не оскудела твоя кладовая, Семён, – сказал Стенька. – А я часто вспоминал твои обеды, когда бедовал с казаками на Риге. Потчуй, брат!

Изрядно отведав вина и съев половину копчёного лебедя, Разин отвалился от кушаний и довольно сказал:

– Богатый у тебя стол, князь! Учись, Фролка, как нужно встречать брата.

– Годи до Астрахани, Степан. Там я тебя угощу по-царски!

– Будет врать, – лениво махнул рукой Разин.

– А вот и не вру, и Семёна Ивановича отгощу.

Львову замыслы Разина явиться в Астрахань были не по душе, там его близость к атаману могла быть опасной.

– А мне тут нашёптывали, – сказал он, – что ты на верховые города пойдёшь.

– Чем же плоха Астрахань? – хохотнул Стенька. – Чем она не невеста для казаков? Накопила приданого, пора замуж. Вот сыграем свадьбу и пойдём вверх.

До ушей пирующих донёсся дикий нечеловеческой силы вопль.

– Что это? – всполошился Львов и попытался встать со скамьи.

– Сиди! – придавил его тяжёлой, как бревно, рукой Разин. – То Очерет казнит стрелецких начальников. Наливай, Фролка, нашего зелена-вина!

Получив повеление Разина казнить начальных людей, Очерет рьяно принялся за дело. В Чёрном Яру были собраны и свезены на берег Волги всё подходящие брёвна, которые добровольные помощники руководителя казни вкопали в землю, устроили на них перекладыны, повесили цепи и крючья. Скоро нашлись и добровольцы на исполнение казней не из казаков, а из сволочи, которая сбилась вокруг них в изрядном множестве. Они-то и кинулись подсоблять Чикмазу и его помощникам, волокли стрелецких начальников к столбам, вешали людей вниз головой, цепляли их за рёбра на крючья, а стрелецких голов отличили особо: четвертовали и кинули в Волгу.

Войско, встретив начало казней гулом одобрения, увидело потоки крови, льющейся со всех сторон, и оторопело. Люди замолчали, уставились в землю очами, избегая смотреть друг на друга. Они ждали веселья, а получили стыд и горе, ведь они были христианами, и Божий страх ещё не выветрился из них до конца. Васька Ус это понял и крикнул, чтобы выкатывали бочки с вином, которые казаки нашли на одном из захваченных вчера торговых стругов. Народ оживился, повеселел, все начали пить безмерными ковшами, чтобы впасть в пьяную темноту и не видеть ничего вокруг. Началось великое гульбище и попойце, которые продолжались всю ночь, и когда настало утро, разинский стан напоминал поле сражения, в котором погибли все: люди лежали вповалку вокруг столбов с казнёнными, и над ними летали кругами чёрные птицы.

Князь Львов уступил своё ложе атаману, а сам лёг на войлочную кошму, постеленную на землю. На новом месте ему плохо спалось, он то и дело просыпался, и когда на рассвете в шатёр просунулся Филька, он сразу открыл глаза.

– Что там стряслось?

– Господине, казаки переняли караван стругов и среди них твой.

– Что с ним? – подскочил, как ужаленный, князь. Товары на струге были богатые, из Персии. Львов надумал их провезти до Москвы, надеясь на Разина, и получить от их продажи большую выгоду.

– Пока целы, – прошептал Филька. – Приказчик объявил, что они принадлежат Степану Тимофеевичу.

– Ступай! – отослал князь доносчика и задумался. Струг надо было срочно выручать, а то товары мигом раздуванят по пьяному делу, а потом какой с питухов спрос, сам Стенька не сможет их возвратить, мигом промотают и распродают, за войском шли воровские торговцы, в их бездонных кулях и ларях может сгинуть не один струг.

– Степан, проснись, – нежным голосом князь позвал Разина. – Беда у меня, Стёпа, такая беда!

– Что стряслось? – спросил Разин, не открывая глаз.

– Беда у меня, Степанушка, твои ребята перехватили мой струг с красным товаром, как бы не раздували.

– Без атамана дувана не бывает, – сказал атаман и, опершись на руки, сел на ковре. – Кто нарушит уряд, тому смерть. Впрочем... Бумба! Зайди!

В шатер вошёл приземистый крещёный калмык и вопрошающе уставился на Разина.

– Сбегай, Бумба, на Волгу и скажи, чтобы струги не трогали. Особенно его.

Калмык, приложив руку к сердцу, поклонился, вышел из шатра, и вскоре раздался конский топот.

Разин встал, потянулся к своей чуге, взял её и выругался: рукав платья был измазан блевотной нечистотой.

– Фролкина работа! – Он отшвырнул чугу. – Слаб на винопитие, а лопать горазд!

Князь встрепенулся, он вспомнил о припасённом для Разина подарке.

– Годи, брат! – воскликнул он. – Я для тебя подарок припас.

И развернул перед ним свёрток с одеждой. Разин даже зажмурился от радости и сразу схватил сапоги с золотыми каблуками, таких он ещё не нашивал.

– Угодил, брат! Дай я тебя обниму.

Князь с опаской приник к атамановой груди, но тот на этот раз обнял его бережно и легонечко. Разин переоделся, переобулся и вышел из шатра. Стол уже был накрыт не менее богато, чем вчера. На нём были свежая стерлядь, на Волге начинался ход рыбы, икра и всякие другие вкусности. Названные братья выпили по большой чарке вина и приступили к трапезе.

Скоро к ним подскакал посланный атаманом калмык.

– Что, Бумба, всё цело? – не поворачивая головы, спросил Разин.

– Всё, – ответил калмык. – Есаул Корень возле стругов поставил сторожей.

– Сгоняй ещё раз туда же, – сказал Разин. – Возьми с моего струга парня-синбирянина и доставь сюда.

Максим ночь провёл на струге, на берегу творилось такое, что у него волосы на голове вставали дыбом. Полторы сотни людей, как он ни отворачивался, казнили у него на глазах. Вода у берегов от крови окрасилась в розовый цвет, подвешенные за ноги и на крюки люди мучились долго, всю ночь вопили и стонали и только к утру затихли. Наконец и ему удалось впасть в сонное забытие, из которого его извлёк на свет посланный атаманом калмык.

– Встряхнись, парень! Тебя атаман кличет.

Разин уже успел опорожнить три чарки вина и пребывал в благодушном настроении. Он ласково смотрел на угодившего ему подарками князя и, нет-нет, да поглядывал на золотые каблуки сапогов, которые жарко вспыхивали от солнечных лучей.

– Ты что такой бледный? – улыбаясь, спросил Максима атаман. – Гулял всю ночь с моими ребятами?

– Не спал. На берегу было шумно.

– Разве это шум, – сказал Разин. – Вот годи, придём в Синбирск, уж там пошумим так пошумим! Дело для тебя есть – проводить княжий струг до Синбирска. Буде воровские ребята до тебя пристанут, покажешь им мой знак. Он у тебя цел?

– Цел, – ответил Максим. – Купцу Твёрдышеву что передать?

– А ничего, скажи только, что скоро буду в Синбирске. Может, как раз к твоей свадьбе успею. Или ты меня ждать не будешь?

Максим смутился и потупился, гадая, о чём спросил его атаман. Вроде бы про свадьбу, но парню показалось, что не только об этом.

– Ладно, ступай, – усмехнулся Стенька. – Мы ещё встретимся. Но ты зря думаешь, парень, что можно сквозь огонь пройти и волос не опалить. Такого не бывает.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

–1–

Великий государь Алексей Михайлович находился в благоприятном расположении духа: с утра его порадовал редким подарком его ближний боярин Богдан Хитрово. Преподнёс царю его парсуну, написанную изуграфом Оружейной палаты. Собственное изображение взволновало государя, он взял парсуну в руки, подошёл к окну и долго её рассматривал.

– Я, Богдан, хотя это патриарх и не одобряет, иногда гляжу на себя в зеркало, – сказал великий государь, ставя подарок на столец. – Я в зеркале вижу себя живым. А это то же зеркало, но оно неживое, там я на себя и не похож. Да и приукрасил меня парсунщик изрядно, я морщат, а тут будто молодильных яблок наелся.

– Это я ему велел, великий государь, так сделать, – осторожно произнёс Хитрово.

– Угодить мне надумал? – усмехнулся Алексей Михайлович. – Что с тобой, Богдан, ты ведь таким не был?

– Парсуна великого государя написана не для взглядов людей сего дня, а для потомков, – сказал Хитрово. – Для них будет важна державность облика великого государя, и это в парсуне есть.

– Говоришь, державность, – улыбнулся Алексей

Михайлович. – Государь Иван Васильевич, не к ночи будет помянут, смотрится на своих парсунах куда как державно, а что после себя оставил? Сына Федю-дурачка, да Бориску Годунова, разве не они подвели царство к Смуте?

– Такое больше не повторится, – твёрдо ответил Хитрово. – Род Романовых промыслен самим Господом на благо православной Руси.

В дверь царской комнаты кто-то легонько стукнул. Стольник на крюке, молодой парень, встрепенулся и вопросительно глянул на царя.

– Спроведай, кто там, – сказал Алексей Михайлович и, подойдя к столцу, повернул парсуну лицом к стене.

– Князь Иван Богданович Милославский, – негромко произнёс стольник.

– Зови! – сказал великий государь и, скинув с кресла своего любимого кота, сел и построжел лицом.

Тяжело ступая, в комнату вошёл князь Милославский и земно поклонился царю.

– Ты скор на сборы, хвалю, – сказал Алексей Михайлович. – Не как другие. Есть у нас воеводы, что легко находят причины подольше задержаться в Москве. Начнут то зубами маяться, то животом, ведь так и от притворства можно помереть, как стольник Дурасов. Или врут про него, Богдан?

– Почти правда. Он велел вырвать себе здоровый зуб, от воспаления нарыв ударил ему в голову.

– Мой князь Иван не таков, – сказал Алексей Михайлович. – Когда думаешь ехать на Синбирск?

– Завтра поутру, великий государь.

– Знай, что вор Стенька Разин пошёл на Москву войной. Убил посланного мной жильца Евдокима, собрал вокруг себя голутвенных казаков, набежал на Царицын, взял его и утопил в Волге воеводу Тургенева. Из Астрахани мне отписали, что против вора выступил второй воевода князь Львов с шестью приказами стрельцов, но на них у меня надежды нет, астраханцы известные переметчики к ворам. Мыслию так, что волжский Низ будет Стенькой захвачен, и он опрокинется на верховые города. В Самаре и Саратове крепостишки худые, их

не удержать, посему жди вора в Синбирске. Вот Богдан Матвеевич строил сей град, те края знает.

– Не чаял, что моему Синбирску случится воевать, – сказал Хитрово. – Крепость там добрая, частью из дуба, частью сосновая. С Волги град не взять, там обрыв, остальные три прясла защищены надолбами, рвом и валом. Чтобы войти в Синбирск, нужно иметь ломовые пушки или положить столько людей, чтобы гора трупов сравнялась со стенами.

– Людишки к Стеньке набегут, только он появится, – сказал Алексей Михайлович. – Всякая безначальная мордва и чуваша, и наши русские крестьянишки забунтуют. Слышно, вор мечет в рязанских, нижегородских уездах прелестные грамотки, а мужикам того и надо, чтобы кто-нибудь им посулил волю, возьмутся за дубьё и начнут гвоздить служилых людей и их семьи. И откуда такая злость в народе, ума не приложу!

– Я так мыслю, – наконец решился произнести свое слово князь Милославский. – Бунт – что моровое поветрие, вылечить от него народ нельзя, эту язву нужно прижигать раскалённым железом.

– Князь Иван говорит дело, – поддержал Милославского Хитрово. – Вестимо, бунт – это беда, но он может послужить на пользу государству.

– Как это так? – Алексей Михайлович почёсывал между ушей лежавшего у него на коленях кота. – Из-за вора большие убытки казне и торговым людям, от персов из-за Стенькиных проделок идут укоризны и челобитные, торговые немцы надоели с упрёками. Зря послушал я советчиков и не послал рейтар и драгун на вора прошлым летом. Как раз бы они голутвенных казаков и приструнили.

– Я великому государю такого не советовал, – сказал Хитрово. – Но советчики были правы. Голутвенных казаков и гулящих людишек и десяти полкам рейтар не поймать. Они мигом разбегутся по степи, попрячутся в камышах, зароятся в земляные норы. По одному их всех не вычесать, а Стенька соберёт их в кучу, вот тут-то всех разом, как завшивленную овчину, и бросить в огонь.

– А что, – молвил великий государь, – ведь ты, Богдан, говоришь дело. Слышал, Милославский?

– Я завсегда почитаю Богдана Матвеевича за мужа честнейшего и умнейшего, – поклонился новый синбирский воевода.

– Ты, Богдан, сам того не ведая, подслушал мои думы, – сказал Алексей Михайлович. – Мужичья Русь после Смуты притихла, но прочно не утишилась. Что было после налога на соль? А замятня с медными деньгами? И вот явился вор Разин как главная беда. Это точно: к нему сбежится вся гиль, скорее всего под Синбирск. Даю тебе, князь Иван, волю казнить всех немилосердно, чтобы Русь больше не помышляла о бунте.

– Как бы мужичья не набежало так много, что моих сил не достанет их изловить, – осторожно произнёс Милославский. – А что если и рейтар затопчут толпой и Синбирск опрокинут?

– Сколько ратных готовы сесть в осаду в Синбирске?

– Три приказа московских стрельцов, – ответил Милославский. – Есть там и свои стрельцы, и казаки, но на них надежда мала. Я их сразу выведу из крепости в острог.

– Тебе дан солдатский полк Зотова, – сказал Хитрово. – Это наши лучшие выборные ратные люди. Их полторы тысячи с лишком человек, все знают войну далеко не понаслышке.

– В осаде я может и отсижусь, но чтобы разбить Стеньку в поле, этих сил мало.

– Это не твоя, князь Иван, забота, в поле выйдет окольный Барятинский с двумя полками рейтар. Он сейчас идёт в Синбирск и по пути скликает рать, многие служилые люди из его полков отпущены в свои поместья, – Алексей Михайлович пристально посмотрел на Милославского. – Ужели этих сил мало?

– Я слышал, великий государь, что у окольного рейтар недостаёт, а враз он их не соберёт. И это меня печалит.

– Только бы в этом была беда! – с горечью произнёс Алексей Михайлович. – Боюсь я, пролезет вор через Синбирск в коренные русские уезды, тогда бунт так полыхнёт, что и в Кремле не усидеть. Знай, Милославский, что в прелестных грамотках есть великий соблазн для простонародья, в них писано, дескать, благоверная царица Мария Ильинична и царевич Алексей умерли не своей смертью, а их извели бояре.

– Свят! Свят! – перекрестился Милославский. – Вон что вор Стенька удумал, науськать мужиков на лучших людей!

– Вряд ли такое Разин придумал, – сказал Хитрово. – Топить, терзать людей он мастак, а в этой грамотке виден раскольничий умысел. Есть слух, что вор жил у соловецких монахов, от них и набрался бунтарского духа.

Алексею Михайловичу упоминание о Соловецком монастыре было неприятно: уже который год его осаждала московская рать, но без особого рвения, великому государю было ведомо, что монахи предсказали его смерть в год падения соловецкой обители, и он поторопился увести разговор в сторону.

– Что просишь, князь Иван?

– Вели, великий государь, поторопиться Пушечному и Разрядному приказам. Добавочные пушки, порох и свинец в Синбирск ещё не отправлены, – сказал Милославский.

– Возьми на себя это дело, Богдан, – велел Алексей Михайлович. – А для себя что просишь?

Милославский удивился, такого ещё не бывало, что жаловали не после войны, а до неё, он покраснел и замялся.

– У тебя недоимки перед казной накопились, – сказал Алексей Михайлович. – Они тебе прощены. Иди, князь Иван, на вора Стеньку без оглядки, и моя награда тебя не минует. Подай, Богдан, наказную грамоту Синбирскому воеводе.

Хитрово взял со стола бумажный свиток и с поклоном преподнёс его великому государю.

– Здесь, князь, для тебя промыслены все дела, которыми ты должен заняться на пограничном воеводстве. Главные мы сейчас обговорили, но ты держи мой наказ на глазах, читай его каждый день, как только сотворишь утреннюю молитву. Сейчас для меня ты, князь Иван, самый важный в государстве воевода. Пиши мне часто и ничего не скрывая, в Приказ тайных дел. Можешь подойти.

Князь Милославский приблизился к великому государю, принял царский наказ, приник устами к его теплой руке, земно поклонился и вышел из царской комнаты.

Прибывшего в Синбирск князя Милославского встречали громкими ударами набатного колокола. Это праздничное действо устроил князь Дашков, знавший, что нового воеводу следует, не чинясь, задобрить в свою пользу, дабы он не слишком придирался, принимая город. Для этого Дашков загодя послал в Промзино Городище на Суре пятерых казаков, и они, завидев поезд Милославского, сломя голову на сменных конях поскакали в Синбирск, а там стали сразу же готовиться к встрече, начали топить мыльни, чтобы Милославскому и его людям было где попариться и помыться с дороги. Старшего приказчика послали к рыбакам за свежей стерлядью и другой волжской рыбой; из посадского стада, что паслось за Казанскими воротами, пригнали молодую яловицу и несколько баранов, чтобы всем было мяса вдоволь, и гостям, и своим людям.

Ключнику воевода дал свой ключик, который хранил сам, от особой каморы, где стояла початая двухведёрная бочка романей и вина, настоящего на калган-траве, полыни и рябине. Дал ключик, да скоро опамятовался, поспешил за холопом в подклеть, ступая на цыпочках, подошёл к винной каморке и через щёлку высмотрел, как старый наливает в кувшины хмельное, не норовит ли обмануть хозяина. Не заметив злого умысла на своё добро, Дашков поднялся в избу и вышел на крыльцо, где его ждали воинские начальники: полковник Зотов, стрелецкие головы московских приказов, атаман синбирских казаков, губной и земский старосты. Лучшие синбирские люди были облачены соответственно событию в дорогие одежды, оружие мерцало серебром, а на шапке полковника Зотова посверкивал наградной золотой рубль.

– Всё ли готово? – спросил Дашков.

– Солдаты и стрельцы построены на Соборной площади, – ответил Зотов. – Казаков я отправил прогуляться в поле, больно неказиста у них сбруя на конях, да и сами они наполовину одеты в рваньё.

– Куда же они жалованье подевали? – изумился Дашков. – Им месяц назад дадены годовые деньги. Отвечай, Сафроньч!

– Беда мне с ними, – ответил атаман. – Гуляки, не приведи Господь, в зернь режутся. А начнёшь спрос учинять, как псы зубы скалят.

– Про то ты новому воеводе доведёшь, а сейчас убирайся вслед за своим войском, Сафроныч! Чтобы и духу твоего здесь не было!

Атаман опрометью сбежал с воеводского крыльца, прыгнул на коня и поскакал из города к своим людям, которые ждали его с вином в овраге за Крымскими воротами.

– А у тебя всё готово? – спросил Дашков земского старосту, отвечающего за все мирские дела в городе и уезде.

– Росписи по налогам и окладным сборам сделаны, могу явить хоть сейчас.

– А ты, Пантелеев, тоже готов ответить? – спросил князь ведающего уголовными делами губного старосту.

– Тати, где им положено, в тюрьме. Из думы отписали двух воров повесить, так не успели, но за этим дело не станет.

Князь Дашков несколько раз прошёлся по крыльцу и остановился возле полковника. Зотов поднял на него тяжёлые, набрякшие кровью глаза.

– Прошу, Глеб Иванович, пригляди за своими желдаками. На приезд Милославского весь город сбежится. Как бы твои солдаты не вздумали замять какую-нибудь бабёнку, мне сраму в последний день воеводства не надо. Они за те дни, как в Синбирск явились, вот уже где у меня! – И князь постучал ладонью по своему загривку.

– Маются ребята от безделья, – равнодушно произнёс Зотов. – Но погоди, явится вор Стенька, они себя покажут.

– Меня, слава Богу, в те дни и близко не будет, – сказал Дашков. – Я готов, хоть сейчас, отсель съехать. Чаю, слёзы по мне никто лить не станет...

В хлопотах прошло полдня, уже соборный протопоп обедню отслужил, и пора было Милославскому показаться, но он не ехал. Привыкший к послеобеденному сну Дашков крепился, крепился, да так и заснул у себя в приказной избе, сидючи в кресле. Подьячий Никита Есипов стал тише шебаршить бумагами, он искал среди них список с грамотки, посланной

недавно в боярскую думу о всех воеводских делах на Синбирской окраине. Наконец, грамотка отыскалась, и тут раздался топот на крыльце, и в комнату ввалился стрелец.

– Велено донести: едет по мосту через Свяягу!

– Вот и, слава Богу, явился! – сквозь зевоту произнёс Дашков. – Что столбом стоишь? Беги на своё место!

Стрелец убежал, а князь отёр лицо ладонью и поднялся:

– Пойдём, Никита, встречать Милославского. Жаль, что он со своим дьяком, а то бы оставил ему тебя в поминок, узнал бы тогда службу!

– Чем же я твою немилость, Иван Иванович, заимел? – воскликнул подьячий. – Я бы ещё не прочь с тобою послужить в каком-нибудь торговом городе, ведь в Синбирске для нас прибытков не было, да и с чего? Торговлишки никакой, один кабак, да и тот государев.

– Поторапливайся, Никита, – проворчал Дашков, выходя на крыльцо. – Рано о новом кормлении думать, за это бы рассчитаться.

Возле крыльца стояли несколько человек и с восхищением разглядывали доброго коня в богатой сбруе, на этом коне новый воевода должен въехать в Синбирск. Дашков оказывал своему сменщику невиданный почёт.

– Бери, Пантелеев, коня и вместе с земскими идите к воротам, – сказал Дашков. – А мы будем возле собора.

К нему подвели коня, князь с крыльца сел в седло и поехал к месту построения войск. На паперти соборной церкви стояли протопоп со священниками, площадь была выметена, смочена водой, войска находились в строю: лицом к храму стоял в десять рядов солдатский полк, по обе стороны площади – стрелецкие приказы, все ратники были с оружием, стрелецкие полуголовы, головы, солдатские полуполковники и полковник сидели в сёдлах. Дашков въехал на площадь и встал на её середине лицом к соборной церкви.

Над Крымскими воротами ударил государев набатный колокол, князь Милославский въехал в Синбирскую крепость и скоро показался на чалом коне, которого под узцы вели

Пантелеев и Фирсов. Дашков послал своего коня вперёд, воеводы встретились и поприветствовали друг друга.

– Добро ли ехалось, князь Иван Богданович? – мягко произнёс Дашков. – Как великий государь, здрав ли?

– Великий государь Алексей Михайлович пребывает в добром здравии, – важно сказал Милославский. – Но его печалит смута на волжской окраине, и мне дан царский наказ не пропустить воровских казаков и гулящих людишек через Синбирск.

– Изволь, князь, взглянуть на синбирское войско, – с прежней мягкостью в голосе произнёс Дашков, хотя и был душевно задет спесивостью Милославского, не оценившего устроенный ему встречи.

Воеводы подъехали к солдатскому полку. Полковник Зотов послал своего жеребца им навстречу, начальники злым шёпотом велели солдатам не шевелиться, и полк замер.

– Сколько людей у тебя, полковник? – спросил князь Милославский.

– Тысяча триста пицальников и триста копейщиков! – громко объявил Зотов.

Милославский требовательным и властным взором оглядывал ряды солдат. Все они были молоды, рослы и здоровы, на красных обветренных лицах читалась отрешённость от всякой другой жизни, кроме солдатской. Железные шапки на головах, железные нагрудники, железные пищали и железные копы придавали полку вид ошетилившегося и готового к нанесению разящего удара почти двухтысячезалого существа. Князь Милославский довольно хмыкнул и повернулся к стрельцам. Они, по сравнению с солдатами, выглядели менее воинственно, у них не было палочной дисциплины, и строй стрельцы держали неровно, даже под воеводским взглядом, да и своим видом напоминали о том, что они не только служилые люди, но и торговцы, ремесленники и живут, в основном, не с войны и государевым жалованием, а своим трудом, и для многих отправка из Москвы на степную границу была неизбежной обузой. Милославский это понимал и ждал от стрельцов одного: крепко сидеть в осаде, а стенькины толпы

разгонят рейтары окольного Барятинского, если только он не замешкается со сбором своего дворянского войска.

Воеводы подъехали поближе к соборной церкви, сошли с коней и подошли к благословению отца протопопа. Невдалеке ждали их слова солдатские и стрелецкие начальники.

– Разводите людей по избам! – велел князь Дашков. – Сегодня работ не будет. И приглядывайте за своими, чтобы не было баловства!

На свободную от ратных людей площадь вышли синбирские торговые люди, гости Твёрдышев и Ушаков, мельник Андреев, старосты ремесленников, простые посадские обыватели, среди которых было много жёнок и малых ребят.

– А что, князь Иван Иванович, – спросил Милославский, – Синбирск немалолюден?

– Поглядеть, так народу тьма, а нести тягло некому, один – бобыль, другой – захребетник, третий – жилец кабацкий...

Все поклонились воеводам, и вперед выступил гость Твёрдышев.

– Именитые синбирские и посадские люди рады приветствовать пожалованного граду Синбирска великим государем нового воеводу князя Милославского, мужа славного и многоумного: будь нам во всех делах попечителем и заступником... А к тебе, князь Иван Иванович, мы ещё явимся прощаться.

– Я князя долго не задержу, – важно произнёс Милославский. – Копаться в бумагах не буду, потому что и после меня другому воеводе некогда будет этим заниматься. Война спишет все грехи, коли они у кого есть, кроме одного – отступничества от государевой воли. Посему объявляю град Синбирск на военном положении. Где земский староста?

– Фирсов! – крикнул Дашков. – Что за людьми хоронишься? Поди сюда!

Староста неловко протиснулся между Твёрдышевым и Андреевым, снял с головы шапку и поклонился.

– Завтра же яви списки всех людей в граде и уезде, – сказал Милославский. – Возьмёшь казаков... А где казаки? – спохватился князь.

– Поле проведывают...

– Возверни казаков, пройдишь по деревенькам близ града частым бреднем и всех бесхозных людишек гони в Синбирск для работ в крепости и вокруг неё. А пока все ступайте, до завтрашнего дня.

– Что, князь, веди, показывай свои хоромы, – произнёс Милославский. – Благодарствую за добрую встречу. Судя по ней, ты, наверное, озаботился распорядиться и мыльню истопить?

– Это первое дело с дороги, – ответил польщённый похвалой Дашков. – И мыльня готова, и есть кому спинку потереть.

Возле съезжей избы стояла телега с вещами нового воеводы.

– Я велел освободить для тебя, Иван Богданович, лучшую комнату, – сказал Дашков. – А как отпустишь меня, так владей здесь всем и живи, где похочешь.

– Не задержу тебя, Иван Иванович, не задержу. Мне и самому ты здесь не надобен. Вот дьяки меж собой столкуются, и езжай подобру-поздорову.

Милославский остался мыльной премного доволен: и крепким пахнущим ягодным квасом и свежим дубовым венником, которым князя потчевала от всей души озорная смешливая девка.

– Ты чья? – спросил её князь.

– Прибираюсь в воеводской избе.

Подушав от девкиного усердия и чувствуя приятную истому во всех членах своего тела, Милославский осушил две чары ядрёного кваса и стал весьма рад, Синбирск ему нравился всё больше и больше, и он игриво стукнул вытиравшую с пола мокроту девку ладонью по упругой ягодице. Та ойкнула и обернулась.

– А ты пугливая, – сказал князь. – Как кличут?

– Настя.

– Чья будешь?

– Воротника Трофимова дочка.

– Добро, – сказал Милославский, вставая со скамьи. – Будешь у меня в избе поломойничать.

Князь Дашков с угощением расстарался на славу, на столе

были самые разные рыбы и мясные кушанья, обильно наперчённые и посолённые, и уха, и пироги с тремя начинками: рыбной, грибной и капустной, кувшины с романеей, вином, пивом и квасом. Два поварёнка, открыв настежь двери и окна, усердно махали большими тряпками, выгоняя из комнаты мух. Ключник принёс из кладовой короб с серебряной посудой и протирал пыль с тиснённых листовыми узорами тарелок, чаш, чарок и ложек. Дашков нетерпеливо прикрикнул на них, чтобы они потарапливались, поварята мигом исчезли, а ключник, поставив на стол царицу пироважья – кованую из серебра и самородной меди объёмистую братину, поспешил на поварню, чтобы заняться рассылкой оттуда к столу готовых кушаний.

В комнату стали заходить гости, появились стрелецкие головы, первым – Бухвостов, а за ним – Жидовинов и Марышкин. Перекрестившись на образ Святой Троицы, они троекратно обнимались с хозяином и садились за стол. Вскоре пришёл полковник Зотов и сел чуть в стороне от стрелецких начальников, поближе к хозяйскому месту. Сел он неловко, и на столе покачнулась посуда, двухзубая вилка упала, зазвенев, на пол.

– Глеб Иванович кого-то ещё в гости наворожил, – сказал Марышкин. – Кажись, жёнка явится, или не так?

– Ложка и вилка – это к жёнкам, – ухмыльнулся Жидовинов, довольный, что можно задеть нелюдимого полковника.

Дашков нетерпеливо поглядывал в окно. Милославский задерживался, но тут дверь распахнулась и, сопровождаемый дьяком Ермолаевым, в комнату вошёл новый синбирский воевода. Воинские начальники приподнялись со скамеек, но князь прошёл мимо них и, перекрестившись, бережно поддержанный под локоток хозяином, сел на одну из двух стоявших во главе стола коротких скамеек. Дашков мигнул слуге, и тот быстро наполнил чарки хмельным. Иван Иванович встал с чаркой в руках, за ним встали гости, и хозяин торжества иным голосом произнёс полный титул великого государя Алексея Михайловича, с здравицы которому всегда открывалось пироважье лучших людей. Затем провозгласили здравицы с подъёмом чарок в честь князя Ивана Богдановича

Милославского. Первым начал полковник Зотов, напомнивший князю, что он с ним встречался во время польской войны под Уманью, далее нового воеводу величали стрелецкие головы Бухвостов, Жидовинов и Марышкин. Головы за долгую службу выучились хвалить своих начальников, слова звучали пышные и приятно щекотали самолюбие Милославского, который всё более благосклонно взирал на подначальных ему людей. Завершил величание гостя князь Дашков такими проникновенными словами, что оба воеводы, старый и новый, почувствовали увлажнение своих очей, обнялись и троекратно расцеловались.

После шестой чарки все ослабили пояса, а слуги сменили стол: постелили свежую скатерть, поставили на неё щи, говядину, баранину, первую огородную зелень, вино, пиво и квасы.

Пришло время сказать слово и князю Милославскому. Он, с чаркой в руке, встал со скамьи и вполне трезвым голосом произнес:

– Благодарствую, князь Иван Иванович, за добрую встречу и почёт. Вижу, что ты рачительный хозяин. Умеешь гостя встретить, почествовать и ублажить. Всем вам, полковнику и головам, велю запомнить это пируваньё. Оно для вас последнее до того дня, пока вор Стенька не будет схвачен и забит в оковы. С завтрашнего утра начнём готовить крепость к осаде...

После таких строгих слов начальные люди, выпив чарку за нового воеводу, не сговариваясь, стали отпрашиваться отпустить их по своим делам. Их не держали, и скоро воеводы остались одни.

– Ты сколько, Иван Иванович, на Синбирске просидел? – спросил Милославский.

– Скоро пять лет будет, – ответил Дашков, гадая, что за умысел таится в вопросе князя.

– Пять лет! – удивился Милославский. – Обычно больше года-двух воевод на одном месте не держат. Как же тебе удалось столь высидеть?

– Хитрости в этом, Иван Богданович, большой нет. На Синбирске воеводе жирно кормиться нечем, посему сюда

охотников не сыщешь. Если б это были Вологда, Рыбинск или какой другой торговый город, я бы и года здесь не просидел, нашлись бы охочие люди на моё место.

– И действительно воеводе прибытков нет? – спросил Милославский. – Здесь же Волга?

– Волга есть, да товары по ней мимо Синбирска идут, – ответил Дашков. – Выйду я иной раз на Венец, вижу струги косяком идут, да не про мою честь. Так что ухожу я отсель с превеликой охотой. Ударю челом великому государю, чтобы пожаловал мне на кормление торговый городок.

– Я войсковой воевода, – сказал Милославский. – Хитрости городских правителей мне ведомы понаслышке, да и вряд ли я их постигну на синбирском воеводстве. Вот дьяки сочтут по росписи денежную, пушечную и прочую государеву казну и можешь отпрапляться восвояси. Тут скоро такое начнётся, что пощады никому не будет. Скажи, Иван Иванович, казаки надёжны?

– У всех казаков одно на уме – жить безначально, – осторожно ответил Дашков. – Вор Стенька ждёт от них подмоги, среди синбирских казаков есть немало и таких, что переметнутся к вору. Пока они помалкивают, а что на сердце держат, то по прежним их делам известно.

– А про князя Барятинского что слышно?

– Пока ничего. А что, он с ратью сюда явится? – спросил Дашков.

– Так ему великим государем велено. Как мыслишь, много ли людей в Синбирск набегат хорониться от вора? Город не так уж и велик, поместятся ли все?

– Помещиков здесь негусто, – ответил Дашков. – С домочадцами сотни полторы прибегут. Торговые люди сядут в осаду, ремесленники, это ещё сотни две народу. И шляхтичи обязательно уйдут в город.

– Что, здесь пленные поляки живут? – заинтересовался Милославский.

– Какие они поляки! Православные шляхтичи, ушли из Полоцка от униатских попов. По воле великого государя им в уезде земля нарезана для поместий и деньги берут из казны на прожитие. Эти будут крепко стоять в осаде.

– Распорядись, князь Иван, чтобы они завтра ко мне явились.
Дашков вздохнул, взял кувшин с вином и наполнил две чарки, себе и Милославскому.

– Про завтрашний день давай, Иван Богданович, так решим, – поднимая чарку, сказал Дашков. – Бери город под свою руку и распорядись всем. А я начну своё добро перетрясывать и укладывать. А как дьяки всё сочтут, отправлюсь, благословясь, на Москву.

– Я тебя не тороплю, Иван Иванович, но коли ты так порешил, то пусть так и будет, – поднимая чарку, сказал Милославский. – Будь здоров, князь!

– Будь здоров, князь!

Воеводы выпили, крикнули, закусили грибками острого посола и переглянулись.

– А девка, что меня парила, чисто огонь! – сказал Милославский, со вкусом облизывая губы. – Может, Иван Иванович, пожалуешь мне её, чтобы нескучно было в мыльню хаживать?

– Это можно, – улыбнулся Дашков. – Владей ею, князь, бессрочно и беспощинно! Но она вольная, с ней рядиться надо.

– Срядимся, за этим дело не станет.

– 3 –

Князь Милославский на новом месте ночевал беспокойно, часто просыпался и, едва только забрезжило утро, как уже был на ногах. Он оделся и, пройдя через комнату, где посапывал и похрапывал на лавке дьяк Ермолаев, вышел на крыльцо. Выпала обильная роса, и все строения от влаги были темны, чёрные очертания соборной церкви проступали сквозь пелену белёсого тумана, и тишину попытался прервать своим криком петух, но и тот, как видно, подавился мокрым воздухом, и опять вокруг воцарилась тишина, изредка прерываемая шлепками капель, падающих с шатровой кровли на крылечную ступеньку.

Глухой удар государева набатного колокола застал Милославского на Крымской стороне крепости за осмотром

укреплений. Срубы прясла из толстых, в полтора обхвата, сосновых брёвен были крепки и не тронуты гнилью, ни один из них не покосился, не ушёл в землю. Значит, тарасы, на которых они стояли, сделаны надёжно. «Не соврал Хитрово, что крепость прочна!» – подумал князь и обратился взглядом к предстенным укреплениям. Работы на них шли, но сделано было совсем немного. Началась расчистка и углубление рва и насыпка вала, часть которого смыло снеговой и дождевой водой. В нём появились провалы, а в них были видны основания стен – дубовые тарасы, набитые мелкими камнями. Ров требовалось углублять, а по его дну устанавливать чеснок, тяжёлые колоды с остро заточенными железными прутьями, которые немедленно убивали всякого, кто на них падал.

Милославский встал возле наугольной башни и глянул на Свяжскую сторону крепости: там были заметны те же недостатки, что на Крымской стороне. Дальше он не пошёл и вернулся к крепостным воротам. Они оказались растворены. Воротник Федька Трофимов, в драной шапке и шубе на голое тело, встретил князя низким, до земли, поклоном.

– Ты давно сидишь в своей будке? – спросил Милославский.

– Как построили крепость, так и я с того часа на сем месте живу, – сказал, дыхнув на князя чесночным перегаром, Федька.

– Поведай мне, воротный сторожил, – отстранясь от вони в сторону, спросил Милославский. – Здесь от крепости к острогу надолбы стояли?

Федька князя не понял и развёл руками.

– Городьба здесь была в два ряда?

– Была городьба, добрая, из дуба, – помыслив, ответил Федька. – Лет десять тому её посадские люди на избы разобрали.

Ветер с Волги очистил от тумана Синбирскую гору, и острог стал хорошо виден. До него было саженой двести. Милославский по некрутому скату спустился к нему и оглядел его прясла. Их сделали из дубового частокола, поставленного в тарасы, но вокруг острога ни рва, ни вала не было. Воевода толкнул отворенную калитку в воротах и заглянул вовнутрь. Рядом с воротами на рваной овчине спал мужик, в котором

казак опознавался лишь потому, что рядом с ним валялась сабля. Милославский крепко пнул сторожа в бок. Тот спешно вскочил на ноги.

– Где остальные люди? – грозно спросил Милославский.

– В разгоне, – ответил казак, недобро поглядывая на князя красноватыми от пересыпу калмыцкими глазками. – Сафроныч повёл казаков поле проведывать.

– Что ещё за Сафроныч? Атаман?

– Наш станичный атаман, – ответил казак, подбирая с земли саблю.

– Гони за ним и скажи, что новый воевода князь Милославский велит ему явиться в Синбирск.

Князь быстро обошёл острог, оглядывая строения. Избы и прясла были целы и крепки. Здесь можно посадить в осаду надёжных ратников, чтобы они держали под прицелом всех, кто пойдёт на приступ города. Казак тем временем оседлал коня и, нахлёстывая его плетью, выметнулся из острога и поскакал в поле.

К приходу Милославского с утреннего похода вокруг Синбирска возле крыльца съезжей избы собрались начальные люди города. Они ждали обычных распоряжений от князя Дашкова, но тот объявил, что он уже не воевода, и интерес к нему начальников сразу угас. Князь Иван Иванович это приметил и кисло усмехнулся: человеческая натура ему была ведома – пока ты начальник, все перед тобой стелются, ушёл с места, так перешагнут через тебя и не заметят. Стоящий с ним рядом полковник Зотов тишком сошёл с крыльца к стрелецким головам, что стояли внизу, а ведь раньше почитал за честь находиться с воеводой рядом. С Дашковым остался лишь подьячий Никита Есипов, тому угождать новому воеводе не было смысла, Милославский явился со своим дьяком.

– Торопись, Никита, сдать дела, – сказал Дашков. – Если дьяк Ермолаев начнёт чинить каверзы, так отдай ему всё, что у нас есть лишнее сверх росписи. Не повезём же мы за собой муку, соль и рыбу.

– Торопиться отдавать, Иван Иванович, не будем, – улыбнулся Есипов. – Вот даст князь поручную запись, что взял

на себя город, тогда и отдадим ему всё. А до того времени я буду помалкивать.

– Делай, что хочешь, Никита, лишь бы уйти отсель в целости и без наветов великому государю. Иначе нам нового кормления не будет.

Подходя к съезжей избе, Милославский уже имел в голове план действий, который у него сложился после обхода крепости.

Полковник, стрелецкие головы и старосты встретили нового воеводу в тревожном ожидании. Каким он себя выкажет в первый день своего воеводства? Милославский, будто не заметив поклонов, скоро вбежал на крыльцо, сухо приветствовал Дашкова и окинул взыскующим взглядом своих подчинённых.

– Зарубите себе на носу! – жёстко сказал воевода. – С сего дня медвежья спячка закончилась! Всех солдат и стрельцов поставить на рытье рва и вала вокруг крепости. Ответ за это держать тебе, Зотов!

– На всех лопат не достанет, – ответил полковник, перевидавший за свою службу немало начальников – и ретивых, и ленивых.

– Как не достанет! – вспыхнул Милославский. – Где земский староста?

Фирсов степенно выступил вперёд и поклонился.

– Возьми с каждого двора по десять лопат, а не дадут, бей батогами! Враз сыщут.

Начальные люди переглянулись: круто начинает князь своё воеводство, как бы самим под батоги не попасть.

– И этих лопат будет мало, – равнодушно сказал солдатский полковник.

В этих словах Милославский усмотрел нерадение к службе.

– Возьми, полковник, сотню солдат, – жёстко процедил он сквозь зубы, – и делай деревянные. На переброску земли они сгодятся.

Позади всех стоял начальник синбирской таможни, который доглядывал за всем, что везут по Волге. Он, слыша разговор, стал проявлять нетерпение и зашевелился, чем привлёк к себе внимание Милославского.

– А ты что топчешься? – спросил он. – Говори, если есть что сказать!

– На пристани струг стоит, полный железа для црен, в которых соль вываривают. Железо листовое, как раз для лопат.

– Чьё железо? – заинтересовался Милославский.

– Везут в Надеино Усолье на государевы соляные варницы.

– Бухвостов! – позвал к себе стрелецкого голову воевода. – Возьми стрельцов, забери со струга всё железо и доставь сюда. И не хлопай глазами, дуй под гору, а если приказчик заартачится, тащи ко мне, я ему собственноручно оплеуху преподнесу.

Бухвостов принял повеление воеводы к немедленному исполнению и побежал к своему приказу.

– Как думаешь, Иван Иванович, – обратился Милославский к Дашкову, – великий государь не будет на меня в обиде за взятое у него железо?

– Война с вором Стенькой и не такое спишет, – ответил Дашков. – Но при случае доведи об этом в Москву.

– Ларион, – позвал Милославский своего дьяка, – не забудь отписать. А теперь иди с прежним дьяком считать казну и не мелочись! Есть у кого-нибудь до меня дело?

– В тюрьме сидят два вора, на коих есть приговор думы, – сказал губной староста Пантелеев. – Где, князь, велишь их повесить на веску? Обычно, от людских глаз, мы увозили их за Волгу.

– Воры, говоришь? – князь на мгновение задумался. – Повесь их, чтоб другим неповадно было воровать, за крепостью, на валу. А теперь все ступайте к своим людям и ведите их на работы. А ты, полковник, задержись.

Начальные люди уходили в смятенном состоянии духа, они чувствовали, что спокойной жизни им больше не видать, и Милославский не будет давать им спуска даже за малую провинность.

– Вижу, ты силён, Иван Богданович, и правильно, – покачал головой Дашков. – Умеешь зажать всех в кулак.

– По-другому с нашими людьми нельзя, и с начальными, и с простонародьем. Они, кто их сильнее топчет, того и любят. Разве не так, Глеб Иванович?

– Истинная правда, – сказал Зотов. – Нас нежить нельзя, а то сразу на голову сядем.

– Я знаю, полковник, что ты с собой нескольких знатных пушкарей привёл, – продолжил Милославский. – Вели им осмотреть пороховую казну, разобрать заряды, проверить их пушечной стрельбой. За одно и пушки пристреляют.

– Исполню, – поклонился полковник. – Как стрелять начнём, тебя звать?

– Я грома не боюсь, зови.

Все разошлись по работам, на крыльце остались лишь воеводы. Мимо них голова Бухвостов провёл своих стрельцов в подгорье, к Волге.

– Я гляжу, Иван Богданович, ты успел с ранья всю крепость обойти, – сказал Дашков. – И как, поглянулась?

– Что хвалить? Но я видел и похуже. Против вора годится. Я не думаю, что сумеет её взять.

– Крепости иногда берут не силой, а хитростью или изменой, – усмехнулся Дашков.

– Я этого не страшусь, у меня перемётчиков не будет, – жестко сказал Милославский. – В осаде будут сидеть только те, кого Стенька не жалует: солдаты и московские стрельцы. Я боюсь одного, огня. И мне чудно, что крепость от основания ни разу не горела.

– Это действительно чудо, – согласился Дашков. – Случись пожар, Симбирск сгорит дотла. В городе нет воды.

– Как нет? – изумился Милославский.

– В крепости всего один колодец, в нём вода пребывает всего на четверть аршина в сутки. Воду возят из Симбирки и Свияги. А теперь сам рассуди, Иван Богданович, что делать будешь.

– Веди, показывай колодец!

– Пусть люди пройдут, – сказал Дашков. – Ишь как ноги волочат, не проснулись, что ли. Вот пыль осядет, и пойдём.

Московские стрельцы и солдаты шли на работы. У некоторых в руках были лопаты, у других ломы, но у

большинства руки были пусты, но ненадолго: позади всех двигалось двести стрельцов и солдат с топорами тесать лопаты. Милославский не удивился их появлению, он ещё по прежнему времени знал полковника Зотова как исполнительного служаку, который сделает всё, что ему повелят.

Пыль, поднятая служивыми, осела, и воеводы пошли мимо соборной церкви, поварен и кормовых изб к колодцу. Повара и подсобники, завидев их, хоронились в закопчённых избах, всё вокруг замирало, и лишь лежавшая в пыли собака при приближении начальства подняла голову, тусклыми глазами посмотрела на прохожих и, клацнув зубами, широко зевнула.

Из-за угла мыльни выскочила жёнка с двумя корзинами мокрого белья на коромысле и пребольно толкнула в бок Милославского. Князь крепко осерчал, схватил жёнку за руки, притянул к себе и сразу же отпустил.

– Ойюшки! – пискнула жёнка. – В мыльне темно, вот и ослепла на свету. Я тебя, князюшка, не зашибла?

– Гляди, Настя, куда бежишь, – сказал Дашков. – Князь Иван Богданович на сей раз тебя помирует, но не вздумай встречаться с пустыми корзинами и тем насулить ему несчастье.

– Ступай, Настя, ступай! – сконфуженно пробормотал Милославский.

– Бойкая девка, – сказал, глядя ей вслед Дашков. – Взял бы с собой, да, ближние скажут, что она тот же назём, хоть издалека привезён...

Милославский недовольно на него зыркнул и, не слушая, пошёл дальше.

– Годи, князь, мимо проходишь, – раздался голос Дашкова.

Сруб колодца был закрыт крышкой, ведра на воротах не было и, судя по всему, им давно уже не пользовались. Милославский откинул крышку, и на него повеяло затхлостью. Колодец был глубок, Милославский бросил в него камешек и едва расслышал, как тот упал в воду.

– Плохо дело, – сказал он, захлопывая крышку. – Надо воду запасть, только вот куда?

– Ещё до меня первыми воеводами в крепости поставлен водоёмный сруб.

– Как он велик и где поставлен? – заинтересовался Милославский.

– Да вот он, – Дашков указал на большую избу без крыши. С другой стороны к срубу был приделан помост, возле которого стояла водовозка. Милославский влез наверх, воды в сруб было наполовину, брёвна зелёные и осклизные, на дне колыхались какие-то водоросли.

– Тут, видно, и жабы водятся, – сказал Милославский.

– Есть тут и жабы, – подтвердил Дашков. – От них вода становится холоднее и чище.

– Этой воды мало, – задумчиво промолвил Милославский. – Вдруг мы засидимся в осаде, у вора силы немеряно. Надо ещё два таких же сруба ставить и делать для дождевой воды копанки вдоль прясел, чтобы было чем пожары тушить...

У крыльца съезжей избы прохаживался Твёрдышев. Последние дни его вдруг стали тяготить мысли о посланном к Разину парне. Полбеда, если его Стенькины ребята бросили в воду, беда, если он попался государевым людям. Те мигом вырвут из парня всё, что ему известно, и донесут в Синбирск. И учинят над Твёрдышевым такой розыск, что мало не покажется. Новый воевода, по повадкам, знает пыточное ремесло не хуже палача. Только что, проходя крепостные ворота, Твёрдышев увидел, что на валу стрельцы ставят глаголь для воров, а возле вески хлопочет губной староста Пантелеев.

– Ты, сказывают, главный винный целовальник? – спросил Милославский, снисходительно кивнув в ответ на поклон Твёрдышева. – У меня есть государев наказ брать у тебя деньги. Они у тебя есть?

– В торговом деле без денег нельзя, но деньги счёт любят, – спокойно ответил Твёрдышев.

– Не просчитаемся. Воеводская казна, вестимо, пуста, а ратных людей нужно довольствовать. Я решу, сколько у тебя взять.

– Много дать не могу. Стенька перекрыл Волгу, подгорное кружало пустует. А для него питухи выгоду делают.

– А ты, я вижу, строптивый, – вскинул голову князь.

– Я молвил правду, – ответил Твёрдышев. – Кому как не воеводе, её знать всю, без утайки.

Милославский не нашёлся, что ответить, и, махнув рукой, ушёл в избу.

– Напрасно, Степан Ерофеевич, ты озлил князя, – сказал Дашков. – Он прост, но горяч и может сотворить тебе худо.

– Забудем про это, Иван Иванович, – одной рукой Твёрдышев полез за полу кафтана и вытащил кошелек. – Прими, князь, как и обещал, поминок на твой отъезд. Прожили мы с тобой безбранно на Синбирской горе полных пять лет. Я за это тебе от души благодарен.

– Верный ты человек, Степан, другого такого у меня не будет, – расчувствовался Дашков. – Береги себя, не удумай оставаться в Синбирске, беги из города, пока воры досюда не дошли.

– Я же целовальник, государю крест целовал и весь в воле воеводы. Без его слова мне уходить нельзя.

– Придумай что-нибудь, – воевода стал запихивать подаренный кошелек за пазуху. – В любом разе свой раскол перед Милославским не являй, беда будет. Ближние к государю люди винят соловецких монахов в наущении вора Стеньки на бояр. Под это дело и твоя голова слетит. Милославский не станет тебя покрывать, как я. Он скор на безумства.

Слушая Дашкова, Твёрдышев глянул через плечо князя и похолодел: двое стрельцов вели Максима, а позади них шёл голова Бухвостов. Дашков заметил, что купец его не слушает и обернулся.

– Бухвостов, – спросил он, – кого это поймал?

– Теперь узнаем, – ответил стрелецкий начальник. – Малый говорит, что он твёрдышевский приказчик. Так ли это, Степан Ерофеевич?

Твёрдышев перевёл дух. Максим его не выдал и своим заявлением указал путь к спасению как самого себя, так и хозяина.

– Верно сказал, – как можно спокойнее произнёс он. – Мой приказчик, Максим Звонарёв, ходил на Низ по торговым надобностям.

– Я что-то его не видел близ тебя, – заметил Дашков. – Он что, новик?

– Да нет, уже два года у меня служит, – небрежно сказал Степан Ерофеевич. – Что за ним, какая вина?

– Велено останавливать всех, кто идёт в город, – объяснил Бухвостов. – Вот и его взяли, он с Нижней Часовни на лодке явился.

– Как ты туда попал? – спросил Твёрдышев, строго взирая на своего приказчика.

– Сошёл со струга князя Львова, астраханского воеводы.

– Как же вас воры пропустили? – удивился Дашков.

– Того я не ведаю, – спокойно ответил Максим. – Может приказчик Львова слово против них знает. Бывало, подбегут на лодках ватагой, приказчик с ними пошущукается и идёт себе дальше. Так и дошли целы.

– Чудеса, да и только! – развел руками Дашков. – На Низу чего только не случается. Ладно, пусть будет так. Оставь, Бухвостов, парня нам и ступай по своим делам.

Стрельцы ушли, а воевода в глубокой задумчивости теребил свою бороду.

– Вот что, Степан, – наконец произнёс он. – У меня до твоих дел интереса нет, а у Милославского он будет. Посему бери своего приказчика-рассказчика и где-нибудь его спрячь, чтобы о том никто не проведал. Иначе будет беда. А теперь поскорее исчезните оба.

– 4 –

Савва жил в осадной избе Твёрдышева добровольным затворником, лишь по утрам и вечерам позволял себе прогуливаться по крыльцу, после чего удалялся в свою комнату, где, перекрестившись на образ святого Луки, одного из евангелистов, брал в руки свежечиненное перо, окунал его в чернильницу и приступал к работе по переписке очередной страницы «Казанской истории». Хозяин его не торопил, но иногда заходил в комнату и давал Савве переписать какую-

нибудь срочную деловую бумагу, и, пока грамотей трудился, Степан Ерофеевич проглядывал готовые страницы книги и, по его виду, был доволен.

Таким умиротворённым и довольным своим бытием Савва давно себя не ощущал. У него была крыша над головой, хорошая еда, и, самое главное, он занимался любимым делом не из-под палки, а по своему хотению. Работал он неспеша, сначала по несколько раз перечитывал отрывок из книги, размышлял над содержанием, и когда проникался духом и буквой славных казанских дел царя Иоанна Васильевича, то приступал к бережному и тщательному письму. За работой он не замечал ничего вокруг себя, поскольку мыслью был далеко от твёрдышевской избы, над стенами Казани, и внимал звукам кровавой сечи, плачу татарских жёнок и маститых старцев о гибели Казанского царства. Видя пред собой столь великое и ужасное, Савва сострадал душой несчастным, и его очи застилала слёзы.

Ключница Потаповна однажды застала его таким и спросила, над чем он плачет. Савва прочитал ей отрывок из книги, и она пригорюнилась, ей стало тоже жаль людского горя, а сам переписчик ей показался человеком не от мира сего.

– Ах ты, блаженненький! – молвила старуха. – Пойдём, я тебя ущицей попотчую.

С той поры она стала относиться к Савве по-родственному, справила ему две новых рубахи из тонкой крашенины, привела посадского сапожника, и тот снял с него мерку, чтобы стачать новые сапоги, старые пугали Потаповну своим видом, когда она натыкалась на них в сенях. Словом, зажил Савва у Твёрдышева так хорошо, как раньше никогда не жила, ни о чём, кроме своей работы, не думая. Лишь иногда ему на ум приходил Максим, и он жалел парня, который отправился прямо в логово страшного вора Стеньки Разина и легко мог навсегда там сгинуть.

О синбирских делах он узнавал от Потаповны. Та, прослышав о приезде нового воеводы, не поленилась одеться по-праздничному и сходить на Соборную площадь, где своим острым взглядом высмотрела, кто таков князь Милославский. И

он ей не приглянулся: мелковат для воеводы, но на диво спесив. Это не редкость, заключила много чего повидавшая на своём веку Потаповна, спесь росту да ума не прибавит, а в яму подтолкнёт, хотя нет мне до этого дела, я не воеводская, а твёрдышевская. Степан Ерофеевич на слова своей кормилицы промолчал, но подивился её нескудеющему уму, а Савва выслушал и забыл, воеводы его не занимали.

– Я в тебе не ошибся, Максим, – похвалил Твёрдышев, когда они зашли в сени его избы. – Слово ты удержишь, перед Бухвостовым не открылся.

– Что тут мудрёного, сразу объявил, что я твой человек, стрельцы и поутихли.

– При Савве помалкивай, – сказал Твёрдышев. – А сейчас ступай за мной, ты же голоден.

– Сутки не ел, – признался Максим. – Львовский приказчик на дорогу даже сухаря не дал.

Они прошли в комнату. Степан Ерофеевич кликнул Потаповну и велел ей принести еды. Старуха остро глянула на незнакомого парня, ушла на кухню и вскоре принесла большую миску рыбы, хлеб и квас в кувшине.

Пока Максим ел, Степан Ерофеевич рассматривал его и размышлял, как дальше с ним поступить. Парень на поверку оказался смелым и смышлённым, в таком человеке он нуждался.

– Как там Разин? – спросил Твёрдышев, когда Максим после еды напился кваса. – Отдал ему грамотку?

– Вестимо, отдал, хозяин, из рук в руки. А сам Разин страшный человек, в другой раз я к нему не пойду.

– Что так? – Твёрдышев подвинулся к парню ближе.

– Московских стрельцов поубивал, начальных людей астраханских на крючьях и кольях развесил. Грозит на верховые города, после Астрахани, идти.

– Значит, он сейчас на Низу? – уточнил Твёрдышев.

– Пока там лютует, – сказал Максим. – Но скоро будет здесь.

– Ответной грамотки от него не было?

– Сказал, что скоро сам будет в Синбирске, тогда и переговорит с тобой. Но ты, Степан Ерофеевич, ему не верь. Я видел его вблизи, он такой...

Парень умолк и закрыл глаза.

– Ну и какой он, Разин? – спросил Твёрдышев.

– Он поглядит, как будто пригвоздит. От него веет могильной сыростью...

Твёрдышев встал, прошёлся по комнате, поправил пламя лампадки на божнице и повернулся к Максиму.

– О том, что был у Разина, молчи до самой своей кончины. Может, так до неё и доживёшь. Знак у тебя?

Максим снял с шеи разинский знак и протянул хозяину.

– Значит, таки помог он тебе добраться до Разина?

– Этого знака все боятся. Когда сюда шли, налетали на нас воров, а увидят знак, так сразу прочь ноги уносят.

– Я своё слово держу, – сказал Твёрдышев. – С сего дня ты мой приказчик. Жалованье тебе отмериваю двадцать четыре рубля в год. Доволен?

Максим вскочил с лавки и, упав на колени, ткнулся лбом в пол.

– Из дома не выходи. Савве о Разине ни слова.

Твёрдышев ушёл, а после в комнату заглянула Потаповна.

– Что сидишь, как сноп на меже? Ступай к Савве, он тебя поджидает.

Увидев Максима, переписчик отложил перо в сторону и вскочил со скамейки. На его лице отразилось всё, что он испытывал к парню, с которым его свела судьба на пути в Синбирск.

– Эх, Максимушка! Куда же ты запропал? Я пытал Твёрдышева, где ты, а он говорит, что усладил тебя по торговым делам.

– А ты как, Савва? – Максим не смог сдержать улыбку, глядя на хлопотавшего вокруг него дорожного приятеля. – Вижу, обжился, чисто одет, да никак и раздобрел.

– Это всё Потаповна, балует меня пирогами со всячинкой. Как тут не раздобреть, от таких милостей! Да ты садись, вот хоть на лавку.

Максим сел возле стола, на котором лежали бумаги. Взял в руку грамотку, посмотрел и положил.

– От Автонома, с Теши, грамотки не было? – спросил он дрогнувшим голосом.

– На днях был у Степана Ерофеевича гость, а откуда он, не ведаю, – сказал Савва. – Ты, видно, про Любашу весточку ждёшь?

Максим не ответил и пригорюнился, ему вдруг показалось, что вести с Теши худые, и от него что-то утаивают. На душе у него стало хмарно и холодно, он посмотрел на Савву, и тот забеспокоился.

– Не горюй, вот хозяин придёт, и спроси его всю правду. А ну-ка, подвинь ноги.

Савва наклонился, начал шарить под лавкой и вынул оттуда небольшой кувшин.

– Потаповна мне примочки на спину сделала и забыла. А я, грешным делом, смолчал. Давай по малой чарочку за твой приезд. У меня и сухари есть.

Вино ещё больше отяжелило душу Максима ощущением пустоты и одиночества, от которого ему не суждено будет избавиться до конца дней своей жизни.

– Скажи, Савва, почему в людях нет друг к другу братолюбия?

От таких слов переписчик чуть не подавился сухарём, который мусолил в беззубом рту, наслаждаясь его сладостью.

– Ну, ты и спросил! Откуда же мне знать сие? Зрю, парень, что ты крепко изменился за нашу разлуку. Где же ты был, коли так заговорил?

– Я был там, где нет Бога, – тихо произнёс Максим.

– Кого нет? – поперхнулся сухарём монах. – Бога?.. Как же так... Бог, он везде...

– Если бы он был везде, то и неправды на земле не было бы.

Возразить на эти слова Савве не пришлось: скрипнула дверь, и на пороге встала Потаповна.

– Иди, парень, тебя Степан Ерофеевич кличет, – сказала старуха, пристально глядя на кувшин и признавая в нём своё утраченное добро.

Максим вошёл в горницу, там за столом сидел Твёрдышев, который указал ему на место возле себя.

– Одно своё обещание я выполнил, – сказал он. – Ты – приказчик. Теперь про другое. Автонома на Теше больше нет. Прибегал с тех краёв верный человек и донёс, что моего названного брата взяли и увезли в оковах в Москву. Посему и о Любаше твоей я не ведаю.

Максим ожидал услышать худшее, но это известие не лишило его надежды, поэтому слова Твёрдышева он воспринял сдержанно и продолжал выжидающе глядеть на хозяина

– Из Синбирска тебе нужно на время удалиться, – сказал Степан Ерофеевич. – Бухвостов о тебе может вспомнить, да и князь Дашков не сдержан на язык. Мне нужно знать, что на Теше. Как поступить?

– Я готов туда идти хоть сейчас.

Степан Ерофеевич цепким взглядом окинул парня и усмехнулся.

– В такой одежке ты далеко не уйдёшь. По ней сразу видно, что ты не приказчик, а беглый. Человек Твёрдышева должен смотреться по-другому, соответствовать моему званию купца гостиной сотни. Возьми на лавке то, что тебе Потаповна припасла – однорядку, шапку, штаны да рубаху. И кошелёк не вырони, там хоть и небольшие деньги, но тебе без них нельзя.

Максим встал и взял одежду в охапку.

– Пойдёшь не сейчас, а сегодня, когда стемнеет, – сказал Твёрдышев. – Ложись спать, я тебя подниму.

В комнате, которую показал Максиму хозяин, было прохладно и тихо, и сон сморил парня сразу, как только он коснулся головой подушки. Снилось ему, что он в струге, стоит перед Разиным, а тот укоризненно и грозно вопрошает: «Между двух огней хочешь выжить?..» Атаман мановением руки подзывает к себе Чикмаза и указывает на Максима. Палач намеревается схватить его, но появляется Любаша и заслоняет от Стеньки широким рукавом своего летника, и вот они уже на берегу Тешы, близ кузни, сидят на траве, а из монастыря по воде доносится звон колоколов.

– Я вижу, ты не будился, – сказал Твёрдышев. – Нам пора.

В комнате было темно, Максим ощупью нашёл новую одежду, оделся, обулся и пошёл следом за хозяином. На крыльце Степан Ерофеевич протянул ему небольшую суму.

– Потаповна собрала тебе в дорогу. Ступай за мной и, если с кем столкнёмся, молчи.

Калитка в Казанских воротах была открыта. Они вышли из неё, повернули к Волге, и скоро достигли края обрыва, где, держась руками за ветки кустов, начали спускаться вниз. Вокруг было темно, под ногами, шурша, осыпалась глина, но Степан Ерофеевич знал дорогу и саженой через двадцать остановился и стал оглядываться вокруг.

– Вот приметь этот кол в земле и рядом с ним камень, – сказал хозяин.

Сделав два шага вниз, к Волге, он склонился, пошарил, разгребая траву, и поднял тяжёлую крышку.

– Что здесь? – спросил Максим.

– Это лаз в крепость. Его сделали ещё первые строители Синбирска, но потом, за ненадобностью, забыли. О нём ведают лишь воротник Федька, я, а теперь и ты.

– А где он выходит?

– В сторожке воротника. – Степан Ерофеевич положил крышку на место. – Запомни это место. Может случиться так, что он тебе пригодится. Но о потайном ходе никому не говори. Отсель дорогу на андреевскую мельницу отыщешь?

– Мимо не пройду.

– Тогда в путь, – сказал Твёрдышев. – Меня Милославский от себя не отпустит, и я в любом разе буду здесь.

Они влезли на гору и добрались до Крымских ворот, где и расстались. Максим закинул на плечо суму и, чутко прислушиваясь, чтобы обойти встречных, пошёл к Свяге. На посаде было темно, синбиряне жили по солнцу: в вечерних сумерках укладывались спать и просыпались, едва только забрезжит утро. Половинка луны осветила Максиму путь, он набрёл на натоптанную тропу и пошёл по ней среди кустов по крутому склону к реке.

Мельница встретила его ровным шумом воды, изливающейся из верхнего пруда по отведённому от мельничного колеса жёлобу вниз. Она не работала, на плотине было ветрено, время от времени слышался раздражающий скрип ржавых петель незапертой двери.

– Я уже наскучил тебя поджидать, Максим, – раздался молодой голос.

– Это ты, Ермолай?

– Кому же ещё быть? – из-за колеса вышел мельников сын. – Отец велел проводить тебя, и вот я здесь.

– Где мой конь?

– Пойдём, поглядишь.

Они прошли по плотине на другой берег реки. Ступая по чавкающей болотине, достигли сухого и твёрдого места, на котором росло два больших осокоря, к одному из них был привязан конь.

– Это не мой Соловый, – удивился Максим.

– Степану Ерофеевичу твой конь не показался, – сказал Ермолай. – Он дал тебе своего со всей справой. Видно, полюбился ты ему. Я слышал, ты уже приказчик?

Последние слова мельникова сына Максим оставил без внимания. Он отвязал от дерева коня и вывел на светлое место. Это был низкорослый жеребец ногайских кровей рыжей масти.

– Как его кличут?

– Уголёк. Покойный жеребчик, я на нём проехался, не тряско, – сказал Ермолай. – Я пойду, скулы от зевоты выворачивает, так спать хочу.

Уголёк был оседлан, Максим сел на него и поехал искать Московскую дорогу, которая начиналась недалеко от мельницы. На Синбирск он даже не обернулся.

– 5 –

Через несколько дней Максим добрался до Теши. В сельцо он не поехал, обошёл стороной и, выждав в лесу до наступления вечерних сумерек, осторожно приблизился к своей брошенной кузнице. Некоторое время Максим приглядывался к ней, не занял ли кто его место, но сруб был пуст, об этом говорило и то, что возле дверей разросся молодой бурьян, трава вокруг была немятой, и большая жердь, которую он оставил прислоненной к стене, так и стояла до сих пор.

Максим привязал коня к дереву и, осторожно прислушиваясь, подошёл к кузне. Дверь в неё была чуть приоткрыта, он принялся: пахло давно сгоревшими углями и сыростью. Он распахнул дверь и присел в испуге. Что-то прошуршало мимо него, над головой, едва не задев шапку. «Непотырь», – понял Максим и перевёл дух.

Он подошёл к горну, наложил на него растопку и запалил небольшой костерок. Пламя осветило закопчённое нутро сруба и широкую лавку, на которой лежали старые овчины. Максим осмотрелся и решил пойти к коню, подвести его к избе и вдруг услышал, как кто-то негромко произнёс его имя.

– Кто здесь? – спросил Максим и взялся рукой за нож, что был у него под однорядкой на поясе.

– Это я, Егорка, – куча рваных овчин зашевелилась, из неё высунулось улыбающееся мальчишечье лицо.

– Ты что, пострелёнок, здесь делаешь? – Максим подхватил парнишку и прижал его к себе. – Почему не у людей, в Воздвиженском?

– Худо мне там, – пробормотал, всхлипнув, Егорка. – Хозяин бьёт, кормит помоями...

– погоди, – сказал Максим, опуская сироту на лавку. – Я сейчас вернусь.

Он привёл коня, привязал его около двери, взял суму и вошёл в кузню.

– Не забывай, Егорка, свою работу, – сказал он, протягивая парнишке сухарь. – Бери ведёрко и дуй на речку за водой.

Тем временем Максим достал из сумы сухари, толокно, вяленого леща. Егорка накинута на толокно и трескал его за обе щёки. Максим поглядывал на него с участием, сиротство ему было ведомо не понаслышке, и его по-малолетству унижали и били чужие люди, пока он не повзрослел.

«Надо помочь мальцу, – подумал он. – Здесь ему житья не будет».

Егорка наелся и повеселел.

– Хорошо с тобой, – сказал он. – Ты больше никуда не уходи.

– Завтра мы вместе уйдём отсель. Мне здесь оставаться нельзя.

– Куда мы пойдём?
– Вот я и хочу от тебя узнать, куда нам идти, – сказал Максим. – Говори, что знаешь про Любашу? Где она на себя руки наложила?
– Окстись, дядька Максим! – вскричал Егорка. – Жива Любаша! Вместе с барыней живёт в монастыре.
– Повтори, что ты сказал! – потребовал взволнованный до глубины души Максим, ещё не веря счастливому известию о своей суженой.
– Она в монастыре с барыней с тех пор, как ты ушёл.
– А где барин? – спросил Максим.
– Сидит в усадьбе. Мужики говорят, что вино лопают.
– Ты меня, Егорка, оживил. Ведь я своими ушами слышал, что Любаша кинулась в Тешу. А теперь ложись спать, завтра мы пойдём в монастырь.
– Значит, и я с тобой пойду? – переспросил парнишка. – Не забудешь меня взять?
– Не забуду. Ступай под овчину на лавку.
Егорка быстро угомонился, а Максим заснул не скоро. Пылкое воображение рисовало ему встречу с Любашей самыми радужными красками. «Возьму её, уйдём в Синбирск к Твёрдышеву и заживём вольными людьми, – думал он, перелистывая мысленно ещё не написанную книгу своего будущего. – Будет у нас всё как у людей – свой дом и сытая жизнь...»
Максим проснулся в утренних сумерках, вокруг было влажно от тумана и мелкого морозящего дождя. Егорка спал рядом, прижавшись к нему худеньким тельцем. Максим поднялся с лавки и вышел в дверь. Уголёк встретил хозяина тихим ржанием.
– Что, измок насквозь? – Максим отирал соломой мокрую спину коня. – Вот придём в монастырь, куплю тебе на торге овса. Молодец, заслужил...
Егорка сидел на лавке и вопрошающе смотрел на Максима.
– Что раскачиваешься? Собирайся! Или не пойдёшь со мной?
– Как не пойду! – обрадовался малец. – А собирать мне нечего, я весь тут.

– Будет срок, разживёшься. Захвати мою суму!
Оседлав коня, Максим повёл его к реке. Через Тешу они переплавились где вброд, где вплавь, придерживаясь руками за Уголька. На берегу сняли с коня свою одежду, облокались, Максим сел в седло, а Егорку посадил впереди себя. И они тронулись в путь, сторонясь проезжей дороги, напрямик через лес, по тропке, наторенной к монастырю богомольцами. По пути им никто не встретился, и Максим счёл это за удачу. Он не хотел, чтобы в Воздвиженском стало известно о его появлении, барин Шлыков вполне мог устроить на беглого холопа облаву, как на дикого зверя, для этого у него были дворня и собаки.
Выйдя из леса, они сразу увидели монастырь и рядом с ним немногочисленный торг, к которому и направил Максим своего коня. Чтобы не привлекать к себе взглядов, остановились, не доехав до торгового двора. С конём остался Егорка, а Максим, надвинув на брови шапку, пошёл к людям. Летом большой торговли не было, предлагали лишь то, что пользовалось спросом круглый год: соль, мыло, ткани, ленты всяких цветов, скобяные товары.
Проходя мимо рядов, Максим оглядывал торговцев, но человека Евсеева не встретил, а наткнулся взглядом на монастырского работника Спирьку. Тот тоже его узнал и поспешил навстречу, опираясь рукой на палку.
– Ты, Спирька, всё здесь обретаешься? А я думал ты на Волге.
– Рад бы бежать, да нога подломилась, – сказал Спирька. – Неделю как лубки с голени сбросил. А ты как? Всё в своей кузне?
Максим взял Спирьку за рукав и потянул в сторону от людей.
– Я наши разговоры помню, – сказал Максим. – Ушёл я по весне от своего барина.
– Вон как! – воскликнул Спирька. – Не похоже, что живёшь в лесу, справа на тебе богатая, видно, не голодаешь.
– Повезло мне. Я сейчас в приказчиках у гостя Твёрдышева. Слышал про такого?
– Откуда мне слышать? – ухмыльнулся Спирька. – Я с гостями не возжаюсь. У меня дружбаны – Филька Косой, Аниска Мёртвый да Петька Гусак. Надо их про твоего хозяина

спросить, они близ большой дороги живут да промышляют, может, они ведают. А ты зачем сюда явился?

– Торгового человека проведать, Автонома Евсеева. Знаешь такого?

– Как не знать, да только живёт он сейчас в московских каменных палатах, а прислуживают ему дьяки да палачи.

– Близкие Евсеева целы? – спросил Максим.

– Сына Ефимку с отцом на одних дровнях в железгах увезли. Жена с дочерью не ведаю где, но пропали. Видать к своим раскольникам подались. Да что их жалеть? Сами свою долю искали и нашли. Вот ты что ищешь?

– Барыню Шлыкову найти надо, у ней в сенных девушка Любаша.

– Вон как! – рассмеялся Спирька. – Знаю её. Хороша девка, да не для Спирьки-обсевка, а приказчику в самый раз!

– Как она там?

– Не ведаю. Может и горюет, но спит на мягком, ест с барыней. Я её только в храме на службе зрю.

– Ты и в храм ходишь? Такому балагуру там вряд ли место.

– Может, и не ходил бы да нельзя не ходить, – посерьёзнев, сказал Спирька. – Того, кто от службы отлынивает, монахи держать и кормить не будут. Вот встану на обе ноги и уйду отсель на Волгу.

– Где в монастыре покои Любаши? – спросил Максим.

– Ты что уводом её хочешь взять? – сказал Спирька. – Что ж, дело молодецкое, только сам ты её не отыщешь.

– Проведи меня к ней.

Спирька задумался, затем улыбнулся и отшвырнул подпорку, что держал в руке.

– Сманил ты меня, парень, на лихое дело, – он притопнул внезапно выلعенной ногой. – Сегодня не получится, провожают рязанского архиерея, вся монастырская дворня на ногах, смотрят, как цепные псы, и нам проходу не дадут. Пойдём завтра на утренней зорьке. Я своих дружбанов прихвачу. У тебя есть, где заночевать?

– Я не один, – сказал Максим. – Со мной сирота, мой подручный на кузне.

– У моих ребят места хватит. Забирай мальчика и пойдём.

Изба Спирькиных дружбанов была на дальнем краю слободы за высоким забором из сосновых кольев, чем напоминала укреплённый острожек.

– Глянь с коня, видишь ли кого? – спросил Спирька.

– Пусто, – ответил Максим. – Рядом со срубом избушка, из неё дымок вьётся.

– Он всегда вьётся, – усмехнулся Спирька и начал стучать ногами в крепкую калитку. Через минуту к ней подбежал пёс, начал лаять, затем послышался голос:

– Кого черти среди бела дня принесли?

– Открывай, Манька, свои! Да пса уйми, со мной чужие люди, – сказал Спирька и подмигнул Максиму. – Жёнка – огонь, сам увидишь.

Калитка открылась и перед незваными гостями предстала Манька, молодая жёнка в просторном летнике, который не скрывал её могучей стати. В ней всё было крупно: и голова, и руки, и ноги, и туловище.

– Челом, красавица! – произнёс Спирька. – Мои дружбаны живы?

– Живы. А это кто?

– Люди свои. Такие же сироты, как и я, – сказал Спирька. – Заночуют, а завтра уйдут.

– Я с постояльцев живу. Кто платить будет?

– Жадная ты. Возьми за их постой меня на всю ночь, и делай со мной, что похочешь.

– Баловник ты, Спирька, – Манька шагнула вперёд, подхватила его и взметнула вверх. – Я тебя, сладника, сейчас в лыву закину!

– Спасите, люди добрые! – дурашливо завопил Спирька. – Максимка, пощечки жёнку за бока, она от щекотки разом силы лишается!

На шум из избы вышел тощий мужичонка и злобно проверещал:

– А ну, угомонитесь! А тебя, Марья, я, что, давно не учил? По битью соскучилась?

Жёнка враз присмирела, поправила сбившийся повойник и пошла прочь от калитки.

– Кто это? – спросил Максим.

– Филька Косой, – шепнул Спирька. – Манькин супруг, страсть лютой махор. У тебя деньги есть?

– Есть немного, – ответил Максим. – А зачем?

– Попотчуй винцом братанов, станешь им другом. Они тебе пригодятся. Может, твою суженую придётся силой из монастыря брать. Деньги давай здесь, чтобы никто твоей казны не видел.

Максим отступил за забор, вынул двугривенный и протянул Спирьке. Тот его живо схватил, сунул за щеку и взял коня за повод.

– Пошли! И ты, малец, не отставай.

Кроме Фильки Косого, в избе были Петька Гусак и Аниска Мёртвый. Появлению новых людей, предчувствуя гулеванье, они обрадовались.

– А где, Спирька, твоя клюка? – спросил Гусак. – Утром ускакал к монахам на одной ноге, а к обеду вернулся на двух, да с гостями. Кто тебя на обе ноги поставил?

– Да вот он, – сказал Спирька, указывая на Максима. – Знакомьтесь, а я пока с Марьей пошепчусь.

– Нечего с ней шептаться, – проворчал Косой. – Давай деньги, я сам вина принесу.

– Ну, уж нет, – возразил Спирька. – Я давече тебе деньги отдал, так она меня так по спине треснула, что до сих пор болит.

Жёнку искать не пришлось, она явилась сама с лукошком огурцов, поверх которых лежало несколько ломтей хлеба.

– Возьми у Спирьки деньги и принеси вина, – распорядился Филька Косой. – И не вздумай отхлебнуть из кувшина!

– Счас исполню, Филимон Иванович, – сладенько вымолвила богатырша и, взяв двугривенный, вышла из избы.

– Бери, Егорка, огурец, – сказал Спирька. – Похрумкай с хлебцем, а то расхватают и не достанется.

Егорка взял огурец, горбушку ржанины и сел на лавку. Мужики выжидающе смотрели на Максима.

– У этого парня к нам дело? – сказал Аниска Мёртвый. – Или он к тебе, Спирька, приبلудился?

– Мы с ним зимой тележку игумену делали, с тех пор его и знаю. А теперь он пришёл вызволить свою суженую, девку боярыни Шлыковой. Как, пособим?

– Девка – пустяк! – заявил Петька Гусак. – Из-под боярыни мы её быстро опростаем, вот до самого Шлыкова добраться надо да вдёрнуть его на осине.

– У боярского сына, слух есть, денег немеряно, серебра да золота, – мечтательно произнёс Аниска Мёртвый. – Вот бы мы, дружье, разгулялись! Властям сейчас не до нас, давече на торге взяли одного с прелестной грамоткой Степана Разина.

– Когда это Разин сюда явится! – возразил Косой. – Может, он так и будет на Низу гулять.

– Степан Тимофеевич непременно явится, – сказал Максим, и в избе стало так тихо, что все услышали, как с потолка на стол шлёпнулся таракан и зашуршал, убегая, ножками по скоблёной доске.

– А тебе, парень, откель это ведомо? – грозно спросил Гусак. – Коли соврал, то повинись, а то у нас каждое слово к ответу.

– Мне сам Степан Тимофеевич про это сказал, – спокойно ответил Максим. – Я в мае был у него под Царицыным и на Чёрном Яру.

– Врёшь! – одновременно выдохнули Гусак и Мёртвый и стали приближаться, сжав кулаки, к Максиму.

Так же одновременно они кинулись на него, но сильный парень оттолкнул их от себя с такой мощью, что они спинами впечатались в стену избы и затихли.

– Вот дураки! – сказала всё это видевшая Манька. – Что, как псы, на гостя кинулись? Вы расспросите его и по словам поймёте, врёт или говорит правду. А теперь садитесь за стол.

Мужики стали слушать Максима, позабыв про пиrowанье. Весть о Стеньке Разине хмелила их головы покрепче самого крепкого зелена-вина. Каждое слово, сказанное Максимом, капало на души этих людей раскалённым оловом.

Максим закончил своё повествование, и в избе воцарилось молчание. Первым очнулся от очаровывающей разум были Аниска Мёртвый.

– Верю каждому твоему слову, братан, – вымолвил он дрожащим от волнения голосом. – Такого выдумать нельзя.

– Я и не выдумываю, – сказал Максим. – Всё это правда, а что делать с ней, решайте сами.

– Так говоришь, что Разин пойдёт на верховые города? – спросил Гусак.

– Не раз слышал об этом от него самого.

– Тогда нам надо идти на Волгу встречать атамана. Ближе всех отсюда нам Синбирск, туда и направимся. И тебя, парень, с собой повезём. Не придёт Стенька, головой ответишь.

– Что моя голова? Мне Любашу вызволить надо.

– Это для нас не работа! – зашумели гулевые люди все разом. – Завтра и опростаем твою девку из монастыря.

– 6 –

Максим проснулся рано, поднял голову и огляделся вокруг. Ватажники вповалку спали на полу, дверь была открыта, в избу тянуло сыррым воздухом, и было слышно, как хозяйка доит корову: молочные струи швыркали о дно и бока липового подойника. Егорка будто поджидал, когда проснётся Максим, открыл глаза и сел на лавке.

– Дядька Максим, – жарко зашептал он. – Ты уходишь с этими, а как я? Возьми и меня с собой.

– Забудь и мыслить об этом, – буркнул Максим, но задумался. Мальца надо было куда-то определять на жительство. Он встал, погрозил собравшемуся следовать за ним Егорке пальцем, вышел во двор и огляделся.

День обещал быть светлым и жарким, солнце показало из-за ограды золотисто-рыжую верхушку, лёгкий ветерок едва шевелил листья на деревьях. Максим заметил в огороде бочку, прошёл к ней и окунул в воду голову, отряс её, отжал бороду и почувствовал рядом чьё-то горячее дыхание.

– Испей парного молочка, – сказала Манька, протягивая подойник.

– Всю душу промыл от сухоты, благодарствую.

– Да ты вина и не пил, – усмехнулась хозяйка. – Сразу видно, не из нашенских питухов, те пока не упадут, всё лопают. Ты ведь не женат?

– Пока нет. А что?

– Гляжу, мальчика за собой водишь чужого, – сказала Манька. – Тебе он всегда обуза, отдай его мне. Для сына он велик, а в племянники моему Фильке как раз годится. Ну, как?

– Я бы его здесь оставил, – подумав, ответил Максим. – Но где мне взять веру, что здесь мальцу будет не солоно?

– Был у меня сынок Архипушка, – печально вымолвила хозяйка. – Сгорел от простуды, а я с тех пор в пусте хожу. Мальца не обижу, хочешь, перед Николаем Угодником дам зарок?

– Вижу, что ты добрая жёнка, – сказал Максим. – Приведи мальчика.

Манька, забыв подойник, над которым уже начала виться мошкара, убежала в избу и скоро вынесла оттуда на руках испуганного Егорку.

– Хозяйка просит тебя остаться у неё, – сказал Максим. – Она обещает быть тебе матерью, доглядывать за тобой, беречь... Идти тебе за мной, Егорка, нельзя. Я не ведаю сам, где завтра голову преклоню.

Малец заморгал, затем из глаз по щекам потекли крупные слёзы.

– Вот беда! – жалобно воскликнула Манька. – Долгие проводы, долгие слёзы. Ступай отсель поскорее, куда наладился!

И, укачивая на руках, как малое дитя, она понесла Егорку в свою избу.

Уголёк заждался хозяина и приветствовал его весёлым ржанием. Максим похлопал коня ладонью по холке, снял с жерди седло, закинул ему на спину, подтянул подпруги и повёл к калитке, возле которой собралась Спирькина ватажка.

– Ты, Спирька, иди с Максимом передом, – сказал Гусак. – А мы двинем вдогон. Сойдёмся возле трапезной.

В монастыре утреню уже отслужили, монахи и послушники

разбрелись по работам, и в обители было безлюдно. Игумен и другие надзирающие за порядком чины, проводив рязанского архирея, позволили себе расслабиться и пребывали в своих кельях.

– Как пойдём за девкой? – спросил Аниска. – Скопом или по одному?

– Не надо шума, – сказал Максим. – Сначала нужно сведать, как она. Ты, Спирька, веди меня в палаты, а остальные пусть ждут здесь.

Приезжие богомольцы, стекавшиеся в монастырь, те, кто был побогаче и познатнее, помещались в левой стороне большой избы на каменной подклети, и вход туда был с отдельного крыльца. Максим и Спирька поднялись по нему к двери и, осторожно ступая по ступеням лестницы, поднялись наверх. Кельи располагались по обеим сторонам просторного прохода. Максим вопрошающе глянул на спутника, и тот поманил его за собой. Спирька останавливался, прислушивался, наконец, указал на нужную дверь.

– Она тут.

– Жди меня здесь, – прошептал Максим и чуть приоткрыл дверь, из которой на него сразу дохнуло запахом лекарственных трав и сгоревшего лампадного масла.

Просторная келья была разгорожена тканевой занавесью, близ окна стоял стол, за которым спиной к двери сидела девица в чёрном одеянии и чёрном платке.

– Любаша, – тихо позвал Максим.

Девица вздрогнула, резко обернулась, попыталась приподняться, но не смогла, бедняжка сомлела от неожиданности и поникла. Максим успел поддержать её, прижал к себе и заглянул в бледное запрокинутое лицо. Его до рези в сердце поразило, как изменилась Любаша. Она похудела, прежняя розовость щёк и губ сменилась нездоровой синевой, нос заострился, глазницы впали, и от них разбежались морщинки.

– Любашенька, – прошептал Максим. – Я пришёл за тобой.

Она распахнула задрожавшие ресницы, охнула и прослезилась.

– Не горюй, – ласково сказал Максим. – Бежим отсюда, пока никого нет.

– Тише, барыня почивает за занавесью. Сон у неё чуткий.

– Так поторапливайся. Нужно уходить без шума, чтобы не было скорой погони.

Любаша сняла с головы платок и стала укладывать умилившие Максима девичьи мелочи: ленты, пуговицы, гребни для расчёсывания волос, цветные нитки, иголки, маленькие ножницы и короткую нитку жемчуга, хозяйкин подарок.

Неожиданно из-за занавеси раздался хриплый, прерывающийся кашлем голос:

– Любка, подай питьё.

Любаша ушла к барыне, послышались тихий звон чарки о поднос, журчание влаги и кашель.

– Кто у тебя там? – спросила барыня Шлыкова. – Ну-ка отведи занавес.

– Я одна.

– Не лги! Придержи меня, крепче придержи...

– Беги, Максимушка! – вскрикнула Любаша, но парень остался стоять, будто прирос к полу.

Сорванный занавес упал, и на него встала разбитая водяной болезнью старуха. Одной рукой она опиралась на палку, другой повисла на девице.

– Так это ты, беглый холоп! – прохрипела барыня. – Люди, ко мне! Взять его! Взять!

– Беги, Максим! – взмолилась Любаша.

Этот возглас подтолкнул парня к действию, он отстранил Шлыкову, подхватил Любашу на руки и быстро выбежал из кельи.

– Взят-таки девку! – восхитился Спирька. – Ну теперь, брат, бежим!

Они торопливо спустились по лестнице и выбежали на крыльцо.

– Скорее на коня! – крикнул Спирька. – Жди нас на тропе, что ведёт на Тешу.

Максим вскочил в седло и посадил обеспамятевшую Любашу впереди себя. Резвый Уголёк скоро вынес их из монастырских

ворот, они промчались мимо торго, оставив позади себя изумлённые вопли людей, и устремились к близкому лесу.

Проехав по тропе с версту, Максим свернул в сторону и остановил коня на солнечной полянке возле широко разросшегося дуба. Придерживая Любашу, он сошёл на землю, затем снял девицу и положил на траву. Она была бледна, и только редкое дыхание подсказывало, что в ней ещё теплится жизнь. «Опоздал я к ней, – с горечью подумал Максим. – Она почти уморила себя своим горем. Может, и опоздал к ней на те дни, когда ходил к проклятому вору Стеньке Разину». Он с жалостливым любованием смотрел на свою суженую, поглаживая её руки.

Любаша открыла глаза и улыбнулась.

– Как здесь вольно дышится, – тихо промолвила она. – Я давно не бывала в лесу, а так любила ходить по ягоды. Здесь, наверное, есть земляника, если только не отошла. Сорви мне ягодку.

Максим прошёлся по полянке, затем опустился на колени и стал шарить в траве руками. Земляника была, он попробовал на вкус: высохла как сено. С полнотной стороны дуба трава была гуще и выше, Максим пополз туда, раздвинул влажные стебли и увидел россыпь крупных и спелых ягод. Он снял шапку и стал собирать в неё землянику, набрал и поспешил к Любаше.

– Как вкусно, – сказала она, попробовав несколько ягод. – Я всегда её любила, особенно с молоком. А ты, что не ешь?

И она протянула ему самую спелую и сочную ягоду. Он взял её ртом и поцеловал девичью руку.

– Какой мне день сегодня выпал, – сказала Любаша. – Наверное, самый солнечный и счастливый... Что это, дятел?

Максим нахмурился.

– Это наши попутчики идут. Пора собираться.

Ватажники остановились на тропе и переговаривались.

– Вызволили девку, теперь она нам обуза, – проворчал Гусак.

– Они на коне, – сказал Спирька. – От нас не отстанут.

Когда перешли Тешу, Максим догнал ватажников.

– Вон, видите кузню? Мы будем в ней. А вы куда сейчас?

Ватажники заухмылялись, парень будто не знал, зачем они сюда явились.

– Заляжем в лесу до сумерек, – хохотнул Косой. – А дальше сделаем так, что вокруг светло, как днём, станет.

Максим зашёл в кузницу, вынес овчину, выхлопал её от пыли об угол сруба, постелил на траву под липой.

– Посиди здесь, – сказал он Любаше. – Я сейчас костерок исхлопочу. Вскипятим водички, у меня толокно есть, рыба.

Любаша с улыбкой наблюдала, как он разжёт бересту и наломанные сучья, сбегал на речку за водой, поставил на огонь. Она была готова от охватившего её счастья заулыбаться, но внезапная боль стиснула нутро, и она закусил губу, чтобы сдержать крик. Во рту стало солоно, Любаша отвернулась и сплюнула кровью.

– Не может же мне, Максимушка, – жалобно сказала она. – Я полежу, а ты ешь, не жди меня.

Он бережно опустил её на овчину и положил под голову свою шапку.

– Спи, – сказал Максим. – Я позже тоже прилягу.

Ватажники шли по лесу, подыскивая себе удобное место для становища. Косой уже бывал здесь и знал, где находится усадьба боярского сына Романа Шлыкова.

– Годите, – время от времени повторял он. – Вот взойдём на увалы, всё будет видно, как на ладони.

Гусак шёл за Спирькой и был недоволен, что тот привёл к ним в ватагу неизвестного человека, который вполне мог принести беду для всех.

– Ты, Спирька, хоть и навроде нашего атамана, но догадка в твоей башке и не почевала, – ворчал Гусак. – Опростили мы для него из монастыря девку, а где для нас выгода? Вечор сунул на всех один двугривенный и расчёлся. У нас раззудилось ретивое и ещё по алтыну пропили. Выходит, этот Максим всем нам сделал убыток, к тому же с похмелья у меня в голове такое, что будто собаки в ней лают. А теперь с нами не только он, но и свою девку навязал, а с неё проку вовсе нет, дохлая она, сразу видать, не жилица вовсе... А на нём однорядка новая, рубаха, штаны, да в кошельке, вестимо, побрякивает.

– Не зуди, Гусак, – отбрехивался Спирька. – Не во всём надо жить для своей выгоды. Доброе дело, оно и такому, как ты, плуту зачтётся.

– Где зачтётся? Там, что ли? – Гусак топнул ногой о землю. – Что-то я не слышал, чтобы оттуда кто-нибудь являлся в мир с вестями. Ты таких знаешь?.. Так и помалкивай, доброхот!

Вскоре ватажники вышли на увал, поросший высокими прогонистыми соснами, между которыми стояли небольшие осины и рябины. В распадке сыскался родничок, ватажники расположились вокруг него, вынули каждый свой сухарь, обмакнули в воду и стали полдничать. После разлеглись на хвойном насте и стали подрёмывать, и только Фильке Косому не лежалось, он поднялся повыше и принялся выглядывать, что делается в шлыкской усадьбе.

Долгое время она была пуста, но затем к воротам подъехал человек в господской одежде, к нему выбежал мальчонка, отодвинул одну створку ворот. «Барин приехал! – понял Косой. Шлыкков тяжело слез с коня и сел возле крыльца на лавку. От амбара к нему поспешил старик, сняв шапку, стал слушать, что ему выговаривает барин. «Добро, – подумал Филька. – Все на месте, тут-то мы хозяина и приказчика накроем разом, чтобы все захоронки выведать».

Он сошёл вниз к товарищам, лёг, подложив под голову шапку на захвоенную землю.

– Что там? – тихо спросил Спирька.

– Оружных людей не видно. Барин на месте.

– Дождёмся потёмок и пойдём, – зевнув, сказал Спирька. – Дремли, брат, пока время есть.

На закате ватажники собрались на верхушке увала и стали жадно, как псы, глядеть на шлыкскую усадьбу, которую медленно окутывал вечерний сумрак. Там стало люднее, с луга пригнали коров и две жёнки начали их доить, задымилась поварня, и вокруг неё засуетились люди. Девка снимала с жердей высохшую одежду, конюх подвёл коня к пруду и начал его скрести и поливать водой.

– Пора! – объявил Спирька, и ватажка стала спускаться с увала к усадьбе. Каждый из ватажников был вооружён большим

ножом, который ему уже приходилось пускать в дело. Кровь была им привычна, а свои жизни они не ставили и в полушку.

Ограда для них не стала препятствием, кряжистый Аниска Мёртвый выворотил кол, и они побежали к самой большой господской избе. Навстречу выскочил громадный, задыхающийся лаем пёс, но Косой огрел его по спине берёзовым дрыном, и он, скуля, пополз на брюхе в сторону. Ватажникам помог открыть дверь караульщик: он выскочил на крыльцо проверить, что за шум во дворе, и его тут же ударом ножа поддых уложил насмерть Гусак. В потёмках, натыкаясь друг на друга, ватажники полезли по лестнице в горницу, на пороге которой встал боярский сын Шлыкков с обнажённой саблей в руке. Спирька заметил его первым и швырнул в барина кругляш железа на короткой цепи. Раздался сдавленный хриплый вой, и вся ватажка оказалась в хозяйской комнате.

– Зажги смольё! – велел Спирька.

Гусак взял лампаду с божницы, береста вспыхнула и осветила просторную хозяйскую горницу. Мёртвый подошёл к барину и приподнял его за волосы.

– Жив? – спросил Спирька.

– Оклемается, – ответил Аниска Мёртвый. – Воды бы ему в харю плеснуть.

Косой взял со стола кувшин, заглянул в него, понюхал.

– Квас годится?

– Плескай! – велел Спирька.

Квасное омовение помогло, Шлыкков захлопал глазами, заозирался. Гусак сгрёб его за рубаху и поставил на ноги.

– Где казна? – рыкнул Мёртвый и ткнул горящим смольём в бороду боярского сына, но Шлыкков был не робкого десятка, раззявил сожжённый рот и начал лаяться.

– Не видать вам, холопы, моей казны! Не для того её собирали мои деды-прадеды, чтобы воры растрясли зажитки по шинкам да кружалам!

– Стой, дружё! – остановил кинувшихся на Шлыкова соратников Спирька. – Ведите сюда приказчика, старый хрыч лучше барина его казну ведаёт.

Косой и Гусак убежали за приказчиком, а Спирька подошёл к барину.

– Придётся тебя, боярский сын, на огонь ставить. Отдай казну по-доброму!

Шлыков отвернулся и засопел. Спирька задумался, с какого края начать поджаривать барина, и вдруг ему почудилось, что в горнице ещё кто-то есть. Он выхватил из руки Аниски смольё и осветил тёмный угол.

– Ба! – воскликнул Спирька. – А вы, лебёдушки, как сюда попали?

На широкой лавке сидели две голые девки, от страха они одеревенели и лишь время от времени взмывали, пытаясь что-то сказать.

– Да ты затейник, Шлыков! – усмехнулся Спирька. – Посвети, Аниска, я им одежонки сыщу.

Девичьи летники были разбросаны по полу, он нагнулся, чтобы их поднять, и в этот миг Шлыков вскочил на ноги и кинулся в дверь, а за ним помчался Аниска Мёртвый. Послышались ругань, возня, а затем глухой удар откуда-то снизу. Спирька подхватил смольё с пола и выбежал к лестнице.

– Аниска! – позвал он. – Где ты?

– Беда! – раздался из подклети голос. – Барин скатился с лестницы и шею свернул.

– Что за беда, шею свернул, – растерялся Спирька. – Неживой, что ли?

– Дух из него вышел напрочь! Что братанам скажем?

– То и скажем! – осерчал Спирька. – Отвечать будешь ты.

Он вернулся в горницу, девки уже прикрыли наготу и боязливо жались к стене.

– Брысь отсель!

Девки сделали один шагжок, другой к двери, а потом будто их ветром вынесло.

– Раздора меж нас не должно быть, – сказал Мёртвый, входя в горницу. – Давай, Спирька, отвечать оба два.

– Добро, – согласился Спирька. – Утраченного не вернуть.

Приказчик Емельяныч от страха обезножил, Косой и Гусак привели его под руки.

– Где господская казна, старый? – спросил Спирька. – Хочешь жить – отвечай!

Емельянычу уже доводилось переживать нашествия воров на усадьбу, и он ведал, что отвечать.

– Кто же укажет захоронку, кроме самого барина? Рассудите здраво, соколики: тайное лишь тогда тайное, когда оно ведомо лишь одному. Роман Иванович не дурак, всё держал в себе.

– А где же барин? – спохватился Гусак.

– Забудь про него, – сказал Аниска. – Думай о казне.

– Ты что, старый, шутить вздумал? – Спирька поднёс огонь к лицу Емельяныча. – Говори, где захоронка!

– Беда мне, – всхлипнул приказчик. – Разоряйте, берите всё, что имею!

– И много ли у тебя?

– Двадцать рублей без малого...

Никто из ватажников и близко возле таких денег не видал, и они тотчас соблазнились уловкой хитрого приказчика, уведшего их от хозяйской казны, повели Емельяныча в его избу, где он указал, какую половицу надо ломать. Свои зажитки старик хранил в глиняном горшке, завёрнутом в рогожку. Казна ощутимо весила, Спирька взял её в руку и счастливо осклабился.

– Не пуста!

– Эх, соколики! – загундел Емельяныч. – Как же не пуста, в ней шестьсот шестьдесят шесть алтын и две копейки.

Ватажники были довольны, увидев казну, они никуда больше не глядели, только на неё, но Спирька искал на усадьбе и другое.

– Аниска! – велел он. – Держи казну, а ты, старый, укажи нам оружейный амбар и конюшню.

Емельяныч подвёл ватажников к амбару, отпер его, и все стали выбирать оружие. Пищали, с ними мороки много, не взяли, вооружались саблями, кистенями, Гусак взял себе большую секиру, и Спирька прихватил для Максима саблю. Не забыли про шеломы и панцири. Филька Косой зачем-то прихватил шпагу из польской добычи.

– На что тебе это шило? – съехидничал Гусак.

– Узнаешь, когда жрать захочешь, – ответил бывалый ватажник.

Разобрали коней всяк по своему усмотрению, взяли сёдла, зануздали коней и сгрудились вокруг шлыковской избы.

– Подпаливай! – весело крикнул Спирька.

Ватажники зажгли несколько сухих берёзовых палок и стали бросать их в окна и продухи избы. Зажгли крыльцо, сухое дерево мигом занялось пламенем, которое поползло по стенам наверх, охватило крышу, и скоро помещичья изба превратилась в громадный костёр, свет от которого стал виден на много вёрст вокруг.

Крестьянам издавна было велено спешить на пожар, спасти помещицё добро, но воздвиженцы, завидев полымя, отворачивались и крестились, они знали, кто поджжёт усадьбу и были согласны с теми, кто это сделал.

Увидев зарево, Максим сразу понял, что ватажники зажгли усадьбу Шлыкова, но несколько этому не порадовался, он был целиком занят Любашей. Ей с каждым часом становилось всё хуже, слышнее стали хрипы в груди, её всю охватило жаром, она уже не видела Максима, а слабым голосом иногда звала его к себе. Максим тряпицей утирал пот с лица девушки, и его сердце разрывалось от сочувствия к несчастной.

– Максимушка, – прошептала Любаша. – Мне зябко, укрой чем-нибудь...

Он снял с себя однорядку, простёр над ней, чтобы укрыть, и выронил из рук, поражённый видом искажённого смертной мукой лица девушки. Максим подхватил её на руки, прижал к себе, но душа уже выскользнула из Любашиного тела и устремилась ввысь.

Ватажники с большим шумом подъехали к кузнице, но увидев, что здесь случилось, примолкли, сняли шапки и перекрестились. Спирька спрыгнул с коня, подошёл к Максиму и тронул его за плечо, но парень не обернулся.

– Что ж, – сказал он. – Девицу не оживить, но похоронить по-христиански надо. Ищите заступы, будем копать могилу.

Рассвет ватажники встретили далеко от Воздвиженского. Пользуясь полнолунием, они ушли подальше от Теши в сторону Волги и остановились на отдых возле небольшой речки на краю чёрного леса. Разожгли костёр, Косой снял с коня захваченного из усадьбы барана и, отойдя в сторону, стал его свежевать. Максим не участвовал во всём этом, он ночь проехал, не видя ничего перед собой, кроме темноты, и его коня вёл за своим Спирька.

– Негодные мы ватажники, – вздыхал, вороша угли в костре, Аниска Мёртвый. – Про вино запамятовали, а всё ты, Гусак. Искал казну, вот она, да что в ней проку? Среди леса вина не сыщешь.

Косой поднёс к костру мясо, нарезанное большими кусками, на рогожке, положил его на землю и хитро посмотрел на Гусака.

– Бери, Петька, свою долю и жарь по-своему, а я буду по-своему, – сказал он и, достав шпагу, нанизал на неё несколько сочных бараньих кусков и простёр над угольным жаром. – Понял, зачем я прихватил это шило?

Гусак скривился и стал нанизывать кусок мяса на палку.

– А ты не прост, Филька, – засмеялся Спирька. – То-то Манька в тебе души не чаёт. Всё у тебя в дело идёт.

– Вот и ты не сиди без дела, бери горшок и раскладывай алтыны на кучки. Да гляди, чтобы поровну было.

Спирька снял с себя рваный кафтанишка, высыпал на него казну и зазвенел алтынами, раскидывая их по кучкам. Ватажники жадно следили за ним, потом переглянулись.

– Погоди, Спирька, – сказал, с трудом прожёвывая полусырой кусок мяса Косой. – То ли ты делаешь?

– Делю на всех. Разве не так?

– Парень в нашем дуване не участник. Он не ватажник, а прохожий человек, даже не новик в нашей ватаге.

Слова Фильки Косого поддержали, кто ворчанием, кто голосом, другие ватажники.

– Дели, Спирька, по совести, – сказал Аниска Мёртвый и

толкнул Максима, который сидел неподалёку от него, устремлённый в свои мрачные думы.

– Очнись, парень! Тебя люди вопрошают: идёшь ли ты к нам или будешь сам по себе?

Взгляд Максима приобрёл осмысленность, он поглядел на деньги, затем на каждого из спутников и нахмурился:

– Мне вашей доли не надо. Я – кузнец, ватажного промысла не знаю и знать не хочу.

– Что ж, вольному – воля, ходячему – путь, а лежачему – кнут, – весело сказал Мёртвый. – Дели, Спирька, на четверых, а мы за тобой приглядывать станем.

После дележа каждый взял свои деньги и, отвернувшись от других, стал укрывать их в своих одеждах, а Филька Косой и тут оказался хитрее всех, спрятал деньги в поясе, так вернее, из-за пазухи могли и высыпаться.

Ватажники затоптали кострище и пошли в сторону проезжей Московской дороги, откуда было проще попасть прямо на Синбирск. Максим больше не нуждался в вожатом, сам, без понукания, сел на коня, взял у Спирьки саблю, засунул её за пояс и двинулся вслед за всеми.

К полудню ватажники вышли к Московской дороге, но поопасались идти по ней. Времена наступали шальные, и попади они в руки государевым людям, их без розыска и суда могли вздёрнуть на веску. Поэтому ватажка стала пробираться обочь дороги, иногда выходя на высокие места, откуда было видно проезжающих людей, а их оказалось много. Эхо разинских дел докатилось и до засурских мест. Здешние обыватели зашевелились, всяк имея на это свою причину. Помещики со своими домочадцами поспешали к ближним укрепленным городкам и острогам, чтобы отсидеться там от польмя бунта. Крестьяне же стали сбиваться в воровские ватажки, а многие с дубиной или с ножом брели поодиночке. И все они имели одну цель – Волгу, которая призывала их к себе обещанной каждому разинской волей.

Ватажники Спирьки во время пути порой сталкивались с такими же, как они, гулёвыми людьми, но были осторожны. Среди этого племени всегда встречались страшные супостаты,

готовые убивать первого встречного. Таков был воровской обычай, воспетый в песнях, которые они знали с детства. Обычно ватажники останавливались друг против друга, держа наготове оружие. Спирька шёл навстречу атаману другой ватажки, говорил с ним и возвращался к своим. Иногда и разговора не получалось, к Стеньке Разину из Засурья устремлялись не только русские, но и дремучие мордва и чуваша, языка которых Спирька не знал и кое-как объяснялся с ними тремя словами, понятными каждому: Волга, Стенька, Синбирск.

Близ Суры, не дойдя до Промзина Городища, ватажники вдруг услышали шум и лязг, доносившийся от проезжей дороги. Спирька побежал разведать, что это такое, и увидел, как мимо него проходит множество воинских людей на конях. Это были рейтары окольного князя Бярятинского, два полка, Чубарова и Зыкова, пока ещё далеко неполного состава, но уже сотрясающие своей могучей поступью всю округу. Бярятинский шёл в Синбирск, где рассчитывал встретить воровское войско Стеньки Разина и покончить с бунтом в одно сражение. Князь, небольшой человек с язвительным выражением лица, ехал впереди всех на крупном вороном жеребце, за ним двигались два знаменосца с полковыми знамёнами, затем шёл полк Чубарова, далее полк Зыкова, позади всех следовал обоз, на передних телегах лежало несколько громадных барабанов – тулумбасов, которые своим грохотом воодушевляли рейтар во время битвы.

Спирька, подавленный увиденным, отпрянул от дороги и побежал к своим. Ватажники о рейтарах никогда не слыхивали, но словам Спирьки поверили без сомнения и решили ждать ухода воинской силы в лесу, и в Промзино Городище не соваться. Три дня они отсиживались под ёлками, доели все запасы, что захватили в шлыковской усадьбе, и голод погнал их к Суре. Подойдя к мостовой переправе, ватажники увидели на другой стороне реки толпу таких же, как они, гулёвых людей, которые готовились вздёрнуть на веску раздетого толстобрюхого человека.

Гулёвые люди были так возбуждены, что не обратили внимания на приставшую к ним ватажку. Гусак и Косой сразу полезли вперёд, чтобы быть поближе к месту казни. Спирька и Аниска затерялись в людской толпе, а Максим остался в стороне, рядом со стариками, которые неодобрительно поглядывали на разъярённую толпу.

– Скажите, старинушки, кого это на веску волокут? – спросил Максим. – В чём его вина?

– Его не за вину взяли, а за то, что он таможенный приказчик, стало быть, государев человек, – ответил ветхий старик, остро глянув на приезжего человека. – Худое время для них пришло. Кабацкого приказчика ещё вчера в Суре утопили, над кабаком жердь с тремя конскими хвостами поставили, а в самом кабаке знаешь что?

– Нет, не ведаю, – сказал Максим и взглядом нашёл большую избу, высоко поставленную жердь, на которой мотались на ветру три конских хвоста.

– А в кабаке сейчас атаманская изба, – продолжил старик. – И сидит в ней посланный Разинным человек. Да вот и он сам...

На крыльцо бывшего кабака вышел атаман в красном кафтане и чёрной шапке, к нему тотчас подвели коня, он сел на него и поехал к столбу с перекалиной, хотя до него было не больше тридцати шагов. Толпа перед ним расступалась, как вода перед стругом. Атаман привстал на стременах, сорвал с головы шапку, взмахнул ей, давая знак начать казнь, и Максим опешил от неожиданности: властным человеком на Промзином Городище был Федот, которого он последний раз видел под Чёрным Яром.

Молодой парень схватил таможенного приказчика, и толпа взревела при виде дёргающегося в предсмертных муках человека, перед которым многие ещё день назад при встрече ломали шапки. Федот развернул коня и поехал к своей избе, за ним бежало несколько человек, просители атамановой милости.

К Максиму подошёл Спирька.

– Видал, как разинские атаманы врагов народа жалуют? – Он был возбуждён убийством, его глаза лихорадочно посверкивали. – Ты как, с нами? Или пойдёшь своим путём?

– А ты куда?

– Мы всей ватажкой в казаки верстаться будем.

– Что ж, – сказал Максим, – каждому свой путь.

Он тронул коня и подъехал к атаманской избе. На крыльце в креслице восседал Федот, к нему тянулась очередь гулящих людей, возжелавших поверстаться в казаки. Делалось это просто: писарь заносил имя желающего стать вольным казаком на бумагу, атаманский подручный нахлобучивал ему на голову горшок и ножницами отрезал оставшиеся снаружи волосы. Затем Федот протягивал для целованья крест, троекратно обнимал нового казака, и тот, зардевшийся от радости, сходил с крыльца.

Максим тоже встал в очередь. Скоро он взошёл на крыльцо. Федот увидел его, вскочил с креслица и сгрёб в объятия.

– Максимка! Ты здесь откель?

– Долго рассказывать. А ты, я гляжу, атаманом стал, под конскими хвостами воссел, людишек благословляешь казачеством.

– Эх, брат! – Федот приосанился. – Зря ты от Степана Тимофеевича ушёл, мог бы стать куда выше меня. Но я тебя помню. Пожалуй за мной в избу.

– А как же верстание? Тебя народ ждёт.

– Не беда, с этим всякий совладеет. Сысой! Верстай всех, кто похочет.

В избе было пасмурно, пахло сырым угаром от печи, на столе стояли кувшины, посуда, пол был усыпан рыбьими костями.

– Садись сюда, – сказал Федот, сметая со стола рукавом гору объедков. – Говори, как ты?

– Сказать, где был? – Максим помрачнел. – Был на Теше, Любаши больше нет.

– Я тебя понимаю, но моё участие твоё горе не облегчит, оно со временем само отболит и развеется. Хочешь зелена-вина налью атаманскую чару?

– А ты сам?

– Разин со всего войска клятву взял не пить хмельного, пока не будем в Синбирске. А ты вроде в стороне, тебе можно. Я с Ильина дня тверёзым хожу.

Максим смотрел на Федота с удивлением. Может, он пошутить над ним удумал? Но тот смотрел строго.

– Что о Разине слышно? – спросил Максим. – Он в Астрахани был?

– Зря, брат, ты с ним не пошёл, – сказал Федот. – Город и дня супротив нас не устоял, стрельцы к нам поначалу через прясла начали перемётываться, а вскоре и вовсе ворота распахнули. Одни персы сели было в осаду в своих дворах, стреляли сначала пулями, а потом золотыми... Что кривишься, думаешь, вру?

– Я ж тебя знаю, Федот, – улыбнулся Максим.

Промзинской атаман достал из-за пазухи кошелёк и вынул из него золотой.

– Вот гляди! Этим золотым я получил прямо в лоб, – он откинул волосы, рана зажила, но была хорошо заметна. Федот взял золотой и приложил его к ней, вышло точно по месту.

– Упал я без памяти, очнулся от того, что кто-то на меня воду льёт. Гляжу – сам Степан Тимофеевич стоит надо мной и смеётся. Добро, говорит, что тебе золотой плашмя в лоб угодил, а то не быть бы тебе живу. Бери его на счастье и храни до конца дней своих, он тебя ещё выручит.

– Вот ты и нашёл своё счастье, Федот.

– Стало быть, нашёл. Прав Степан Тимофеевич, казачье счастье – конь да воля и когда за пазухой золотые побрякивают. Что, не так?

– Не мало ли будет? – спросил Максим.

– Это кому как. А ты куда идёшь, что ищешь?

– Сам того не ведаю.

– Тогда иди со мной, – сказал Федот. – Мне отсель в Карсун надо, заодно и к Власу заглянем по пути, поглядим, как он там крестьянствует, цела ли землянка.

– Кого же здесь оставишь?

– Это я сейчас решу, – усмехнулся Федот. – Сысой! Поди в избу!

Дверь распахнулась, и на пороге встал детинушка.

– Скольких мы с тобой поверстали?

– Полтора десятка. Остальные мужики ещё в затылках чешут.

– Этих людей тебе хватит. Оставляю тебя, Сысой, на Промзином Городище атаманом в полной силе и власти. Грамотка Разина у тебя есть, ей и следуй в своих делах: казни помещиков, раздуванивай их пожитки. Посчитай, сколько у тебя дворов и с каждого возьми по человеку и коню. Отправляй их в Синбирск к Степану Тимофеевичу. Тех, кто вздумает упираться, казни и милуй по своей воле. Всё понял?

– Как не понять? Власть моя, кого хочу, того казню и милую, – сказал Сысой, уставившись мимо Федота пустыми зенками.

– Не твоя власть, а казацкая, – наставительно произнёс Федот. – Кликни Кондратку и скажи, чтоб люди не расходились.

– Ты что, Федот, Промзино Городище один взял? – удивился Максим.

– Зачем один? С Кондраткой. Как дошли мы из Астрахани до Царицына, Васька Ус, по слову Степана Тимофеевича, кликнул из войска тех, кто не побоится с прелестными грамотками пойти в верховые уезды. Я первым прибежал, за мной и другие охотники. Кондратка со мной пошёл. Мы оба два уже во многих местах побывали. Крестьянишки, как услышат разинское слово про волю, так им всё нипочём, хватают помещиков, приказчиков и до вески не доводят, рвут на части. Олютел народ от боярской неправды.

В избу вошёл молодой казак, вопрошающе глянул на Максима.

– Это свой человек, – сказал Федот. – Его Разин знает. Увязал вьюки?

– Всё готово.

– Тогда пора в путь.

Они вышли из избы. Перед крыльцом толпились мужики, многие из них были с вилами и дубинами. Федот приосанился и, положив руку на рукоять сабли, выступил вперёд.

– Вот вам, братцы, атаман, все его знают, Сысой Матвеевич! – сказал он. – Живите по казацким законам, решайте всем миром о своих крестьянских трудах. По слову Разина вам дозволяется, если Сысой начнёт дурно творить, лишить его атаманства и взять всем миром к ответу. Помни про это, Сысой, и не заносись! Кланяюсь всем за хлеб-соль. А мне надо ещё по Карсунской черте пройти, разбудить деревеньки, что дремлют, вольным словом Разина.

Переведенец Влас заворочался на лавке в своём земляном жилище с первыми коровьими взмыкиваниями. Протянул руку и сожалеющее вздохнул: жёнка опять встала до света и ушла к корове, та повредила ногу, потерять кормилицу для семьи стало бы большим горем. Влас опустил ноги на глиняный пол, с легким побрякиванием встал и трижды перекрестился на правый угол, где, невидимая в темноте жилища, находилась икона Божьей Матери. У двери нагнулся и вышел из землянки. Ночи стали росными, и горячие со сна ноги ожгло зябкой влагой. По привычке Влас посмотрел на солнце, чтобы угадать, какая будет погода, сегодня ему нужно было вёдро. Светило только-только взрезало дальний край земли, небо было чистым, листья на нескольких берёзках, росших близ двора, не колебались, всё это обещало пригожий для крестьянских трудов день.

Влас подошёл к телеге, где на соломе под овчинами спали его сыновья – Клим и Андрюшка, чуть потолкал их, парни зашевелились, стали нехотя продирать зенки.

– Сёдни поедете одной телегой, – сказал Влас. – Прошка со мной будет.

Главной заботой хозяина было построить до холодов избу. Влас помыслил и решил ставить её впритык к землянке, в ней можно держать зимой приплод от коровы и ярок, да и в самой избе от такого соседства жильцам теплее. Пока сруб вывели на дюжину венцов, березовые брёвна были тонковаты, доброго леса близко не имелось, парням приходилось искать прогонистые деревья, чтобы из них сделать сруб.

– Прошка! – сказал Влас, ткнув ногой в бок захребетника, который спал на соломе рядом с землянкой. – Сёдни пойдёшь со мной на пашню. Вставай, умой рыло!

Подошла жена с подойником в руке. Влас заглянул в него и нахмурился, корова и впрямь занедужила, молока совсем на донце.

– Как Зорька?

– Боюсь, совсем расхворалась, – сказала жена. – Смотрит на меня по-человечьи и плачет. Что делать, Влас, если падёт Зорька? Пропадём совсем.

Влас не ответил и пошёл на край двора, где у него находились заступы, ломы, бороны, косы и самое главное пахотное орудие – сработанная ещё его отцом соха, которую он первой положил на телегу, когда отъезжал из отчей деревни. «Как-то возьмёт она вековой дёрн? – подумал Влас. – Здесь ещё никто не пахивал».

Подошёл Прошка и встал рядом с хозяином.

– Запрягай Воронка, – велел Влас. – На телегу возьми соху, мотыгу и топор.

– Зачем топор, мы не в лес идём.

– Дурень! – рассердился Влас. – В лес ли, в поле идём, а мужику без топора нельзя.

– Я не про это говорю, – равнодушно сказал Прошка. – В брюхе пусто, вот беда.

– У тебя, парень, не брюхо, а яма, что в неё ни брось, всё проваливается, – усмехнулся Влас.

Сыновья были у своей телеги. Клим запрягал лошадь, Андрюшка брусом камня вострил затупившийся топор.

– Много на телегу не наваливайте, – сказал Влас. – Из леса пеши идите, на взгорок воз подталкивайте плечом, надсадите кобылу, как жить будем?

Сыновья промолчали, отец учил их и возражать не полагалось, он был в доме всему голова.

– Марья! – крикнул Влас, выезжая со двора. – Как сварить щи, пусть Васька принесёт на пашню.

Поле для пашни Влас присмотрел, как только приехал на новое место, недалеко от своей избы. Какое-то время к нему приглядывался: после обильного дождя ходил смотреть, нет ли на нём где-нибудь болотины, взяв острый кол, пробовал, не слишком ли тверда земля, нет ли сразу под дёрном глины. Всем приглянулось ему поле, особенно тем, что на нём не было когтистого бурьяна, его покрывала мягкая трава и полевые цветы, которые, несмотря на близкую осень, продолжали

радовать взгляд. И вид открывался просторный на Барыш, чернолесье в заречье.

Телега мягко катилась по чуть влажной траве, конь пофыркивал и помахивал хвостом, сбоку бежал Пятнаш, ко всему вокруг прислушиваясь и принюхиваясь. Внезапно он кинулся в сторону, и прямо из-под его носа – фпр! – взлетела перепёлка, а пёс встал, как вкопанный, и залился визгливым лаем, досадуя, что у него ушла добыча.

– Будет, Прошка, – сказал Влас. – Здесь и встанем.

Захребетник потянул на себя верёвочные вожжи, и Воронок послушно остановился.

– Распрягай!

Сам Влас снял с телеги соху, поставил на землю, проверил крепления. Близость земли и того, что он сейчас примется за привычную сызмальства работу, привели его в некоторое волнение. Влас, отстранив Прошку, запряг коня в соху, перекрестился и взялся за поручи.

– С Богом! – выдохнул пахарь и сделал вперёд первый шаг. Соха зацепилась железным сошником за травяной дёрн и стала его вспарывать на два-три вершка. Позади Власа потянулась, как пряжа, чёрной ниткой бороздка вспаханной земли. Переплетённые корни трав, разрываясь, потрескивали, земля поблескивала влажной чернотой, и у Власа промеж лопаток прокатилась первая капля пота.

«Добрая пашня будет, – подумал он. – Это не суглинок, что в старой деревне. Здесь чернозём, лучший корм для хлеба».

Совсем недавно Влас с женой и сыновьями сжали небольшое поле ржи, которое на их приход посеяли первосёлы. Во время жатвы все не уставали удивляться: посеяно всего лишь по одной пахоте, а целину нужно перепахивать раз пять, однако среди травы из бороздок встали крепкие стебли ржи с ядрёным и крупным колосом. Земля в здешнем краю щедро одаривала земледельца хлебом, но и труда требовала каждодневного и усердного, а Влас в последние дни чувствовал в себе нездоровье, порой темнело в глазах, и душа начинала то трепыхаться, то обмирать, будто чувствовала перед собой бездну. Он скрывал свой недуг от родных, потому и взял с собой

в поле Прошку и, пропахав несколько борозд и почувствовав, что руки немеют, Влас кликнул к себе захребетника, а сам пошёл к телеге, навалился на неё грудью и закашлялся. К нему подбежал Пятнаш и, повизгивая, стал теревить за штаны. Навязчивость пса не рассердила Власа, но даже помогла ему успокоить дыхание, ком в груди растаял и дышать стало легче. Он сел на траву и взял Пятнаша за загривок.

– Что, брат, как поохотился? Добыл перепёлку или опять промазал? – Влас пса не кормил, а тот и не требовал этого, будто знал, что у хозяев каждый сухарь на счету, каждая овсяная крупинка. Бегал, куда ноги понесут, хватал всё, что попадётся на пути, тем и сыт бывал иногда. Пятнаш смотрел на Власа чёрными влажными глазами, и человеку почудилось, что пёс его жалеет. Он протянул руку и погладил его по жёсткой от травяных колочек шерсти. Но Пятнаш не ответил вилянием хвоста на ласку хозяина, забежал за телегу и стал лаять. Влас поднял голову и увидел, что по полю едут двое всадников со стороны солнца, и тень скрывала их лица.

«Кто такие?» – обеспокоился Влас, на всякий случай нащупал топор и подтянул его поближе к себе.

– Вот ты где, Влас? – услышал он голос, в котором ему послышалось что-то знакомое. – Гляди, как размахнулся, хочешь всю землю под себя взять?

– Мне много земли не надо, – сказал Влас, узнав в приехавших людях Федота и Максима. – Всего-то и надо менее сажени в длину да аршин в ширину. А тебе больше хочется?

– Мне совсем земли не надо, – хохотнул Федот. – Я человек вольный.

– Вольный или холоп, не всё ль едино? Каждому человеку земля нужна, чтобы упокоиться.

– А я, может, прямиком на небеса вознесусь, аки дух святой. Ты разве против?

– По мне пропади ты пропадом, перекажи-поле, – проворчал Влас. – Сказывайте, где вас ветры носили, каким сквозняком сюда задуло?

– Разве так встречают гостей? – усмехнулся Федот. – Пойдём к твоему дому, устроим пированьеце, там будет место и беседе.

– Нечем мне вас потчевать. Даже квасу нет, а сухари для своих посчитаны.

– У Федота всё есть, – сказал Максим. – Ты перед ним не заносись. Он теперь казачий атаман, самим Разиным сюда послан с милостливой грамоткой.

Влас недоумённо посмотрел на незваных гостей, почесал голову, удивлённый неожиданной вестью.

– Это что ещё за царь такой, Разин?

– Эх ты, темь земная! – усмехнулся Федот. – Пошли к дому, там и узнаешь.

Влас крикнул Прощке, чтобы тот продолжал работать, но берёт коня, и все двинулись под гору к Барышу, двое на конях, один, промеж них, пеший, как под охраной. Подходя к своему двору, Влас увидел, как его невестки переговариваются с приезжим человеком, а вокруг толкуются ребятишки.

– Это кто такой? – спросил Влас.

– Наш человек, тоже казак, – ответил Федот. – Весёлый парень.

– Скажи ему, чтобы утих, – пробурчал Влас. – А то мои ребята вернутся из лесу, как раз ему намнут бока, что не до смеху будет.

Жердь, перекрывавшая вход во двор, была откинута, земля подметена, на тонком войлоке расставлены кушанья: половина большого сома, вяленое мясо, ломти хлеба, головки чеснока и лука.

– Я мальчонку послал к роднику, – сказал Кондратка. – Скоро и питьё будет.

– Пока рассядемся, и вода поспеет, – Федот оборотился к хозяину. – Зови гостей к столу.

Сели вокруг войлока, как смогли: Максим бочком, Влас тоже, Федот с Кондраткой, скрестив ноги под себя, по-татарски. Федот взял нож и нарезал сомятину и мясо. Влас смотрел на вкусности, и внутри у него ничего не отозвалось. Копчёного сома отродясь не видел, и он напоминал ему залежалое старое сало, вяленое мясо он едал, но так редко, что даже забыл, когда это было. Его утроба была привычна к толчёному овсу,

приправленному по большим праздникам молоком, сухарями, капустой и репой.

– Ешь, Влас, – добродушно произнёс Федот. – О своих не беспокойся, и малым и большим Кондратка дал всего, что на столе.

Влас взял кусок сома, понюхал и отправил в рот, сразу ощутив, что там обильно прибыло слюны, а в голове начало хмельно пошумливать. Затем он взял кусок мяса и, не торопясь, съел вместе с ноздреватым нечёрствым хлебом. В брюхе сразу стало теплее, мягкий комок покатился оттуда к горлу, и Влас сытно рыгнул.

– Диво какое, – сказал он, беря кусок сома. – Съел рыбу, мясо, а отрыгнулось редькой.

– Кусай дальше, – хохотнул Кондратка. – Эта еда редьку придавит, как гнёт солому.

Пришёл мальчонка с ведёрком ключевой воды, её разлили по кружкам и смочили рты.

– Я смотрю, Влас, ты время зря не тратил, – сказал Федот. – И огород вокруг сделал, и наполовину избу вывел, и поле под пашню начал ломать...

– Рад бы на печи покачаться, – сказал Влас, вытирая о штаны осаленные пальцы. – Да ртов-то вон сколь вокруг меня, и каждому, хоть раз в день, кусок хлеба положить надо. У меня ещё и свои малые дети есть, на старом месте, вот осенью явятся. И каждый насытиться захочет.

– Вот я и хвалю тебя, скоро твой дом станет полной чашей, – Федот хитро усмехнулся. – Надолго ли? Год ты проживёшь без барского приказчика, на другой год он явится и скажет: где господская запашка, давай ярку, неси яйца... Он с тебя скоро соскоблит жирок, буде он у тебя завяжется.

– Такова моя доля, – хмуро промолвил Влас. – Разве кто живёт лучше!

– Вот Максим видел, что люди могут жить по-другому, рядом с тобой, в Промзине Городище. Скажи брат, не так ли?

– Видел, как же, – сказал Максим. – Приказчика на веску вздели, в казаки поверстали мужиков, волю объявили.

– Вот видишь, Влас, – торжествующе заявил Федот. – Степан Тимофеевич Разин пришёл дать людям волю, везде будет казацкая власть.

– Какой мне в этом прок? – перебил разинского посыльщика Влас. – Мне семью кормить надо. Что, раз воля, так и землю пахать незачем?

Федот укоризненно посмотрел на хозяина и сожаляющее покачал головой.

– Воля, Влас, это то же счастье. И не надо за ним идти на Пешаное море, когда оно будет у каждого.

Хозяин задумался надолго, видно, слова Федота царапнули его за душу. Все вокруг молчали.

– Стало быть, ты нашёл своё счастье? – тихо промолвил он. – И больше ты ничего не ищешь?

– От счастья счастья не ищут, – сказал Федот, радуясь тому, что склонил на свою сторону недоверчивого, как волк, ко всему хозяина.

– А я тебе скажу, Федот, что ты не счастье нашёл, а вот этого копченого сома, и теперь так в него вцепился зубами, что не отпустишь, пока тебе не отсекут голову. Так со своим счастьем и сгинешь.

– Ах, ты пень чумазый! – вскричал Федот, вскочив на ноги. – Я к тебе в гости по-доброму явился, а ты меня лаешь! – Гость взялся за саблю.

Максим резво поднялся с земли, схватил Федота за шиворот и оттолкнул в сторону.

– Уймись, казак! Ты сюда пришёл не с мужиками воевать, а рассыпать атамановы грамотки. И ты, Влас, охолонь, а ты, Кондратка, увязывай укладки и посмотри коней. У тебя соль есть?

– Есть, а что?

– Отсыпь Власу половину, он ведь без соли живёт.

На шум во двор вышли все домочадцы, и тут же подъехал воз с брёвнами, с ним пришли Андрюшка и Клим. Их появление убедило Федота не ерепениться.

– Прощай, Влас, – сказал он. – Живи, сколько сможешь.

Хозяин буркнул в ответ и оборотился к Максиму.

– А ты как? Тоже счастье ищешь?

Максим не ответил и пошёл к своему коню.

Гости, не оглядываясь, отправились своим путём, Влас проводил их взглядом и подозвал сыновей.

– С сегодняшнего дня сведём коней, корову и ярок в лес. И сами там будем жить, а то, чую, скоро в наших краях объявится столько охотников за волей и счастьем, что в дым разорят и по миру пустят. А сейчас разгружайте воз, напоите коня и отправляйтесь в лес по другому разу.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

– 1 –

Синбирский воевода в последние дни августа 1670 года пребывал в сильном беспокойстве: окольный Барятинский с двумя полками рейтар заплутал где-то в засурских дебрях и не шёл на выручку города, хотя князь Милославский нюхом опытного военачальника ощутимо чуял, что Стенька Разин со своим воровским войском уже совсем близко. Только вот где? Вести о нём приходили самые разные: гулящие людишки, взятые казацкими разъездами в Диком поле, в один голос показывали, что атаман гуляет в Астрахани и о походе на верховые города и думать забыл, казна его полна, казаки сыты и довольны; приказчик гостя Гурьева, вырвавшийся с Низа, донёс, что воры забрали под себя все струги и лодки, грузят на них пушки и пороховую казну, а сам Разин во всеуслышанье грозит московским боярам кровавым отмщением за их неправды и спешно готовится покинуть Астрахань.

Чтобы как-то выйти из неведенья, Милославский неделю назад послал Марка-иноземца, польского шляхтича с товарищами на самое громкое место на Волге, на Переволоку, где воры имели обычай гнездиться, а также переволакивать свои лодки из речки Усы в Волгу, сильно сокращая этим путь по реке. Ушёл Марк, и нет от него вестей, и каждый день Иван

Богданович вставал ото сна сильно не в духе, сегодня повысил голос на свою поломойную девку Настю, чтобы она не разлёживалась на лавке, а вставала и собирала постель. Вольной девке Насте, привычной повелевать прежним воеводой князем Дашковым, такое обращение пришлось не по сердцу, она фыркнула рассерженной кошкой, откинула заячье одеяло и встала перед Милославским, сияя нежно-розовой наготой.

– По нашему уряду, князюшка, – сказал она. – Ты не должен меня обижать, я не холопка, а вольная девка, похочу и к голове Бухвостову уйду, он меня давно к себе кличет, или к солдатскому полковнику Глебу Ивановичу.

Выплеснула, язва, ядовитые слова, и обожгла Милославского таким жарким взглядом, что он о воровских казаках и думать забыл, кинулся к своему, окованному железными полосами, походному сундуку, щёлкнул замком, залез с головой под крышку и на цыпочках возвратился к своей девке-душегрейке. Настя глянула в раскрытую ладонь князя и разулыбалась, да и было от чего – на ладони лежал рублёвый золотой.

– А что Бухвостов, – сказал дрогнувшим голосом Милославский, – что, этот кобель и впрямь на тебя зенки пялит?

– Мне он пустое место, князюшка, – проворковала Настя. – Пусть себе пялит, за погляд деньги не берут.

И так зовуще улыбнулась, бесовка, что Милославский шагнул к ней в беспамятстве, но в дверь забрякали и начали его звать.

– Иван Богданович! Человек прибежал с вестями про Стеньку Разина!

– Стойте на крыльце, выйду, – сказал воевода и, крепко обняв свою душегрейку, поцеловал её в сочные губы.

Затем одел на себя зелёный, подбитый атласом кафтан, причесал растрёпанную бороду гребешком и степенно вышел на крыльцо, где, стоя на коленях, его ждал синбирский посадский человек Ульянка Антипов. Воевода сел в услужливо подвинутое ему дяком Ермолаевым кресло и сурово глянул на вестовщика.

– Что тебе ведомо о воре Стеньке?

– Ехал я, воевода, с Низу на малом струге, да воровские казаки переняли нас на Переволоке, многих синбирян

поубивали и в Волгу кинули, а меня взяли с собой, и был я с ними два дня, пока не утёк.

– Что про вора слышал? – нетерпеливо перебил Ульянку воевода.

– Слышал от воровских казаков, что стоит он под Самарой, а самаряне своровали, Самару ему по своей охоте сдали, а лучших людей Стенька посадил в воду.

Весть была важной, бунташное войско отделяло от Синбирска несколько дней пути.

– Ещё что забыл сказать?

– Говорили промеж собой воровские казаки, что Стенька Разин хочет быть в Синбирске на Семён день.

– Велико ли воровское войско? – спросил князь.

– Про то, воевода, не ведаю, а слышал, что весь Низ поднялся.

– Ларион, возьми посадского человека и запиши всё, что он знает, – сказал Милославский. – Великий государь должен о сём ведать. После сделаем отписку в приказ Казанского дворца.

«Вора нужно ждать со дня на день, – забеспокоился князь. – А что, если Барятинский так и не явится, и мне придётся стоять супротив Разина одному? Самаряне, выходит, своровали. Известно кто – свои же стрельцы и казаки. Государь их землёй пожаловал, деньгами, а они променяли достаток на воровское счастье. Не то ли и здесь случится?»

– Петька! – подозвал Милославский своего денщика. – Кликни ко мне полковника Зотова.

Солдатский начальник явился явно не в духе, к тому же перепачканный мукой.

– Что с тобой стряслось, Глеб Иванович? – усмехнулся Милославский. – Уж не решил ли ты в хлебопёки податься?

– С мельником Андреевым куль друг у дружки тянули, – хмуро сказал полковник. – Я ему велел складывать муку возле Казанских и Крымских ворот, а он в амбар хотел увезти.

– Кому же она там будет помехой? – удивился Милославский. – Тебе мука зачем?

– А чем прикажешь, князь, ворота заваливать, когда вор к городу приступит? Укрепим ворота кулями муки, да кули с

солью из амбара надо вынести и туда же сложить. Там они будут в целости, и нас защитят.

– Этот мельник своё добро вздумал сберечь, а про Синбирск у него и думы нет! – вспыхнул Милославский. – Вели ему моим словом таскать на своём горбу кули к воротам. Будет упираться, отмеряй батогах, сколь похочешь!

– Добро, воевода, так и сделаю. Меня-то зачем звал?

– Есть важные вести, – сказал Милославский, вставая с кресла. – Вор в Самаре. Но это ещё не всё. Как и в других городах, казаки и стрельцы переметнулись к Стеньке, только лишь он подошёл к пряслам. Такое будет и здесь, если мы, полковник, не избавимся от ненадёжных людишек. Но куда их девать? В тюрьму их сажать пока не за что, явной вины на них нет. Выгнать, отобрав оружие, в поле тоже нельзя – скорее подадутся к ворах, да и великий государь сего дела не одобрит, он у нас человеколюб и жалостлив. Разве что посадить всех синбирских стрельцов и казаков в острог, пусть там воюют, а своруют, переметнутся, то невелика потеря. Так ли нам важен острог?

– Надолбы порушены, без них острог долго не удержат, – сказал полковник.

– С сего вечера чтобы ни одного синбирского казака или стрельца в городе не было. Прикажи своим людям смотреть за этим со всей строгостью. Самое многое, через неделю вор будет стоять под нашими пряслами.

– Добро, – кивнул полковник. – Так и сделаю, давно здешних стрельцов хочу прищучить, балованные людишки.

– Я велел тебе проверить пороховую казну, – сказал воевода. – Спесь с воров надо сбивать свинцовым дробом. Всё ли готово?

– Пройдём, князь, в любую башню. Пушки заряжены, пушкари на месте.

– Добро, веди.

Сойдя с крыльца, Милославский поёжился, стояло бабье лето, на солнечной стороне ощутимо припекало, но с Волги уже тянуло сквозняковым холодком, которому на Синбирской горе было всегда просторно. Московские стрельцы и солдаты, завидев воеводу, начинали усерднее трудиться, они знали

тяжёлую руку князя, который с первого дня никому не давал потачки: ни начальным людям, ни рядовым. А тем, кто задумывал совершить худое, ужасным напоминанием о неизбежной каре были трупы воров, уже много дней болтавшихся на релях за Крымскими воротами. Это остужало многие горячие головы, к тому же люди сами начинали понимать, что осады им не избежать, и остаться живыми они смогут, лишь отстояв крепость от воровских казаков.

Крымские ворота были изрядно подновлены. В створах заменены худые брёвна, а рядом с ними солдаты сделали надолбы, уходящий к венцу двухрядный коридор из дубовых кольев, который не давал осаждавшим подойти к воротам вплотную.

Пока они были открыты, и через них въехала в крепость водовозка, за ней несколько телег с пожитками, на которых сидели малые дети и жёнки, сопровождаемые всадниками. Вёл этих людей земский староста Фирсов. Увидев воеводу, он поспешил к нему.

– Беженцы из Карсуна, едва ушли от воровских казаков, – сказал Фирсов. – Встретил их близ Лебязьей слободы.

– А что сам городок? – встревожился Милославский. – Есть ли вести?

– Карсун ворами взят, – сказал Фирсов. – Воевода с женою и детьми, подьячие, пушкари и затинчики, всего человек тридцать, убиты. Карсунские всех чинов люди вору Разину крест целовали, многие поверстались в казаки. В окрестных, близ Карсуна, деревеньках то же самое: вору режут помещиков и приказчиков, крестьянишки их встречают хлебом-солью...

– Веди беженцев в осадную избу, – перебил старосту Милославский. – Скажи Ермолаеву, чтобы поставил их на хлебное довольствие. И вели им молчать о карсунской беде.

Фирсов взмахнул рукой, и обоз двинулся за ним следом.

– В какую башню пойдём? – спросил воевода.

– Хоть в любую, – ответил полковник. – Они все готовы.

– Тогда в наугольную к Свяге.

Они подошли к башне, где их встретил солдатский капитан, отвечающий за оборону этого угла крепости.

– Как, Мигунов, – сказал полковник, – готов ли показать воеводе пушечный бой?

– Ступайте за мной, только глядите под ноги, – Мигунов распахнул вход в башню. – Я здесь живу, и у меня всё готово.

На лестнице было сумрачно, свет скупо освещал её сквозь щели перекрытия второго яруса, где что-то тяжко упало, и сверху посыпалась пыль. Милославский чихнул и ткнул капитана в ногу. Тот резво перепрыгнул через несколько ступенек и взбежал вверх. Затем послышался хриплый рык и звук удара по чему-то мягкому. Воевода ещё несколько раз чихнул и вылез на второй ярус башни. За ним выбрался полковник Зотов.

Возле пушки стояли навтыяжку трое солдат, у одного из них светлая борода была замочена кровью. Милославский прошёл мимо них и выглянул в бойницу. Оттуда хорошо был виден ров, за ним – разбитая телегами дорога, далее начинался посад, кое-где расчерченный улицами. Избы стояли друг от друга далеко, и между ними было много хозяйственных построек: амбаров, мылен, конюшен, скотных дворов, птичников, и всё это обнесено заборами из прочного леса.

«А ведь вора́м, – подумал Милославский, – посад может подсобить взять крепость».

Вдруг внимание воеводы привлекло шевеление возле недалёкой от крепостной стены избы. К ней, выбравшись из рва, поспешал, оглядываясь, московский стрелец. В руке у него была пустая сумка, в которой обычно хранятся пищальные заряды. Подбежав к избе, он скрылся в ней и через малое время вышел на крыльцо, огляделся и побежал к крепости. Сумка, которую он держал в обеих руках, была явно не пуста.

– Там же шинок! – вскричал Милославский. – И ты, Мигунов, об этом не ведал? Врёшь, по твоему морковному носу вижу, что ведал! Пушка заряжена?

– К бою готова, – сказал испуганный капитан.

– Цель на эту избу и снеси её начисто!

Капитан вопрошающе глянул на своего начальника, но полковник Зотов смотрел в другую сторону

– К бою! – приказал капитан, и солдаты метнулись к пушке.

– Цельтесь вернее, – навис над ними воевода. – Развалите избу, получите по алтыну!

Мигунов оттолкнул солдат от пушки, проверил прицел и поджёг пороховую затравку. Пушка дёрнулась на дубовых колодах, из жерла выплеснулись грохот и дым, и, когда он стал рассеиваться, стало видно, что каменное ядро свалило с избы крышу, разбило птичник, и по двору мечутся пёстрые куры. Дверь избы приоткрылась, из неё на крыльцо на карачках выползла простоволосая жёнка.

– Жива, Пахомовна! – обрадовался кто-то из солдат, и полковник тут же погрозил ему кулаком.

– И ты туда тропку ведаешь?

– Оставь его, Глеб Иванович, – сказал весьма довольный удачным выстрелом Милославский. – Сойдём вниз, мне надо с тобой пошепаться.

Капитан проводил начальных людей вниз, до земли.

– Вот что, – велел ему воевода. – Здесь недалеко, у осадных изб, староста Фирсов. Кликни его ко мне!

Мигунов резво кинулся исполнять приказание. Милославский повернулся к полковнику и строго на него глянул.

– Дела наши, Глеб Иванович, нехороши. Князь Бярятинский неведомо, где, воровские казаки окружают Синбирск и попрут на нас со всех сторон. Сейчас я заметил недогляд с нашей стороны, и, знаешь, какой?

– Свежим глазом всегда виднее, – сказал полковник. – А ты, князь, бывалый воин.

– Чуть не забыли мы про посад. Как мы делали на польской стороне, когда садились в осаду?

– Первым делом жгли посад! – воскликнул Зотов. – А здесь не доглядели.

– И немудрено, что не доглядели, – задумчиво произнёс Милославский. – На чужой стороне мы огня не жалели, а это война со своими, хоть и воровскими, людьми. Но посад надо сжечь, а то воры раскатают избы на брёвна и замостят ими путь к крепости.

– Когда пускать поджигальщиков? – спросил полковник.

– Не сегодня. Сожги посад, когда воры выйдут на стругах к Синбирску. Пока изготовь к этому смольё и людей. Посадскими обывателями займётся Фирсов.

К начальным людям спешил земский староста.

– Услышь новость, – сказал воевода. – По совету с полковником посад будет сожжён. Возьми своих ярыжек и обойди все дворы, чтобы обыватели собирались к уходу в крепость. Они знают, где прятать свои зажитки, пусть хоронят.

– Синбирян словом не прошибёшь, – засомневался Фирсов. – Будут сидеть в избах.

– Пусть сидят! – рассердился Милославский. – Как вор Стенька явится, полковник запалит все избы разом. Я знаю, что им жить будет негде, но в любом разе, если мы не спалим избы, то воры раскатают их на брёвна и начнут мостить путь через ров. Синбирск всё равно надо будет строить заново, и великий государь даст погорельщикам деньги на домовое строение. Бери своих ярыжек и ступай на посад!

Воевода, отпустив от себя Зотова и Фирсова, стал обходить работы, как это делал каждый день, только сегодня его указания начальным людям звучали жестче, и на батоги Милославский был неслыханно щедр. Когда к нему привели пойманного московского стрельца, что ходил за вином к шинкарке, то он велел нещадно бить его батогами, а затем бросить в тюремную яму. За исполнением наказания воевода проследил сам, и только после этого пошёл к обеду. Насытившись, он задремал на лавке в своей комнате. После того, как государев набатный колокол пробил восемь часов дня, Милославский поднялся с лавки и велел кликнуть дьяка. Ермолаев скоро явился, в руках у него были бумага, чернильница и писчее перо.

– Ларион, – сказал воевода. – Пора нам великому государю отписку слать. Ты посольщиков выбрал?

– Взял из приказа Бухвостова добрых стрельцов Сергуньку и Варфоломейку, братьев Васильевых. Они уже коней оседлали и близ твоего крыльца ждут.

– Зачти, что тобой написано.

Ермолаев звучным голосом прочёл начатое им письмо: полный титул великого государя и розыск над прибежавшим с Переволоки посадским человеком Ульянкой Антиповым.

– Добро, – сказал Милославский. – Строчи далее... Я, государь, чаю не сдать Синбирск вору до прихода кравчего и воеводы Петра Семёновича Урусова из Казани и окольного князя Юрия Никитича Барятинского из Саранска, но они со своими ратными людьми до августа по 28 число не бывали; а от синбирян, государь, в воровской приход чаю большого опасения, ибо низовые города вору сдались сами, а Синбирск их не лучше. А мы, холопы твои, за милостью Великого Бога и заступлением крепкой христианской помощницы Пресвятой Богородицы, и за молитвы великих чудотворцев и за твоим, великий государь, счастьем станем сидеть в Синбирске до самой смерти ратных людей и с добрыми синбирянами, которые обещаются тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея великая и малая и белая России самодержцу служить верно... Остальное сам, Ларион, допиши.

Милославский подошёл к столу, взял кувшин и налил в чарку квасу. Испил чуток и скривился.

– Петька!

В двери показался денщик.

– Что с питьём? Отдаёт кислым, будто в нём овчину мочили. Неси свежего, да не вздумай присосаться к кувшину!

Милославский приблизился к дьяку, заглянул через его плечо.

– Дописал?

– Готово. Только песочком присыплю.

Воевода подошёл к лавке, взял кафтан, надел на себя.

– Пойдём к посольщикам.

Сергунька и Варфоломейка Васильевы стояли, держа своих коней в поводу, возле крыльца. Они были рослыми светлородыми близнецами, и от одного вида их молодости и здоровья воевода повеселел.

– Бегите, ребята, на Москву, что есть сил, но с великим бережением. Вор Разин близко от Синбирска, и великий государь о том должен ведать. С Богом!

Братья птицами взлетели на коней, гикнули и, распугав толпу посадских людей, которые шли к воеводе, помчались к Крымским воротам.

Милославский глядел на подходивших людей с большим неудовольствием. Он знал, зачем они явились, что будут просить, а плач и слёзы он не выносил даже на дух.

Не дойдя до крыльца пяти шагов, люди повалились на колени и начали всхлипывать. Милославский взмахом руки подозвал к себе денщика и что-то прошептал ему на ухо. Петька опрометью сбежал с крыльца и скрылся за углом воеводской избы.

– Милостивец! – раздалось несколько голосов из толпы. – Почто ты наши дворишки велишь пожечь? Помилуй нас, сирот! Голы останемся, босы, не будем знать, где голову приклонить!

– Молчать! – воевода крикнул так громко, что старая ворона чуть было не свалилась со столба от испуга. – Всем объявлено, чтобы брали свои пожитки и шли жить в осадные избы. Хлеба здесь хватит на всех. Посад не станет постоянным двором для воровских казаков, пусть спят на земле, даст Бог, скоро и мороз ударит.

Слова воеводы не утишили посадских людей. На коленях, с плачем и криком, они стали подступать к крыльцу. Ермолаев попятился, но Милославский, не один раз видевший бунт на Москве, не дрогнул.

– Ступайте все по своим дворам и прячьте пожитки!

Люди уже доползли до крыльца, когда из-за воеводской избы друг за другом выбежали два десятка солдат с берёзовыми палками в руках. За ними, задыхаясь, поспешал полковник Зотов.

Появление воинских людей испугало посадских до немоты, они сбились в кучу и встали на ноги.

– Проводи их, Глеб Иванович, – негромко сказал Милославский. – Палки в ход не пускай, они сами уйдут.

Солдаты стали медленно наступать на толпу, люди попятнулись, затем бросились бежать.

– Что ж, Ларион, – сказал воевода. – Один бунтишка мы утишили. Не худо и со Стенькой так же, а?

– Эх, Иван Богданович, – вздохнул дьяк. – Чую, с ним долго придётся барахтаться. Это были посадские дураки, а Стенька для воров – живая икона, они за него, не глядя, отдадут свои головы.

К крыльцу возвратился полковник.

– Хвалю, Глеб Иванович, – ласково промолвил Милославский. – Страшно сказать, меня в моей избе чуть в осаду не взяли. Ступай за мной в горницу.

В своей комнате Милославский пошарил за лавкой и достал большой с узким горлом кувшин. Поднёс его к столу, выбрал из всех чарок самую большую и наполнил её до краёв зеленым вином.

– Испей, Глеб Иванович, за моё здоровье!

Полковник одним махом опрокинул чарку в рот и, крикнув, утёр бороду рукавом кафтана.

– Заешь чесночкой, – сказал Милославский. – Я винопитие воспретил. Не стоит смущать людей винным духом. Ещё налить?

– Довольно, – ответил полковник, бросив на воеводу понятливый взгляд. – Мне ещё нужно развести ночных караульщиков, а твоё зелено-вино крепко бьёт в голову.

Милославский закрыл крышкой кувшин, прошёлся, занятый какой-то думой, по комнате, затем приблизился к Зотову.

– Я окольного князя Бярятинского знаю по далёкой наслышке, – задумчиво произнёс он. – Ты же с ним служил. Как он? Справится ли с вором Разиным в поле. Скажи, Глеб Иванович, правду.

– Я князя почти двадцать лет знаю, – сказал полковник. – Когда его совсем юнцом великий государь, чтя его древний род, поставил на один из первых рейтарских полков полковником, он в ратном деле был совсем неуч. А я в его полку был рядовым рейтаром. Ходил с окольным под Киев. Но уже тогда князь Юрий был строптив и своенравен. Каков он сейчас, я не ведаю.

– Строптив, говоришь? – оживился Милославский. – У нас строптивцам живо головы снимают. Как же он до сих пор начальствует?

– Его государь близ себя держит, – ответил полковник. – В том же Киеве он получил от боярина Шереметьева приказ оставить город, потому что сын Богдана, Юшка Хмельницкий, перекинулся к полякам. Но порвал грамоту и объявил, что он повинуется указам великого государя, а не Шереметьева, много на Москве Шереметьевых, всем не прекланяешься...

– Крутенёк окольный, – покачал головой Милославский. – Но, слава Богу, он мне не соперник: надо мной князь Урусов, над ним князь Долгорукий начальствует. А что в поле, устоят ли рейтары?

– Крепче их, Иван Богданович, ратной силы нет. От Стеньки и воровского войска после набега на них рейтар живого места не останется.

Дверь воеводской комнаты медленно отворилась, и в неё просунулась старая морщатая жёнка. В одной руке она держала ведро с водой, в другой – тряпку.

– Ты кто такая? – опешил Милославский. – Где Настя?

– Настя, князюшка, сегодня занята, недосуг ей помойничать...

– Помолчи! – перебил жёнку воевода. – Ступай, Глеб Иванович, ступай!

Полковник, едва сдерживая готовый сорваться с губ смешок, с окаменевшим лицом вышел из комнаты.

– Говори, баба, что стряслось с Настей? – приступил Милославский к помойке.

– Жива, батюшка, твоя Настя, – вымолвила жёнка с таким простодушием, что Милославский скрипнул зубами. – Заперлась в мыленке, веснушки с лица сводит.

– Что сводит?

– Веснушки, батюшка. Наляпала себе на лицо перетёртых яблочек с хреном и лежит на лавке. А меня к тебе послала, полы мыть.

От такой новости Милославский только пожал плечами и, хлопнув дверью, вышел на крыльцо. Вечерний сквознячок с Волги прохладил возбуждённую голову, и мысли нашли разумное направление. «Всё ясно, – подумал он. – Восхотела смотреться барыней, гулёна».

От кормовых изб и поварен до него доносился людской шум. Солдаты и стрельцы вернулись с работ и вечеряли. Слыша разноголосье молодых и здоровых людей, воевода вдруг почувствовал, что к сердцу начала подступать жалость к самому себе, пожилому, пожалуй, даже старому человеку, чья жизнь пролетела, как один день, и ничего он в ней не знал, кроме всегдашней спешки и страха поскользнуться на служебной лестнице и рухнуть вниз. «Была бы у меня родовая вотчина», – подумал Милославский, но его грёзы перебил тяжёлый топот нескольких коней, на всём скаку влетевших в отвёрстые Крымские ворота.

Передний всадник, красуясь перед воеводой, поднял вороного жеребца на дыбы, победно поглядывая на сбегавшихся поглазеть на рейтар синбирских обывателей, среди которых заметно прибавилось посадских жёнок и ребятни.

– Кто таков? – спросил, недовольно смотря на рейтара, воевода Милославский.

– Рейтарского полку Чубарова капитан Зверев!

– Стало быть, и окольный Барятинский близко?

– Князь с рейтарами двух полков на подходе к Синбирску! Он просит тебя, воевода, определить ему места полковых станов.

– Глеб Иванович, – сказал Милославский подбежавшему к нему на зов полковнику. – Поставь рейтар за Крымскими воротами, между посадом и городом.

«Ужо будет тебе, вор Степан Тимофеевич, горячая встреча! – мысленно молвил воевода, глядя вслед Звереву. – Государевы рейтары – не астраханские стрельцы перемётчики, они мигом посрывают башки с тебя и твоих казаков!»

В надвратной башне на Крымской стороне пробил последний час дня государев набатный колокол. Быстро темнело, от Свяги стал доноситься шум, и Милославский довольно улыбался: явился Барятинский со своими рейтарами. Первым порывом воеводы было сесть на коня и ехать к окольному, но, поразмыслив, он себя осадил: негоже идти первым, он сегодня по месту воеводы пограничного града главнее полкового воеводы, а по роду Милославские выше Барятинских.

– Освети крыльцо! – велел воевода Петьке.

Денщик зажѣг смольѣ и вставил палку в расщеп вкопанного возле избы двухаршинного столба. Высветилась часть крыльца, пыльная земля возле него, тьма вокруг огня стала гуще и непрогляднее. Вскоре из неё вынырнул полковник Зотов.

– Как, Глеб Иванович, встретил князя? – сказал, шагнув ему навстречу, воевода.

– Встают станом, где указано, только мало рейтар, и те невеселы.

– А что Барятинский?

– Я звал его к тебе, Иван Богданович, – сказал полковник и умолк.

– Правильно, что звал, и где он?

– Лучше бы я смолчал, – сдержанно молвил полковник. – Он такое сказал...

– Что сказал? – стал возбуждаться воевода.

– Я, говорит, на войне живу с войском, и по гостям не хаживаю.

– Так и сказал? – вспыхнул Милославский.

– Зря я его позвал, тебя не спросясь. Прости, Иван Богданович, мою дурию голову.

Вне себя от обиды, Милославский, громко хлопнув дверью, вбежал в горницу и наткнулся на поломойку, которая, с мокрой тряпкой в руках, пятилась задом к порогу. Жѣнка испуганно вскрикнула и, опрокинув ведро, пролила грязную воду.

– Ты ещё здесь, чѣртова баба! – зло вскричал воевода. – Петька! Выкини её вон и подотри пол!

Обошѣл лужу на полу, сел в кресло и закрыл глаза. Денщик плюхал мокрой тряпкой по полу, сцеживал воду в ведро, в оконце заглядывал острый, как воровской нож, край ущербной луны.

– Петрушка, – тихо молвил Милославский. – Сбегай к Насте и скажи, что я её жду.

Захватив Астрахань, Разин впал в многодневный хмельной загул, на атамана в безмерном винопитии равнялись есаулы и казаки, среди которых было много повѣрстанных из местных стрельцов. Новым казакам, предавшим крестное целование царю, крепко пришлось по их окаянным душам пьяное народоправство казачьего круга. «Любо!» – много громче старых казаков вопили они, когда вольное товарищество решало, кому жить, а кому вниз головой плыть в Каспий.

Возразить бесчинствам было некому. Воеводу сбросили с раската, голов стрелецких, сотников, дворян и подьячих посекали саблями и побросали в воду, кровь текла ручьѣм от соборной церкви до приказной палаты, за первый день было убито около полутысячи лучших астраханских людей. Город онемел от ужаса, и только немощный митрополит Иосиф приступил к Разину с укоризнами, но атаман их не слушал даже вполуха, архиерея новый разинский любимец Шелудяк вытолкнул со двора, а вдогон выпнул упавшую с головы маститого старца митрополичью митру. Они обменялись красноречивыми взглядами: священнослужитель мысленно погрузил вора в геенну огненную, а Шелудяк в своей окаянной душе поклялся сбросить настырного попа с раската крепостной башни, что и произошло весной следующего года.

Из прежних лучших людей остался благоденствовать князь Семѣн Львов, его наперсником в разудалых попойках был сам атаман, редко сходявший с княжеского подворья, стоявшего близ митрополичьего двора, перед которым, напившись допьяна, Разин, скрестив ноги, часто сиживал и вершил правосудие: одного казнил, другого миловал и подносил счастливицу чарку зелена-вина.

За гулеванием незаметно летели дни за днями, и после Петрова дня вспомнил о своём обещании князю Львову угостить его пиром Фрол Разин. Приказав своим одностаничникам готовиться к гулеванью, он приехал к князю во двор, поднялся в горницу и объявил о приглашении.

– Добро, буду, – сказал князь. – А пока присядь на скамью, Фрол Тимофеевич!

Ключник в подвале не замешкался, принёс кувшин охлаждённого сладкого вина. Фрол осушил чару, поблагодарил хозяина и отбыл к себе. Весь день и добрую половину ночи он занимался праздничными хлопотами, рано утром был уже на ногах, пошёл осматривать, что сделано, и остался очень доволен увиденным. В добром настроении Фрол вышел из дома и увидел, как к нему во двор на чалой кобыле заезжает старый казак Тимофей Однозуб, которого из-за его прямого и язвительного языка остерегались не только есаулы, но и сам атаман.

– Что, Фролка? – не ответив на приветствие, прохрипел Однозуб. – Не только твой брат, но и ты сам решил почествовать князька Львова?

– Я был у него гостем на Чёрном Яру, – заметно смутившись, ответил Фрол.

– Смеху подобно, как казаки стали падки на ласку, – язвительно сказал Однозуб. – Ранее такого среди нас не водилось, хотя я и хаживал к барам в гости, но не с посулом, а с острой саблей и горящим смольём!

Старый казак стал разворачивать свою кобылу к воротам.

– погоди, Тимофей Макарыч! – Фрол сбежал с крыльца и остановил Однозуба. – Может, я и не так сделал, но Львов зван, и поворачивать поздно.

– Дался тебе этот князёк, – недовольно проворчал Однозуб. – В первую голову зови есаулов и старых казаков, меж них и твоему Львову местечко сыщется, где-нибудь близ запечья.

«Прав, старый, – подумал Фрол, провожая взглядом раннего гостя. – Надо срочно скликать есаулов и старшин, за ними и Львов подъедет».

Скоро двор был полон гостей, приехали Корень, Очерет, Ус, Шелудяк и другие есаулы и старшины, а также старые казаки и одностаничники. Ждали Степана Тимофеевича. Наконец, прибыл и он, вместе с князем Львовым. Встретив гостей, Фрол поспешил к воротам и приказал сторожу запереть их крепко-

накрепко, он опасался, что вдруг заявится Однозуб и учинит среди гостей смуту.

Не обращая внимания на косые взгляды есаулов, Разин усадил князя рядом с собой во главе стола, который стоял на берегу узкой протоки под ветвями высокой туи. Справа от него сел брат. Казаки за столом не чинились, выпив первую чарку за славное войско и его атамана, далее они угощались и пили без приглашения, кто чего похочет. Многие явились в гости навеселе, и скоро голоса оживились. Все понимали, что войско в Астрахани засиделось, и разговоры были только об этом.

– Пора, Степан Тимофеевич, скликать войсковой круг, – говорил есаул Корень. – Пусть товарищество решит, что делать дальше: идти на верховые уезды или оставаться здесь. Город богат, и зимование в нём будет сытым и нескудным.

– Как можно! – возражало несколько голосов, среди которых самым непримиримым и громким был голос Васьки Уса. – С нами в Астрахани тысячи людей, которых мы обнадёжили, что пойдём на Москву против бояр. Перед ними чем оправдаемся, скажи, коли знаешь, Корень?

– Казаки не имеют навычки оправдываться, у них есть воля всегда поступать по-своему, – отвечал есаул. – Наша сила не в гулящем сброде, а в казаках, и нам прежде всего надо думать об этом. Опрокинуться на Москву мы можем, а что дальше? Москва сильна терпением, сколь её не бьют, она от битья только крепче. Мыслью, надо зиму жить в Астрахани, а с весны идти на Каспий, где мы уже бывали. За новый персидский поход Москва нас простит, за Чёрный Яр и Царицын простит, такое уже бывало, но за верховые уезды ответит всё казачество, как бы его за это не извели под корень.

После этих неожиданных для многих слов воцарилось молчание, и это не понравилось Фролу, который не хотел видеть за своим столом несогласие гостей.

– Поднимай утопленника! – крикнул он ключнику.

Слуга вбежал на мостик, схватил обмотанную вокруг столба верёвку и под одобрительные выкрики гостей с трудом поднял из протоки трёхведёрный бочонок вина. Фрол ощупал его руками и объявил.

– В самый раз остыло!

Бочонок скоро раскупорили, наполнили чарки сладким шемаханским вином и подняли их за нерушимость войскового товарищества. Гости пили, вроде развеселились, но настоящей радости в застолье не было, потому что вспоминать и похвалиться было нечем, память о Царицыне и Чёрном Яре заслонило более чем месячное сидение в Астрахани, где были только гульба и убийства безоружных людей. Но не похвалиться же казаку этим?

Васька Ус выждал время, пока соратники не притомились разговорами, затем поднялся над столом.

– Благодарствую, Фрол Тимофеевич, что собрал нас, – сказал он. – А то разбрелись мы по Астрахани, днями друг друга не видим. У каждого свой двор, свои слуги на посылках, свои девки-забавницы. Так казаки ещё не жилали, но не много ли счастья на нас упало? Через месяц явятся на нас государевы люди, мы сбежать из Астрахани не успеем. Возьмут нас с мягких перин и вздёрнут на релях, а кое-кого уведут на Москву и топором пожалуют.

– Что ты нас стращаешь, как малых детей, – возразил Усу черкас Очерет. – Такая уж казаку петля или топор невидаль? Говори дело – где нам искать своё счастье?

– Много раз я перечил атаману: не ходи на Астрахань, а веди войско на Москву. А теперь не ведаю, что сказать. Здесь оставаться нельзя, а идти поздно, до белых мух будем тащиться к Синбирску, а там крепкое государево войско засело в рубленом городе. Совладаем ли с ним? Главное, крестьянишки притомились нас ждать, а зимой их от печей не отнимешь.

Крепко задумались есаулы над словами Васьки Уса, а Разина это позабавило, и он подтолкнул легонечко князя Львова.

– А ты что скажешь, Семён Иванович, идти на верховые уезды или засесть в Астрахани?

Крепко захмелевший князь не понял, о чём его атаман спросил и ляпнул наобум:

– Сиди, брат, в Астрахани, скоро виноград поспеет...

– Не слушай князька, атаман! – вскинулся Очерет. – Он твоей славы не хочет, ему любо близ тебя греться, а цена ему – тьфу!

Очерет смачно плюнул и, наступив на плевок, растёр его сапогом. Львов сразу поник и стал тесниться к Разину. Тот его полуобнял за плечи и усмехнулся.

– Семён – мой крестовый брат, и тот, кто против него, тот против меня.

– Братайся, Степан, с кем похочешь, но среди казаков слова князьку нет!

Разин вытаращил на черкаса глаза и начал закипать, казалось, вот-вот должна была разразиться смута, но за Очерета вступился Фрол.

– Не гневись понапрасну, Степан, – твёрдым голосом произнёс молодой Разин. – Очерет прав, да и другие старые казаки, тот же Однозуб, косятся на твоё братание с барином. Нет ему веры от казаков, поскольку он переметчик, изменил своим, а таких близ себя держать опасно, раз он сума перемётная.

Никогда Фрол ничего не говорил супротив брата, а тут взял и выговорил при есаулах, видно, допекли его шашни Степана с увёртливым князем Львовым. И диво! Атаман смолчал, встал из-за стола и пошёл к воротам, а за ним хвостом поволокся его названный брательник.

Вышел Разин с братова двора, смотрит, куда бы пойти, и ничего не видит, на душе дума хмарная, ни проблеска единого. А тут ещё князь Львов за спиной стоит, посапывает.

– Шёл бы ты, Семён, до своего двора, – сказал Разин. – У черкаса Очерета рука тяжёлая, как бы он тебе дурна не сотворил.

– Что мне теперь ждать, Степан Тимофеевич? – дрожливим голосом спросил князь.

– А ты что, до сей поры ничего не ждал? – повернулся к нему Разин. – Каждый человек тем и жив, что надеется. Вот и ты надейся, что меня переживёшь. До моей смерти ты жив будешь, а потом прости, брат, я тебе не спаситель.

– Не зови смерть, Степан, – сказал Львов. – Худая примета.

– Ты-то что знаешь о ней? – усмехнулся атаман. – Воззрись на земную жизнь Господа нашего и увидишь, что главное в ней не Рождество, не Крещение, а смертные муки на кресте. Так и у

людей: смерть – главный поступок, который должен совершить всякий человек. Добрая смерть, добрые поминки.

Разин оставил князя и пошел, куда глаза глядят, не обращая на приветствующих его людей ни малейшего внимания, пока не набрёл на возбуждённую толпу казаков и городских обывателей. Завидев атамана, люди перед ним расступились. На земле лежала и ойкала, держась руками за живот, беременная жёнка, а рядом с ней немец Фабрициус и казак Однозуб держали за руки парня с окровавленным лицом.

– Что случилось? – тряхнув головой, спросил Разин.

Вокруг все разом загалдели. Атаман поднял руку, и люди помалу утишились.

– Говори ты, Однозуб!

– Я ехал мимо, когда немец меня позвал на помощь. Этот парень толкнул жёнку кулаком в брюхо, немец за неё встал.

Жёнка начала корчиться и выть.

– Уходите все от неё! – закричала, встав возле неё, старая баба. – Нечего паяться, она рожает!

Разин отошёл в сторону. К нему подвели парня.

– Ты кто? – спросил атаман.

– Твой казак, Степан Тимофеевич.

– Стало быть, ты ведаешь, что твоя жизнь и смерть в моей воле?

Парень молчал и кусал губы. Разин вдруг вспомнил имя немца.

– Фабриций, – сказал он. – Как в твоей Неметчине поступают с такими уродами?

– У нас, атаман, их судят двенадцать присяжных, есть обвинители, есть защитники.

– Не много ли возни? – сказал Разин. – Ведите его к воде. А ты, немец, отдай парня кому-нибудь и уходи. Негоже тебе тут быть. И ты, Однозуб, отдай парня тому, кто поздоровше.

Возле реки казака уронили перед атаманом на колени.

– Подвяжите ему штаны покрепче, чтоб не свалились, – решил Разин. – И сыпьте ему за рубаху песку, сколько влезет.

– Не губи меня, Степан Тимофеевич! – взмолился парень.

Не слыша его, Разин молча смотрел на воду. Было тихо, но река понемногу стала взмарщиваться, саженях в пятидесяти от берега всплыл и с шумом лопнул воздушный пузырь.

– Готово, атаман!

– Бросайте его в лодку.

Сам Разин сел за вёсла и мощными рывками погнал её от берега. Парень кулем лежал на корме и молчал, ему набили песком не только пазуху, но и рот. Достигнув середины реки, Разин бросил вёсла.

– Лезь в воду, – тихо произнёс он.

Казак уцепился руками за борт, поднялся, и в этот миг Разин резко покачнул лодку. Парень рухнул в воду и ушёл камнем на дно.

– Прими от меня, старый Гориныч, посул на моё казацкое счастье, – беззвучно прошептал атаман и, опрокинувшись спиной на днище лодки, уставился взглядом в белёсое от зноя небо.

Над лодкой, визгливо всплакнув, пролетела чайка, затем её заволокла пелена сумрака, она закачалась, затряслась на месте, какая-то сила подняла лодку вверх, и над ухом затрепетавшего от ощущения высоты Разина послышался знакомый голос:

– Что, Стенька, сладка Астрахань? Ты ведь здесь чуть не прогулял своё счастье.

– Я не ведаю в чём моё счастье, Гориныч?

– Счастье твоё, казак, в славе. Во мнении народном ты наравне с Ильёй Муромцем, разве это не счастье?

– А людям это зачем? Потешатся сказкой и забудут. Они ждут от меня воли.

– У них никогда не было воли и никогда не будет.

– Как же не будет?

– Потому что у них в душах всегда неволя, с ней они рождаются, с ней живут, с ней и умирают. И царь живёт в неволе, и холоп, только у каждого из них неволя своя. И ты, Стенька, раб своей неволи: и жизнь, и слава твоя в моей горсти...

На берегу своего атамана высматривали есаулы. Они знали, что он в лодке, но на какой-то миг её закрыло поднявшимся из

воды зыбким мраком. Когда он рассеялся, все увидели, что Разин из всех сил гребёт к берегу. Лодка с разгона влетела в песок почти до кормы, атаман выпрыгнул из неё и подошёл к есаулам.

– Скликайте, побратимы, казачий круг! – объявил Разин. – Пора идти на верховые уезды!

– 3 –

Воевода Милославский был вспыльчив, но дальновиден. Поэтому он, поразмыслив, решил не показывать вида, что обижен на Бярятинского, но и не делать пока первого шага для встречи с окольничим. Утром он залез на крепостную ограду и оглядел стан прибывшего на помощь Синбирску государева войска, сразу поразившись тому, что рейтар было явно меньше, чем должно было быть в двух полках. За кольцом из телег обоза Милославский навскидку счёл чуть больше тысячи человек и не ошибся: то же самое в этот же самый час доносил и князь Бярятинский, строчивший отписку царю на крышке походного сундука: «...со мною, холопом твоим, пришло в Синбирск твоих, великого государя, ратных людей немного, а начальные, государь, люди полков Чубарова и Зыкова, взяв твоё, великий государь, жалованье, поразбежались по своим деревням и в свои полки не явились. Сейчас у меня, великий государь, считано полковниковым счётом тысяча триста человек в обоих полках, в том числе треть пеших. Но будет приход Стеньки Разина под Синбирск, или присылка воровских людей от него будет, стану ратными людьми Синбирск оборонять и всякий промысел над ними чинить буду...»

Милославский видел, как Бярятинский вышел из своей палатки, что-то передал рейтару, и тот, сопровождаемый товарищем, помчался в сторону Свяги. «Не взгромоздил ли на меня какой-нибудь поклеп Бярятинский? – подумал Милославский, глядя вслед всадникам. – Надо было мне так промахнуться, следовало самому ещё вчера обойти его перед великим государем».

Противостояние между начальными людьми продолжалось четыре дня, а на пятый синбирскому воеводе пришли от разных вестников сведения, что вор Стенька взял Берый Яр, пожёт острог и с большим войском навис над Синбирском.

– Когда вор явится к нам под прясла? – спросил воевода своих начальных людей.

– Не позже, как завтра утром, – высунулся поперёд всех стрелецкий голова Бухвостов и наткнулся на тяжёлый взгляд князя. Голова не мог никак догадаться, отчего в последние дни Милославский вспылал к нему холодностью.

– А ты как мыслишь, Глеб Иванович? – воевода перевёл взгляд на полковника.

– За день до Синбирска вор не дотащится, стало быть, его надо ждать утром.

– Под твой ответ, полковник, – сказал, поднимаясь с кресла воевода. – Чтобы в крепости ни одного стрельца из местных не было.

– Они все в остроге, и казаки с ними.

– Запри ворота и без моего ведома никому не открывай, – сказал воевода. – Поджигальщики готовы?

– Смольё всем роздано, – доложил полковник. – Надо бы известить князя Бярятинского о приходе воровского войска.

– Так я и хочу. Скажи, Глеб Иванович, своему знакомцу, что я через час буду у крепостного рва.

– Таких знакомцев, как я, у него не одна тысяча перебивала, – сказал полковник и перекрестился, подняв очи в гору. – Где они, на небеси, или чертям угли подгребают? А Бярятинский сам себя не всякий день признаёт. Я волен идти, воевода?

– Не спеши, Глеб Иванович, – Милославский внимательно оглядел начальных людей. – Надо определить, кто, где встанет на пряслах. Чтобы не было недовольных, я решу это сам: солдатский полк в ответе за Казанскую и Крымскую стороны, приказы Бухвостова и Жидовинова – за Свяжскую сторону, приказ Марышкина с двумя сотнями дворян, севших в осаду, – за Волжскую сторону. Все поняли? А теперь ступайте!

Начальные люди поклонились и вышли вон. К воеводе приблизился, до сих пор молчавший в стороне, дьяк Ермолаев.

– Все люди, Иван Богданович, сочтены, – сказал он и подал князю бумажный листок.

Милославский пробежал роспись глазами и вернул дьяку.

– Пять тысяч пятнадцать ртов, – задумчиво молвил он. – Как мыслишь, Ларион, за сколько дён в наших амбарах станет пусто?

– Если не объедаться, то месяца на три достанет.

– Воры беспрерывно начнут метать в город огонь, – сказал воевода. – Ты исполнил, что я велел?

– Все крыши амбаров укрыты сырым травяным дёрном, – доложил дьяк.

– Все ли? – пытливо глянул на него воевода. – Вчера ещё несколько амбаров стояли с голыми крышами.

– К утру только успели завершить, – объявил Ермолаев. – Надо определить, где будем раненых содержать. Гость Твёрдышев отдаёт свою большую избу, однако туда поместится не больше полусотни человек. Где жить остальным?

– Пусть гость с лекарем это решат, – чуть помедлив, сказал воевода. – На какие избы они укажут, те и опростаем от жильцов. Сколько у нас вина?

– Близо к полтысячи вёдер, – ответил дьяк.

– Определи к винному амбару сторожей из дворян, – сказал Милославский. – Вино на войне – большая подмога раненым и поддержка тем, кто ослаб здоровьем и духом. Мне это ведомо на польской осаде Вязьмы. Хлебнёт ратник чарку вина, и его не только хвори, но и пули стороной обегают. Береги винный амбар пуще своей чернильницы, Ларион! И пойдя переоденься в чистый кафтан, пойдёшь со мной к окольному, будешь очевидцем всего, что там будет сказано. Окольный остёр в повадках, да и я не туп, как бы между нами не случилась ссора. Я-то знаю, что ему от меня нужно, но тому не бывать!

Проводив дьяка, Милославский прошёл в свою горницу и принялся за переодевание, на встречу с окольным нужно идти в лучшей одежде, рассудил воевода, чтобы тот знал, кто перед ним стоит.

Кликнув Петьку, он разделся до исподнего, ополоснул в принесённой денщиком лохани с водой всегда изрядно

потевшие ноги, вытер их досуха и, ступая по прохладному полу, подошёл к одёжному сундуку. Одевался он, не торопясь, иногда подходил к небольшому зеркалу, которое появилось здесь одновременно с поломоной девкой Настей, оглядывал себя и оценивал, как смотрится на нём рубаха, штаны, кафтан. Надев шапку, Милославский спохватился, что забыл про государевы награды. Вынул из замшевого мешочка самое большое своё отличие, врученное ему Алексеем Михаловичем за боевое усердие под Уманью, золотой пятирублёвик, и прицепил его за пуговицу на левой стороне кафтана. Награда была редкой, такой золотой имело всего несколько человек, и Бярятинского среди них не было, это Иван Богданович знал точно. Пусть окольный увидит отличие и утишит свою безмерную спесь.

Крепость ополчалась перед неизбежным к ней приступом воровских казаков и бунташных людей: в бойницах башен тускло светились стволы бронзовых пушек, на мостах вдоль стен стало больше вооружённых ратников, тесно было в обеих воротах, через них на телегах в бочках везли воду, она в Синбирской осаде требовалась не менее, чем порох.

Завидев воеводу и дьяка, воротник Федька Трофимов перекрыл путь водовозкам и, сняв шапку, склонился в низком поклоне. На порог воротниковской сторожки вышла Настя и кинула на Ивана Богдановича такой пылкий взгляд, что пятирублёвик на груди у князя задрожал, то ли от конского скоку, то ли от учащённого сердцебиения.

Бярятинский уже ждал Милославского за крепостным рвом. Они съехались, поприветствовались и замолчали, разглядывая друг друга. Взгляд окольного был оловянным. В нём не прочитывалось ничего другого, кроме неумного упрямства и спеси. Князь облачился как рядовой рейтар, в железный доспех, железную шапку, на которой отсвечивал солнечный блик, из-под кожаного напodbородника несколькими клоками торчала рыжая борода.

«Великий государь, – подумал Милославский, – натравил на Разина самого злобного своего пса. Такой как вцепится вору в глотку, так и не отпустит, пока не загрызёт до смерти».

– Ты, воевода, видел моё войско с прясел, – прервал затянувшееся молчание Бярятинский. – У меня великий недочёт рейтар, но беда в другом – нет пехоты, те триста татар, что имею, бою почти не обучены, а половина – недоросли, против бывалых воров им не устоять.

Окольный Милославского ни о чём не просил, и воевода замедлился с ответом. Он понял, к чему клонит Бярятинский, и ему это было не по нраву. Всё своё Милославский всегда держал при себе и делиться с другими не спешил.

– У тебя, воевода, в крепости солдатский полк, – не выдержал Бярятинский. – Отдай его мне. Завтра мы встретим воров у воды и всех утопим, как котят.

– Добро бы так, – сказал Милославский. – Но воровское войско как пчелиный рой, кто его пересчитал? Навалятся многолюдством и сомнут рейтар, тут им и солдатский полк не поможет, а сам сгинет. С кем мне тогда в осаде сидеть?

Бярятинский скрипнул зубами, дёрнул головой, и солнечный блик с его железной шапки резанул Милославского по глазам.

– Нужно мыслить не о себе, а о государевом деле, – скрипуче и сухо произнёс окольный, наступая помалу на воеводу своим боевым конём, который, хищно оскалившись, потянулся к жеребцу Милославского, и тот стал пятиться. – Ты мыслишь зреть с прясел, когда воры навалятся на рейтар, и не окажешь подмоги?

– Перед великим государем я отвечаю за Синбирск, – заявил Милославский. – Солдаты будут держать крепость. А ты, окольный, возьми себе острог, там стрельцы и казаки. Но оглядывайся, служилые синбиряне могут переметнуться к вору.

– Благодарствую за подарок! – зло процедил Бярятинский и, подняв жеребца на дыбы, развернулся и, сотрясая землю, ускакал к рейтарскому стану.

Милославский смотрел ему вслед, затем повернулся к Ермолаеву.

– Запомни, Ларион, каждое сказанное здесь слово и сегодня же запиши.

Возле крепости солдатский поручик разглядывал мост, перекинутый через ров. Милославский остановил коня и подозвал его к себе.

– Что смотришь?

– Полковник Зотов велел мне узнать, как скорее разбить мост, чтобы он не достался ворами.

– Где сам полковник?

– В воротах, смотрит, как способнее завалить их кулями с мукой и солью.

Настя всё ещё мела пыль подолом возле сторожки отца, воротника Федьки Трофимова. Воевода остановил коня и погрозил ей пальцем.

– Негоже тебе, Настя, толочься в воротах, как побирушке на паперти. Ступай в мою избу и приберись там.

– Я же всё ещё с вечера обходила, – сказала, облизнув языком сочные губы, девка-душегрейка. – Или что тебе, князюшка, не по нраву пришлось? Вот завечереет, и опять к тебе приду, поломойничать.

Милославский хотел было приструнить языкастую Настю, да сдержался: к нему подошёл солдатский полковник.

– Ты был прав, Глеб Иванович, – произнёс воевода. – Окольный не только строптив, но и руки у него загребущие: восхотел взять у меня твой полк под своё начало.

– Волей великого государя мой полк подчинён тебе, воевода. Без твоего слова я никуда не двинусь.

– У него совсем мало пехоты, – сказал Милославский. – Я ему отдал стрельцов и казаков, что в остроге. И чтобы они не переметнулись к вору, возьми с Волжской стороны прясел сотню дворян и посади их в острог. И скажи тем дворянам, чтобы они всякого переметчика резали сразу, как почуют измену.

В остроге посланные его защищать синбирские стрельцы и казаки пребывали в смятении ума и брожении духа, до них тоже донеслась весть, что Степан Разин находится на расстоянии одного дня пути до Синбирска, и они жадно поглядывали на Волгу, не забелели ли там паруса стругов, не пора ли кидаться

на тех, кто мог воспрепятствовать их измене. Таких в остроге было немного: с десятков пушкарей и рядовых солдатского полка, присланных из крепости для обслуживания пушечного наряда. С ними намеревались расправиться, как только Стенькины люди будут под пряслами, а пока стрельцы и казаки обходили их стороной и шушукались подалее от чужих ушей. Никто не хотел явить своё предательство раньше нужного часа.

Пока острожные люди висели на прясле и ждали прихода вора, за их спинами из Крымских ворот вышел строй дворянских ратных людей во главе с солдатским полковником и направился к острогу. Когда казаки и стрельцы их увидели, то впали в смятение. Они решили, что воевода Милославский послал ратников по их жизни. Они обступили своих начальников, казачьего атамана Сафроныча и стрелецкого сотника Брюзгу и стали понуждать их ударить сполох, поубивать пушкарей и солдат, и сидеть в осаде до прихода разинских людей. Видя это, солдаты попрятались в башне и закрыли за собой двери. Кое-кто было кинулся их выламывать, но Сафроныч и Брюзга отговорили самых горячих от приступа, чтобы вызнать, зачем к ним идёт солдатский полковник.

И тут подоспела ещё одна весть. С прясел закричали, что к острогу идут рейтары со всей своей воинской силой. Услышав это, Сафроныч, прихватив с собой Брюзгу, поспешил к воротам и распахнул их на обе створы, другие начали кричать солдатам в башне, чтобы они выходили и были вместе со всеми. Пушкари и солдаты повысовывались из бойниц, но вниз не спешили. Их, как стрельцов и казаков, весьма занимало, зачем и куда идут люди Барятинского.

Окольный даром времени не терял. Прибыв к Синбирску, он объехал по нескольку раз вокруг него, спустился в подгорье к Волге и понял, что вернее всего будет встретить воровское войско не внизу, где просторно, и его рейтар воры легко могут обойти во всех сторон, а на волжском взвозе, там дорога узка и с одной стороны ограничена обрывом, а с другой – крутым подъёмом горы. Приглядел Барятинский и острог, на него он мог опереться своим обозом и пушками.

Предложение Милославского взять на себя острог окольного устроило, и он, вернувшись на свой стан, приказал немедленно выступать на новое место. Рейтары знали своего начальника. Уже через полчаса все были на конях, и войско двинулось к острогу.

Завидев рейтар, полковник Зотов остановил ратников и стал ждать окольного.

– Куда спешишь, полковник? – спросил Барятинский, снисходительно взирая на толпу вооружённых дворян. – Если в острог, то теперь он мой, или ты сего не ведаешь?

– Воевода велел мне отвести туда сотню дворян. Они надёжны и не дадут стрельцам и казакам сотворить тебе, князь, худа, если те замыслят переметнуться к вору.

– Что ж, и на том спасибо, – усмехнулся Барятинский. – Милославский, вижу, дал мне самых лучших ратников: на те, боже, что нам негоже. Или это испытанные рубаки, полковник?

– Других у нас нет, все разобраны по пряслам.

– На войне все сгодятся, – сказал Барятинский. – Чубаров! Возьми этих людей под себя.

В острог окольный заходить не стал, рейтары устроили стан рядом с ним, а вокруг огородились телегами обоза. Синбирские дворяне не находили себе места и путались под ногами у рейтар, чем осердили Чубарова, и он пошёл к Барятинскому.

– Реши, князь, где приспособить этих людишек. Мне они не нужны.

– Добро, – согласился Барятинский. – Пусть будут там, куда посланы, в остроге.

И, сев на своего боевого коня, он подъехал к воротам крепостицы, где его земными поклонами встретили Брюзга и Сафроныч. Барятинский долго на них взирав, затем велел собрать всех ратных людей в кучу. Из острога стрельцы и казаки выходили поопасались, поэтому стояли между амбарами и избами, солдаты и пушкари тоже вышли из башни и встали вместе со всеми. Они были в большом затруднении и колебались: являть ли подозрения на синбирян или нет. На свою беду, пушкари и солдаты смолчали.

– Мне доносят, что острожные ратники ненадёжны, – сказал, поигрывая плетью, окольный. – Скорее всего, так оно и есть. Надо бы из вас каждого десятого вздёнуть на веску, чтобы остальным было неповадно заглядываться на воров. Так что ли поступить?

Бярятинский, облачённый в боевую сбрую доспехов, на вороном боевом коне, то и дело привстающим на дыбы, и впрямь был страховат на вид, поэтому стрельцы и казаки изрядно оробели и потупились.

– Напраслину на стрельцов клепают, – сказал сотник Брюзга, не дрогнув под оловянным взором князя. – Среди стрельцов нет переметчиков.

– А среди казаков? – Бярятинский повернул коня на Сафроныча.

– У меня все казаки добрые, – поклонившись, объявил атаман.

– Смотрите же у меня! – Бярятинский погрозил начальным людям плетью. – Только чуть дрогнете, и всех порассажаю на колья. Чубаров! Расставь дворян по пряслу так, чтобы они присматривали за стрельцами и казаками!

Расталкивая конём людей, окольный объехал острог и остановился возле пушки, которая, как была вытащена когда-то из башни по какой-то надобности, так и лежала на колоде посреди двора. Орудие пробудило в Бярятинском догадку, как его можно приспособить к бою, и он поманил Чубарова.

– Вели, полковник, вынуть из острога пушки и установить их на колеса. Жаль, что не сразу Милославский отдал мне острог, сейчас вряд ли успеем все пушки переделать, но сделай хотя бы две-три до завтрашнего утра. Ими мы и встретим вора, когда он полезет на гору.

Чубаров скоро согнал к пушке людей, ствол подняли вместе с колодой, и шестеро стрельцов понесли его за ворота, к обозу, где бывалый полковник решил установить орудие на телеге, а в неё запрячь пеших рейтар.

Загадав сражение с разинцами на утро, окольный велел кормить рейтар много раньше обычного, и уже в вечерних сумерках все ратные люди спали, кроме сторожей и

начальников. Бярятинский, Чубаров и Зыков находились в палатке посреди стана и думали думу, как успешно промыслить воровское войско.

– Пушки для поля к утру не успеют, – сказал Чубаров. – Запальные дырки так заржавели, что в них нет продыху. Нужно сверлить, а такой снасти в Синбирске нет.

– Что, чем другим нельзя расковырять?

– Пушкарям велено над этим всю ночь чинить розмысел. Может, к утру что и сделают.

– Так! – окольный ударил ладонью по столу. – Зыков, у тебя сколько гранат?

– Три десятка. В Саранске гранатная казна оказалась пуста. Может, взять у воеводы?

– Нет, Милославский нам не помощник, – отмахнулся от предложения Бярятинский. – Я его видел, он гребёт всё под себя. Воевать будем так, как мы умеем. На горе посадим метальщиков гранат. Когда вору пойдут в гору, они закидают их гранатами, а твоим, Зыков, полком ударим их в лоб. Только ты, Фёдор, гляди за своими, чтобы вмёртвую не сцепились с казаками. Пусть ударят из пистолетов, порубят тех, кто оплошал, и отходят. После такого удара вору часа два будут чесать головы, пока придут в себя.

– А где моё место? – ревниво поглядывая на Зыкова, спросил Чубаров.

– Встанешь за Фёдором, если он попятится, ты его подопрёшь, а затем так ударишь всей мочью, чтобы вору посыпались с горы вниз.

Полковники на эти слова окольного переглянулись, задача была перед ними поставлена явно не по их силам.

– Мало нас, – смущённо кашлянув, сказал Чубаров. – У Стеньки многие тысячи ратных людей, а у нас чуть поболее тысячи. Увязнем мы в ворах, и они нас числом задавят.

– И думать об этом не моги, полковник! – жёстко произнёс Бярятинский. – В первый ряд поставь самых лучших рейтар и так плотно, чтобы конь к коню были всего на стремя. Передние два ряда должны быть не с двумя, а с четырьмя заряженными пистолетами. Гранатная и пищальная пальба должны поразить

воров ужасом скорой и неминуемой смерти! А теперь ступайте к полкам и ждите сполоха.

Чубаров и Зыков ушли к своим людям, а Барятинский поднял глаза на луну, которая круглым серебряным слитком выкатилась над Заволжьем и облила берега холодным и призрачным светом. На землю пала роса, окольный зябко поморщился и, велел себе проснуться через три часа, лёг на куль с соломой и с головой накрылся овчинной шубой.

– 4 –

Разинское войско шло от Астрахани до Синбирска больше месяца. Это была адская работа – тащить против течения больше двухсот стругов, нагруженных воинскими припасами, и в лямки впрягались все: и старые, и молодые казаки, и гулящие люди, но особо тяжело пришлось пленным стрельцам, те не вставали из-за вёсел и не снимали с плеч бурлацких лямок, и погибло их несчётно, никак не меньше тысячи человек. Их не хоронили, а просто стаскивали в реку, за весло сажали другого пленного, и всё скопище стругов и людей безостановочно шло на верховые уезды.

С продвижением Степана Разина вверх по Волге сказочные слухи об атамане, вознамерившемся погубить всех бояр и дать людям волю, стали близки к действительности, чему способствовали многочисленные посылки ватажек в верховые уезды с прелестными письмами и призывами убивать начальных людей и устраивать жизнь по своей воле. Вся юго-восточная окраина русского государства была охвачена бунтом, и множество народа бежало к берегам Волги, чтобы пополнить ряды разинского войска. Оно на подходе к Синбирску достигло уже двадцати тысяч, которые шли на стругах и по обоим берегам реки, но вряд ли и сам Разин знал, сколько у него под началом людей с оружием.

В Белом Яру стрельцы открыли Разину ворота с большим воодушевлением. Степан Тимофеевич велел всем стругам идти дальше, а сам, в окружении своих ближних людей, сошёл на

берег. К нему подошли белоярские стрельцы и низко поклонились. Не склонил головы лишь воевода Ярцев, преклонных лет старик, но ещё бодрый видом.

– Не утеснял ли православных сей ставленник бояр? – спросил Разин. – Что ему пожаловать, батохов или рели?

Стрельцы единодушно объявили, что за воеводой Ярцевым никаких вин перед ними нет, и они просят для него атаманской милости.

– Вот мы сейчас узнаем, – сказал Разин, – нужна ли воеводе моя милость. Целуйте крест на вечную верность казацким обычаям!

Все стали целовать крест, но когда дошла очередь до воеводы Ярцева, он отвернулся от распятия.

– Стало быть, тебе, старик, не по нраву казацкое крестное целование? – спросил атаман с такой холодностью в голосе, что все вокруг затихли, даже самые буйные разинские есаулы. – Ты почто рожу от святого креста воротишь?

– Я не от креста отвернулся, воровской дядя, – сказал белоярский воевода. – А от тебя, душегуба и кромешника.

Разин от такого невиданного им давно отпора слегка опешил, но волю гневу пока не дал.

– Стало быть, я душегуб, – произнёс он в притворной задумчивости. – Не спорю, великие грехи я на себя взял, но и великую радость дать людям волю и казацкое счастье. И не помню я ни одного из тех, кого сгубил, чтобы у него душа была. Может, она есть у тебя, старый?

– Чтобы узреть чужую душу, надо свою иметь! – громко сказал воевода и так рванул на груди свой кафтан, что с него посыпались пуговицы. – А кровь мою ты хоть сейчас увидишь.

Разин, свирепея, воззрился на Ярцева, но сдержал гнев, отвернулся и поманил к себе своего денщика Бумбу.

– Засунь его в куль и привяжи к бревну на носу струга!

Затем атаман обошёл острог и велел забрать на струг затинные пищали, малые пушки, порох и свинец. Желаящим воевать Синбирск он велел идти туда берегом. За то время, пока Разин был в Белом Яру, мимо него не прошло ещё и половины стругов, что были вместе с ним. Он поднялся на свой струг и

велел кормщику нагнать передовые суда. Лучка принялся нахлестывать бичом гребцов, бывших московских стрельцов, а Разин подошёл к носу струга. Куль на бревне трепыхался, сидевший в нём воевода лаялся и грозил атаману самыми страшными муками ада.

– «Надо помянуть Гориныча добрым посулом, – подумал Разин. – Вот выйду к Синбирску, и воздам ему почесть. Уже более месяца иду от Астрахани, а он себя не кажет».

Начало осени дало о себе знать быстрыми сумерками, на воде от острого сквознякового ветерка было зябко. Степан Тимофеевич ушёл под навес на корме и сел рядом с братом, который лежал, закрывшись овчиной, на персианском ковре.

– Как может, Фролка? – спросил Разин.

– Познабливает.

– Годи! – сказал Степан Тимофеевич. Из небольшого короба он достал кувшин, налил из него в чарку, сыпанул туда же горсть порошка. Поболтал чарку в руке и протянул брату.

– Испей зелена-вина с турецким перцем. Первое средство от простудной хвори.

Фрол выпил снадобье и закашлялся.

– Терпи, брат, сейчас полегчает!

Под навес сунулся кормщик Лучка.

– Огни на стругах возжигать будем?

– А как же! – оживился Разин – Вели моим именем на каждом струге возжечь пламя, чтобы синбирским воинским людям и воеводам стало досадно от множества моей силы. Когда Синбирск явится?

– Рано утром будем против горы.

Лучка ушёл к борту струга, крикнул соседнему кормщику, чтобы тот зажёл огонь и передал волю атамана дальше. И вскоре Волга на всю свою ширину и на две версты в длину была освещена множеством огней. Они веселили души людей, утомлённых долгим путём, и напоминали о том, что уже завтра им всем предстоит участвовать в деле, где никому скучно не будет.

– Усни, Фролка, – Степан укрыл брата, лёг с ним рядом, велел себе проснуться за полчаса до рассвета. Засыпая, он

подумал, что зря он выбрал для посула Горинычу костлявого и злобного старика. Надо было припасти ему раскрасавицу-жёнку, разодетую в золото и алмазы, тогда бы Гориныч оберёг его от пули и бесславия.

Когда атаман открыл глаза, утренние сумерки уже начинали рассеиваться. Он вышел из-под навеса и довольно улыбнулся: множество огней говорило о том, что сила его не покинула, побратимы и всякий другой безымянный для Разина люд, были рядом и готовы по его знаку идти туда, куда он их пошлёт. Куль с воеводой всё так же висел на носовом бревне. Разин подобрался к нему и, достав нож, прошептал имя Гориныча, затем перерезал верёвку. Послышался тяжёлый шлепок о воду. Разин, повиснув вниз головой над бортом, напрасно вглядывался в плещущиеся волны, но не уловил ни одного знака, которого с душевным трепетом ожидал от своего покровителя.

– Гляди, атаман, что на берегу деется! – вскричал Лучка.

Разин поднял голову, оборотился к правому берегу Волги и увидел, что вокруг Синбирска полыхает огромное зарево пожара. Разин прислушался: колокола в рубленном граде молчали, сам он был ярко освещён, но не горел.

– Что это такое? – спросил Фрол.

– Синбиряне жгут посад. Стало быть, нас ждёт осада. Да, брат, Синбирск – это не радушная Астрахань! Здесь в полную силу воевать надо.

Разин встал на помост и жадно взирал на пожар, ему в нём чудился некий признак, предсказывающий будущее. «Если это от Гориныча знак, – думал атаман, – то как его понять, добрый он или нет?»

От смутных гаданий Разина отвлёк шелест, который стал исходить от всех стругов. Шелест понемногу перешёл в громкое шарканье. Поняв, что это такое, Степан Тимофеевич возрадовался: казаки и другие ратные люди готовились к битве и точили своё оружие: сабли, секиры, ножи, топоры и копья. А тут ещё с синбирского подгорья донёсся голос есаула Корня. Две тысячи казаков, которых он вёл посуху, подошли к берегу и встречали своего атамана весёлыми криками.

Струги стали причаливаться к берегу, множество людей собралось в огромную толпу, и Степан Тимофеевич поспешил призвать к себе всех начальных людей. Им было велено разместиться станами и строго смотреть, чтобы их люди не мешались с чужими. Бывшим приказам астраханских стрельцов приказали встать в стороне от дороги в гору, пять тысяч казаков поместились на пойменной луговине, приказ оказаченных стрельцов из поволжских городов занял место под дорогой. Оставалась самая шалая часть войска – воровские шайки и гулящие люди, их Разин послал вперёд по дороге в гору, зная, что они будут воевать только тогда, когда их сзади подпирают копьями и саблями строевые ратные люди.

– Зря ты, Степан Тимофеевич, доверил этой гили взять гору, – посетовал Корень. – Там же рейтары, они их одним махом сметут.

– Хочешь сам идти? – удивился Разин. – А кто будет рубленный город брать? Не всё же им за нашими спинами жить, пусть воюют.

Ратные люди разбрелись по станам и сидели там на земле, ждали своего часа. Атаман был со своими донскими казаками, он знал, что они – его единственная верная опора, в любой беде не оставят, многие проверены ещё по походу на Каспий. Донцы были беспредельно верны своему атаману, и он отвечал им такими же пылкими чувствами.

Вернувшись к своему стругу, Разин взглянул на гору и обеспокоился: что-то подозрительно тихо на ней было.

– Бумба! – велел он своему денщику. – Сбегай наверх по дороге и посмотри, что там.

Калмык прыгнул на коня и помчался исполнять приказание. Скоро он вернулся.

– Поперёк дороги завал из брёвен. Мужики его растаскивают в стороны.

– Рейтар видел?

– Нет, атаман. Они за поворотом, и пока там тихо.

– Кликни ко мне стрелецкого атамана Лунина.

Калмык круто развернул коня и поскакал к астраханским стрельцам.

– Сейчас услышим, отдадут ли нам дорогу рейтары, – сказал Разин, и сразу же раздался оглушительный рёв множества людей, которые пошли на приступ. Вслед за этим послышались частые взрывы, Фрол начал их считать, дошёл до десяти и сбился.

– Рейтары кидают гранаты! – сказал он. – По звуку четырёхфунтовые.

– Слышу! – отозвался Разин. – Гранаты – это верная смерть, добро бы их было мало.

– Бегут! – крикнул Фрол и указал на дорогу. По ней, не оглядываясь, спешило вниз гилевое войско, непривычное к стойкому сопротивлению противника. Дорога была битком забита бегущими людьми, многие сходили с неё и катились по склону вниз, другие, цепляясь за траву и кусты, лезли по склону наверх.

– Слушаю, атаман! – к Разину подошёл Лунин.

– Возьми своих астраханцев и удержи, кого сможешь, на дороге! – велел Степан Тимофеевич. – Всех руби, никого не жалея!

Астраханцы перекрыли дорогу в несколько рядов, но обезумевшая толпа на них напирала, и Лунин приказал стрелять поверх голов. Однако его люди были обозлены и выстрелили прямо в толпу.

– Что они делают, Степан! – ужаснулся Фрол.

– Дело делают, – спокойно ответил Разин. – Пора всё войско отучить от баловства.

Астраханцы продолжали, действуя бердышами и саблями, оттеснять беглецов от дороги на край берега.

– Корень! – сказал Разин. – Возьми с десятков казаков и Чикмаза. Пойдём учить людей войне.

Толпа в несколько тысяч человек теснилась на небольшом клочке земли, который языком уходил от берега. Корень выехал за оцепление, велел всем начальным людям идти к атаману. Некоторые вышли сами, других толпа вытолкала с криками и битьём.

– Вы целовали святой крест на казачество! – громовым голосом обратился Степан Тимофеевич ко всем людям. – Теперь

вы казаки, а казаки своим врагам спин не кажут! По казацкому закону бегство с поля боя равно измене! За это я волен казнить из вас каждого десятого!

Толпа от ужаса вздрогнула. Многие упали на колени и стали слёзно молить атамана о прощении. Плач и вой были не по нутру Разину, и он велел Лунину выстрелить мимо людей. Пальба утишила толпу.

– Чикмаз! – сказал атаман. – Приступай к делу.

Палач схватил за волосы воровского атамана, уронил на колени и отрубил ему саблей голову. Следом покатались по пологому скату к воде головы ещё четырнадцати начальных людей.

– Возьми, Фрол, этот сброд под своё начало, – сказал Разин. – Разбей их на сотни, для присмотра за ними разрешаю взять тебе казаков по твоему выбору.

– Что ты делать замыслил? – спросил Фрол.

– На рейтар нужно самым крепким казакам идти. Но поперёд пустим сотни три гилевых людишек, вдруг Бярятинский не все гранаты перекидал. Вот и проверим.

Второй приступ дороги к Синбирску начался близко к обеду. Разин долго добивался своего начальства над ударным отрядом, но есаулы встали поперёк.

– Ты, Степан Тимофеевич, наш атаман, – говорили они. – Не дай Бог, попадешь под дурацкую пулю, и мы останемся без твоего атаманства безголовыми и разбредёмся сиротами. Твоё время ещё придёт, а нам воевать веселее, когда ты сзади нас подpiraешь.

– Способнее мне против рейтар идти, – сказал Очерет. – Я с рейтарами уже бился под Конотопом. Правда, то были ляхи с железными крыльями, а здесь русские, и без жестяных гремушек.

– Пусть будем так, – сказал Разин. – Иди, Очерет, дорогу нужно до вечера взять в свои руки. Даю тебе полную свою волю над людьми.

Очерет взял полтысячи своих запорожских черкас, вооружённых длинными пищалями и острыми саблями, и пошёл вверх по дороге, подталкивая впереди себя три сотни сбродных

ратных людей. К высокому склону над дорогой он загодя направил полсотни самых лихих казаков, чтобы они вырезали метальщиков гранат. Пластуны незаметно подкрались к рейтарам, затаившимся в кустах над дорогой, и взяли их в ножи. Очерет возрадовался удачно начатому делу и велел идти дальше.

Они прошли по дороге две трети пути, когда послышались тяжёлые ухающие удары тулумбасов.

– Готовьте пищали к бою! – вскричал Очерет. – Стрелять за тридцать сажень!

За поворотом дороги послышался тяжёлый скок рейтарских коней. Пешие ратники отступили под морды казацких коней.

– Сразу, как стрелят казаки, бегом идите на рейтар и режьте всех подряд! – велел им Очерет.

Завидев казаков, рейтары захлестнули поводья за высокие луки своих сёдел и взяли в каждую руку по пистолету. Прицельно стрелять они могли с десяти-пятнадцати сажень, но казаки ударили из пищалей раньше, однако это рейтар не остановило. Они не дрогнули, выстрелили из запасных пистолетов, подавили конями пехоту и сошлись с черкасами в отчаянной сабельной рубке. Рейтары давили сверху, и казаки держались из последних сил. Уже до двух десятков казаков были убиты, Очерет махал саблей, отбиваясь от рейтара, который теснил его к обрыву, и тут вовремя поспела помощь.

Прислушиваясь к шуму сражения, Разин догадался, что у Бярятинского нет пехоты, иначе он пустил бы её по верхней стороне дороге, непроходимой для конницы.

– Фрол, твоё войско к бою готово? – спросил он своего брата.

– Пойдёт и в огонь, и в воду!

– Как ты того добился?

– Чикмаз ещё тридцати гильщикам башки снёс, и теперь их хоть в оглобли ставь.

– Добро, Фрол, – сказал Разин. – Пошли тысячу своих людей вверх по нагорной обочине дороги, и пусть они бьют рейтар сверху из пищалей и копьями.

Почувяв, что на них напали с двух сторон, рейтары отступили. Очерет отправил своих раненых людей в подгорье, с дороги

убрали в сторону убитых, и казаки пошли на новый приступ. Рейтары сражались упорно, особенно губителен был их плотный огонь из пистолетов. Опростав от пуль оружие, они вступали в рукопашную схватку, но опять отступали под натиском черкас Очерета, пуль, копий, а то и камней, которыми пехота осыпала их сверху.

Когда в очередной раз рейтары отошли, Бярятинский не выдержал и послал против разинской пехоты свою, триста молодых татар. Те ушли, но живыми не вернулись. Из рейтар Зыкова многие погибли, целыми оставались люди Чубарова. И Бярятинскому пришлось, пользуясь наступившими вечерними сумерками, отступить к острогу, огородиться телегами и стоять всю ночь там, надеясь, что подойдёт подмога от князя Урусова. На помощь Милославского окольныхич не рассчитывал.

– 5 –

Проведав, что дорога на Синбирскую гору стала свободной от рейтар, Разин велел всем казакам, астраханским и сбродным со всех низовых городов ратникам идти к острогу, возле которого, ополчась, стоял Бярятинский со своими воинскими людьми. Окольныхич был зол и мрачен: во всякие переделки ему доводилось попадать за свою некороткую боевую жизнь, но такой ещё не бывало. И всему виной арзамский разборщик служилых людей Алексей Еропкин, который, имея от этого корысть, понаписал в полковые списки негодных к службе по здоровью дворян, а то и просто мёртвых душ, от чьей памяти остались лишь покосившиеся кресты на погостах. В полках объявилось много неявищиков – нетчиков, богатые дворяне попрятались по укромным местам и не спешили на войну с мужиками, от которой им не было корысти, и выжидали, что бунт усмирят кто-нибудь другой, кроме них.

Мрачно глядели вокруг себя и рейтары Бярятинского, их обижало и злило, что им, дворянской бедноте, жившей только на рейтарское жалование и не имевшей своей земли и крестьянишек, приходилось рисковать за богатых дворян, часто

за деньги уходивших от полковой службы в свои поместья. Только за один день на Синбирской горе были убиты до ста рейтар, а вдвое больше поранены, и что может случиться с каждым из них, они чувствовали своей барабанной рейтарской шкурой. В любой схватке можно было потерять жизнь или получить жестокое увечье.

Бярятинский уступил воровскому войску достаточно земли от острога до берегового обрыва, чтобы оно на ней поместилось. Старые казаки встали к рейтарам ближе остальных и зорко на них поглядывали, чтобы они не учинили против них какой-нибудь каверзы. Остальные разинцы расположились на отдых, разожгли костры, кипятили воду для вечерней трапезы. Ставка Разина находилась на краю волжского обрыва, где ему Бумба устроил палатку, а неподалёку возжёт костёр.

У атамана собрались есаулы и старшины, чтобы выслушать его повеления на ближайшее время.

– Главное сейчас – опростаться от Бярятинского, – говорил Степан Тимофеевич. – Ждать, пока он сам побежит, мы не станем. Я сейчас жду важные вести, и если они нам будут на руку, то ударим по рейтарам в утренних сумерках.

– Нужно поглядывать на рубленый город, – высказал опасение Корень. – Мы сцепимся с рейтарами, а Милославский может ударить нам в спину.

– Розмысел дельный, – похвалил есаула Степан Тимофеевич. – Только сдаётся мне, что воевода с окольныхичим живут, как кошка с собакой. Они могли сложиться ратными людьми ещё сегодня, и тогда мы вряд ли бы одолели Синбирскую гору. «Может, это Гориныч затмил им разум», – мысленно произнёс атаман и зябко поёжился.

– Сегодня они не сложились, а завтра сложатся, – сказал старик Однозуб. – Потому надо отгородиться от рубленого города крепкими ратными людьми. Бережёного и Бог бережёт, и чёрт балует.

В палатку заглянул Бумба.

– Что, явились? – спросил Разин.

Калмык кивнул и продолжал смотреть на атамана.

– Веди.

– Это прибыли ратные люди из острога, – сказал Разин. – Послушаем, что они скажут.

В палатку вошли сотник Брюзга и казачий полусотник Шутов, его вместо себя прислал осторожный Сафронич. Гости потоптались, поискали глазами образа, чтобы перекреститься, не нашли их и нестройно промолвили:

– Челом, великому атаману Степану Тимофеевичу!

Разин разглядывал гостей, пряча насмешливую улыбку в усах. Честный казак, он перемётчиков не любил и глядел с опаской: изменивший один раз не поленится изменить и в другой.

– С чем явились, синбиряне? – спросил Разин. – Здесь все люди свои, говорите.

– Мы, Степан Тимофеевич, держим твою сторону, – заметно волнуясь, произнёс Брюзга. – Осторожные стрельцы и казаки решили сложиться и уйти под твою руку.

– Добро, раз так, – важно сказал Разин. – А как вы уйдёте ко мне? Бярятинский окружил острог, там его люди, обоз, пушки. Как же он вас от себя отпустит. Или вы там у себя что-то удумали?

– Навались на рейтар всей своей мочью, Степан Тимофеевич! – горячо заговорил полусотник Шутов. – Пока они с казаками будут схватываться, мы перережем тех дворянишек, что за нами приглядывают, и сразу ударим по рейтарам из пищалей.

– Розмыслы у вас великие, но у меня нет надёжы, что вы в последний час не передумаете, и подведёте казаков под пистолеты рейтар.

Брюзга и Шутов принялись в один голос клясться, что они слово сдержат. Стенька смотрел на них и удивлялся потёмкам человеческого сердца: эти люди клялись убить тех, с кем ещё сегодня бок о бок стояли на молитве.

– Сделаем так! – решил атаман. – Заполночь к пряслу подойдут полсотни моих казаков. Постреляйте в них пыжами и пустите в острог. Я в это время нападу на рейтар. А теперь ступайте. Бумба, проводи, чтобы их никто не тронул.

После ухода перемётчиков Разин спросил Очерета:

– Сколько твоих казаков погибло, Тарас?

– Двадцать два, – перекрестился черкас. – Добрые казаки были. Со мной с Запороги пришли. Здесь на обрыве положили в братскую могилу.

– Надо не забыть их родичей, Очерет, жён, детей, родителей, если они живы.

– Всё их добро будет сохранено у казначея и отдано родным.

– Они не торговыми людьми были, а казаками, – вздохнул Степан Тимофеевич и пододвинул к себе кожаный мешок. – Подставляй суму, Очерет! Жалую родным по двадцать пять рублей золотом. Храни эту казну, Тарас, как свою голову!

О затоптанных конями рейтар на Синбирском взвозе воровских и гулящих людишках Разин не вспомнил.

– Что, побратимы! – сказал атаман, выходя из палатки. – Не время ли взять Бярятинского на кукан, а его рейтар посадить в цепях за вёсла наших стругов?

Ответом Степану Тимофеевичу были грозные крики всех казаков, что были вокруг него.

– По рейтарам ударим одними казаками, – решил Разин.

Бумба подвёл ему боевого коня.

– Очерет, Фрол, Однозуб, Корень! Поднимайте своих людей, начнём через полчаса!

Есаулы разбежались исполнять его волю, а Разин поехал мимо костров. При их свете была видна суматоха, казаки ополчались пищалами и саблями, седлали боевых коней и разбирались по своим сотням. С рейтарской стороны было тихо, но атаман знал, что хитрый полевой лис Бярятинский не дремлет и всегда готов к бою.

Чуткий Бумба тронул Разина за плечо.

– Стреляют, атаман, с Крымской стороны острога.

Теперь и Разин услышал пальбу, и она его порадовала, перемётчики пустили за прясло казаков, и сейчас там началась резня и охота на дворянских ратников.

Бярятинский сразу понял, что в остроге случилась измена, и с десятком рейтар кинулся к воротам. Но они уже были заперты изнутри, и на окольного посыпались пули и камни.

От острога Бярятинский прибежал к своим рейтарам и перевёл дух. Чубаровский полк и остатки полка Зыкова стояли в

строю. Окольный подъехал к полковникам и встал впереди их. Разинский стан был в ста саженьях, на нём горели, уже затухая, костры, край неба над волжским обрывом засветлел предвестием рассвета, и на нём громоздилась чёрная туча. Затем она с тяжёлым топотом двинулась на рейтар, это были казаки.

Барятинский привстал на стременах и махнул рукой. Тотчас на обеих сторонах многорядного рейтарского строя стали гулко и часто бить тулумбасы, а рейтары, набирая скорость, пошли навстречу разинскому войску, готовясь выстрелить из сотен пистолетов все разом, а потом взяться за сабли.

Однако казакам были ведомы рейтарские хитрости, центр их войска замедлил движение, правая и левая сторона строя стали от него отдаляться, охватывая рейтар с двух сторон в клещи. Казаки в центре прицелились из своих длинноствольных пищалей и, не сходя с сёдел, осыпали людей Барятинского пулями, ещё до того, как те приблизились к ним на пистолетный выстрел. Рейтары смешались, многим удалось всё же разрядить пистолеты в мчавшихся на них галопом казаков, но стрельба была явно не прицельной, на повторный выстрел времени у казаков и рейтар уже не оставалось, и они сшиблись в отчаянной и беспощадной рубке.

Разин нацелил своего коня на Барятинского, но окольного сшибло пулей, и его рейтары уволокли вглубь строя. Атамана это разозлило, и он налетел на ротмистра Саймонова и крепким ударом сабли разрубил на его плече серебряный панцирь, после чего рейтар кулем упал с коня на землю. Строи сломались, битва раскололась на множество единоборств, где удача сопутствовала сильным телом и духом. И неизвестно сколько бы продолжалась эта почти равная борьба, но из острога начали прицельно стрелять из пищалей в спины рейтарам. На этом геройская часть сражения завершилась, рейтары ударились в бегство, и многие из них были порубаны и постреляны казаками, которые гнались за ними до Свяги. Через реку перешло около семисот рейтар, Барятинского среди них не оказалось. Окольный нашёл своих рейтар через сутки, когда они уже шли по засечной черте в сторону Тетюшей. Где он обрелся всё это время, неизвестно. Сохранилась молва, что

Барятинский связанным лежал на телеге, и от пут его освободил какой-то казак, дал коня и указал, куда идти. В этой молве нет ни красоты, ни смысла, поэтому, возможно так оно и было на самом деле.

Победителям достался рейтарский обоз, немало оружия и с полтысячи добрых рейтарских коней, которых тотчас порасхватывали безлошадные казаки. Достался трофей и Степану Тимофеевичу, Бумба принёс ему зрительную трубку. Атаман был уже знаком с этой иноземной хитростью, приставил к глазу и навёл на рубленный город. На надвратной башне стоял воевода Милославский и, выпучив глаза, грозил кулаком в сторону казаков. Разин отдал зрительную трубку Корню.

– Погляди, как воевода размахался крыльями, того и гляди, что полетит, – усмехнулся атаман.

Корень долго разглядывал рубленный город и сказал, возвращая Разину зрительную трубку:

– А городок, Степан, непрост. Чую, наемся мы с ним до кровавых соплей!

– Что тебя смутило, есаул? – недовольно произнёс Разин. – Дерево всегда дерево, я сожгу Синбирск в три дня.

– Я этих слов, Степан Тимофеевич, не слышал, – сказал Корень. – Конечно, три дня – срок невеликий, но за это время многое может случиться.

Разин отвернулся к своему верному денщику.

– Прогони, Бумба, из острога всех перемётчиков – синбирян, – повелел он. – В башне на первом ярусе будет съезжая казацкая изба, на втором ярусе устрой для меня покои. Избы вокруг башни отдай есаулам и лучшим казакам.

Бумба поспешил к острогу, а Степан Тимофеевич отправился к лечебной палатке, возле которой находились подобранные на поле боя тяжелораненые ратники. Легкораненых здесь не было, те лечили себя сами старыми проверенными средствами.

Раненые лежали на земле возле острожной стены, где не было солнца. Костоправ Нефёд, старый казак, потерявший ногу от удара каменным ядром, выпущенным из пушки, покрякивал на молодого подручного:

– Привязывай ему руку к бревну, что есть силы!

В одной руке Нефёд держал тонкий плотницкий топор, в другой – большую чарку с вином.

– Не могу пить, уже в горле то вино плещется! – мотал головой казак. – Руби так, стерплю.

Рука казака в запястье была разбита пулей и уже чуть зачернела. Нефёд медленно вылил на рану вино, раненый заскрипел зубами.

– Закуси шапку, легче терпеть будет, – посоветовал подручный лекаря.

– Что пялишься на топор, зажмурь глаза! – рассердился Нефёд. – Вот так! – он ударил топором выше раны, обхватил кожу руки и стал натягивать вниз.

– Давай железо!

Подручный выхватил из кострища раскалённую железную пластину, и Нефёд тут же прижал к ней культю. Завоняло горелым мясом, раненый широко раскрытыми глазами смотрел на свою руку, и по его щекам катились слёзы.

Нефёд вырвал у него из зубов шапку и подал чарку вина.

– Пей, если хочешь жить!

Подручный отвязал руку раненого, помог ему привстать, на бревне осталась лежать обрубленная кисть.

– Иди и не оборачивайся! – торопил его Нефёд. – Поболит рука, поболит и перестанет. И не тоскуй, ведь не голову на бревне оставил, а руку, у тебя ещё одна есть.

Атамана Нефёд встретил как ровню, вместе в Персии были, не раз он пули из Разина выковыривал, раны ушивал.

– Я ведь сколько за тобой не зрю, Нефёд, а в голове у меня одна думка, – сказал Степан Тимофеевич, покачивая на ладони лекарский топор. – Недобрым делом ты занят, калек плодишь и нищих. У всякой церкви можно найти твоих крестников, кто на чурбачке подпрыгивает, кто на костыле ковыляет.

– Эх, Степан! – скорбно вымолвил Нефёд. – Я помогаю людям, чем умею. Нет у меня такой силы, как у тебя, делать людей вольными посмертно.

– Это как? – встрепенулся атаман.

– В твоём праве отрубить любому голову, после этого и тело у человека не болит, и господина над ним нет, и душа, если попадёт в рай, бессрочно счастлива.

Разин тяжело глянул на Нефёда и, повернувшись, пошёл прочь.

«Чёртов костоправ, – подумал он. – Уязвил меня в самую душу. А может, он и прав, что люди могут быть вольны и счастливы только посмертно?»

Бумба уже обозначил новую атаманскую ставку тремя чёрными конскими хвостами, которые колебались на перекладине высокого шеста. Крыльцо башни и нижний ярус были застланы верблюжьим войлоком, возле стены на возвышении стояло резное кресло, покрытое красным бархатом. Других мест, где можно сесть, в помещении не было, как и икон. Сойдясь с Горинычем, Степан Тимофеевич избегал на них смотреть. Возведённый в чин войскового писаря Евсей Жилкин встретил атамана поясным поклоном. В руке у него находился бумажный свиток.

– Что там у тебя? – спросил Разин, опускаясь в кресло.

– Крестьянщики, то бишь казаки Промзина Городища бьют тебе, великий атаман, челом, чтобы ты им дал ставленную грамоту на пахотную землю, чёрный лес и рыбные ловли по обоим берегам Суры до Барышской Слободы. – Жилкин робко глянул на атамана. – Грамоту я изготовил.

– Тогда ставь на неё мою печать! – важно провозгласил Разин. – И буде другие просить земли, давай им всё, что похотят, невозбранно.

После ухода писаря Разин ещё раз осмотрел помещение, где находился, и понял, на что оно похоже.

– Бумба! – позвал он своего денщика.

Калмык вошёл и встал перед креслом атамана.

– Ты добрый и верный казак, Бумба, – сказал Разин. – Скажи, зачем ты скамьи отсель повыкидывал?

Денщик огляделся по сторонам и развёл руками.

– Здесь же войлок постелен, зачем скамьи?

– Беда с тобой, Бумба, – улыбнулся Разин. – Дано живёшь с русскими, а думаешь по-калмыцки. Здесь же съезжая изба, а не кибитка. Верни назад скамейки.

Вслед за денщиком он вышел на крыльцо. Там его уже ждали атаманы многочисленных ватажек, которые хоронились близ Синбирска по лесам и оврагам, а теперь, прослышав о разгроме Бяратинского, вылезли из своих укромных мест и явились бить челом победителю рейтар Степану Тимофеевичу, чтобы он взял их в своё войско. Это были мордовские и чувашские люди, плохо знающие русский язык, ещё едва прикоснувшиеся к христианству, но уже люто ненавидящие боярскую неправду и свято верившие в справедливость московского царя.

Разин подивился числу пришедших к нему атаманов и спросил Фрола:

– Сколько народа притекло к нам за сегодняшний день?

– Боюсь соврать, брат, но больше пяти тысяч. Разъезды доносят, что со всех сторон идут к Синбирску несметные толпы.

– Как же ими управлять? – засомневался Разин.

– Очень даже легко, – пискнул из-за атаманской спины писарь Евсей Жилкин. – Народу не надо мешать делать то, что хочет. Сейчас он хочет разломать Синбирск и поубивать всех лучших людей.

Во двор вошли свирепого вида ярыжные люди. Они гнали перед собой дюжину полураздетых молодых парней.

– Дворяне из своих деревень спешили к Бяратинскому да угодили к нам! – донёс атаман.

– Зачем вы их ко мне приволокли? – осерчал Разин. – Что осин не нашли их развесить? Ведите их прочь!

Двор острога не пустовал, приходили всё новые ватажники, вооружённые дубьём и вилами, Разин говорил им несколько ласковых слов, и люди уходили, воодушевлённые атаманом до высот почти религиозного ликования. После общения с Разиным для людей переставали существовать их дети, семья, лучшие люди, бояре и князья, великий государь и даже сам Господь Бог, всё затмевал своим образом народного заступника простой донской казак, осмелившийся угадать и объявить народу, что он имеет право жить по воле и правде. Людей опьяняла и

кажущаяся близость исполнения их надежд, они верили, что Разину ведом волшебный ключик, которым он вот-вот отворит всем дверь в райское благоденствие, и за эту сказку они, не раздумывая, отдавали свои головы.

Мирное течение людей перед Разиным вдруг нарушила заматня в воротах острога. Несколько казаков во главе с атамановым кормщиком тычками гнали перед собой троих людей. Те упирались и отбихивались. Увидев атамана, один из пришельцев, это был Федот, бросился к крыльцу.

– Совсем особачились твои ближние казаки, Степан Тимофеевич! – воскликнул он, притворно всхлипывая. – С коней свалили, суму с пожитками раздували, а ведь я твою атаманскую волю исполнял. С твоими прелестными грамотками всю Суру обошёл, двадцать деревень под твою руку в казаки поверстал.

– Что стряслось, Лучка? – перебив Федота, спросил Разин. – Сей казак верно был послан возмущать верховые уезды.

– Не слушай пустобрёха, атаман, – сказал Лучка. – Дело не в нём, а он шёл с тем синбирянином, что прибежал к тебе под Царицыным, и всё крутился меж казаков, что-то вынюхивал, выспрашивал.

Лучка схватил пленника за шиворот и поставил на ноги.

– Вот так раз! – удивлённо произнёс Разин. – Ведь ты человек Твёрдышева. Обзовись, что-то запомнил твоё имя.

– Максим.

– Ну, Максим, поведай, с каким умыслом ты промеж моих казаков промышляешь сейчас?

– Он с Теши шёл, там невесту схоронил, – встрял Федот.

– Уймись, стрекотун! – Разин потеплел взглядом. – Вспоминаю, что ты к невесте спешил. А как Твёрдышев?

– Наверно, в рубленном городе сидит.

– А ты, значит, к казакам решил податься?

– Я сам по себе, – тихо промолвил Максим.

– Вот и дурак! – усмехнулся Разин. – Так ты точно цел не будешь.

– Он боярский шиш, атаман! – крикнул Лучка. – Вели его вздёрнуть на веску!

– На веску, говоришь, – задумчиво произнёс атаман. – Можно и так. А вдруг промашка выйдет? Вдруг он никакой не шиш, а добрый человек. Вот сейчас мы это и узнаем.

Разин повёл глазами вокруг и упёрся взглядом в пленного рейтара, который был привязан к столбу и, опустив голову, ждал своей участи.

– Лучка, дай парню свою саблю! – велел атаман. – Сможешь зарубить рейтара, будет тебе моя вера, а не сможешь, не обессудь.

Максим неживой рукой взял саблю, сделал несколько шагов, и бросил её на землю.

– Не дури, Максимка! – крикнул Федот. – Заруби барчука, ему и так не жить!

– Не могу, – глухо произнёс Максим. – Никогда не смогу.

– У казацкого бога всего много, – хмыкнул Разин. – И такие дурни бывают, но лихо не в том. Ты почто саблю на землю бросил?.. Вот за это и ответишь! Заприте его, казаки, в амбар, а я промыслию, каким путём его на тот свет отправить.

Лучка потянулся к Максиму, чтобы его схватить, но Разин воспретил ему это делать.

– Оставь парня, а то опять раздерётся. Или ты забыл, как он тебя, Лучка, на струге кувыркнул?

В амбаре было сухо и душно, сюда слабо доносился шум снаружи. Максим снял однорядку, расстелил её на полу и лёг, подсунув под голову шапку. О том, что с ним случилось, он думал отрешённо, как о чужом человеке, и вскоре его окутала дрема. Очнулся он от лёгкого скрипа двери и поднял голову.

– Торопись, Максимка, – услышал он сдавленный шёпот Федота. – Добро, что дверь была не на замке, а на щеколде.

На дворе было темно. Федот схватил Максима за руку и повёл за собой между изб и амбаров.

– Куда ты меня тащишь?

– Долг платежом красен, помнишь, как ты мне денег на похмелье дал. А я, брат, не люблю, когда добрых людей взаперти держат. Прыгай за прясло, Бог даст, свидимся.

Тихо упасть на землю не удалось. Беглеца окликнул строгий голос, но он уже был далеко и бежал, что есть сил, не ведая

куда. Под ноги Максиму попалась жёсткая кочка, он запнулся и свалился в поросшую травой яму, где и затаился, прислушиваясь, нет ли за ним погони. Отдышавшись, Максим высунул из ямы голову и огляделся. Прямо перед ним невдалеке над землёй горели три огня. Поморгав, он понял, что это пылают смольё на башнях рубленого города. Теперь Максим знал, где ему можно спастись, и он, пригнувшись, перебежал через дорогу к волжской стороне крепости.

Максим медленно шёл по крутому косоугору, то и дело хватаясь руками за невысокие кусты, чтобы не соскользнуть вниз. Место, где начинался подземный лаз в рубленый город, он видел в потёмках. Сейчас была тёмная ночь, и все кусты и камни смотрелись близнецами. «Где же этот кол? – думал Максим, понимая, что начинает отчаиваться. – Ведь он где-то рядом, стоит и дразнит меня». Он шагнул, подскользнулся и, падая, ударился рукой о дерево. Посмотрел на него. Это был тот самый кол, который ему показал Твёрдышев.

В лаз вела деревянная, из жердей, лестница, Максим спустился на несколько ступенек и поставил на вход затворную крышку. От дна колодца был всего один путь, парень нащупал его руками и пополз на коленях по липкой глинистой грязи, отчаянно надеясь, что впереди нет завала. От страха и затраченных усилий его дыхание стало прерываться, он сел отдохнуть. На него временами капала вода, Максим ощупал стороны лаза руками и понял, что обрушение ему не грозит, везде стояли подпорки и перекладины, а вода шла не сверху, а из земли, гора сочилась влагой спрятанных в её глубины водяных жил.

Дальше он полз без опаски и скоро увидел полоску зыбкого света. Максим стал двигаться осторожнее, чтобы не выдать своего присутствия, и скоро оказался в подвале, где стены были из деревянного бруса, а верх покрыт толстыми досками. Это была сторожка воротника Федьки Трофимова. Он был в ней не один.

– Ты, Настя, не разбрасывайся рублями, что тебе воевода жалуует, – наставлял отец свою дочь. – На кой тебе браслет за два рубля, ему красная цена полтина, а ты попадье ни за что

переплатила. Отдала бы деньги мне, у меня бы они в дело угодили.

– Ты мне все уши высушил, тятя, своими мечтами. Давала я тебе деньги, где они? Купил на посаде двор, так его сожгли, а ведь он в десять рублей встал!

– Кабы не вор Стенька Разин, имела бы ты, где голову притулить. Что ж, сожгли избу, но не последний день живём. Есть у меня одна задумка...

– Что такое ты надумал?

– Вот прогонят вора, и я уйду из воротников, стар стал ворота ворочать. Поставлю избу, и заживём мы, дочка, в своё удовольствие.

– Это ж как заживём? – заинтересовалась Настя.

– Слыхала небось, что Пахомовну, после того, как в неё воевода из пушки стрелил, кондрашка расшибла. Теперь вино на посаде курить некому будет. А я ведаю, как это делается.

– Вестимо, ведаешь, – рассмеялась Настя. – Не одну бочку вина выжрал.

– Когда это было, – вздохнул Федька. – Давно былём поросло. Ты это, рубли воеводы носи мне, целее будут.

У Максима от пыли, сыпавшейся сверху, першило в горле, он не стерпел и раскашлялся.

– Кто это там! – взвизгнула Настя.

– Молчи, девка! – строго произнёс Федька. – Ступай за дверь и погляди, нет ли кого.

Настя хлопнула дверью сторожки, а воротник на палец приоткрыл творило и спросил:

– Обзовись, кто ты есть?

– Приказчик гостя Твёрдышева, Максим.

– Знаю такого, – сказал Федька. – Выходи. Хотя погоду, я рогожу тебе под ноги кину. Грязи на тебе, приказчик, как на чушке. Таким тебя людям показывать нельзя, сразу учуют неладное и поволокут к воеводе.

Воротник приоткрыл дверь и поманил Настю.

– Сбегай к Твёрдышеву и скажи, что явился его приказчик. Да гляди, чтобы никто тебя не встретил по дороге! Пусть гость

принесёт ему чистую одежду, а то он вывалялся в грязи с головы до ног.

Поручение отца пришлось Насте по нраву. Она, страсть как любила прикоснуться к чему-нибудь тайному и запретному, к тому же гость Твёрдышев всегда её привлекал статью сильного мужа и, конечно, богатством, о котором много и часто судачили синбирские кумушки после того, как стало известно, что Степан Ерофеевич овдовел два года назад. С той поры он стал подолгу жить в Синбирске, и Настя не упускала случая пройтись лебёдушкой мимо завидного жениха, но он смотрел мимо, не замечая её томления и зазывных взглядов.

В городе поговаривали, что кормилица Потаповна не даёт своему молочному сыну воли. Она и встретила Настю, когда та начала постукивать в дверь твёрдышевской избы.

– Ты чего это, на полночь глядя, припёрлась? – строго спросила старуха в дверное оконце.

– Приказчик Степана Ерофеевича к нам явился. Пусть хозяин возьмёт чистую одежду и заберёт его к себе.

– Жди на крыльце, – сказала Потаповна и захлопнула оконце.

Настя присела на лавку рядом с дверью в тень, где её со стороны улицы не было видно. Через некоторое время послышались осторожные шаги, и на землю легла тень крадущегося человека, который остановился возле твёрдышевского крыльца, потоптался и пошёл прочь. Настя облегчённо вздохнула: стрелецкий голова Бухвостов постоянно её донимал своими приставаниями, хотя воевода Милославский поглядывал на него всё тяжелее и пронзительней.

– Ты кого здесь поджидаешь? – недовольно спросил Твёрдышев, показываясь из двери. – А ну, дуй, девка, впереди, а я пойду после.

Настя обиженно цыкнула и, не таясь, застучала каблуками сапог по доскам крыльца. Степан Ерофеевич вернулся в избу, посидел в сенях на лавке и осторожно вышел на крыльцо.

Настя в сторожку к отцу не вернулась, она подошла к небольшой двери с задней стороны воеводской избы, достала из волос шпильку, отодвинула ею щеколду и через подклеть поднялась в покои воеводы. Милославский её ждал.

– Где шлялась, гулёна? – ласково сказал князь, подвигаясь к стене.

Настя сняла летник и, задув свечу, нырнула под заячье одеяло.

– Отца обихаживала, – сладко потянувшись всем телом, промолвила девка-душегрейка. – Шубёнку ему зашивала. А потом пока сюда шла, всё казалось, что кто-то за мной идёт.

– Кто это мог быть? – встревожился Милославский. – Опять Бухвостов?

– Может, и он, откуда мне знать, я не оглядывалась. Может, и он, а может, и Твёрдышев.

«Ужели и гость такой же сметанник?» – стукнуло в голове князя и отложилось занозой.

– 6 –

– Будешь жить с Саввой, – отпирая дверь своей избы, сказал Твёрдышев. – Верхние комнаты я освободил под раненых. Пока сиди тихо и никуда не высывайся. У воеводы много наушников, мигом донесут, что ты неведомо откуда свалился в Синбирск. О лазе забудь до конца своих дней.

В коридоре их встретила Потаповна, взяла узел с грязной одеждой и неодобрительно глянула на измазанные глиной сапоги парня. Он разулся и спустился в подклеть. Потаповна шла за ним следом, в руке у неё было плетёное блюдо, накрытое полотенцем.

Савва встретил Максима с распростёртыми объятиями, обнял, мазнул сырым носом по щеке, усадил на лавку, покрытую войлоком. Потаповна поставила блюдо на сундук и вышла. Монах снял с него полотенце.

– Балует меня ключница, – весело сказал он. – Каждый вечер потчует стряпней со сметаной или маслицем.

– То-то я гляжу, что ты округлел, как соборный протопоп, – не сдержал улыбку Максим. – А ты всё грамотки переписываешь?

– Какое там! – воскликнул Савва, подхватив оладьем сметану. – Как сели в осаду, так к нам только вороны вести приносят. Да и Степан Ерофеевич сейчас лишь мирскими делами занят, каждый день у воеводы сидит, с лучшими людьми думает, как не сдать Синбирск вору. А ты как?

Максим скоро поведал о том, что случилось на Теше.

– Жаль отроковицу, – вздохнул Савва. – А я вот уже полвека живу, а зачем? Правда, зла я никому не сделал, но и добра тоже.

– Не скажи, – возразил Максим. – Через твоё умение многие разумом обогатились.

– Может, и так, – вздохнул Савва и неожиданно весело глянул на Максима. – Я вот горевал, зачем прибежал в Синбирск, а три дня назад, когда воевода затворил рубленый город, вдруг понял.

– И что же ты уразумел?

– Великие дела вокруг Синбирска начались, и я тому свидетель. Стенька Разин вздыбил всё Поволжье за волю и правду. Такого на Руси ещё не бывало.

– Тебе, Савва, в тёплой подклети, рядом с оладьями и сметаной, какое до всего этого дела? – сказал Максим. – Явится в Синбирск государево войско, разгонит толпы, и Разину отрубят голову, а через год о нём все забудут.

– Не скажи, парень! – голос Саввы наполнился молодой силой. – Память о Стеньке не уйдёт вместе с ним. Я этому не дам совершиться.

– Не ждал я от тебя такой прыти, – удивился Максим. – Ты что, эту память о воре, чтобы она не сгнула, за подол собрался удерживать?

– У меня покрепче задумка, – сказал Савва и, сунув руку за лавку, вынул оттуда им самим переплетённую книгу. – Знай, парень, что я по примеру «Казанской истории» начал писать «Хронограф Синбирской осады воровским войском Стеньки Разина».

Максим заметил, что в книге было уже исписано десятка два страниц, и это его удивило.

– Стенька только приступил к Синбирску, а у тебя уже вон сколько понаписано?

– Я пишу подобно другим историям, об основании града окольничим Богданом Хитрово и других замечательных случаях, бывших в Синбирске до тех пор, когда Стенька подошёл к городу и сначала бился с князем Барятинским, а потом обложил его со всех концов своим войском.

– Где же ты, Савва, о прежних днях узнаёшь? – спросил Максим. – Или выдумываешь?

– Как можно! – обиделся Савва. – Здесь всё истинная правда. Если похочешь, я кое-что зачту.

В острожном амбаре Максим выспался, и на сон его не манило.

– Читай, батька. Только не спеши, каждое слово ясно выговаривай.

– Годи, давай по оладью макнём в сметану для смягчения во рту сухости.

Проглотив с причкомом оладышек, Савва открыл свой хронограф.

– Тут поначалу у меня кое-какие любопытные баснословия выписаны. Так... В давние времена обитал на Синбирской горе лютый Змей-аспид, и досаждал он мордве и чувашам воровством самых пригожих девок, и продолжалось это до той поры, пока киевский князь Святослав Игоревич не пришёл на Волгу походом против Булгара Великого. Победив болгарского хана и взяв знатную добычу, князь Святослав обратил свой меч на хазар и пошёл их воевать, но по пути останавливался у подножья Синбирской горы в граде Синбир-кабак...

– И что, действительно такой город-кабак был? – перебил Савву Максим.

– Что ж тут дивного? Ведь есть же река Пьяна, так почему бы не быть Синбир-кабаку?

– И что же случилось со Змеем-аспидом?

– А то, – Савва перевернул книжную страницу. – Уверовали мордва и чуваша в великую силу русского князя и подступили к нему с мольбой избавить их от ужаса здешних мест. И поднялся Святослав на Синбирскую гору, и начал своим богатырским мечом рубить дуб-великан, на котором из золотых цепей было свито гнездо Змея-аспида. Не успел тот и крылья распротать,

как дуб рухнул и покатился под гору, идолищу все косточки передробило, он и издох.

– Занятно, – сказал Максим. – Ты это сам выдумал или с Потаповной совет держал?

– Экий ты, Максим, Фома неверующий, – скривился Савва. – Запомни, что когда не станет чудес, то и жить человеку будет незачем. Станешь дальше слушать?

– Прости, Савва, но не о том у меня сейчас думы.

– Как знаешь! – монах обиженно поджал губу и, закрыв книгу, сунул её за лавку. – Конечно, я не учён, простой переписчик, но ведь и я душой не обижен, и я хочу своё слово молвить.

– Прости, Савва, я не в себе. Стенька уже другой раз мне мою смерть показал, до сих пор не могу отойти от страха.

– Что он хотел с тобой сотворить? – всплеснул руками Савва.

– Наверно, в куль зашить да в Волгу кинуть. Его повадки давно ведомы всем.

– Ай, кромешник! И как его мать-сыра земля носит!

– Народ ему в рот смотрит. Или народ не прав?

Савва задумался.

– У нашего народа бараньи мозги и медвежьи ухватки, – печально произнёс он.

– Как же Стенька с ним совладал? Или у него есть тайная сила?

– Не ведаю я о том, – сказал Савва. – Не скоро всё станет ясно. Так споткнётся вор о Синбирск, что головы на плечах не удержит!

Максим непонимающе воззрился на монаха. Савва поманил его пальцем и, оглянувшись, прошептал на ухо:

– Святые соловецкие старцы передали Степану Ерофеевичу для Стеньки грамотку. Аз, грешный, снял печать и прочёл, что они лишили вора своего благоволения. И чтобы он в этом не сомневался, покажет ему при всём народе святой крест.

– Какой святой крест? Всякий крест свят, – сказал Максим.

– Про то, какой, и я не ведаю. Ждать надо, сказано же при всём народе. Значит, мимо наших глаз не пройдёт.

Савва с доброй завистью посмотрел, как Максим только коснулся головой лавки, так и уснул. «И я молодым бессонницы не ведал, – подумал он. – А сейчас, пока все бока не пролежишь, не уснёшь». Заметил сиротливо оставшийся на блюде оладышек, собрал на него остатки сметаны и, благословясь, отправил в рот. Долго лежал с открытыми глазами, считая, чтобы скорее уснуть, мерцания лампы, но сон всё не шёл. Савва подхватился с лавки, встал на колени перед иконой Святой Живоначальной Троицы и с чувством искреннего благоговения тридцать три раза прочёл Господнюю молитву: «Отче наш, Иже еси на небесех...» Затем поправил фитилёк лампы и возлёг на своё сиротское ложе.

Неподалёку от Саввиной каморки в своих покоях бодрствовал Степан Твёрдышев. Он держал полученную от соловецких монахов грамотку и решал, вскрыть ли её и прочесть, или, не читая, перебросить через прясло вору, от греха подальше. После кровавых проделок Разина на волжском Низе, Твёрдышев стал подумывать, не слишком ли заигрались монахи со Стенькой. Поднявшись на лучших людей, он стал выказывать такую лютость, что на поучения соловецких старцев, а они были ведомы Твёрдышеву, перестал обращать внимания. «Зачем он людей десятками за раз, в кули зашив, садит в воду? – недоумевал Степан Ерофеевич. – Как-то не по-русски всё это. Русский вор горазд кистенём человеку голову проломить, чем кидать его в воду».

Старцы торопили Разина скорее идти на Москву и освободить великого государя от злокозненной опеки набольших бояр, а Стенька пол-года гулял в Астрахани и только к осени приволокся в Синбирск. В последней грамоте должны быть, по разумению гостя, важные вести, и он, как это уже делал, с помощью ножа отлепил печать и вынул из чехольчика бумажный свиток.

По коридору, пошаркивая кожаными ичигами, прошла Потаповна. Твёрдышев кинул взгляд на дверь, та оказалась незапертой. Шлёпая босыми ногами по холодному полу, он добежал до неё, накинуд на пробой крюк. Подошёл к столу, выпил из кувшина медового квасу и вернулся на лавку. Слова

соловецкого плетения, в которых мысль была всегда схоронена в нарочито путанном красноречии, разгадать нелегко даже имевшему навык в чтении раскольничьих грамоток Степану Ерофеевичу. На сей раз он прочёл грамотку не два раза, как это делал обычно, а пятижды, но всё равно мало что понял. Было ясно, что старцы отступились от Стеньки, но чем это вору грозит? Так же не разгадал Твёрдышев слова о святом кресте, лишь засомневался, а знают ли соловецкие старцы настоящего Стеньку? У цыгана на гайтане тоже крест, но кто решится считать его христианином?

Обременённый нелёгкой думой, как ему поступить с раскольничьей грамоткой, Степан Ерофеевич ворочался на лавке до первого часа дня, когда государев колокол на Крымских воротах ударил на всю округу и возвестил, что пора вставать ото сна и синбирянам, запертым в деревянном городе, и воровским людям, обложившим Синбирск плотным кольцом осады. Степан Ерофеевич подошёл к небольшому слюдяному оконцу. Пальцами стёр с него испарину, глянул наружу, где всё было мглисто и сумрачно. По утрам Синбирскую гору уже стало накрывать осенними туманами, крыши изб намокали от росы, и сочились влагой.

Твёрдышев, не зажигая свечи, в потёмках оделся, сунул соловецкую грамотку в рукав кафтана и, стараясь не скрипнуть дверью, вышел на крыльцо, там огляделся по сторонам, прислушался и пошёл к пряслу на Крымской стороне. Дверь в наугольную башню была открыта, синбирские ратники, имея от себя в полутора саженях Стеньку Разина, служили беспечно, осада уже стала явью, но не все это понимали. Потому и сторожей на прясле не было видно, они спали внутри башни по ярусам на соломе, укрывшись овчинами, и будить их требовалось не государевым колоколом, а пинками начальных людей, которые пока ещё сами не продрали глаза.

На втором ярусе Твёрдышев возле пушки поднял увесистый камень и стал подниматься на третий ярус башни, который был уже выше крепостной стены. Сторожил верхний ярус всего один ратник. Увидев Твёрдышева, он крепко ухватил пищаль рукой и сделал боевой вид.

– Где другие стрельцы? – строго спросил Твёрдышев.

– Ребята озябли и ушли вниз погреться, – ответил стрелец, с опаской поглядывая на близкого к воеводе человека.

– Я бы тебе и курятника не доверил сторожить! – строго объявил Твёрдышев. – А ну, бегом вниз, и всех поставь на ноги!

Стрелец прислонил к срубам бердыш и поспешил к лестнице. Степан Ерофеевич проводил его взглядом, затем вытряс из рукава кафтана грамотку, привязал к ней камень и через бойницу по поясу высунулся наружу. Из наугольной башни хорошо были видны Волга и острог, над которым утренний ветерок шевелил тремя конскими хвостами казачьего знамени. Дорога с подгорья к городу почти рядом. По ней шёл человек явно воровского вида, с копьём, на боку – сабля без ножен. Надо было спешить, и Твёрдышев ртом издал глухой, похожий на коровье мычание звук. Человек заозирался, потом увидел, что кто-то помахивает ему рукой. Он остановился и стал ждать, что будет дальше. Твёрдышев из всех сил размахнулся и бросил камень с грамоткой прохожему под ноги. Тот подхватил гостинец и сразу юркнул в кусты, чтобы не нашлись ещё охотники на его находку. Твёрдышев проводил его взглядом и подошёл к лестнице.

Посланный Степаном Ерофеевичем сторож привёл заспанного десятника.

– Так-то ты службу несёшь! – строго сказал Твёрдышев. – Полову из волосьев повытряси! Ряшку наспал, что в огород пугалом нужно ставить. Ты чьего приказа?

– Бухвостова.

– Вот ему-то воевода и выговорит за твою службу. А ты сам готовься штаны распоясывать и под батоги ложиться купно со своим десятком!

– Помилуй, Степан Ерофеевич! – десятник был готов упасть на колени. – Больше такого не будет.

Настраивая стрелецкого десятника, Твёрдышев пошёл из башни к воеводской избе. Там подле крыльца стояли начальные люди: Зотов, Бухвостов, Марышкин и Жидовинов. Ждали Милославского, который пошёл с проверкой к Казанским воротам и там застрял.

– Худо нам будет, если Стенька сразу не полезет на прясло, – сказал солдатский полковник.

– Это почему так? – удивился Твёрдышев. – Пусть не лезет, коли охоты нет.

– Не скажи, Степан Ерофеевич, – многозначительно произнёс Зотов. – Наши ратные люди ещё не поняли, что их смерть рядом. Смотрят сквозь щели на воров, перекликаются и не ведают, что те не пощадят ни одного из них.

– Среди стрельцов может такие и есть, Глеб Иванович, – сказал Твёрдышев. – Я сейчас, заметь себе, Бухвостов, растолкал твоих. Но солдаты войну знают.

– Нет разницы – солдат или стрелец, все они горазды рты развязать, – ответил полковник. – Ратный человек воюет только тогда, когда видит впереди смерть, а сзади чувствует своей битой шкурой палку десятника или сержанта. Скажите, головы, разве не так?

Стрелецкие начальники были единодушны с полковником.

– Вот и надо, чтобы воры полезли на прясла, глядишь кто-нибудь из наших погибнет, зато другие сразу поймут, что смерть с людьми не играет, – сказал полковник, и все повернулись в сторону приближающегося к ним быстрым шагом Милославского.

Князь от ходьбы раскраснелся и сразу накинута на Жидовинова:

– Твои стрельцы, голова, службы не знают! Два часа дня, а сторожа ещё не просыпались! Всех под батоги! – взвизгнул воевода. – Начнёшь с полусотника Сергеева. Ему пятьдесят батогов, остальным по тридцать.

Дальнейшей раздаче батогов ратным людям помешал соборный протопоп Анисим. Его появление Милославского удивило: священнослужитель не докучал воеводе просьбами, но раз явился, значит, на то была весомая причина.

– Великая беда явилась в наш город Синбирск, – промолвил, осеняя начальных людей крестным знаменем, соборный протопоп. – Воровское войско грозит граду гибелью, число воров множится час от часу. Мыслью я, воевода, провести

крестный ход, дабы устрашить нечестивцев и поколебать души тех, кто встал на их сторону по неразумению, а таких много.

– Когда же ты решил совершить сие действие? – спросил Милославский. – И где? За ворота я тебя не пущу. Не доставало мне за тебя перед патриархом ответ держать.

– Мы пройдем вокруг крепости по верхним мостам прясел. И за ворота не выйдем, и разинскому войску будем видны.

– Что ж, пожалуй, так годится, – задумчиво произнёс воевода. – А ты, полковник, как мыслишь?

– По верхним мостам идти будет в самый раз, – сказал Зотов. – Если вору замыслил что-нибудь недоброе, то за пряслом можно схорониться.

– Добро, так и решим. Что ещё?

– Тебе, воевода, надо бы пройти вместе с нами, – сказал протопоп.

– Некогда! – отрезал Милославский. – Ты, отец Анисим, увещай воров словом Божьим, а я начну их увещать свинцовым дробом из пушек и гранатами. Для каждого дела должна быть своя молитва.

Протопоп обратил свой взгляд на Твёрдышева:

– Ты пойдёшь с нами, Степан Ерофеевич?

– Почту за великую честь, святой отец.

– За сим и подходи тотчас к храму.

– 7 –

Разбив в открытом сражении рейтар Бярятинского, Разин не торжествовал. Оставался цел набитый государевыми ратными людьми рубленый город и, глядя на его дубовые башни и сосновые прясла, атаман понимал, что взять его будет далеко не просто, к тому же не было никаких намёков на то, что сибиряне переметнутся на его сторону. Город следовало брать с бою немедленно, долгая осада могла разложить войско, ведь многие воровские люди привыкли воевать только летом, а зимой они пропивали добытые дуваны или уходили в города, где занимались привычным воровским промыслом.

– Надо идти на город приступом, пока там не опомнились, – сказал черкас Очерет. – Бросим людские толпы на прясла, за ними пойдут казаки и довершат дело.

– Стоит сначала изготовить мосты и лестницы, – возразил Степан Тимофеевич. – Во рву железный чеснок, стены высоки и с разбегу на них не взлетишь.

– У меня с тобой уряд, атаман, – напомнил Очерет. – Черкасы воюют до Покрова, после, не обессудь, мы уходим на Запороги.

– Велю мужикам за ночь сделать мосты и лестницы, – решил Разин. – А казаки пусть отдыхают, они уже вдоволь намахались саблями.

Воевода Милославский выжег посад, но не весь, осталось несколько изб, мельница Андреева и много всяких заборов и подсобных построек, на которые, как мураши на сладкое, накинудились мужики с топорами и ломачами. Назначенный старшим над плотниками Брюзга показал, как делаются мосты и какой длины должны быть лестницы. Мужики поглядели и сказали: «Невелика хитрость! К утру столько наделаем, что из-за лестниц и мостов города станет не видно».

Разин помыслил и велел призвать к нему кормщика Лучку. Его он послал к стругам, чтобы снять с них все веревки и крючья, ими он решил снабдить ловких казаков, чтобы те бросали зацепы на прясла и лезли по ним наверх. Лучка ушёл в подгорье, и вечером привёз на десяти навьюченных конях столько верёвок с крючьями, что ими можно было много раз опоясать вокруг весь рубленый город.

Пушек у Разина имелось всего восемь штук, но они стреляли дробом или небольшими с детскую голову, каменными ядрами, и не смогли бы даже разбить крепостных ворот. На них атаман и не уповал. Смертным врагом деревянной крепости был огонь, пожар мог за час уничтожить Синбирск вместе со всеми находящимися в нём ратными людьми. Нужно было только его поджечь, лучше сразу в нескольких местах, и ветер, который дул на Синбирской горе всегда, разнесёт пламя по всем крепостным строениям, и от города останутся одни головёшки.

«Жаль, что ты, Гориныч, повелеваешь водами, а то бы упросил тебя метнуть в Синбирск пламенную молнию, –

возносился мечтами Разин к своему кровавому покровителю, но тщетно: отклика он не дождался и увидел в этом дурной для себя знак».

По слову атамана множество людей взялось за изготовления огненного смолья на палках, которые можно было сильному человеку метнуть через прясла даже из-за рва. За ночь наделали целую гору метательных снарядов и раздали их молодым и сильным людям. Вокруг крепости через каждые двадцать саженой заготовили кучи сухого хвороста для костров, чтобы от них можно было поджигать смольё.

Было ещё у Разина одно тайное оружие – его верный Бумба, который со ста шагов мог попасть стрелой из лука в рубль. Калмык долго бродил между чувашами и мордвой, высматривая тех, кто был вооружён луком. Встретив лучника, Бумба испытывал его на меткость и скорострельность и, если он годился, брал с собой. Всего ему удалось отыскать дюжину умелых лучников и теперь он не спускал с них глаз, всех разместил в острожной башне, где они готовили для меткого боя оперённые пером дрофы крепкие стрелы.

Разин понимал, что завтрашний день для него очень важен: удастся захватить Синбирск с первого приступа, тогда ему будет открыта прямая дорога на Нижний Новгород, где он хотел встать на зиму, а за это непогожее и непроезжее время взбаламутить все окружающие Москву уезды, благо, что для бунта горячего материала было в переизбытке, крестьяне хлебнули крепостной неволи до кровавых слёз и готовы теперь грызть своих помещиков зубами.

С этими мыслями атаман далеко за полночь лёг на лавку и заснул беспамятным сном. Однако долго покоиться ему не пришлось. Вскоре после первого удара государева колокола на Крымской башне, к нему подошёл Бумба и тронул за плечо.

– Будись, атаман – тихо сказал калмык. – Прибежал казак с грамоткой.

– Что за грамотка, – проворчал Степан Тимофеевич, разлепляя опухшие глаза.

Бумба подтолкнул к нему казака.

– Шёл я, атаман, с пристани, и возле наугольной башни услышал коровий взмык. Поднял голову, а из бойницы мне человек рукой машет. Я встал, а он мне вот это бросил. Камень ещё был, но я его отвязал и выбросил.

Разин взял грамотку и сразу понял, что она от соловецких старцев. Те делали чехлы из кожи нерпы, и они узнавались сразу.

– Отпусти казака, Бумба, и приведи ко мне грамотея Евсейку Жилкина.

Степан Тимофеевич вышел на крыльцо, вокруг было хмарно. Он подошёл к бочке с водой и сказал казаку своей охраны:

– Артёмка! Плесни мне на руки.

Казак набрал большой ковш воды. Разин, пофыркивая, умылся и расчесал волосы на голове и бороду пальцами.

– Что, Артёмка, скучаешь по станичным девкам?

– С тобой, Степан Тимофеевич, и без них жить нескучно, – улыбнулся парень.

– Это точно, – кивнул атаман и вернулся в свои покои.

Скоро перед ним предстал Евсейка Жилкин. Разин подал ему опростанную из чехла грамотку.

– Вычти, но не спеша, чтоб каждое слово было ясно.

Писарь взял грамотку, поднёс к глазам и посмотрел на Разина.

– Что не так?

– Темно мне тут, я ведь плохо вижу от многия письмописания, – пожаловался Жилкин.

– Тогда запали свечу.

Стоя возле горящей свечи, писарь старательно вычитывал соловецкую грамотку, изредка бросая на Разина опасливые взгляды, ибо слова приходилось ему выговаривать такие, каких Евсейке до этого не доводилось слышать. С каждым новым обидным словом Степан Тимофеевич всё больше окаменевал лицом, и вдруг с ужасным воплем вскочил на ноги и стал рвать письмо на мелкие клочки и топтать ногами. В таком гневе Евсейка атамана ещё не видел, он упал на колени, закрыл голову ладонями и уткнулся лбом в пол.

– Ах, так! – кричал Разин. – Плевать я хотел на благоволение замшелых монастырских сидней. Они мне не указ! Я жил и буду жить по своей воле. Мой царь не они, а моя воля! Вот уж я доберусь до их святых камней, за которыми они от великого государя попрятались. Раскатаю монастырь по камешку, а монахов зашью в кули и посажаю всех в воду!

В дверь, привлечённый шумом, заглянул Бумба и отпрянул назад. Даже калмык побаивался Разина, когда тот бывал во гневе. Атаманово беснование закончилось также внезапно, как и началось.

– Евсейка! – позвал он писаря. – Ты часом не подох там?

Жилкин с трудом отлепил своё лицо от пола и, стуча зубами, с мольбой посмотрел на Разина.

– Я ничего не читал, ничего не видел и не слышал, – дрожащим голосом произнёс он.

– Добро, что так, – мрачно сказал Разин. – Ступай, и помни, что ты сказал.

«Благоволение... – понемногу остывая, думал Степан Тимофеевич. – Единственное, чему соловецкие старцы меня научили, так то, что мирская власть – не от Бога, а от человека, и она доступна всякому, у кого есть сила, бессердечный ум и удача. А этого они меня не смогут лишить, руки коротки!»

Вроде убедил себя в своей правоте Разин, а горечь на душе не проходила, так и тянуло обернуться и посмотреть, не стоит ли кто там с ножом в руке. Потому так неожиданно и вздрогнул атаман, когда раздался резкий голос есаула Корня:

– Не пора ли, Степан, наряжать людей на приступ? Кто на какую сторону пойдёт, каких людей поведёт.

Вслед за Корнем вошли Очерет, Фрол, Однозуб и ещё с десяток заслуженных казаков. Атаман встретил их взглядом, в котором близко знавшие его люди уловили ответ недавно потрясшего их предводителя безумного гнева.

– Ты здоров, брат? – спросил Фрол. – Всё ли с тобой ладно?

Разин провёл рукой по своему лицу и усмехнулся.

– Соловецкие сидни вздумали насрать на меня порчу. Вот, что я сотворил с их порченой грамоткой.

Все посмотрели на разбросанные по полу клочки бумаги, и каждый подумал своё, лишь ему одному ведомое.

– Всё ли готово к приступу? – спросил Разин. – Надо назначить старших на каждую сторону крепости. Или кто-то уже нашёл своё место?

– Я пойду на Крымскую сторону, – сказал Корень. – Со мной будет тысяча казаков, и сначала я напущу на прясло мордву, народ здоровый и злой на драку.

– Я возьму на себя Казанскую сторону, – решил Очерет. – Со мной будет пять сотен черкас и ватаги чуваш из Засурья.

– Добро, – согласился Разин. – Свяжская сторона будет за тобой, Фрол. Однозуб и другие есаулы пусть идут по своему выбору. Что будем делать с Волжской стороной?

– Там круто и скользко, – донёс Корень. – Пока не стоит туда лезть.

– Теперь скажу о своём месте, – помолчав, промолвил Степан Тимофеевич. – С пятью сотнями казаков я буду в запасе. И где только наметится успех, всей своей мочью ударю туда. Начнём так. Сначала выбегут мужики и перекроют во многих местах ров мостами. За ними нужно пускать по каждому мосту людей с лестницами и смольём. Пищальники в это время должны палить по пряслам, чтобы там нельзя было головы поднять. Давайте начинать приступ, побратимы!

Есаулы и заслуженные казаки приблизились к атаману, и каждого он обнимал и говорил на ухо что-то такое, отчего все отходили от Разина со счастливой улыбкой. Атаман знал, как развеселить сердца своих побратимов перед боем.

Все вместе они вышли из ворот острога, и люди приветствовали их громкими криками. Бумба подвёл Разину боевого коня, и он ловко запрыгнул в седло, откуда стал виден многим. Прибывшие к Синбирску мужики узрели баснословного атамана впервые, и он обаял их своим одновременно грозным и свойским видом. Разин восседал на могучем краковом жеребце, который то приплясывал, то оседал на круп, то пытался встать на дыбы, но богатырский наездник, незаметно для зрителей, ловко осаживал его лёгким движением поводьев. На Стеньке была лазоревая чуга с закатанными

рукавами, золотистого цвета рубаха, зелёные штаны и красные сапоги с золотыми каблуками. Из-под собольей шапки выбивался чуб, глаза пылали ожиданием близкого боя.

– Ступайте, есаулы, по своим людям! – сказал Разин. – Началом приступа будет выстрел из пушки.

Корень вопрошающе глянул на атамана.

– Крымская сторона твоя, и ты здесь над всеми начальник!

Пушкари забивали заряды в самую большую острожную пушку. Перед крепостным рвом изготовились, с мостами в руках, человек двести мордвы. За ними стояли отрядами ещё тысячи две мордвы с лестницами и смольём в руках. Из оружия у них были копья, сабли и вилы. Тысяча пеших казаков стояла позади всех с пищальями, готовые прикрывать остальных прицельной и частой пальбой.

Разин приподнялся на стременах и был уже готов подать знак пушкарям, как вдруг зазвонил большой колокол соборной церкви Святой Живоначальной Троицы, к нему присоединились колокола всех звонниц синбирских церквей, и вместо того, чтобы броситься на прясла, люди стали креститься, и даже Разин потянул руку ко лбу, но резко отбросил её, пораженный невиданным зрелищем.

От надвратной башни на верхний мост прясла ступил крестный ход. Священнослужители, гость Твёрдышев, земский староста Фирсов, губной староста Пантелеев несли икону Святой Живоначальной Троицы, икону Дмитрия Солунского, хоругви, но взгляд Разина был прикован к серебряному позлащённому кресту, украшенному жемчугом и драгоценными камнями, который с великим бережением держал в обеих руках гость Твёрдышев. Этот крест был послан великим государем Алексеем Михайловичем в соборную церковь в год её освящения.

«Вот о каком кресте говорили соловецкие старцы! – догадался Разин. – Но где же тут знак?»

И вдруг совершенно неожиданно для всех прогремел пищальный выстрел, и тяжёлая пуля так сильно ударила в крест, что Твёрдышев едва удержал его в руках. Крестный ход смешался, протопоп присел за прясло, Фирсов и Пантелеев

попятись за выступ надвратной башни. И только колокола церковных звонниц продолжали звонить не переставая.

Наконец атаман понял, что случилось. Соловецкие монахи писали правду: именно крест показал ему, что нет у него былой силы и удачи.

– Вот я и остался один, – отрешенно вымолвил он.

В этот миг земля под ним дрогнула, и в ушах послышался знакомый шёпот Горинича:

– Врёшь, Стенька! Человек никогда не остаётся один: с ним всегда его смерть!

– Смерть! Смерть! Смерть... – затихая, отдалось в голове атамана. Он резко натянул поводья и ударом каблуков в подвздошину поднял жеребца на дыбы.

– Бумба! Найди мне того, кто стрелил!

Калмык уже знал, кого искать, и скоро перед атаманом предстал молодой казак.

– Зачем ты это сотворил? – грозно спросил Разин.

– Поспорил с Федькой на алтын. Он говорит промахнёшься, я говорю, что попаду. Вот я и попал

– Значит цена твоей жизни всего алтын, – задумчиво сказал Разин. – Убери его, Бумба, чтоб никто не видел.

Калмык вырвал из рук казака пищаль и отбросил в сторону, затем схватил парня поперёк туловища и понёс наверх башни. Скоро оттуда между двух амбаров упало человеческое тело. Но на это никто не оглянулся. Корень, устав ждать атамана, махнул пушкарям рукой, пушка выстрелила, и около двадцати тысяч человек разом вскричали изо всей мочи и пошли на приступ рубленого города. Им в ответ опять тревожно зазвонили все колокола синбирских церквей, оба больших государевых колокола на проездных воротах, колокола поменьше во всех башнях кремля. Воевода Милославский, хрипло дыша от тяжести ратной сбруи, взбежал на верхний ярус Крымской башни и обозрел прясла крепости. Все они были заполнены ратными людьми. Солдаты, стрельцы, боярские ратные люди держали наизготовку пищали. Все башни слегка подымливали, там на углях лежали раскалённые прутки, чтобы без промедления выстрелить из пушек.

И вот на рубленый город с трёх сторон, держа перед собой для защиты от пуль мосты, побежали передние ряды разинского войска. Прясла враз окутались дымом, раздался оглушающий грохот, начали стрелять из пищалей солдаты и стрельцы и вразнобой ударили пушки. Мосты, сделанные из тонких брёвен, защищали наступающих от пуль, но там, где в них попадали ядра, все гибли разом. Через малое время мосты были переброшены через рвы, и на них набежали люди с лестницами и горящим смольём. Многие преодолевали препятствие, но солдаты и стрельцы уже успели зарядить пищали и в четыре тысячи стволов ударили по наступающим. Немало людей из мордвы и чувашей погубило, но подоспели казаки и стали палить по верхушкам прясел. Теперь уже солдатам и стрельцам пришлось прятать головы, а некоторые были убиты насмерть.

– Бей, Бумба, по пушкам! – крикнул Разин. – Они вот-вот снова заговорят!

Лучники начали бить по бойницам стрелами в пушкарей, и на Крымской стороне выстрелила всего одна пушка.

Казаки сделали ещё один залп по верхушкам прясел и бросились вслед за мордвой на лестницы. Передние уже оседлали прясла, но солдаты взялись за гранаты и свои короткие сабли. Гранаты, взрываясь на земле, обрушивали лестницы, люди стали сыпаться с прясел, а тех разинцев, что удержались наверху, солдаты вырезали всех до одного и побросали вниз.

Неудача приступа на Крымской стороне стало явью, и Разин поспешил на Свяжскую сторону. Там он застал полный разгром. Сотни людей были убиты, а бежавшие стояли далеко за рвом, куда не долетали ядра и пули.

К атаману начали съезжаться есаулы. Все они были уязвлены поражением и не смотрели друг другу в глаза.

– Укорять мне вас не в чем, – сказал Разин. – Но все побежали к пряслам, а многие про смольё забыли. Город будем брать ночью одними казаками!

С наугольной башни на атамана и его есаулов поглядывал Милославский, он прямо-таки топорщился от расправившей его гордости, что дал укорот знаменитому вору. Не в пример

Барятинскому, который бежал! Рядом с воеводой стоял солдатский полковник Зотов и беспокойно глядел в поле.

– Похоже, воевода, на Синбирск надвигается новая туча, – сказал он, указывая на огромную толпу мужиков, которые приближались к крепости со стороны Засвияжья.

– Не бери это в разум, Глеб Иванович, – снисходительно молвил Милославский. – Главное, мы удивили воровскую головку бунтовщиков. Готов с тобой биться об заклад, что не позднее завтрашнего утра вор с дружкой пометается в струги и побежит на Низ.

– Вряд ли, – недоверчиво хмыкнул полковник. – Разин будет стоять вокруг Синбирска, пока его не сожжёт. Он ведаёт, что ему отсюда одна дорога, на плаху. Надо ждать нового приступа.

Дьяк Ермолаев стоял на крыльце съезжей избы с бумажным листом.

– Что там у тебя? – спросил воевода, расстегивая пряжку панцирного доспеха. – Помоги, Ларион!

Дьяк зажал бумажный лист в зубах и двумя руками снял броню с Милославского.

– Уф! – выдохнул воевода. – Петька, принеси кваску!

Денщик побежал в подклеть, держа в руке ковш.

– Сколько всего насчитал? – спросил воевода.

– Тридцать девять убито и двести семь ранено, – доложил Ермолаев.

– Худо, что много раненых, – вздохнул воевода. – С убитыми проще, зарыл и всё, а с этими надо нянчиться. Где их разместили?

– Солдат и стрельцов в их же избах, двадцать шесть начальных людей отдали Твёрдышеву.

– Обойди, Ларион, увеченных, – сказал Милославский, принимая от денщика ковш с квасом. – А я вечером по ним пройду.

Воевода прошёл в свою комнату, где на столе уже стоял обед. У Милославского с утра во рту не было даже маковой росинки, и он принялся хлебать уху, затем взялся за пироги с капустой, запивая сухомятку квасом.

Дверь в спальню приотворилась, и оттуда вышла Настя. Воевода глянул на неё и чуть не подавился пирогом: воеводская забава была одета в платье из чёрной крашенины, на голове повязан чёрный платок.

– Куда это ты наладилась? – спросил Милославский.

– Ухожу обхаживать раненых, – сказала Настя. – Надо же их поить, кормить, убирать из под них, а Потаповна уже немощна, и одной ей не справиться.

– Что ещё за Потаповна? – подозрительно глянул на девку воевода.

– Степана Ерофеевича ключница.

– Твёрдышева? – с грозной хрипотцой в голосе выдохнул воевода.

– Его молочная мамка. А что? – вызывающе сказала Настя.

– А то! – взревел Милославский и крикнул денщика. – Петька! Запри эту дуру в чулан! Я с ней позже потолкую.

ГЛАВА ПЯТАЯ

– 1 –

Степана Разина неудача первого приступа ничуть не смутила, а пробудила в нём жажду к мщению непокорным синбирянам и великую гордыню. «Добро же вам ставить мне препоны, – говорил он сам себе, меряя шагами нижний ярус острожной башни, одновременно обращаясь к соловецким старцам, Гориничу и воеводе Милославскому. – Вам ещё неведома моя сила, ни тебе, дряхлый водяной обманщик, ни тебе, вислопузый князёк, ни вам, соловецкие затворники! Похочу и вздыблю на вас всю Русскую землю, и мужики затопчут вас так, что и мокрого места не останется! Теперь я знаю, что, кроме смерти, и у меня ничего нет, так-то вольнее доживать суженый мне срок и не ждать попусту чужих милостей!»

Разгорячив свою душу яркими словами, Разин кликнул к себе есаула Корня, и они поехали вокруг крепости выглядывать, где способнее этой ночью ударить по Синбирску. Остановились возле Свяжской стороны.

– Хотя Синбирск не оказал нам гостеприимства, но в передней у него мы наследить успели, – сказал Разин. – Рвы мостами накрыли, лестницы к стенам натаскали. Теперь всё это надо сберечь до темноты. Вели поставить здесь добрых пищальников, чтобы они не дали синбирянам разметать наше добро. На приступ пойдём здесь.

– Кого на город напустить хочешь? – спросил Корень.

– Надо выкликать охотников, – сказал атаман. – Как мыслишь, найдутся такие?

– Мои казаки все пойдут.

– Пяти сотен будет довольно. Я не стану брать город с боя. Я его спалю. А для такого дела и этих людей достанет.

– Мёртвых бы надо прибрать, – сказал Корень. – Живые на них смотрят и начинают тосковать о своей судьбе.

– Так тебя Милославский и пустит за ров! Тотчас начнёт палить из всех пищалей и пушек. Ему, ворону, вид мертвечины люб! Но ты ночью за своими казаками пусти мужиков, пусть приберутся.

Разина и Корня заметили с прясла синбиряне. Стрелецкий голова Бухвостов схватился за пищаль стоявшего с ним рядом десятника.

– Она у тебя заряжена? Давай! И вы, стрельцы, не мешкайте, бейте по тем всадникам, один из них точно вор Стенька Разин!

Атаман и есаул поворачивали коней, чтобы ехать к острогу, когда с прясла грянул недружный залп десятка пищалей. Тупые кусаные пули, как шмели, прожужжали мимо всадников, Стенька оглянулся и погрозил кулаком стрельцам, которые высунулись из-за прясла, ожидая, что кто-нибудь рухнет на землю.

– Что, промахнулись! – громовым голосом вскричал Разин. – Придёт час, и я повырываю всем головы!

Мужики, стоявшие толпами вблизи этого места, всё видели своими глазами и враз уверовали, что Степана Тимофеевича ни

одна пуля не берёт, и заговорён он бессрочно и накрепко от всякой смерти. Слух об этом достиг острога раньше, чем туда прибыл атаман. Люди встречали Разина с шумным ликованием, а казаки устроили такую пальбу, что солдаты на Крымском прясле всполошились, им показалось, что начался новый, ещё более опасный, чем утром, приступ крепости.

Ликование казаков и мужиков, их вера в его чародейную силу пролили на озябшую от сомнений и тайных страхов душу атамана оживляющее тепло. В этот миг он безгранично любил всех, кто его окружал, потому что знал: каждый из них был готов умереть по первому его слову.

Насытившись обожанием людей, Разин приподнялся на стременах и, требуя тишины, простёр вверх руку.

– Разрешаю есаулам раздать каждому по одной чарке зеленавина!

Радости войска не было пределов, все стали с оглушительными криками бросать шапки вверх, и в крепости этим обеспокоился сам воевода Милославский. Он забежал на Крымскую надвратную башню и спросил находившегося там солдатского полковника, что стряслось.

– Не ведаю, князь, – пожал плечами Зотов. – Радуются так, будто сама Москва подчистую сгорела.

– Держи солдат и пушки готовыми к бою! – велел воевода. – Как бы воры не побежали на приступ.

– Они уже учены утром, – сказал полковник. – Но Стенька горазд на придумки, и от него надо ждать какой-нибудь каверзы.

– Не прогляди мимо. Сам знаешь, что за твою промашку и я головой заплачу.

– Не горюй, Иван Богданович, – утешил воеводу Зотов. – За моей спиной ты долго проживёшь.

– Ага! – вдруг вскричал Милославский, указывая на острог. – Вор решил для своего войска винопитие устроить. К чему бы это?

– Стенька – бывалый атаман, – сказал полковник. – Сейчас многие его люди тоскуют, что мы их побиили. Вот Разин и решил их развеселить. Правильный начальник!

– На меня киваешь, полковник? – недовольно проворчал воевода. – Вина не дам, а то твои солдаты и без вора Синбирск сожгут.

Меж тем возле бочек с зеленым – вином началась веселая толчея. Казакам всем досталось по чарке, а мужики, дремучая лесная мордва и чуваша, те к вину и не лезли, они крепче пива ничего в жизни не пивали, а русским крестьянишкам достались одонья, они, было, зашумели, прибежали к атаманскому крыльцу, Степан Тимофеевич вышел к ним и указал на рубленный город:

– В Синбирске зелена – вина хоть залейся! Возьмите город и пейте без просыху!

Федот ухватил чарку одним из первых, полез за второй и получил по шапке от Корня, который своих казаков знал всех в лицо.

– Кондратка! – взмолился Федот. – Ты хоть пожалей друга, а то я с одной чарки весь день хромать буду.

– Что так?

– Ударило с первой в одну ногу, теперь надо, чтобы во вторую ударило.

Кандратка рассмеялся и пожаловал друга своей чаркой вина.

Это углядел Корень и поманил к себе Федота.

– Хватит тебе возле пустой бочки толочься. Ступай за острог, там старый Однозуб найдёт тебе дело. И молодого с собой заberi.

Однозуб встретил их строго:

– Почему без топоров явились?

– На что нам топоры? – удивился Федот. – Мы не мужики, а казаки. Нас Корень к тебе послал.

– Что-то я не знаю таких казаков, – презрительно процедил Однозуб. – Вместо топоров сабли за опояски засунули и враз казаками стали? Смотрите на других и делайте, что они делают.

За острогом шла подготовка огненных снарядов для ночного приступа. Десятка два мужиков щепали сухие бревна на лучины, другие увязывали их лыками в полусаженные охапки, третьи укладывали снаряды на телеги. Федот сразу смекнул, для чего это делается.

– Надо лучины порохом засыпать, – сказал он.
– Вот ты этим и займешься у прясла, – усмехнулся Однозуб.
– Порох когда-нибудь видел.
– Я его столько пережег, на войну с турками хватило бы!
– А ты, я погляжу, зубоскал, – сказал старый казак. – Это по мне, не люблю унылых да ленивых. Вот и ступай с другом за порохом.

В пороховом амбаре пахло сырой плесенью. Федот взял один куль, развязал, сжал в горсти порох и скривился.

– Мягкий, не годится, – заявил он ключнику. – Показывай, где чёрный комковатый.

Вынесли из амбара пять кулей, погрузили на телегу, привезли и показали Однозубу.

Старый казак вынул из куля полотняный мешочек, развязал его, взял щепотью зелье, потер его между пальцами, нюхнул и крикнул.

– Добрый порох! Вижу, Федот, ты и впрямь казак!

К сумеркам Корень отобрал из своей тысячи казаков пятьсот охотников. Велел им оставить пищали и выдал каждому по рейтарскому пистолету, добытых в бою с Бяргинским. Казаки их засунули за пояса и ушли за есаулом. Однозуб посмотрел им вслед и стал проверять каждый воз, нагруженный связками лучин. Когда закончил, стало уже совсем темно, на небе не проблескивала ни одна звездочка, со стороны Свяги порывами налетал сильный ветер, сторожевые огни на Крымской башне то вспыхивали, гасли.

– Наша ночь, воровская! – с чувством удовлетворения промолвил Однозуб. – Сулит удачу!

Из темноты на коне, сопровождаемый многими казаками, вынырнул Разин.

– Как, старый, всё готово?

– Сейчас последний воз поправлю и можно трогаться в путь.

Двигались осторожно, опасаясь привлечь к себе внимание дозорных на городских пряслах.

Федот шёл, держась рукой за воз, рядом посапывал Кондратка. Казалось, что прошли много, но когда завиднелся поднятый над землей огонь, Федот понял, что они вблизи

наугольной башни. Чуть пройдя её, все остановились. Кондратка и Федот не отходили от своего воза, а вокруг двигались молчаливые тени. Казаки знали, что нужно делать: выстроились в три цепочки от возов к пряслу и стали передавать друг другу охапки с растопкой. Особые люди строили вплотную к пряслу огромную поленницу, которую часто посыпали порохом.

Из темноты рядом с Федотом появился казак.

– У тебя порох есть? – тихо спросил он.

– Есть, полный куль. Мы с Кондраткой его, куда надо унёсем.

– Держитесь за меня, – сказал казак. – Здесь рядом.

Они подошли ко рву, казак каким-то нюхом отыскал мост, а за мостом, почти на вершине вала они приникли к земле. Ждали недолго, с прясла послышался тихий шелестящий свист, и темнота вокруг ожила: казаки Корня бесшумно с лестницами в руках полезли на прясло. Сверху на землю падали концы веревок, которые сбрасывали те, кто уже добрались до верхнего облома. Казаки привязывали к веревкам большие пуки смолья. Один конец веревки упал подле Федота. Сопровождавший его казак быстро привязал им куль пороха и легонько свистнул.

В этот миг ночь осветилась ярким пламенем, вспыхнула, как свеча, нижняя часть наугольной башни, огромные бело-красные языки огня, подхваченные резкими порывами ветра, взметнулись, рассыпая огненные искры, вверх, и тишину разорвала частая пальба. Половина казаков Корня напала на солдат, которые сторожили наугольную и срединную башни. На помощь солдатам спешили их товарищи, по лестницам на прясло лезли казаки, среди которых были подхваченные общим порывом схватки и суматохой Федот и Кондратка.

Часть казаков пыталась завладеть башнями, где затворились за бревновыми дверями солдаты, другие казаки зажигали смолье и, что есть силы, швыряли его на крыши городских крыш и амбаров. Скоро ближняя к пряслу часть города загорелась, и тогда Федот и Кондратка стали кидать на огненные места мешочки с порохом, которые взрывались и расплещивали пламя по всей округе.

Наконец ударили набатные колокола на проездных башнях, оповещая синбирян о новом приступе воровских казаков. Воевода в полотняном спальнике выбежал на крыльцо и с ужасом увидел, что горит наугольная башня и часть изб и амбаров, а промеж них мечутся растерянные обыватели и ратники. Зачембарив кое-как долгий подол спальника в штаны, обув на босую ногу сапоги, Милославский влез в кафтан и, забыв шапку, вновь выбежал на крыльцо, где лоб в лоб столкнулся с Ермолаевым.

– Уходить надо, Иван Богданович! – упав на колени, взмолился дьяк. – Заживо сгорим!

Воевода со всего размаху отвесил Ермолаеву оплеуху и, переступив через него, побежал к наугольной башне, которая больше чем наполовину была охвачена пламенем. В ней, запершись со всех сторон на втором, что вровень с пряслом, ярусе находилось восемь солдат во главе с капитаном Мигуновым. Башня уже была сильно задымлена, огонь захлестывал в бойницы.

– Уходим наверх! – велел капитан, и все кинулись вслед за ним. На верхнем ярусе дышалось легче. Мигунов выглянул в бойницу, пленница полыхала снизу доверху, горела часть прясла, освещая предполье крепости, с которого мужики выносили убитых людей. Капитан оглядел ярус, здесь стояла пушка, очаг с потухшими углями и куль пороха. Он подскочил к нему, схватил и выбросил через бойницу вниз.

– Берегите глаза! – крикнул капитан.

Внизу оглушающее сильно громынуло, в башню плескануло дымом и огненными искрами. Мигунов выглянул в бойницу, пороховой взрыв разметал пленницу по всей округе, дыма стало явно меньше, но большие языки пламени охватили сруб прясла. В пол яруса кто-то начал стучать, затем непотребно лаяться. Все узнали голос воеводы. Двое солдат подняли тяжелое творило и открыли Милославскому доступ наверх.

– Проспали воровской приступ! – кричал он, тяжело вылезая на ярус. – Где Зотов? Завтра всех возьму в розыск! Почему воры еще на прясле?

Капитан под этим напором попятился к срубу, воевода продолжал наступать, Мигунов уже притиснулся к бойнице и вдруг разулыбался во всю свою вычерненную сажей рожу. От такой наглоты Милославский опешил, и только смог затопать ногами.

– Бог дал нам дождя, князь! – воскликнул Мигунов. – Мы спасены!

Милославский оттолкнул капитана от бойницы и высунулся наружу. На его непокрытую голову обрушился ливень, срубы прясла шипели, извергая пар. Казаки по веревкам и лестницам бежали вниз.

– Немедля поставлю рублёвую свечу Николе-угоднику! – побожился воевода. – А тебе, капитан, дам выжрать столько вина, сколь в тебя влезет!

По выгоревшим наполовину верхним мостам от срединной башни к наугольной осторожно пробирался полковник Зотов.

– Глеб Иванович! – крикнул воевода. – Не расшибись!

Полковник успешно преодолел последний пролом и влез в башню.

– Каков вор Разин! – сказал он. – Так-таки устроил нам каверзу. Ведь на волосок были от того, что вспыхнет целиком весь город.

– Отвёл, Господь, от Синбирска беду! Я сейчас иду в соборную церковь, дал обет на рублевую свечу. А ты, Глеб Иванович, со мной, или как?

Полковник в Бога верил по-солдатски: звал его перед боем и забывал после схватки, как бы она ни завершилась.

– У меня всего денег алтын, Иван Богданович, – сказал он.

– Что же, алтын так алтын. Господь не отвергнет и столь хилого дара.

Дождь лил ливнем, время от времени в небе что-то с оглушающим треском ломалось так, что вздрагивала земля и всё, что на ней было. Разин на своём боевом коне ехал к острогу с поднятым кверху взором, словно искал в бесновании туч, молний и громов того, кто опять сотворил дурно ему и его войску. Рядом с ним месили ногами грязь казаки Корня. Их

погибло немного, но они были недовольны, что пришлось уйти с прясла, когда, казалось, готов был возгореться весь город.

Перед въездом в острог гроза достигла своей окончательной мощи, почти над самой головой Разина со скрежетанием и треском сломалась громадная молния, атаман и его боевой конь покрылись мелкими пляшущими огоньками, которые, подпрыгивая, стали стекать с них вниз и уходить в землю. Казаки и мужики восприняли это свечение атамана и его коня с безмерным страхом, и вскоре по всей Руси пошел слух, что Степану Тимофеевичу было Божье благословение на его дела летучим небесным пламенем.

– 2 –

В день первого приступа воровских казаков на город Синбирск его самозванный летописец Савва покинул дом Твёрдышева, едва только зазвонили к крестному ходу колокола соборной церкви.

– Куда это ты бежишь? – попыталась остановить его старая ключница. – Ратных людей вокруг – не пройти, замнут тебя, и пропадёшь без времени.

– Пойду на прясло, Потаповна, – сказал Савва. – Хочу зреть всё своими глазами.

– На что тебе видеть, как люди будут друг друга убивать?

– Для дела, – коротко ответил синбирский Нестор и выбежал из избы на крыльцо. Там он огляделся по сторонам и понял, что ключница была права. По узким проходам крепости бегали толпами вооружённые для боя солдаты и стрельцы, вид у них был решительный и воинственный. Выждав, когда возле крыльца станет пусто, Савва спрыгнул с него и побежал за десятком тяжело топающих в беге стрельцов. На соборной площади он от них отстал и прилепился спиной к амбару. Из храма, под звуки колоколов, вышел крестный ход, Савва поспешил за ним, но наткнулся на строгий взгляд полковника Зотова, и от него юркнул за избу, где дал себе перевести дух и одуматься.

– Глупо мне в моих летах метаться по городу, как зайцу, – подумал Савва. – Пойду степенно и чинно, как и подобает достойному человеку.

Он еще заранее выбрал, с какого места будет смотреть, с наугольной башни. Оттуда можно было видеть и Крымскую, и Свяжскую сторону. По счастью, вход в нее никто не сторожил, и Савва вошел на нижний ярус, где несколько пушкарей были заняты пушкой, поднялся на второй ярус, там солдаты и капитан Мигунов высунулись в бойницы и что-то там выглядывали снаружи. Бочком Савва вышел на прясло и встал возле солдата, который на него равнодушно глянул и отвернулся.

Всё пространство от острога и до дороги в подгорье было заполнено людьми, среди которых выделялось десятка полтора всадников, окружавших богатырского вида человека на боевом коне. Несомненно, это был Разин, и Савва, напрягая зрение, вглядывался в атамана, ища ответа, почему люди так его славословят и бегут за ним, потеряв голову, в пропасть бунта. И сейчас они теснились к нему, готовые качать его, вместе с конём, на руках, захлебываясь в приветственных криках.

И вдруг все люди отвернулись от Разина и стали глядеть на крепость: из надвратной башни на бревенчатые мосты ступил крестный ход. Савва спрятался за бревновым выступом прясла и, затаив дыхание, видел и слышал всё, что произошло в дальнейшем. Пуля ударила в крест, народ затаил дыхание, а потом начались шум, толчея. Передние ряды воровского войска побежали ко рву, накрыли его мостами, загремели пищали, ударили пушки, и сотня людей была сметена, как сор, с большей части предполья, но Савва этому не поразился, ему почему-то показалось, что все, увиденное им, это просто игра, что смолкнет пальба, развеется дым и те, кто упал, поднимется и пойдет по своим житейским делам.

И тут одна из пуль, выпущенных из длинноствольных пищалей, ударила рядом Саввой в бревно, вырвала из него щепку, которая больно ударила ему в лицо. Солдат рядом с ним, выронив пищаль, с ужасным воплем обрушился вниз, матерый верзила поручик, наскочив на Савву, отбросил его в угол между пряслом и башней.

– Сиди там, батька, и не высовывайся! – крикнул он и швырнул через прясло подожжённую гранату.

От ужаса близкой смерти Савва обезножил и кое-как заполз в башню, где все гремело и дрожало от пушечной пальбы. Капитан Мигунов схватил его за рукав, дотащил до лестницы и с бранью подтолкнул вниз. Савва докатился до первого яруса и, отлежавшись, вывалился из башни наружу под ноги Твёрдышеву.

– Ты как здесь оказался? – изумился Степан Ерофеевич. – Что у тебя с головой?

Савва провел ладонью по лицу, поглядел на ладонь, она была в крови.

– Меня на прясле ранило, – сказал он. – Я там такое увидел, Степан Ерофеевич!

– Полно об этом вспоминать, – Твёрдышев помог ему встать на ноги. – Идём домой, я тебя поддержу.

Савва оказался первым из раненых, которых подготовились встречать в твёрдышевской избе. Увидев его, Потаповна всплеснула руками:

– Как тебя угораздило, батька, под пули лезть! Сидел бы в своей каморке, марал бумагу чернилами.

Она промыла рану кипяченой водой, вытащила из нее занозу, обмотала голову полотняной тряпицей.

– Отведи, Максим, нашего Анику-воина вниз и уложи на лавку. И приглядывай за ним, чтобы не вставал.

На лавку Савва укладываться не захотел, посидел чуток на ней с закрытыми глазами, затем решительно встал и подошёл к столу.

– Ты что это, Савва, надумал, – сказал Максим. – В любой миг может Потаповна нагряться и устроит мне из-за тебя выволочку.

Савва предостережение парня оставил без внимания, он открыл свой «Хронограф», перечитал начальные листы и раздражённо стукнул кулаком по столу.

– Я, Максим, за твои насмешки над Змеем-аспидом крепко разобиделся, а сейчас понимаю, что ты оказался прав. Начинать

книгу надо не с баснословия, а с того, что я видел своими очами. Так-то оно будет и по правде, и по совести.

Он взял нож и вырезал несколько листов из книги.

– Бумага не пропадет, я её выскоблю и в дело пушу, а начать нужно так...

Савва обмакнул перо в чернильницу и задумался.

– Лета 7179 4 сентября приступил Степан Разин со своим воровским войском к граду Синбирску...

Наверху избы становилось шумно, стали доставлять раненых, но Савва, не обращая на это внимание, продолжал усердно скрипеть пером, а Максим пошёл в горницу помогать Потаповне. Принесли уже с десятков раненых, солдатских прапорщиков и поручиков, стрелецких десятников и полусотских. Некоторые уже побывали под ножом лекаря и были без сознания от испытанной ими боли, некоторые переломали себе кости, упав с мостов, им наложили лубки, и они выглядели здоровей тех, кто был ранен стрелой. Эти, пораженные по большей частью в грудь, хрипло дышали, выпуская изо рта кровавые пузыри.

Максим взялся за кухонную работу: заливал воду в печной котёл, растапливал печь и подкидывал в неё дрова. Готовый кипяток сливал в бочки, где она остужалась, вода нужна была и холодная, и тёплая, и горячая. Когда понадобился лед, парень спустился в погреб и наколот большую лохань ледяного крошева для остужающих повязок. На помощь Потаповне явились две жёнки твёрдышевских приказчиков, и ключница сразу нашла им работу – одной кипятить тряпьё для чистых повязок, другая начала помогать раненым облегчаться, ведь пока жив человек, тело требует своё.

Степан Ерофеевич во всей этой толчее не мог найти себе места. Кинулся было помочь занести раненого подпоручика в горницу, солдаты на него сразу посмотрели с укором, мол, что мешаешься, барин, не в своё дело. Зашёл Твёрдышев на поварню, и там дела ему нет, у Максима дрова наколоты, бочки расставлены, кругом пар, дым. Тогда вспомнил хозяин о раненом переписчике и пошёл к нему, проведать здоровье. К

тому же Твёрдышева мучили стыд и сомнения в том, что он совершил утром, ему хотелось найти утешенье.

Когда Степан Ерофеевич вошёл в комнату, Савва даже не встрепенулся, он так углубился в только что пережитое им потрясение во время приступа, что не видел ничего вокруг себя. Твёрдышев сел на лавку. Савва его не заметил, продолжал скрипеть по бумаге в полном отрешении от всего. Тогда хозяин довольно громко кашлянул, перо в руке летописца споткнулось, он, смутившись, виновато глянул на Твёрдышева.

– Вижу, ты и впрямь затеял писать осаду Синбирска? – сказал Степан Ерофеевич.

– Совладаю ли с сим? Война мне неведома. Пишу, что вижу.

– Не страшись, буква к буквке, слово к слову, и напишется! Одно мне, Савва, любопытно, кого ты в своих писаниях хвалить надумал?

– Как кого! – воскликнул Савва, но тотчас же смешался и задумался. – Я буду писать правду.

– Не высоко ли ты замахнулся? – удивился Твёрдышев. – Правду ведают только Бог, мы, человеки, можем лишь о ней догадываться, что она, может быть, и существует.

– Зря ты меня смущаешь, Степан Ерофеевич, – обиделся Савва. – Коли я буду каждое слово примеривать по такой мерке, то ничего не напишу.

– Да ты меня не слушай, Савва, – сказал Твёрдышев. – Мне ли судить о твоих делах, когда в своих запутался. Сегодня протопоп Анисим так ловко уловил меня в никонианство, что я даже не успел опомниться, как попал к нему на уду.

– Как же это случилось?

– Поманил крест нести в крестном ходе, а я шагнул, не подумав, куда теперь сверзился.

– Ой, беда великая! – прошептал потрясённый Савва. – Так ты и в Соборной церкви был на литургии?

– Был, – сокрушённо вымолвил Твёрдышев.

– И тремя перстами крестился?

– Было такое. И что со мной станет?

– Ступай, Степан Ерофеевич, – помолчав, сказал Савва. – Приходи к вечеру, сейчас у меня от тебя душа в разброде.

Когда за Твёрдышевым закрылась дверь, Савва покачал головой и вздохнул. По его разумению, протопоп Анисим не уловил Твёрдышева, а вовремя протянул ему руку помощи. Савва всегда подозревал, что раскольниковость гостя было неглубоким и давно начало его тяготить, потому что крепко мешало торговым делам, да и сами раскольники, ожесточаясь в своем неприятии никонианства, стали даже самосжигаться, затворяясь в избах и амбарах, все чаще их стали брать в розыск и подвергать свирепым казням. Твёрдышев был всегда на виду, на его богатство мог позариться всякий лихой властный человек, из корысти погубить гостя за приверженность к староверию.

Савва вернулся к писанию и так в него углубился, что не заметил, как наступили сумерки. В комнату зашёл Максим, собрал свои пожитки, заглянул через плечо монаха в книгу и собрался уходить.

– Переселяешься, что ли куда? – спросил Савва.

– Буду жить в поварне, там и теплее, и сытнее, – сказал парень. – Тут тебя хозяин спрашивает. Готов ли ты его видеть?

– А что, уже вечер? – спохватился Савва.

– Какой вечер? Ночь на дворе.

Савва бросился к двери, смирение Твёрдышева его удивило и даже напугало, вдруг он казнит себя за отступничество.

– Что ж ты, благодетель мой, себя изводишь! – воскликнул Савва, прикивая к плечу хозяина.

Подождав, пока мимо них пройдёт Максим, он, горячо дыша, зашептал:

– Скажу тебе то, что ты от себя скрываешь, и я не могу признаться: оба мы, Степан Ерофеевич, плохие христиане, потому что все люди – плохие христиане, а истинных всего-то на всю Русь с десяток наберётся. Может, один Аввакум и с ним пустозёрские сидельцы. А плохому христианину не все ли едино, кем быть – никонианином или старовером? Так что не казни себя попусту, ступай в соборный храм к вечеру, а то тебя протопоп Анисим, поди, выглядывает на исповедь.

– Как же все плохие христиане? – сказал Твёрдышев. – А великий государь? Патриарх?

– И они плохие христиане, – ещё тише прошептал Савва. – Думаешь, почему все ждут второго пришествия, а оно не сбывается? И ещё долго его не будет, потому что со всей земли не каждый год является к Богу хоть один праведник. И я так мыслю, что их должно собраться близ трона царя небесного нужное число, а как велико оно, неведомо. Во всяком разе там нам места нет. Так что ступай, Степан Ерофеевич, к отцу Анисиму, он тебя утешит.

Твёрдышев колебался, и это было видно по тому, как он крепко закусил бороду. Тогда Савва тремя перстами трижды осенил его трехперстно и, поднявшись на цыпочки, поцеловал хозяина в лоб.

– И ты принимаешь новую веру? – промолвил потрясённый Твёрдышев.

– Куда иголка, туда и нитка, – сказал Савва. – Вот окрепну чуть и отправлюсь к протопопу Анисиму вослед за тобой.

Савва вышел провожать Твёрдышева на крыльцо, где Степан Ерофеевич его крепко обнял и скрылся во тьме, окутавшей осажденный город. Некоторое время Савва стоял, слушая тишину, но вот послышались торопливые шаги, на крыльцо кто-то взбежал и стал на шаривать рукой дверь.

– Тут есть и живой человек, – сказал Савва. – Кого ищешь?

– Оюшки! – воскликнул девичий голос. – Ты меня напугал, батька!

Савва хотя и был далёк от суетной жизни синбирян, но о воеводской девке – душегрейке был наслышан и тотчас её признал.

– Тебя воевода по какому-нибудь делу прислал?

– Князюшка велел присмотреть, как тут обхаживают раненых, – сказала Настя, и вдруг на крыльце стало светло. Савва обернулся и увидел, что часть прясла на Свяжской стороне вспыхнула и начала стрелять пылающими головнями, которые посыпались на крыши изб и амбаров. Послышалась пищальная пальба, гулко ударил тревогу государев колокол над Казанскими проездными воротами, забили другие синбирские колокола.

«Стенька Разин пошёл на новый приступ!» – понял Савва, со страхом взирая на огромное пламя пожара. Первым его желанием было бежать к пряслу, но поразмыслив, он понял, что ничего там не увидит, а затоптать его могут, как это чуть не случилось этим утром.

Настя, зайдя в горницу, сразу поведала о пожаре, и на крыльцо выбежали жёнки приказчиков и Максим, за ними не поленилась выйти и Потаповна. Настя была рядом с ней, юлила вокруг, точно лисий хвост, но ключница глянула на неё строго.

– Вот явится Степан Ерофеевич и решит, допускать ли тебя в дом.

Жёнки долго бы толкались на крыльце, глядя на пожар и суматоху, но из горницы стали криками звать раненые люди, и они поспешили к ним, и поперёд их Настя, дабы выказать своё усердие перед Потаповной. Та посмотрела ей вслед и промолвила:

– Чую, Саввушка, недаром явилась к нам эта девка. Как бы беды от нее не случилось.

Савва промолчал, и когда ключница ушла в горницу, спустился с крыльца и пошёл в сторону пожара, который взорвался (капитан Мигунов бросил на горящую поленицу куль пороха) мириадами искр, кои подхватил ветер и засыпал весь город. Несколько искр долетели до Саввы, он попытался отмахнуться от них рукой, а поймал первую каплю ливня, который через малое время обрушился на Синбирск сплошной и зыблемой сильным ветром стеной холодной воды. В один миг Савва весь промок до нитки и захотел побежать домой, как почувствовал, что кто-то крепко держит его за полу одежды. Савва обернулся и увидел, что это какой-то человек, явно раненый и обессиленный. Он, не раздумывая, подхватил его обеими руками и потащил к дому Твёрдышева. На ступеньках крыльца их осветила молния, и Савва увидел, что спасал он не солдата, не стрельца, а воровского казака. Тот был в кафтане своего казацкого покроя, на поясе висела сабля.

– Ты кто? – спросил Савва. – Если от Разина, то у меня тебе спасения нет.

– Забыл ты меня, Савва, – слабым голосом вымолвил казак. – А мы с тобой вместе шли в Синбирск.

– Ужели Федот! – воскликнул Савва и, сняв с казака шапку, отёр ею его мокрое и грязное лицо. – Точно ты, Федот! Как тебя сюда занесло?

– Сверзился с прясла, чую, ногу сломал.

– Вот беда, – загоревал Савва. – Что же мне с тобой делать? В горнице полно раненых, жёнки чужие, воеводская девка шныряет и глазами стрижёт.

– Не оставляй меня, Савва! – взмолился Федот. – У меня в поясе золотые зашиты, я тебя не обижу.

– Разве дело только в деньгах? Тебе сейчас не деньги нужны, а удача.

Он сорвал с пояса Федота саблю и швырнул за крыльцо.

– Терпи и молчи. А лучше прикинься, что без памяти.

Савва сбегал за Максимом, и они отнесли Федота в подклеть, где положили на лавку в комнатке.

– Только что мы расстались с тобой, Максим, и опять довелось свидеться, – сказал Федот. – Видно, судьба не хочет нас отпускать друг от друга.

Савва вернулся с Потаповной. Ключница ощупала Федота со всех сторон, затем взяла в руку нож.

– Не порть, старая, штаны! – испугался Федот. – Они у меня камчатые и ни разу не стиранные.

– Наживешь новые, если жив будешь, – сказала Потаповна и отхватила ножом одну штанину выше колена.

Федот потел, скрипел зубами, но уже скоро его нога покоилась в лубках, а он сам жадно присосался к большой чаре зелена-вина, которого для него ключница не пожалела и налила всклень.

– Вы тут тихо живите, – предупредила Потаповна. – Особенно остерегайтесь Насти, не с добром она к нам пожаловала, хотя я ещё не поняла, что здесь надо воеводской сахарнице.

Ключница открыла дверь, от которой тотчас отпрянула Настя.

– А ты что здесь шлендаешь? – вскинулась Потаповна. – Ухом двери мерила?

– Что это там за человек такой? – не смутилась Настя.

– Не твоего ума дела! – отрезала Потаповна и плотно закрыла за собой дверь.

Максим сидел в поварне возле печи и глядел на приплясывающее в топке пламя. Ему домашний огонь всегда был приятен, казалось, от его тепла и света вдруг начинала оживать и грезить о чем-то небывалом и давнем сама душа, загораясь своим, тешащим человека чистым пламенем. Но сегодня Максим не испытывал этого приятного чувства, внезапное появление Федота встревожило и даже напугало парня, который то и дело из одного несчастья попадал в другую беду, и непременно с Федотом, поэтому он встретил его, как знак близкой опасности.

В поварню пришла с ведром для воды Настя и сразу запустила в парня свои ядовитые коготки.

– Что ты дичишься меня? – защebetала она. – Я ведь тебя из лаза выпустила, а то бы сидел там, пока тебя мыши не съели. Ведь ты не синбирянин? Я и поговору чую, что ты пришлый. Где тебя Степан Ерофеевич нашёл?

– Откуда мне ведомо? – буркнул Максим. – Сирота я гонимая, и весь сказ.

– Ах, ты, моя сиротинушка, – Настя мягким бочком притиснулась к парню. – А как ты в лаз попал? Сам ты не мог его найти. Степан Ерофеич тебя куда посылал?

– Его и спроси, – Максим не имел сил отодвинуться от мягкой девки. – Что тебе дался хозяин? Он тебе не ровня.

– Ах, вот как! – вспыхнула Настя. – Это мы ещё поглядим! Передо мной воевода осиновым листом вздрагивает, а твой Твёрдышев вот у меня, где будет!

Она стиснула пальцы в костистый кулачок и сунула его под нос парня. Затем подхватила ведро с горячей водой и пошла в жилую избу. Возле комнатки Потаповны Настя замерла, ей послышался голос Твёрдышева:

– Что из того, что Настя пришла сюда? Не думай, мамка, лиха она не сотворит. Она бедовая и простецкая девка, здоровья у нее много и дури.

– Вот-вот, как раз дурь из нее и прёт! – сказала Потаповна. – От неё и нам беда будет.

– Мужа ей надо доброго и крепкого, чтобы приструнил, – засмеялся Твёрдышев. – Будет срок и такой сыщется.

Последние слова привели Настю в крайнее возбуждение, она услышала в них то, что хотела услышать и, поставив ведро подле двери, где находились раненные, побежала в подклеть, где, осторожно ступая по проходу, дошла до заветной двери, открыла её, проскользнула внутри комнаты и затаилась в темном углу за печкой. Сердце Насти стучало так сильно и громко, что она прижала к груди ладони, чтобы никому этого не было слышно. «Сейчас или никогда!» – шептала она себе.

Дверь отворилась, в комнату вошёл Твёрдышев, сел на лавку, снял сапоги, затем освободился от кафтана, штанов и, подойдя к иконе, сделал несколько поясных поклонов, неясно произнося слова молитвы.

– Охо-хо! – вздохнул Степан Ерофеевич, укладываясь на лавку. – Грехи мои тяжкие! Облегчи, Господи, мой сон и даруй светлое пробуждение.

Выждав некоторое время, Настя, сняв головной платок, распустила завязки платья, и оно легко скользнуло на пол. Она сделала шаг вперёд и умоляюще глянула на образ Спасителя: «Помоги, Господи!» В два следующих шага она была уже возле лавки. Твёрдышев дышал легко и свободно. Настя вспорхнула на лавку, облокотилась Степана Ерофеевича всем своим трепещущим телом и обожгла его губы медово-жгучим поцелуем.

– Ты что это, ополоумела, девка! – вскричал потрясенный девичьим приступом Твёрдышев. – Ах ты срамота синбирская! Вот прикажу твоему отцу Федьке, чтобы отбил тебе палкой все твои мягкости!

Однако Настя была не из тех, кто бежит от первого же отпора, она оседлала Степана Ерофеевича всем телом и начала его мять, тискать, щипать, щекотать, одаривая жадными и сладкими поцелуями. Степан Ерофеевич наконец сумел схватить Настю за руки и унять их.

– Что тебе от меня надо? – сказал он задышленным шёпотом.

– Возьми меня, Степан Ерофеевич, всю до крошечки! – залепетала Настя, обливаясь самыми настоящими горячими слезами. – Ноги тебе мыть, воду пить буду!

– О, Господи! – жалобно вымолвил он. – За что мне такое наказание? Недаром протопоп Анисим остерегал меня сегодня после исповеди, что явится бес искушать мою твердость в вере!

Твёрдышев столкнул Настю с лавки и встал.

– Не торжествовать бесу надо мной! Изыди, блудница, от лица моего!

Он упал на колени перед иконой и стал, ударяясь лбом и осеняя себя крестным знаменем, жарко молиться о спасении своей уязвленной бесовским искушением души.

Настя стояла позади него, затем скривилась и стала облокачаться в свое платье. Подойдя к порогу, она обернулась и злобно вымолвила:

– Пожалеешь, гость Твёрдышев, что отринул меня, как заразную! Испытаешь моё мщение, не возрадуешься!

– 3 –

Ночная ливневая буря, затушившая уже готовый было разразиться синбирский пожар, к утру сменилась мелким и частым дождём, который продолжался несколько суток. На утро четвертого дня выглянуло солнышко, и повсюду мириадами алмазных брызг засверкал первый иней, напоминая, что уже неподалёку притаилась зима.

Разин спозаранку вышел на крыльцо, прищурив глаза от блеска солнечных брызг, оглядел округу: Заволжье, над которым громоздились тяжёлые темно-синие облака; Волгу, покрытую во многих местах пеленой белесого тумана; рубленый город, молчаливый и чёрный от дождевой сырости; просторное и холодное небо, где, подрагивая и рыдая, спешила в сторону Каспия журавлиная станица.

Приветливое утро расшевелило казаков, которые все бока пролежали в амбарах и избах острога, пока дождало. Сейчас они вылезли во двор и понемногу промаргивались, привыкая к

дневному свету и поглядывая в сторону атаманской избы, где собрались есаулы и лучшие казаки думать думу: как совладать с злокозненным градом Синбирском, вставшим поперек разлива казацкой и мужицкой вольницы. Начальные люди понимали, что взять Синбирск одной силой войска недостаточно, нужно было найти какую-нибудь хитрость, но знатоков осадного дела среди них не нашлось, кроме старого Однозуба, который юнцом был в знаменитом азовском сидении, когда пять тысяч донских казаков удерживали крепость почти три года и выстояли против двухсоттысячного войска турецкого султана.

– Что, казаки, показал нам Синбирск дулю? – спросил Однозуб, оглядывая притихших есаулов. – Два наших приступа поубавили у Милославского спеси. Теперь он будет сторожить прясла днём и ночью, как ревнивый муж гулящую жёнку. Но может быть, наш атаман решит плюнуть на Синбирск и повести войско на Нижний Новгород, или куда в другое место?

Разину эти слова пришлись не по нраву, он дёрнул усом и нахмурил брови.

– Говори, Однозуб, дело, и не морочь нам головы. Есть ли путь взять Синбирск?

– Как не быть! – ответил старый казак. – Надо насыпать вал ровень с пряслом и войти по нему в город.

– Такой вал до весны нам не насыпать, – сказал Фрол. – Да и не казацкое это дело.

– А мужики на что? – усмехнулся Однозуб. – Эта земляная работа как раз по ним, за две недели, самое позднее до Покрова, они такой вал взгромоздят, что мы с него в город юзом покатымся.

– Придумка дельная, – одобрил затейку Однозуба атаман. – С какой стороны вал будем сыпать?

– Может, отсель, чтоб от острога далеко не отходить, – предложил Корень, но как-то нерешительно, поглядывая на других.

После общего совета было решено насыпать вал с Казанской стороны. Там ров был помельче и земля помягче. Разин призвал к себе мужичьих атаманов, взял всех есаулов и лучших казаков, и поехали они на Казанскую сторону крепости, где на месте

решили, по сколько людей ставить на работы, по сколько времени работать каждой смене, чтобы насыпка рва шла круглосуточно, без всяких остановок и промедлений. Атаман дал срок до следующего утра, чтобы всё было готово, а кто не будет стараться, того обещал не миловать.

На следующий день, ещё в утренних сумерках, к Казанской стороне стали подъезжать телеги, с которых мужики снимали бревенные щиты и несли к краю рва, где их ставили, подпирая крепкими кольями, вплотную друг к другу. За несколько часов ров был огорожен с внешней стороны прочным укрытием от пуль и пушечного свинцового дроба, и за ним можно было работать без особой опаски. Однозуб осмотрел сделанное, похвалил плотников, и к работе приступили тысячи землекопов и носильщиков. Одни копали, другие скорым шагом доставляли землю куда надо, третьи укрепляли насыпь кольями, между которыми заплетали ивовые изгороди.

О новой хитрости Разина донесли воеводе Милославскому, и тот, взяв с собой полковника Зотова, залез на верхний ярус Казанской надвратной башни, всё осмотрел и задумался.

– Стенька уже дважды покушался на Синбирск, – сказал он, оглядывая стену бревенных щитов, под прикрытием которых шла насыпка вала. – Теперь он удумал задавить нас землёй. Как мыслишь, полковник, есть ли смысл в его затейке?

– Если к Покрову Пресвятой Богородицы к нам не явится на выручку князь Барятинский с полками рейтар, то воры ворвутся в город.

– А мы что так и будем поглядывать на них со стороны? – взволновался Милославский. – Промысли, Глеб Иванович, какую-нибудь ратную хитрость, дабы смутить воров и выиграть время. Окольный не оставит Синбирск, и нам надо продержаться до его прихода.

– Хитрость можно сделать только одну: ударить на воров тысячью солдат, побивать щиты, переломать лопаты. Мужики отбегут от крепости, казаки кинутся на солдат, но как бы нам воров через полые ворота не утянуть в город...

– Нет, полковник! Такого не надо!

– Тогда я соберу лучших пищальников на эту сторону, пусть выцеливают и стреляют всех, кого смогут достать пулями.

На эту придумку солдатского полковника Степан Разин ответил по-своему: рассадил в укрытиях лучников своего верного калмыка Бумбы и ещё с десятков казаков с длинными пищальями, и начались между стрелками обеих сторон поединки: то стрелец получит в горло стрелу, то казак упадет, ушибленный насмерть стрелецкой пулей.

Уже почти две недели Синбирск был столицей невиданного доселе на Руси мужицкого бунта. Отсюда, что ни день, Степан Тимофеевич посылал казаков ватагами на Пензу, Тамбов, Саранск, Темников, Алатырь, Ардатов, Ядрин, Арзамас и другие города и местности верховых уездов. Появление казаков и оглашение ими разинских прелестных грамоток порохом воспламеняло крестьян, они громили и жгли помещечьи усадьбы, а самих бар подвергали жестокой и мучительной смерти. В Москве стало ощутимо попахивать гарью мужицкого бунта, а в стрельчатых окнах государева терема отсвечивали уже недалекие всполохи пламени крестьянской войны. Великому государю что ни день посыльщики доставляли тревожные вести:

«...город де Карсун взят, и воевода с женой и детьми, и подьячие, и затинщиков и пушкарей тридцать человек побиты, и атаманы де в Карсуне поставлены, и всяк чинов люди вору Разину крест целовали. Загонщики по всему Синбирскому уезду разосланы и поместных людей, дворян и детей боярских, и мурз и татар, за которыми крестьяне есть, рубят и лошадей берут».

«...на Алатыре воровские люди, взяв город, сожгли, а воевода Акинфей Бутурлин с женою и детьми и дворяне, запершись в Соборной церкви, все сгорели».

«...воровские казаки и изменники Саранск взяли сентября в 19 день и воеводу Матвея Вельминова убили и животы все в домах пограбили».

«...на Курмыше стрельцы и казаки учинили бунт, город воровским людям сдали, и курмышане встретили их с образами, и курмышанский воевода Иван Рожнов был вместе с ними, и его всем миром одобрили и оставили на воеводстве».

«...у казака Максимки Осипова в сборе всех людей воровских и мордвы, и черемисы, и русских людей крестьян тысяч с пятнадцать, да донских казаков, вора Стеньки Разина товарищей, сто человек, хотели идти на Нижний для того, чтоб нижегородцы присылали к ним людей дважды, что Нижний хотели сдать, а великого государя ратных людей побить».

Степан Разин лучше государевых людей и самого царя ведал, какая огненная пучина бунта разверзлась уже над пятой частью уездов коренной России. Каждый день к нему являлись посыльщики от мордвы, чувашей и русских крестьян и доносили, что их местности целовали крест на верность атаману всея Руси Степану Тимофеевичу. И сам он рассылал казачьи ватаги от Воронежа до Нижнего Новгорода, и все вокруг него были уверены, что сила на стороне бунта, но только не сам Разин. Он был главой и знаменем почти двухсот тысяч восставших крестьян, но бунт растекался по России своими путями, и Степан Тимофеевич не имел над ним никакой власти. Он дал народу правду и волю, и люди распоряжались ими по своему хотению, ведомые чувством отмщения всем помещикам за всё зло, которое те над ними творили с беспамятных времён. И порой Разин начинал задумываться, что теперь он в ответе за всё, что ни сделают эти вольные люди, и на каждом их деянии стоит его, атаманова, печать.

К концу третьей недели сентября 1670 года высота вала на Казанской стороне почти сравнялась с пряслом. Разин с есаулами осмотрели его и решили, что, хотя насыпь ещё не подведена к городу вплотную, нужно совершить приступ, авось удача на этот раз будет на их стороне, да войско следовало встряхнуть боем, а то многие стали унывать за нудной земляной работой.

Ночью на валу были поставлены шесть пушек, и когда чуть рассвело, ещё до отдачи часов, пушкари открыли стрельбу по верхним ярусам прясел и Казанской башни, а не менее двух сотен поджигальщиков стали закидывать северный край города огненным смольём, укрываясь за бревновыми щитами. Несколько изб в городе вспыхнули, стрельцы Бухвостова их мигом раскатали на бревна и залили водой, а огненное смольё продолжало лететь и падать за прясло.

На Казанскую сторону прибежали воевода и полковник, который привёл роту солдат, и все они стали заливать крыши водой, чтобы не дать возгореться другим избам. В это время плотный заряд дроба, выпущенный из пушки, ударил в колокольню Казанской башни, и государев набатный колокол с тяжким гулом рухнул вниз, пробив в башне полы всех трёх ярусов, разбив находившиеся на них пушки, покалечив и убив многих пушкарей и солдат.

Это послужило для разинцев сигналом к приступу. Пользуясь замешательством осаждённых, они заняли прясло, а многие, самые отчаянные, поспрыгивали вниз и кинулись к воротам, чтобы их открыть и допустить в город всё войско. Но воротной проезд на много рядов был заставлен доверху кулями с мукой и солью, их за день оттуда все не вынести, и казаки подрастерялись. А тут ещё по ним начали стрелять солдаты и стрельцы из-за изб, и совсем плохо казакам стало. С прясла на выручку опустили несколько лестниц, но лезть по ним – верная смерть, пищальники с двадцати сажень мимом не стреляют.

Разин, как услышал, что с его донцами такая беда, так мигом оказался на прясле в полный свой рост. Солдаты и стрельцы вскинули на него пищали, выстрелили, а Степан Тимофеевич успел сигануть вниз.

– Бегите за мной, казаки, пока солдаты пищали заряжают, к наугольной башне! – крикнул атаман и кинулся на Свяжскую сторону. Ворвались казаки в башню, пушкарей и солдат постреляли и порубали саблями.

– Рассыпайте порох и зажигайте всё кругом! – велел Разин. – Остальные прыгайте вниз. Бог всем в помощь!

Казаки посыпались из наугольной башни вниз и почти все остались живы. А Степан Тимофеевич покинул башню последним, когда в ней от дыма уже дышать нечем стало. Ров напротив башни был закрыт насыпью, и Разин побежал к нему, где его высматривал Бумба, и калмык, закрывая атамана собой, быстро вытолкнул его за бревновые щиты. Войско увидело Степана Тимофеевича живым и невредимым и так бурно возрадовалось, что, вздрогнув от людских криков, Милославский схватил за рукав полковника Зотова:

– Веди, Глеб Иванович, сюда ещё две роты своих солдат, иначе не выстоим!

– Это они веселятся, что вор Стенька остался жив, – сказал полковник. – А к нам, князь, действительно явилась немалая беда. Теперь они каждый день и ночь будут нас жечь, забрасывая город смольём.

– Что же делать? – растерялся Милославский. – О князе Барятинском ещё и слуху нет.

– За эту ночь надо поправить прясло брёвнами из тех изб, что раскатали.

– Завтра они пушками опять их сшибут.

– А мы ночью эти пушки изломаем, – сказал полковник. – Пошлю свою лучшую роту капитана Мигунова. Они молча сойдут с прясла и забросают насыпь гранатами, а затем разобьют пушки. Мигунов знает, как это сделать.

И в этот день случилось невероятное: супротивные стороны, находясь друг от друга в двадцати-тридцати сажнях, не сделали ни одного выстрела. В крепости рубили венцы срубов, поднимали их, укладывали на прясла, меняли сожженные венцы башни, на разинской стороне мужики без отдыха отсыпали вал, подвигая его вершок за вершком к крепости.

К Милославскому без вызова явился стрелецкий глава Бухвостов. Воевода только что отобедал и сидел на лавке.

– Какое лихо тебя принесло? – недобро спросил он, подозрительно оглядывая статного стрелецкого начальника и невольно завидуя его молодости.

– Мелькнула у меня, князь, думка, как загородить город от горящего смолья, что воры мечут к нам через прясла.

– Говори, – разрешил Милославский, но начал слушать голову в полуха: рядом с ним князю постоянно примерещивалась Настя.

– А ну, скажи ещё раз, – воевода, отгоняя наваждение, потряс головой.

– На Москве, если тебе, князь, то неведомо, от близкого огня ставят защиту из мокрых парусов. Тогда искры и головёшки не попадают на ещё целую избу или другое строение.

– Вот как? – заинтересовался Милославский. – Из чего же те паруса делают.

– Между двух жердин натягивают мокрую ткань и ставят, где надо.

Воевода кликнул дьяка Ермолаева, и Бухвостов довёл до того свою затейку.

– Есть в белом амбаре парусная, для стругов, тканина, аршин за триста будет.

– Вот и отдай её всю голове Бухвостову, пусть наделает мокрых парусов!

– Отдать можно, только, – дьяк закусил нижнюю губу, – только пусть голова даст мне поручную запись.

– Не дам! – решительно заявил Бухвостов. – Тогда её перемеривать нужно, не по мне глотать амбарную пыль.

Ратные люди встали в затруднение, которое перед ними воздвиг приказной московской выучки.

– Я волен идти, воевода? – осведомился Бухвостов.

– Постой, голова! – Милославский простер перст в дьяка. – Пиши, Ларион, что сегодня от воровского приступа сгорел белый амбар со всем добром, что там лежало!

– Как сгорел? – переспросил Ермолаев.

– Сгорел, и даже золы не осталось, всю ветром разметало! – подтвердил Милославский. – Иди, Бухвостов, и бери, что тебе для дела нужно. Как сделаешь, зови!

Отпустив служилых людей, Милославский опрокинулся на лавку и закрыл глаза, пытаясь хотя бы задремать, но в обоих глазах опять занозой встала Настя, сияющая зазывной улыбкой из-под прядей волос, распущенных по всему, до сдобно-румяных ягодич, телу. Воевода сглотнул сладкую слюну и перевернулся на другой бок, и привиделось то же самое, только ещё более знобяще – медовое и такое явное, что он далее не улежал, встал с лавки и кликнул денщика.

Петька с опаской приблизился к своему господину: в последние дни тот стал драчлив и щедр на затрецины.

– Что, раззява! – свирепо проворчал Милославский. – Упустил поломоиную девку, как её теперь от родителя, воротника Федьки Трофимова, вынуть?

– Я на колени перед ней вставал, – забормотал Петька. – А она, воевода-милостивец, уперлась и говорит, что за просто так не вернётся. И отец её, Федька, тоже гундел о какой-то обиде.

– А нитка жемчуга, что я тебе давал?

– Кинула её в грязь, скажи, говорит, воеводе, что я теперь в золотой да алмазной цене.

Милославский от этих слов поморщился, как от зубной боли.

– Где жемчуг?

Петька вынул из-за пазухи украшение, воевода схватил его, поднес к свету и оглядел каждую жемчужину

– Отвернись к двери.

Узорным ключиком Милославский открыл замок сундука, вынул кованную серебряную коробку, вздыхая, стал перебирать драгоценности. Из всех взял шейное золотое ожерелье с вкрапленными в него алмазами, оглядел его, завернул в бархатную тряпицу и отдал денщику.

– Ступай, Петька, за Настей, и без девки не возвращайся!

– 4 –

Настя, вся пылая обидой, выбежала на крыльцо и так громко захлопнула за собой дверь, что проходившие мимо солдаты схватились за оружие. Затем увидели ту, кто их переполошил, и один из них восхитился:

– Вот девка! Она не только в воеводском доме хозяйка, но и над гостем Твёрдышевым начальник!

– Эй, Настя! – позвал её другой ратный. – Айда с нами на прясло, скучать не будешь!

Девку душили слезы обиды, и она смолчала. Затем повернулась, плюнула на твёрдышевский порог и медленно пошла к Крымским проездным воротам, не обращая внимания на проливной дождь. От свияжского прясла тянуло едким чадом, земля зальвела, вода заливалась в короткие сапоги, и Настю охватила ознобная дрожь.

«Хоть бы печь вздумал затопить», – подумала она толкая дверь воротниковой сторожки.

Федька Трофимов ещё только намеревался разжечь растопку.

– Ты откуда явилась такой мокрой курицей? Быстрее разоболокайся и укройся шубой, только встряхни, в ней полно сора.

Федька высек кресалом огонь, поджёг лучинку и кинул её в печку.

– Что, дошалобродничалась? – сказал он, гремя железным котелком. – Знать, выпер тебя воевода, допекла ты его. Да и кто сдюжит, если баба на нём начнет верхом ездить? Среди мужиков редко встречаются такие дурни, но бывают.

Настя, зарывшись в шубу, отвернулась лицом к стене и помалкивала. Не о воеводе она сейчас думала, а о спесивом госте Твёрдышеве. И как отомстить ему, чтобы её помнил и вздрагивал.

– Это хорошо, что ты явилась, – говорил Федька. – Отца надо помнить и чтить. Беда только, разносолов, как у воеводы, у меня нет. А ты, поди, отвыкла от толокна? Но я сегодня разбогател, из солдатской сумы лещ выпал, а я его успел подхватить. Хороший лещ, я тебе половину отрежу.

Вода в котелке закипела, Федька засыпал в него несколько жменей растолчённого в ступе овса и стал помешивать.

– Добро, что ты явилась, – продолжал бубнить отец. – Веришь, мне какой день блины снятся, пышные, мягкие, такие, какие твоя мать, покойница, царствие ей небесное, делать умела. У меня к блинам горшочек конопляного масла припасен, а муки – ешь, не хочу! Все проездные ворота заставлены кулями с мукой и солью.

Федька наложил в чашку каши, взял ложку, ломоть хлеба и подошёл к Насте.

– Поешь, дочка! На пустой живот недобрые мысли приходят в голову. А ты поешь, лещика погрызи и развеселишься.

Слова отца согрели Настю, она скинула овчину в сторону, взяла чашку с толокном и скоренько всё умяла и облизала ложку.

– Ты это, того, – осторожно сказал Федька. – Воеводу не шибко разобидела? Парень от него прибежал, тебя спрашивал.

– Я – вольная девка, а не собака, чтобы меня на цепи держать!

– Что-то я тебя, сорока, не пойму, – Федька подвинулся к дочери ближе. – Он тебя на цепь сажал?

– Запер в чулане, – сказала Настя. – Велел своему денщику меня стеречь.

– А ты что?

– Сломала дверь и ушла. Я ему не мужняя жена, чтобы меня учить чуланом.

– Ой, беда! – забеспокоился Федька. – Что теперь будет!

Дверь сторожки затряслась под тяжёлыми ударами. Воротник прикрыл Настю шубой и отодвинул на смотровом оконце задвижку.

– Открывай! – раздался голос Петьки. – Я по слову воеводы!

– Говори оттуда, – сказал Федька. – Сторожка – не проходной двор, а воеводское слово ты можешь и через дыру донести.

– Настя у тебя?

– Вон, на лавке без задних ног дрыхнет.

– Настенька! – голос денщика стал медовым. – Воевода кланяется тебе ниткой жемчуга, и велит прийти поломойничать.

– Не нужен мне его жемчуг, – откинув шубу, сказала Настя. – В крепкой обиде я на Ивана Богдановича за его бессердечие. Не пойду, ни сейчас, ни через десять дней!

– Как же я вернусь с таким ответом? – испугался денщик. – Воевода меня со свету сживет.

– А ты вместо меня поломойничай, – усмехнулась продувная девка. – Может воеводе и понравится.

– Скажешь тоже, – Петька просунул в оконце ладонь. – Возьми жемчуг, Настя, мне с ним возвращаться нельзя.

– Пожалей парня, дочка, – засуетился Федька. – А ты, Петька, повесь нитку на гвоздик, не пропадёт.

Утром он проснулся на полу, поднял голову, посмотрел на лавку. Насти не было, она чуть свет покинула сторожку, побежала на другой конец города к знаменитой на весь Сибирск чародейке Дуньке Козлихе, жившей в подклети осадной избы. Дверь отворила без стука, все знали, что Козлиха никогда не запирается, а на каждую ночь плетёт мысленную

сеть на вход в свою каморку, настолько крепкую, что её не разубить и саблей.

Чародейка сидела спиной к двери, но гостью угадала сразу:

– Входи, Настя. Ждала я тебя, знала, что не обойдешь меня стороной. На что заговор наносить стану?

Настя протянула ей пуговицу с твёрдышеского кафтана, которую вырвала из полы вместе с нитками, когда уходила из дома.

Козлиха взяла пуговицу и протянула другую руку. Настя положила в неё пять алтын.

– Как звать любезного тебе боярина?

– Степан.

– А теперь закрой лицо платом, чтобы не видеть, как я по каморке летать стану. И не гляди – окривеешь.

Настя замотала всю голову платом, и ей почудилось, что она ослепла, затем в каморке что-то зашевелилось, стало прыгать, раздался удар железа о железо и послышалось скороговорное бормотание кудесницы, которое стало усыплять Настю повторами одинаковых и чередующихся звуков. Она даже задремала, когда Козлиха тронула её за плечо. Настя сбросила с головы плат.

– Возьми пуговицу и верни тому, у кого взяла. Через семь дён он будет твой.

Настя схватила пуговицу и ветром вынеслась из колдовской каморки. Отбежав за угол избы, она остановилась и разжала кулак.

«Ну, Степан Ерофеевич, смотри, если не явишься через семь дён ко мне!»

Вернуть пуговицу хозяину оказалось нетрудно. Настя высмотрела, как Потаповна вышла на крыльцо, подошла к ней и обвела вокруг пальца подслеповатую старуху:

– У тебя кто-то пуговицами на крыльце сорит!

И указала на оброненную на доски пуговицу. Старуха обрадовалась находке, как раз она-то и была ей нужна.

– Как Степан Ерофеевич? – спросила Настя.

– Не выходил ещё от себя, – ответила ключница и спохватилась. – Иди своей дорогой, девка!

Настя по пути в сторожку к отцу нет-нет да усмехалась: знать, неслабо она вчера намяла, нащипала, натормошила бока Твёрдышеву, что он до сих пор встать с лавки не хочет. Добежала, оплёскиваясь в лыжах, до сторожки, а Федька её в дверях новостью встретил:

– Прибегал Петька – денщик, за синяками глаз не видно, схватил нитку с жемчугом и убег. Шла бы ты, Настя, к воеводе, он грозитя за тобой стрельцов прислать.

– Как бы не так! Я от него так спрячусь, что будет с собаками искать, не сыщет.

Настя скоренько собрала в узел одежёнку и выбежала из сторожки. А навстречу ей солдат: шапка набекрень, усы подкручены, языкаст на диво:

– Куда, красавица Настасья, спешишь? Не к самому ли Разину? То-то он глаз с града Синбирска не сводит, знать, тебя в невесты выглядывает, да сватов с пищалями да саблями к нам засылает...

– Не нужен мне такой жених, что невест в воду бросает! – обиделась Настя. – Я сама, кого хошь, в воду столкну. А теперь прочь с моего пути, пока я тебя не боднула!

Настя знала, где спрятаться от воеводы на семь дней, когда чародейный заговор на Степана Ерофеевича подействует, и он станет сходить по ней с ума. Пошла она тайно к знахарке Макриде и просидела у неё всю неделю в чулане. А Макрида за Настины золотые её холила всякими снадобьями, что лицо выбеливают до мучной белизны, и ни одной веснушки у девки не осталось. Отлежалась, отъелась Настя взаперти, а на стенке каждый день черту щепкой выскрёбывала, и, когда насчитала семь отметин, вылежала для верности еще одну ночь, а наутро пошла к твёрдышевскому дому высматривать Степана Ерофеевича.

Подошла к крыльцу, подпёрла плечом столб, а скоро дверь скрипнула, и вышел из неё сам Твёрдышев. У Насти сердце забилося, как уловленный петлей рябчик, слова не смогла вымолвить, а Степан Ерофеевич, как увидел её, так всего его перекосило, он дрожащей рукой осенил себя крестным знаменем и кинулся бежать от бесовки прочь.

«Обманула Козлиха! – поняла Настя. – Что ж, и её до кучи свяжу с Твёрдышевым и выдам воеводе на расправу!»

Возле отцовской сторожки её выглядывал Петька. Увидел девку и упал на колени:

– Спаси меня, Настя! Возьми этот жемчуг и ступай к воеводе, мне ведь всю неделю житья человеческого нет!

– За что мне тебя жалеть? – вскинула подбородок девка. – Ты близ воеводы живешь, рожато гладкая! А за такое житьё пинки и стерпеть можно. А воеводе скажи, что приду, когда настоящую золотую цену за мою полемойную работу станет платить.

Федька Трофимов слышал, как возносилась в словах Настя, и решил проявить родительскую власть: высунулся из сторожки, схватил дочь за руку и утащил за дверь.

– Не зови лихо на наши головы! Уйми свой язык и не раздувайся спесью, воевода сегодня к тебе добр, а завтра шевельнёт бровью и потащат нас обоих в земляную тюрьму!

– Не трепещи, тятя, – отмахнулась от Федьки Настя. Вынула зеркало и начала перед ним прихорашиваться; то сердечком губки делает, то бантиком, глаза то влево, то вправо заведёт, в косу то синюю, то алую ленту вплетёт, потом стала колечки на пальцы примеривать, много их у нее было всяких: простенькие железные от стрельцов да проезжих молодцов, медные от струговых приказчиков, серебряные и золотые от князей Дашкова и Милославского. Щедра была Настя на милости, многим их оказывала, и по доброте душевной, и за ленты, бусы, кольца да сережки.

Скоро Петька прибежал, золотое ожерелье принёс с аметистовыми брызгами, такими блескучими, что Настя довольна, как кошка, прижмурилась, накрыла им высокую белую шею, в зеркало глядит и не узнаёт себя, так сразу вздорожала в своём мнении о себе самой.

– Брысь, Петька, отсель, и ты, тятя, выйди! К такому ожерелью мне нужно оболочься во всё лучшее и красное.

К воеводе Настя явилась разодетая в опашень из тонкого красного сукна, в козловых башмаках, голова у неё была полуприкрыта широкой, тканой серебряными нитями повязкой,

связанной на затылке синей лентой. Милославский глянул не любезную его сердцу девку-душегрейку, и всю тоску с него разом смыло. Однако поначалу он напустил на себя строгость.

– По каким залавкам ты от меня хоронилась, по каким запечьям отиралась? А почто в чулане дверь выломала и куда сбежала? Правда ли, что вокруг избы Твёрдышева кружила?

– Всё неправда, – сделав смиренный вид, жалобно вымолвила Настя. – Я не в себе была все эти дни. Жила точно в бреде.

– Что так? – заинтересовался воевода. – Врешь, поди. Тебе, продувной девке, это не в новость.

– А вот и не вру, изурочила меня кудесница Дунька Козлиха, напустила на меня свои чары, вот я и обеспамятела, и не ведала, что творила.

– На кой лад ты далась этой Козлихе? Ты что ей соперница в чародействе? Отвечай без утайки!

И тут Настя удивила воеводу: пристально глядя на него, спросила:

– Какая награда мне будет, если я объявлю государево «слово и дело»?

– «Слово и дело»! – опешил Милославский. – Да какое «слово и дело» может быть у тебя, полемойной девки?

– А вот есть! Говори, какая награда?

– Не гнои мне, Настя, душу! – в сердцах воскликнул Милославский. – Вот отыму у вора Стеньки казну и насыплю тебе полный подол серебра да золота. Ты хоть понимаешь, что наделала? Ты уже промолвила: «слово и дело государево»! Я теперь должен взять тебя в розыск, иначе сам в ответе буду. А тебе за утайку имени человека, на которого ты заявила «слово и дело», полагается пытка, а не награда! Говори, кто он есть!

– Пропади он пропадом! – махнула рукой Настя. – Гость Твёрдышев. Он хотел присушить меня чарами Дуньки Козлихи, я всю неделю в лихорадке была, спасибо, Макрида отвела от меня эту хворь.

– Только и всего? – скривился воевода. – С таким доносом не ко мне нужно идти, а к протопопу Анисиму, только он может различить, чем это дело пахнет – ладаном или серой. Я же для тебя велел сладкий стол накрыть.

Настя скушала ломтик сахарной дыни, облизала пальцы и вымолвила:

– Гость Твёрдышев в подклети своей избы прячет двух воровских людей, и оба они явились к нему от Стеньки Разина.

– Ты не выдумала это? – сразу оценив важность вести, переспросил Милославский. – Если соврала, то лучше откажись от брехни.

– Видела их своими глазами, – взяв другой ломтик дыни, небрежно вымолвила Настя. – Один приказчик Максимка, а другой появился со сломанной ногой, в прожженной одежде, как зовут, не слышала.

– А что, приказчик верно явился от вора? – обняв Настю за плечи, спросил Милославский. – Или тебе приблизилось?

– Как же не так, когда он в тятиной сторожке при мне из погреба вылез, весь в паутине и грязи.

– Выходит, он там жил? Кто же его туда посадил?

– Скажишь тоже, жил, – удивилась непонятливости Милославского Настя. – Он вышел из лаза, что прокопан из крепости на береговую гору.

– Как прокопан! – вскричал, вскочив со скамейки, воевода. – Кем прокопан? Почему я о сём не ведаю? – Он забегал по комнате, затем резко остановился.

– Значит и отец твой Федька Трофимов в стачке с ворами!

– Тятю не тронь! – озлилась девка. – Он даже мне про этот лаз не сказал.

– Ладно, оставим Федьку, – махнул рукой воевода. – Ясно, что лазом заведовал Твёрдышев. Добро, что воры про него не знают. А может, уже знают? Петька!

Денщик просунулся в комнату и вытаращился на своего хозяина.

– Срочно, но тихо доставь ко мне полковника Зотова, и пусть он прихватит с собой три десятка солдат.

Обнаружение пособников воровского атамана внутри крепости было делом великой важности, и Милославский с нежностью глядел на свою девку-душегрейку.

– Ты, Настя, из моей избы не уходи.

– Что опять в чулан посадишь? – вспыхнула Настя.

– Дался тебе этот чулан, – мягонько сказал Милославский. – Живи у меня гостьей, что нужно, спрашивай с денщика и ключника.

– И поломойничать не надо? – Настя сама поглядела и дала увидеть Милославскому свои ухоженные белые руки.

– Есть кому этим заняться, – Милославский вплотную приблизился к Насте и жадно вдохнул дразнящий запах спелого женского тела. – Живи у меня барыней, но остерегись перемигиваться хоть с кем, ни то узнаешь мою тяжёлую руку.

– 5 –

Полковник Зотов находился возле наугольной башни, которая сильно пострадала от пожара, учинённого в ней воровскими казаками. Первый и третий ярус были целы и лишь слегка закоптились от огня и дыма, но второй ярус выгорел, кроме боковых срубов, весь: сгорел бревенчатый пол, две лестницы, обгорели края бойниц, и всё это нужно было срочно восстанавливать и поправлять. Люди для работы у него были, ратники на Руси всегда умели не только воевать, но и строить, и, отложив оружие, они брали в руки топоры и споро справлялись со всяким плотницким делом.

И сейчас одни солдаты разрубали брёвна на две половинки для половых плах, другие вытёсывали доски потоньше, для ступеней и боковин лестниц, третьи вкапывали на первом ярусе башни столбы, чтобы на них уложить пол для второго яруса. Гвоздей, скоб или другого железа рядом с солдатами и близко не было, всё строилось и держалось на пазах и выступах, вырубленных топором для соединения плах и брёвен в одно целое.

Со стороны могло показаться, что солдаты работают с лендой, но полковник их не подгонял, он знал, что к вечеру всё будет сделано, и с интересом смотрел, как четыре стрельца несут две жердины, а за ними идёт голова Бухвостов. Дойдя до прясла, стрельцы положили ношу на землю и стали

разворачивать жерди в разные стороны, освобождая закреплённое на их краях большое полотнище.

– Ты что, Бухвостов, надумал уплыть из Синбирска? – сказал Зотов. – На что такой парус сделал?

– Сейчас, Глеб Иванович, увидишь и удивишься, – ответил голова. – Поднимайте, стрельцы, жерди, да не спешите!

Хоть и немалые были жерди, но полотнище едва высунулось выше прясла.

– Поднимите повыше до нижнего края паруса! – велел Бухвостов и палкой замерил, насколько нужно прибавить жерди в длину. – Что скажешь, Глеб Иванович?

В этот миг с воровской стороны раздался пищальный выстрел, и пуля пробила полотнище.

– Скажу, Бухвостов, что ты этой тряпкой привёл воров в трепет, вон, как переполошились!

– Разве это не защита от горящего смоля? – заметив прохладное отношение к своей выдумке, сиротливо произнёс Бухвостов.

– Не думай, что я против, – сказал Зотов. – Может то смоля, которому было суждено сжечь город, как раз и ударится в твой парус. В нашей осадной нищете и это годится.

– Тогда надо воеводу звать, – обрадовался Бухвостов. – Пусть глянет и скажет слово.

– За этим дело не станет. Вон и его денщик крадёт, видно, перетрясся от пищального выстрела. Что скажешь, воеводский вестник? Какую докуку на наши головы принёс?

– Воевода тебя к себе кличет, господин. Велел тебе вести с собой три десятка солдат, и чтоб те шли оружно.

– Вот она и есть та самая докука, Бухвостов! – сказал Зотов. – Зачем воеводе три десятка солдат, его что там, в избе, недруги осадили?

– Один воевода, с Настей, – простодушно молвил Петька.

– Беда с этой Настей, – усмехнулся полковник. – Знать, она так сильна стала, и от неё освободить воеводу надо столько ратных людей. Может и ты, Бухвостов, пойдёшь выручать князя из неволи?

– Нет! Нет! – замахал руками голова. – Я на такой подвиг, даже ради воеводы, не готов.

– Ступай, Петька! Скажи Ивану Богдановичу, что тотчас явлюсь, – сказал Зотов и, подзвав к себе капитана роты, велел ему немедленно взять нехилых солдат и бежать к воеводской избе. Сам он не стал ждать воинскую силу и отправился к воеводе один.

В воеводской избе было тихо, холодная осень прогнала из неё всех мух, по вечерам печи стали помалу протапливать, в горнице было тепло, солнечный луч из оконца освещал на столе кувшин с вином и сладкие закуски. Князь Милославский изволил слегка попить со своей девкой – душегрейкой и теперь возлежал с ней на лавке, занятый разрешением непростой задачи, которую перед ним поставила Настя своим разоблачением измены в доверенной князю великим государем крепости, осаждённой воровским войском Разина. Милославский верил, что девка не наклепала на гостя Твёрдышева попусту. Ясно, что у купца рыльце пушком присыпано, только какая от этого разоблачения выгода воеводе? Он знал, что на Москве всякий, раскрывший измену другого, сам в первую очередь оказывался под подозрением, как потатчик совершённого преступления. «Где ты до этого был? Куда глядел? Что с этого поимел?» – такие вопросы нередко звучали в пыточных камерах Разбойного приказа и отвечать на них Милославский не хотел.

Воевода не отличался скородумием, но был способен к здравому размышлению, и в этом случае он, не спеша, всё разложил по полочкам и в результате вывел, каким образом ему надлежит действовать, чтобы не оступиться самому. И к приходу Зотова, он уже знал, как надлежит поступить.

Полковник пришёл к воеводской избе, но Милославского, вопреки обычаю, на крыльце не было. Явился капитан с тремя десятками солдат, и тогда Зотов расшевелил денщика, чтобы тот донёс об исполнении приказа своему хозяину.

Петька осторожно приблизился к дверям горницы, где были Милославский и Настя, и осторожно поскрёбся.

– Господине, – выждав время, сказал денщик. – Полковник Зотов явился и привёл солдат.

Милославский собрался подняться с лавки, но его перехватила Настя.

– погоди, князюшка, – пролепетала она, и потянулась к нему всем жарким телом. – Скажи, чтобы обождали.

– Слышь, Петька! – крикнул Милославский. – Пусть ждут и никуда не деваются!

Полковник нетерпеливо прохаживался возле крыльца, затем сел на ступеньку и расстегнул верхнюю пуговицу кафтана. Было жарко, солнце в полдень ещё щедро пригревало Синбирскую гору, но с Волги уже ощутимо тянуло холодом. Служба приучила Зотова быть терпеливым, и сейчас, поджидая воеводу, он не скучал, а раздумывал, что вот кончится воровская замятня и ударит он великому государю челом, чтобы пожаловал он своего верного солдатского полковника бессрочным отпуском, да приписал к его поместью ещё с десятков семей крестьянишек. Зотов догадывался, что и в Синбирском уезде будут большие поместные дачи, и, по его разумению, его не должны были в этом обнести, и дадут не менее ста пятидесяти четвертей земли в трёх полях и пожалуют деньгами на домовое строение.

– Что, готовы? – раздался весёлый и довольный голос воеводы, который с крыльца оглядывал солдат и капитана. – А где Зотов?

– Здесь я, – ответил полковник, выходя из-за избы и отряхивая штаны. – Какое дело ты там, князь, выдумал?

– Дело, Глеб Иванович, государево. Поди-ка поближе, я тебе кое-что в ухо нашепчу.

С каждым словом воеводы лицо полковника наливалось краснотой, а на скулах отчётливо проступали желваки.

– С Богом, полковник! – громко сказал Милославский. – И берегись, чтоб промашки не вышло.

Зотов махнул солдатам и капитану, чтобы они следовали за ним, и трусцой побежал по проулку. Воевода, не торопясь, шёл следом. К его приходу дом Твёрдышева – несколько изб и амбаров, был окружён кольцом солдат. Полковник ждал Милославского на крыльце.

– Иди передом, Глеб Иванович, – велел воевода. – Ты человек бывалый, но гляди в оба.

Полковник открыл дверь, и в неё с ужасным топотом ворвался капитан, за ним туда же просунулся Зотов, и, недолго погодя, в твёрдышевские владения важно вступил воевода.

Буйный приступ капитана переполошил раненых, они начали кричать, а некоторые схватились за оружие. Появление начальных людей их усмирило, а те сразу накинулись на Потаповну, которая шла по проходу с пустым ведром.

– Где воров прячешь, старуха? – заорал Зотов.

– Отродясь в твёрдышевском доме воров не было, – спокойно сказала Потаповна. – Ты бы, боярин, поискал их за городским пряслом. Я сама не видела, но говорят, что там их тьма-тьмушая.

– Где Твёрдышев? – спросил Милославский.

– Где же ему быть, – ответила Потаповна. – В храме, у литургии пребывает.

– А приказчик Максимка?

– В подклети. Да не трожь ты его, воевода, Максим смирный парень, – сказала ключница и строго поглядела на Милославского. – Не уродуй человека безвинного!

– Это мы поглядим, – проворчал воевода и поспешил за полковником.

Капитан был уже внизу и держал под прицелом огромного пистолета Савву, Максима и Федота.

– Поспешите к храму, – велел ему Милославский. – И проследи, чтобы Твёрдышев явился сюда. Но руки ему не выкручивай.

– Сказывай, кто приказчик Максимка! – обратился воевода к Савве.

Синбирский летописец затрепетал и не смог произнести даже полслова. В коридоре затопали сапогами солдаты.

– Это я, – произнес, вставая, Максим.

– Прими, Глеб Иванович, одного вора, – весело сказал Милославский и посмотрел на Федота. – А другой, стало быть, ты?

– У него нога сломана, – обрёл голос Савва.

– Для него у меня добрый лекарь, Борька Харин, припасён, – сказал воевода. – Особо горазд лечить глухих и немых. Сразу воры при виде его рыла начинают и слышать, и говорить. Чую, полковник, что не только вор он, а самый прожженный воровской ворон. Волоките его из избы!

Двое солдат схватили Федота под руки и выволокли на крыльцо, затем погнали, вместе с Максимом, к земляной тюрьме. А воевода подзадержался: к своему дому спешил Твёрдышев, а сбоку за ним следовал солдатский капитан.

– В чём моя вина, князь? – взволнованно заговорил Степан Ерофеевич. – Я слышу, что ты учинил над моими людьми суд и расправу. Ты, видно, подзабыл, что купец гостиной сотни тебе неподсуден. Изволь унять свой нрав, воевода!

– У меня до тебя пока дела нет, – спокойно сказал воевода. – А что касаето двух воров, жительствующих в твоей избе, то они взяты мной в розыск. Что до твоих прав, то я воеводствую осажденной крепостью, и мне велено великим государем её отстоять. Ты в этом случае помеха государевой воле, посему, капитан, поставь возле Твёрдышева солдата-караульщика и сторожи его крепко, чтобы в какую дыру не ушёл из крепости.

Последние слова воеводы смутили Твёрдышева, он сник и направился в свою избу.

– Скоро я тебя позову, Степан Ерофеевич, – вслед ему сказал Милославский. – Готовься к душеспасению и раскаянью. И знай, я не протопоп Анисим, а исповедником для тебя может стать Борька Харин.

Было в Синбирске такое место, меж белым амбаром и избой пороховой казны, где постоянно слышался шум, исходивший из сруба с плоской крышей, углубленного на две с лишком сажени в землю. Это была тюрьма и содержались в ней узники, большей частью ещё не осуждённые, а обвинённые в воровстве, татьбе, корчмарстве и в уходе от своих помещиков. В верхней части сруба помещалась большая печь, стол, несколько скамеек и лавка, покрытая рогожей, на которой, после тюремных и палаческих трудов, отдыхал Борька Харин, который имел в своём подчинении двух сторожей, постоянно живших в небольшой, похожей на собачью будку, сторожке.

Все дни от начала осады Борька истомился без дела, обрюзг от пересыпа и, когда ему дали знать, что предстоит палаческая работа, сразу ощутил прилив жизненных сил. Он подмёл веником пол, сбрызнул его водой, разжёг на толстом железном листе березовые чурки для раскаливания пыточной снасти, проверил, подёргав веревки, крепость крючьев, укрепленных в потолочном бруссе. Озаботился Борька и об удобстве для воеводы: вымыл с песком кувшин и чару, налил в них свежей колодезной воды и поставил на стол. Затем распахнул дверь и встал на пороге, высматривая дорогих гостей. Синбирские обыватели, проходя мимо палача, отплёвывались и осеняли себя крестным знаменем.

Увидев солдат, которые волокли под руки Федота и Максима, Борька выбежал им навстречу и закричал:

– Сюда их, ребята, не протащите мимо!

Скоро явился воевода и, глянув на палача, которого ранее видел мельком, спросил:

– Ты самоукой стал палачом или где учился?

– Все хитрости от тятеньки перенял, – ответил Борька, согнувшись в поклоне. – Он в Синбирске первым палачом был, когда ещё крепость ставили.

– Подвесь сначала этого, – сказал Милославский и указал на Федота.

– Не надо меня бить! – крикнул Федот. – Я сам обо всём поведаю!

Палач вопрошающе глянул на воеводу.

– Без пытки веры вору нет, – решил Милославский. – Подвешивай!

Борька связал спереди руки, затем подвесил Федота на крюк.

– Дай ему с десятков шелепов! – велел воевода.

Палач вынул из бочки с водой ивовый прут и, с сильного замаха, ударил Федота один раз, другой...

– Воевода! – заверещал Федот. – Ведь я так сдохну, и ты ничего не узнаешь!

Движением руки Милославский остановил палача.

– Говори, каким путём ты явился в Синбирск?

– С прясла свалился, когда казаки ночью на приступ шли.

– Откуда знаешь вот его? – воевода указал на Максима.
– Ещё по весне вместе шли в Синбирск одной дорогой.
– Твёрдышева как знаешь?
– Только в его избе и увидел гостя...
– Продолжай, палач, бить вора! – велел Милославский и вышел из пыточной прохладиться, очень уж муторно ему стало от самого вида застенка. «Не княжеская эта забота воров спрашивать», – подумал воевода и с надеждой посмотрел на околичивающегося без дела губного старосту, который заведывал всеми уголовными делами в Синбирском уезде.
– Пантелеев! – позвал его воевода. – Ты на меня не в обиде, что я твоим делом занялся?
– И мысли об этом нет, – подобострастно вымолвил Пантелеев. – У воеводы ко всему есть дело.
– Так вот, Пантелеев, распроси воров сам, а мне доставишь распросные листки. Только не увечь их до смерти.
– Я дело своё ведаю, – сказал губной староста и, войдя в пыточную избу, плотно затворил за собой дверь.
Милославский посмотрел Пантелееву вслед и похвалил себя за догадку заняться другим, наипервейшим сейчас делом, и скорым шагом пошёл к Крымским воротам. Воротник Фёдка Трофимов его не ждал увидеть и прямо с лавки бухнулся на колени.
– Показывай, где лаз! – строго сказал Милославский.
Фёдка молчал и лишь лупал зенками, до него никак не могло дойти, откуда воевода знает тайну. Тогда князь больно пнул его в бок. Фёдка охнул и ухватился рукой за кольцо в полу.
– Ага, значит здесь, – довольно сказал Милославский. – Открывай!
Воротник поднатужился и поднял тяжёлое, набухшее от сырости творило. Из ямы на воеводу пахнуло плесенью и сыростью.
– Сделай, чем посветить!
Смольё у Фёдки было припасено, он скоро разжёл его и протянул князю.
– Лезь поперед меня!

Милославский, вслед за Фёдкой сошёл на дно ямы, осветил рубленые стены, долго приглядывался к самому лазу, узкой дыре, обшитой досками.
– Кто знает о лазе? – Милославский чуток подпалил Фёдке бороду смольём.
– Я, стало быть...
– Ещё кто? – Милославский шевельнул огонь.
– Степан Ерофеевич Твёрдышев и его приказчик, больше никто.
– Врёшь! – сказал воевода. – Лезь наверх за мной.
– Врёшь, Фёдка! – повторил воевода, бросив смольё в бочку с водой. – Но я тебя дальше не пытаю. Хочешь сказать, скажешь.
– А ведь точно! – воскликнул Фёдка. – Настя знает. Эх, девка! Лишила отца прибýtка: Степан Ерофеевич мне за этот лаз давал полтора рубля в год, всего на полтину меньше, чем я за свою воротниковскую службу жалованья получаю.
– Не горюй, – сказал Милославский. – Меньше вина выжрешь.
– Я, милостивец, хмельного давным-давно не лопаю.
– Добро, я Насте дам полтора рубля.
– А ей за что? Я же лаз сторожу.
– Она мне его открыла, вот за что. А ты, Фёдка, затвори за мной дверь самым большим крюком и никому не открывай, кроме меня, даже Насте!
Милославский неторопливо шёл к своей избе и раздумывал, нет, не о пытаемых сейчас ворах и не о лазе. Одна, острая, как нож, дума терзала ревнивую душу князя – как извести со свету гостя Твёрдышева, но ничего путного ему на ум не приходило.
Губной староста явился к воеводе уже затемно. Воевода взял у него распросные листы, прочитал их на два раза и отложил в сторону.
– Воры своими ногами от тебя ушли?
– Борька им помог, но они живы.
– Приказчик, выходит, на Твёрдышева ничего не показал? – Милославский строго глянул в глаза Пантелеева.

– Крепким парнем оказался этот Максимка. Борька и бил его кнутом, и жёг огнём, а он скрипел зубами и помалкивал. Может, воевода, по-настоящему его взять на дыбу, с раскалёнными щипцами, суставерчением?

– Не стоит, – задумчиво молвил Милославский. – Всё, что я хотел знать, я уже знаю. Держи их в тюрьме. После того, как схватим вора Стеньку, они могут сгодиться для очной ставки.

– Палач Борька за работу деньги просит, – сказал Пантелеев.

– Сколько ему обычно дают?

– По гривеннику за каждого, всего двадцать копеек.

– Возьми у дьяка Ермалаева, скажи, что я велел выдать.

Губной староста низко поклонился и вышел из комнаты. Милославский снова взял в руки расспросные листы, прочёл их и задумался. Приказчик не сознался, что явился от Стеньки в Синбирск через лаз, а кроме Твёрдышева никто не мог указать ему этот путь. Посадить Твёрдышева в тюрьму? Но гость известен великому государю. И тот учинит с воеводы спрос, за что он воздвиг такое бесчестие на известного всей Волге купца и кабацкого целовальника. Милославский прямое гонение на Твёрдышева сразу отверг, нужно уготовить для него такую западню-ловушку, чтобы он сгинул, а подозрений на того, кто в этом виновен, никогда не возникало.

– 6 –

Во второй половине сентября 1670 года умелые осадные хитрости разинцев, главной из которых было возведение вала, сблизили противоборствующие стороны. На прясле и на валу стали по несколько раз в день вспыхивать рукопашные схватки, которые велись с обильным кровопролитием и великой жестокостью. Ночью ратным людям тоже было не до отдыха: солдаты и стрельцы восстанавливали разбитые и сгоревшие верхние венцы прясла и башен, мужики и казаки подсыпали обрушенный вал и поправляли разбитые бревновые заслоны.

Обе стороны до крайности озлобились друг на друга: разинцы, перебросив мосты с вала на прясло, с матерным лаям

лезли на пули и копья, не считая своих убитых, солдаты и стрельцы, остервенясь, пёрли им навстречу, и начиналась резня, из которой живым оставался, к восторгу одних и к удивлению других, лишь Степан Разин. Ратные люди, опалённые ужасом рукопашного боя, уже не имели сил и воли идти друг против друга, и только тогда атаман, устав призывать своих людей, уходил с моста последним, и ни одна пуля, пущенная ему вслед, его не задевала, как будто он навсегда был заговорён от смерти.

– Погибели своей ищешь, Степан Тимофеевич, – говорил атаману есаул Корень. – А как же мы, твои побратимы? На кого нас хочешь покинуть?

Разин, не отвечая на упрёки, уходил к своему шатру, который он велел поставить посреди войска. Калмык Бумба ополаскивал атамана от чужой крови несколькими ведрами воды, подавал ему чистую одежду, а окровавленную тут же сжигал на костре, чтобы она не попала в недобрые руки и над ней не учинили вредоносный наговор.

День ото дня Степан Тимофеевич становился всё угрюмее и нелюдимее. Затворившись от всех в шатре, он возлежал на кошке и глядел широко раскрытыми глазами в неведомую другим людям пустоту. Порой атаман с содроганием ощущал, что вокруг него, наползая из-под краёв шатра, сгущается непроглядный мрак, и ему казалось, протяни он руку, и достанет до него, но не было мочи это сделать, начинало набухать льдом сердце, прерывался дух, и Разин беззвучно шептал: «Вот, значит, какая ты, смерть... Так что же ты медлишь?»

Как-то среди ночи верный одностанничник привёл к атаману человека с замотанной в тряпку головой. Разин велел открыть ему лицо. Это был тайный лжецаревич.

– О чём слёзы льёшь, Николка? – спросил атаман.

– Сил моих нет, Степан Тимофеевич, жить дальше под личиной почившего Алексея Алексеевича! Каждую ночь слышу его голос.

– Что же он тебе доносит?

– Тяжко ему от моего воровства. Пока буду волочить его личину, не найти царевичу успокоения, так и не перестанет его

душа метаться между землёй и небесами. Избавь меня от непосильной ноши, атаман!

Разин поднял Николку с колен, усадил с собой рядом, погладил по голове.

– Беда, что идти тебе некуда, – задумчиво молвил Разин. – Страшную тайну ты носишь в себе.

– Что ж, мне теперь умереть? – всхлипнул Николка.

Обычно Разин, не раздумывая, перешагивал через людские жизни. Но парня выручил казак, который его привёл:

– Дозволь, атаман, я отведу Николку на Керженец, к раскольничьим старцам, те его схоронят от чужих глаз и ушей в своих моленных избах.

Чувство, похожее на жалость, шевельнулось в дремучей от пролитой крови душе Разина, и он легонько оттолкнул от себя парня.

– Будь по твоему, односум, – молвил атаман. – Проводи Николку на Керженец, да сам там поживи, сколько похочешь.

Оставшись один, Разин задул свечу и растянулся на кошме. Но сон долго не шёл к атаману, Николка разбередил ему душу своей молодостью и напомнил, что когда-то и он жадно взирал на жизнь глазами счастливец и держался за неё обеими руками, а теперь бесконечно устал от всего, и стоит только взглянуть на прошлое, как видится лишь широкое поле, усеянное порубанными и пострелянными людьми, а посреди этого поля жив один всадник, с поднятой к солнцу саблей, – он сам, Степан Разин.

Недолгий и чуткий сон атамана прервал пушечный выстрел. Неподалеку от шатра о землю шмякнулось что-то тяжёлое, загомонили люди, и всё случилось из-за того, что Милославский, обеспокоенный частыми приступами разинцев на казанское прясло, усилил оборону несколькими пушками, взятыми с Крымской стороны. Наряд перетащили ночью, а с рассветом пушкарки начали вести пристрелку пушек, и воевода заставил их целиться в сторону разинского шатра. Ядра до него не долетали, Милославский топал на пушкарей ногами и весь исходил желчью. Тогда один пушкарь созоровал, набил в пушку в два раза больше пороха, чем обычно, и поджёг пороховую

затравку. Пушка от непомерного заряда встала на дыбы и опрокинулась на бок, но ядро долетело почти до разинского шатра, всполошив спавших казаков.

Для Разина этот выстрел стал вроде луча света, который вспорол окружающую его тьму. Он оглушающе громко возвопил: «На приступ!», схватил саблю и побежал на вал. За ним устремились лучшие казаки и мужики. Но и солдатский полковник знал свое дело. Из-за амбаров к пряслу скорым шагом пошли, по тридцать человек в ряду, триста копейщиков в железных доспехах и железных шапках. По пути они отшвырнули в сторону воеводу и его денщика, и скоро всё прясло ошетинилось копьями и пищалями. Пальба началась почти одновременно с обеих сторон, и много было убито солдат и мужиков, но сила разинцев не убывала, на место убитых встали живые, и они пошли на приступ. Загремело и заскрежетало железо копий, сабель, топоров и ножей. Ругань, стоны и вопли слились в оглушающий рёв, здесь не было дрогнувших и отступивших, только раненые и сражённые насмерть.

Копейщик, которому воевода встал на пути, ударил его своим железным нагрудным доспехом, как пушечным ядром, и Милославский откатился под прясло. На малое время он обеспамятел, но кое-как проморгался, цепляясь за сруб, поднялся на ноги и огляделся.

– Как, Иван Богданович, цел? – спросил подбежавший к нему Зотов.

– Голова пошумливает, – пробормотал он. – Твои солдаты чуть меня не затоптали. Попёрли как табун коней.

– Они так научены ходить, по-другому не умеют, – скрывая усмешку, сказал полковник. – Ступай в свою избу, Иван Богданович, у тебя борода в крови, да и штаны порваны.

Воевода этим известием не обеспокоился.

– Штанов у меня полный сундук, – он остро глянул на Зотова. – Мне нужен от тебя верный человек, которому можно доверить государево дело. Есть такой?

– Как такому не быть в моём полку, – сказал полковник. – Есть и не один.

– Приведёшь его ко мне, как только совладаешь с ворами.

Петька всё еще валялся на земле, но уже лупал глазами. Милославский легонько пнул его в бок и пошёл в свою избу. Настя, как увидела своего князюшку в помятом виде, так и всплеснула руками:

– Оюшки, милостивец! Где же тебя так угораздило в грязи изваляться? Пойдём в мыленку, я как раз для своих постирушек воду нагрела.

Настя усадила Милославского в корыто, намылила ему голову, натерла мыльным мочалом всего, до самых пят, и несколько раз облила теплой водой. Мыло попало воеводе в глаза, он стал протирать их руками, но боль не проходила.

– Не брыкайся! – Настя успокоила руки князя и, наклонившись над ним, ловко вылизала мягким и тёплым языком глаза. В последний раз подобное ему делала в младенчестве кормилица, и Милославский с благодарностью глянул на Настю.

– Скажи Петьке, чтобы он привёл ко мне дьяка Ермолаева, – сказал воевода, застегивая на рубахе пуговицы. – И пусть тот возьмёт бумагу и письменные снасти.

После мытья воевода заметно взбодрился духом и, пройдя в свою комнату, сел в кресло и выжидающе уставился взглядом в дверь.

– Дело есть до тебя, Ларион, – заявил воевода, когда дьяк, с чернилами, пером и бумагой, вошёл в комнату и поклонился князю. – Надо нам измыслить грамотку Барятинскому, чтобы он поспешил на помощь Синбирску. Воры взяли такую силу, что того и гляди, проломают прясла.

– Грамотку изготовить можно, но как, Иван Богданович, ее доставить окольному?

– Боишься, что тебя пошлю? – усмехнулся воевода. – Не трусь, Ермолаев, в витязи ты не годишься, ты сотвори такую грамотку, чтобы она проняла окольного, и он устыдился своей медлительности. Сидит себе в Тетюшах, и дела ему нет, что Синбирск уже трещит по швам и обливается своей кровью.

– Сам изволишь начитывать грамотку, князь, или мне начерно составить, и ты потом её выбелишь?

– Пиши, как сейчас скажу: «...Государеву окольному и полковому воеводе князь Юрию Никитичу Барятинскому от государева окольного воеводы Синбирска князь Ивана Богдановича Милославского поклон и память, что вор Стенька держит Синбирск в круговой осаде уже двадцать два дни и чаемой от тебя, князь, выручки не явлено. Вор вывел земляной вал вровень с пряслом, мечет огонь, град беспрестанно горит, многие наши людишки убиты, изувечены и ослаблены. Пора тебе, князь, оставить разыскивать и скликать трусливых дворянишек, что хоронятся от рейтарской службы по запечьям в своих усадьбишках, а идти со всей спешкой на вызволение града. Чаем узреть твоё войско не позднее Покрова Пресвятой Богородицы...» Ну, как, Ларион, годится?

– Может помягче, пожалобнее навить словеса, – осторожно молвил Ермолаев. – Все люди ласку любят, и окольный такой же.

– Это ты своей жёнке будешь ночью навивать на уши ласковые словеса! – рассердился Милославский. – Князь – воин, его с места покачнёт лишь прямой укор.

– Надо обозначить имена тех, кто доставит грамотку, – подсказал дьяк.

– Эти люди пока и мне неизвестны.

Милославский слукавил, имя одного посыльщика он знал точно и, отпустив Ермолаева, велел через денщика солдатам привести к нему Твёрдышева. Затем позвал Настю и сказал ей, чтобы она накрыла на стол угощение для гостя. Милославский хотел своей неожиданной лаской сначала размягчить Степана Ерофеевича, а уже затем взять его мёртвой хваткой.

Настя, узнав, что близок миг отмщения, которое она насулила Твёрдышеву, заметалась из кладовой в поварню, из поварни в горницу. Ключник и Петька едва не сбились с ног, выполняя ее повеления, но угощение поспело к сроку. Едва солдаты загремели своим оружным железом на крыльце, как Милославский подхватился с кресла и сам открыл дверь горницы.

– Побудьте у крыльца! – велел он солдатам. – А тебя, Степан Ерофеевич, прошу как гостя наикраснейшего и желанного пожаловать ко мне, хилому и убогому, на угощенье и беседу!

Бессонная ночь истомила Твёрдышева, одежда на нём была измята, вокруг воспалённых глаз набрякли синеватые мешочки, губы были сухи и потресканы. «Блажит князь, – тревожно подумал он. – С чего это вздумалось ему меня потчевать?» А воевода взял уже его под локоток и проводил к столу.

– Располагайся, Степан Ерофеевич! Вот белорыбица, печеная курица, пироги с тремя начинками, но сначала испробуй романей...

И своей рукой князь наполнил две чары сладким венгерским вином. Твёрдышев от хмельного не отказался, перекрестился и одним духом опорожнил посудину. В голове у Милославского звякнуло: «Он же держится раскола, а вино пьёт, как воду». Гость съел печёную куриную грудку, кусок пирога, затем глянул на воеводу.

– Говори дело, князь. Зачем звал?

– Большую надежду питаю на тебя, Степан Ерофеевич, – вкрадчиво молвил Милославский. – Вор Стенька день ото дня всё крепче напирает на городские прясла. Того и гляди, спалит город, а подмоги нам нет, окольный Барятинский всё ещё обретается в Тетюшах и не спешит на выручку града.

– Какое же во всём этом мое место? – спросил Твёрдышев. – Я окольному не хозяин.

– Знамо не хозяин, – хохотнул воевода. – Но великий государь от Синбирска и Тетюшей за тысячью вёрст и здешних дел почти не ведаёт. Вот я и промыслил, Степан Ерофеевич, послать тебя к Барятинскому с грамоткой, чтобы он поспешил выручать Синбирск.

– Почему я? – удивился Твёрдышев. – Есть люди меня моложе и проворнее.

– Не ведаешь, почему я избрал в посылышки тебя? – воевода хихикнул. – Ты же с вором Стенькой дружбу водишь. Пошли я другого, воры его непременно изловят и убьют, а тебе через воровское войско есть прямая дорога. Разве не так?

– Я с ворами дружбы не держу, – строго молвил Твёрдышев.

– Ай-ай-ай! – Милославский осклабился. – Так-таки дружбы с ворами не держишь? А откуда твой приказчик явился в

сторожку Феды Трофимова? От вора Стеньки! Посему не погнушайся, окажи мне милость, сходи в Тетюши с грамоткой.

– Не по мне это дело, – сказал Твёрдышев. – Меня первый встречный опознает, тогда и я пропаду, и грамотку окольный не увидит.

Милославский поднялся из-за стола и, задумавшись, прошёлся по комнате, временами взглядывая на смотревшего на него с надеждой Степана Ерофеевича.

– Эх, люди, люди! – с тяжким вздохом вымолвил Милославский. – Норовишь сделать им доброе дело, а тебя хотят в дурнях за это держать. Я тебе, гость, даю возможность очиститься от обвинений в дружбе с вором. Пронесёшь грамотку Барятинскому, об этом станет известно государю, и ты станешь в великой милости. Решайся!

– Нет мне дороги через воровской стан, – ответил Степан Ерофеевич. – А ты решил погубить меня, князь?

– На войне без опасности не проживёшь, – сказал воевода, и в его голосе зазвучало железо. – За пряслом ты, может, и выживешь, а в городе тебе живу не быть!

– Это почему ж? – поразился Твёрдышев.

– На тебя явлено государево «слово и дело», что ты укрываешь в своём доме воровских людей, по тайному лазу общаешься с вором Стенькой и замыслил провести по нему воров, дабы они захватили Синбирск.

– Это кто ж на меня так наклепал! – возмутился Твёрдышев. – Я чист перед великим государем и лихих умыслов не таю!

– Возможно, ты и чист перед великим государем, – сурово промолвил Милославский. – Но я, как воевода, должен объявленное на тебя «слово и дело» разыскать! Палач Борька Харин истомился без кнутобойства, дыба для разговора с тобой готова, вечер твой приказчик и воровской казак много чего с неё поведали губному старосте Пантелееву. Теперь в твоём праве избрать себе дорогу: на дыбу или к Барятинскому, в Тетюши.

Крепко задумался Степан Ерофеевич над словами воеводы, которыми тот взял его за горло. Застенок его крепко страшил, но ещё позорнее было бесчестье, которое неминуемо обрушится на

него самого и сына, ведь дыба и кнут на Руси никого не обеляли и справедливостью не жаловали.

– Иди, Степан Ерофеевич, посыльщиком, в последний раз тебе это молвлю, – сказал Милославский, будто послушал мысли Твёрдышева. – Если не будет тебе удача, то оставишь сыну своё честное купеческое имя.

Гость понял, что Милославский дожал его до самого края пропасти, но у него в запасе имелось ещё одно последнее слово, которое могло спасти ему жизнь и честь.

– Может, столкнемся, князь? Всё имеет свою цену, и государево «слово и дело» тоже.

– Извини, гость, рад бы столковаться, да сегодня день не торговый, – усмешливо, словно ждал этого предложения, ответил Милославский. – Ну, что, понесёшь грамотку Барятинскому?

Степан Ерофеевич положил руки на стол и уронил на них голову.

– Так-то оно лучше, – удовлетворённо сказал Милославский. – Посидишь у меня до темна в чулане, а потом, благославясь, отправишься в путь.

Он открыл дверь на крыльцо и кликнул солдат. Те подняли Твёрдышева с лавки и, держа под руки, повели в подклеть. Впереди, показывая дорогу, шла Настя.

Девка-душегрейка вернулась в горницу с весьма недовольным видом и приступила к Милославскому с упрёками:

– Зачем отпускаешь моего ненавистника, князюшка? Пробежится он к Барятинскому, вернётся с ним в город. Тебя царь пошлёт на другую службу, а меня Твёрдышев сживёт со свету!

– Не горюй, Настя, – Милославский привлёк к себе сладкую девку, пощекотал бородой белую шейку. – Забудь о Твёрдышеве, будто его и не было. Был гость, да весь вышел.

Настя руками и телом облепила Милославского и стала отступать из комнаты в дверь спальни. Она привыкла считать, что долг платежом красен, а что это был за платёж, князю хорошо было ведомо.

– Отпусти, Настя, до вечера, – жарко выдохнул Милославский. – Слышно, на крыльце застучал сапогами полковник, он ко мне по делу явился.

Зотов вошёл в комнату не один, а с поручиком Надёжой Кезоминым. Было сразу видно, что явились они прямо из пекла сечи: лица чёрные от пороховой копоти, в глазах – вспыхи жаркого боя.

– Почти вровень с пряслом воров наложили, – сказал полковник. – Но они в числе не убывают. Страшусь того дня, когда они осияют нас многолюдством.

– Для этого я и позвал тебя, Глеб Иванович. Нужен человек, чтобы сходить к Барятинскому. Он в Тетюшах, а если вышел оттуда, то искать его надо на засечной черте. Другого пути ему нет.

– Для этого дела у меня самый лучший посыльщик Надёжа Кезомир: и разумом остер и силой не обижен.

Милославский оценивающе посмотрел на поручика и понял, что он из тех ратных людей, которые живут только войной, другого у них в памяти нет, родина им – солдатский полк, а государь – полковник Зотов. Поручик воеводе приглянулся.

– Ступай, Надёжа, в свою воинскую избу и спи до темноты. Затем явишься в сторожку воротника Федьки Трофимова в Крымских воротах. Я там тебя найду.

– 7 –

Близко к вечеру погода стала портиться, над Волгой и вокруг Синбирска нависли тяжёлые сине-белые тучи, подул резкий холодный ветер, и вскоре пошёл крупяной снег. Федька Трофимов выглянул, открыв дверь, наружу, поймал ртом несколько снежных льдинок и скрылся в своей сторожке.

«Где же Настя? – подумал он, кутаясь в овчинную шубёнку. – Совсем девка от рук отбилась, а ведь сейчас она нужна мне позарез!»

Всю жизнь прожив в крепостных воротах, Федька привык считать своим всё, что плохо лежит у других. Почти с каждого

воза, что проезжал через ворота, он что-то да имел: то полено дров, то рыбину. Конские шавяки тоже были его, Федька собирал их ещё тёплыми и дымящимися в большой короб и, когда набирался полный куль, уносил на своём горбу для удобрения клочка земли, который имел на посадке.

Когда ворота плотно заставили кулями с мукой и солью, Федька сразу смекнул, что это для него такая пожива, какой ещё не бывало. Он тут же высмотрел, какие кули ему будет сподручнее взять, но в первые две недели осады на Крымской стороне и днём и ночью было людно, и только когда Стенька Разин пошёл на Синбирск с Казанской стороны, Федьке выпал случай содейть задуманное. Не далее как в прошлую ночь он, тужась из всех сил, уволок куль муки и скинул его в погреб. Куль с солью был гораздо тяжелее, но Федька и с ним совладал, хотя, когда заволок его в сторожку, ноги и руки стало бить частой дрожью. Передохнув, он скинул соляной куль в погреб, лёг на лавку, укрылся от сквозняков овчиной и скоро уснул, весьма довольный содеянным.

Пробудился он нехорошо, ему привидилось во сне, что в сторожку явились стрельцы с земским старостой Фирсовым, который велел связать воротника, а другие стрельцы полезли в погреб и вынули оттуда уворованные кули. Федька выпростался из овчины, отдышался и с ужасом узрел, что пол в сторожке забелён мукой и присыпан солью. Схватив веник, он стал сметать следы своей татьбы в открытое творило погреба. Соль смелась, а мука оставила большое белое пятно. Федька взял ковш с водой и смочил, а затем затоптал уличающие его следы.

Закрывая творило, он задержал руку и содрогнулся от осенившей его догадки: воевода мог ещё раз заглянуть в подземный лаз, и что он скажет, что велит сделать с тем, кто украл казённое добро?.. Федька опрометью слетел в погреб, обхватил куль с мукой и, напрягаясь из всех сил, попытался вытолкать его наружу. Смог поднять до бороды, остро ударило в поясницу, и куль выпал из рук, обдав Федьку мучной пылью. Поняв, что ему не удастся поднять кули, он стал ощупывать стены и пол погреба руками. На беду, они все были из дубового сруба, который от постоянной сырости затвердел, как железо.

Вышло так, что и зарывать кули не было места. Федька от приступившего к сердцу отчаяния затосковал, выбрался из погреба и упал на лавку.

Возле сторожки, гремя оружием, протопали солдаты, один из них заглянул в дверь и спросил:

– Федька, у тебя, часом, вина нет?

– Какое вино, за водой нет сил сходить, – слабым голосом ответил воротник.

– А ты погрызи сухарь и полегчает, – посоветовал солдат. – Да погреб закрой, не то сверзишься в дыру.

Федька подхватился с лавки, закрыл творило, и тут его осенило: надо бежать к Насте, она здоровая девка, и вдвоём они кули схоронят от чужого глаза. Он напялил на себя шубёнку и поспешил к воеводской избе.

Настя хлопотала в поварне, начальствовала над поваром, который готовил воеводе обед, указывала, ругалась и награждала тычками старого холопа, который перед ней трепетал. К отцу она показалась не сразу, но пришла с большим куском рыбного пирога, завёрнутым в капустные листья.

– Что явился? – строго сказала Настя. – Тебе ведь говорено, чтобы даже мимо воеводской избы не ходил!

– Беда, доченька! – стал жалобиться Федька. – Уволок я два куля из ворот, один с мукой, другой с солью, скинул их в погреб, а потом стукнуло в голову, что воевода сунется к подземному лазу и узрит казённое добро.

– Ты всего два куля уволок? – спросила Настя.

– Точно, два.

– Почто так мало? – озлилась Настя. – Уволоки ещё кулей пять. Но не сегодня, а завтра.

– Я и с этим не ведаю куда деваться, – растерялся Федька. – Пойдём в сторожку, помоги вынуть кули из погреба.

– А потом куда ты их денешь? Обрати поставишь в ворота? – Настя приблизилась к отцу. – Эти два куля, что в погребе, забросай ремками и рогожными лоскутьями.

– А воевода? – пискнул Федька.

– Что воевода? Ну, ползет он в погреб к лазу, не будет же он своими руками копать в твоём рваньё. Иди и делай, что я

велью! И бороду оботри, а то срамота на тебя смотреть, будто в тесте её вывалил!

Пряча лицо от снежной крупы и острого ветра, Федька прибежал в сторожку, скинул с лавки рогожную подстилку, собрал из углов и запечья тряпки и старое мочало, спустился в погреб и укрыл уворованные кули. Со стороны они в потёмках смотрелись как куча мусора. Федька поднялся в своё жилище, достал из капустных листьев кусок пирога и, не торопясь, его съел до последней крошки. Затем нащепал растопку, затопил печь и сел перед ней на брёвнышко. Пламя заплясало на поленьях, в лицо повеяло жаром, и Федька подумал, что день, который начался для него страхом, заканчивается теплом и сытостью.

Государев колокол пробил восемь часов, и вслед за этим дверь сторожки задрожала от чьих-то кулаков, и послышался голос:

– По слову воеводы, открой!

Федька откинул крюк и от удара дверью отлетел в сторону.

– Ну и вонь! Хоть топор вешай! Ты что сегодня трескал?

Незванный гость взял с печки котелок, заглянул в него и повернулся к свету. Он был одет по мужицки, но Федька за свою воротниковскую жизнь многих людей перевидел и сразу понял, что перед ним человек ему не ровня.

– Дверь пока не запирай, пусть вонь выдохнется! Из сторожки не выходи!

Он подошёл к лавке и лёг на неё, подложив под голову суму.

– Как быть, если до ветру потянет? – осмелился спросить Федька.

– У тебя на ногах сапоги?

– Сапоги.

– Если приспичит, в них и сцеживай лишнюю воду. Накинь на дверь крюк, откроешь одному воеводе!

Федька сел возле печки на брёвнышко и просидел на нем без движения, пока не раздался стук в дверь. Он глянул на прищельца. Тот разрешающе мотнул головой. Федька снял крюк с двери, и в сторожку вошёл воевода.

– Ты здесь, Надёжа? – спросил Милославский, вглядываясь в полутьму сторожки.

– Здесь! – ответил солдатский поручик, выходя на свет, падающий из зева печи.

– Вижу, ты собрался, как надо, – воевода спохватился. – Федька, ступай вон! Я тебя кликну.

Воротник сгрёб в охапку свою шубёнку, нахлобучил на голову шапку и исчез за входной дверью. Милославский достал из рукава кафтана грамотку, запрятанную в кожу, и протянул Кезомину.

– Пойдёшь через подземный лаз, Федька тебя сопроводит. Ищи окольного Барятинского, идя ему по черте навстречу. Чаю, что он уже выступил из Тетюшей. Особо спину перед ним не гни, если спросит, как Синбирск, отвечай своими словами правду, всё, как есть. Присядем на дорожку.

– Не рано ли трогаться в путь? – спросил Надёжа. – Может уйти за полночь?

– Сейчас вокруг крепости толкётся много воровских людей, в их многолюдстве легче сойти за своего. В предутрие дозоры сразу заметят одинокого человека и не пропустят мимо.

– Твоя правда, – помолчав, сказал Надёжа. – Идти надо сейчас.

– С Богом, поручик! – с чувством вымолвил воевода. – О сем деле я извещу великого государя, и он своей милостью тебя не обойдёт. Если случится худое, то он пожалует твоих сыновей.

– Я одинок, как перст, – ответил Надёжа. – Коли не вернусь, то скажи полковнику, чтобы добро из моего сундука продали, а меня помянули зеленым-вином.

– Не кличь нечистую силу! – замахал руками Милославский и громко позвал Федьку.

Воротник открыл погреб и с опаской посмотрел на воеводу: ползет он или останется наверху?

– Иди, Федька, по лазу первым, а ты, поручик, за ним.

Скоро в погребе стало пусто, и Милославский заспешил: из сторожки он трусцой добежал до срединной на Волжской стороне башни, взобрался на верхний ярус и стал смотреть с него на склон Синбирской горы. Выход из лаза должен был

быть здесь, но, сколько воевода ни вглядывался в потёмки, сколько в них ни вслушивался, ничего не увидел и не услышал. Надёжа Кезомин без следа растворился в темноте, и Милославский решил, что это к добру.

Проводив поручика в опасный путь, воевода неспешно пошёл к своей избе, где его, как обычно в это время, ждали начальные люди.

– Какие нынче потери? – спросил Милославский.

– У меня в полку тридцать два копейщика убиты и больше полусотни ранены, – доложил солдатский полковник.

– Да, немало, – сказал Милославский. – Как у стрельцов?

– У нас убито трое на пряслах, шестеро ранены, – ответил за всех Бухвостов.

– Мои солдаты начинают роптать, – сказал Зотов. – Они день и ночь бьются на Казанской стороне, а стрельцы бездельничают.

Стрелецкие головы стали коситься на полковника и ворчать, но воевода не дал им сцепиться в сваре.

– Этой ночью замените солдат на стрельцов приказа Жидовинова. Но ты, Глеб Иванович, держи роту солдат позади стрельцов, чтобы она, в случае чего, успела им на выручку, на другую ночь на прясло встанешь ты, Марышкин, на третью – Бухвостов.

– По справедливости, воевода, пора солдатам и стрельцам выдавать каждый день по чарке вина, – сказал полковник. – Люди измотались, и вино пойдёт им на пользу.

Стрелецкие головы поспешили поддержать предложение Зотова.

– Ларион! – приказал воевода дьяку. – Каждое утро собирай списки ратных людей и по ним выдавай солдатам и стрельцам по чарке вина, а начальным людям по полторы. Или по полторы чарки мало?

Начальные люди смущённо переглянулись.

– Выдавай им, Ларион, по две чарки вина!

Настя услышала, что воевода прощается с головами и полковником, и велела денщику Петьке накрывать на стол. Малый уже во всём её слушался и безропотно кинулся исполнять повеление временщицы.

Однако воевода задерживался, он спустился в подклеть, подошёл к чулану, где был закрыт гость Твёрдышев и велел солдату открыть дверь.

– Пожалуй, Степан Ерофеевич, на прощальный ужин!

– Разве это ужин, воевода? – сказал, выйдя из чулана, Твёрдышев. – Вернее будет сказать, что это мои поминки.

– Полно, Степан Ерофеевич, лепить из себя сироту! – возразил Милославский. – Ты сам во всём виноват, а я даю тебе случай обелиться перед великим государем и заслужить его милость.

Настя, увидев, что на приготовленный её стараниями ужин явился Твёрдышев, изрядно скуksилась и, фыркнув, ушла в спальню. Воевода налил большую чару вина себе и гостю и приподнял её со словами:

– Желаю тебе, Степан Ерофеевич, счастливой дороги!

Но Твёрдышев вино даже не понюхал, а принялся за уху, опростал большое блюдо, потом взялся за рыбу и скоро воздвиг на столе гору костей. Затем досталось от гостя пирогам, он не пощадил их, ни капустный, ни рыбный. Милославский ел мало, а всё над чем-то задумывался, поглядывал на Твёрдышева, вроде намеревался о чём-то спросить, но так и не спросил, хотя вопросец вертелся у него на языке: «Что, гость многотысячный, узнал, каково перебежать дорогу перед окольным и князем Милославским?»

Твёрдышев знал, что ему долго не придётся сидеть за таким богатым столом, насытился сполна и потянулся к квасу.

– Испей на крышку вина, – сказал Милославский. – На дворе ветер со снегом, а вино тебя согреет.

– Благодарствую, Иван Богданович! – усмехнулся Твёрдышев. – Но вино не только греет, оно и глаза застит.

Снег перестал сыпаться, но ветер продувал Сибирскую гору ещё жёстче и студёней. Они молча дошли до Крымских ворот, и Милославский толкнул дверь сторожки. Федька отпрянул от печки и виновато глянул на Твёрдышева: не уберёт тайну лаза воротник и теперь трясся от стыда и страха. Милославский протянул Степану Ерофеевичу грамотку, точно такую, с какой ушёл Надёжа Кезомин.

– Спрячь подале, чтобы не пропала, – сказал воевода. – Отдашь её князю Бяратинскому. Ищи его в Тетюшах или на засечной черте.

Твёрдышев взял грамотку, понянчил её в руке и сунул в сапог.

– Федька! – сказал воевода. – А ну-ка встань рядом с гостем.

Воротник осторожно приблизился к Твёрдышеву и встал рядом с ним.

– Как бы беды не вышло, Степан Ерофеевич, – сказал Милославский. – Переоденься в Федькину одежку, а то всякий встречный сразу поймёт, что ты за птица, от тебя за версту разит богатством.

– Не будет этого, воевода! – возвысив голос, отрезал Твёрдышев. – Холопья личина меня не спасёт, да и противна нраву!

Милославский с интересом посмотрел на него: нет, не сломался Степан Ерофеевич, вон как взбрыкивает, такой и лягнуть может.

– Что ж, пусть будет по-твоему, – равнодушно молвил воевода. – Лаз твой, дорогу по нему ты знаешь. Федька, открой погреб!

Твёрдышев шагнул к нему и свистящим шёпотом произнёс:

– Помни, Милославский, что моя смерть на твоей чёрной душе камнем повиснет!

Слова Степана Ерофеевича так уязвили Милославского, что он замер с раскрытым ртом и вытаращенными глазами, а Твёрдышев скоро сошёл по лесенке в погреб, перекрестился и исчез в потайном лазе.

Милославский нетвёрдыми шагами подошёл к иконе Спасителя в правом углу сторожки и, осеня себя крестным знаменем, зашептал:

– Господи! Помилуй меня за мои великие погрешения и не осуди, если гость сгинет от воровских рук. Я был вправе взять его в застенки, но дал ему случай выжить и обелиться от подозрений. Помоги, Господи, рабу твоему Степану Ерофеевичу дойти невредимым до окольного, а я его подвиг доведу до ушей великого государя.

Спирькина ватажка пристала к разинскому войску, со всех сторон обложившему Синбирск, как раз в день первого приступа крепости. Не успели ватажники толком оглядеться, как вся громадная толпа мужиков, вооружённых косами, топорами и вилами, вдруг забурилась, как закипевшая в бочке брага, и с оглушительным рёвом устремилась на крымское прясло города. Спирьку унесла толпа мордвы, впереди всех ринувшаяся ко рву, но многие не попали на перекинутые через него бревновые мосты и свёрзлись вниз, без промаха угодив на заострённые железные прутья, вбитые в лежавшие на дне рва деревянные колоды.

Спирьке повезло. Преодолев мост, он, размахивая саблей, побежал к пряслу, но оттуда загремели пушки и пищали, вокруг стали валиться на землю сражённые пулями и свинцовым дробом люди, и всё пространство перед крепостью заволкло непроглядным и вонючим дымом от сгоревшего чёрного пороха. Мужиков это не остановило, слепые от дыма и ярости, они добежали до лестниц и стали по ним лезть на прясла. Спирька не отставал от других, хотя в голове у него было мутно, и сабля мешала цепляться за перекладины, а какой-то мужик больно наступил ему жёстким лаптем на руку. Мимо лестницы сверху падали сражённые солдатами люди, раздавались оглушительные взрывы, на сей раз гранатные. Лестница подломилась, и едва не добравшийся до верхнего венца прясла Спирька вместе с двумя десятками мужиков рухнул вниз и так грохнулся о землю, что надолго обеспамятел.

Очнулся он близко к вечеру, пошевелился и громко вскрикнул от острой боли в левом плече. Через прясло высунулся солдат.

– Глянь, ещё один ожил! Что, брат, сухотка во рту одолела? Счас дам напиться! – и выплеснул из деревянной лохани вниз золотистого цвета жижу, которая обильно оросила Спирькино лицо. В глазах сразу стало едко, Спирька оближал губы и почувствовал на языке гадкую солёную влагу. К горлу подкатил

колючий комок, и его стошнило. Спирька вертанулся на бок, чтобы опростать рот от блевотины и снова надолго обеспамятел.

Он пришёл в себя ночью, когда только ещё начал моросить дождь, скоро превратившийся в ливневую, с громами и молниями, бурю. Вокруг него ходили, переговариваясь не по-русски, какие-то люди. Спирька прислушался и понял – свои, чувашаи.

– Мужики! – хрипло выдохнул ватажник. – Не оставляйте меня, ведь подохну!

Его услышали, и над ним наклонился приземистый широкоплечий мужик.

– Совсем живой, Ванька? – спросил он и рывком забросил Спирьку на себя. Ватажник заскрипел зубами, но возрадовался: впереди у него забрежзила возможность выжить.

Чуваши донёс его до телеги и небрежно, как куль, бросил на других раненых.

– Хватит валить, уже воз полон! – сказал кто-то из темноты, и возчик, взяв лошадь под узцы, повёл её к острогу, сквозь набирающий силу холодный дождь.

Из раненых во время утреннего приступа крепости дождались спасения немногие, у которых не было кровопотери, в основном, ушибленные и получившие переломы от падения с прясла. В остроге их встречал лекарь Нефёд, обосновавшийся на время непогоды в самом большом амбаре. Спирька лежал на возу верхним, и его первым подволокли к лекарю.

– Что у тебя? – спросил Нефёд, повернув ватажника лицом к полыхающему смолю.

– Упал с прясла и расшибся. Плечо, видимо, с места вылетело.

Нефёд поднёс к лицу Спирьки лист лопуха.

– Ну-ка сплунь сюда! Счастлив твой Бог, мужик! Крови в плевке нету, значит, нутро цело. Держите его за плечи!

Нефёд схватил Спирьку за левую руку, помял её и резко дёрнул. Ватажник взвыл от невыносимой боли, но в этот раз не обеспамятел, ему сразу полегчало. Нефёд взял лыко, подвязал им согнутую в локте руку к шее и жёстким ногтём указательного пальца щёлкнул Спирьку по лбу.

– Проваливай отсель, мужик, а то мигом отрублю топором руку!

Спирька, опираясь здоровой рукой на пол, приподнялся, встал на ноги и, пошатываясь от головокружения, побрёл в угол амбара, где на соломе лежали раненые люди.

– Спирька! – услышал он из полутьмы знакомый голос.

– Ты, Гусак?

– Я рядом, перешагни через мужика, и я тебя ухвачу за одежду.

Спирька перелез через неподвижного, как колода, мужика, и Гусак тут же потянул его за полу вниз.

– Садись рядом, братан! Наших видел?

– Весь день один. А ты никого не встречал?

– При мне Аниска Мёртвый упал в ров на чеснок, – сказал Гусак. – Теперь он и взаправду мёртвый.

– А почему его так звали?

– Разве ты не знаешь? – удивился Гусак. – Родился мёртвым, но повитуха его отдышала, оттрясла, а прозвище прилепилось.

– Хотел бы я знать, где Филька Косой, – задумчиво сказал Спирька. – Споткнуться мне на ровном месте, но он из той толпы, что подхватила нас, ужом выскользнул.

Косой отыскал своих друзей на следующий день, живой и здоровый с двумя солёными лещами в холстинной суме и большим сухарём.

– Где ты потерялся? – воззрился на него Гусак.

– Всё-то тебе знать надо, Петруха! – усмехнулся Филька. – Чего валяешься сам-то, ведь ты здоров! Давай подхватим Спирьку и отойдём отсель подале, я вам кое-что поведаю.

Они ушли на берег Свяги и схоронились от чужих глаз под тальниковым кустом. Филька окунул в речку сухарь, чуть подержал там и разломил на три части. Достал из сумы и разрезал на куски рыбины.

– Говори, что замолк! – потребовал Гусак. – Что ты такое вызнал?

– Оглянитесь по сторонам, дружё, – молвил Филька, теребя рыбу. – То ли мы нашли, что искали? Стенька хорош только издали, а вблизи вокруг него то же делается, что и всегда на

Руси. Один объедается белорыбицей, а Спирьку, хотя он чуть не запёрся на прясло, кормлю я, потому что от атамана ему и ложки толокна не прибыло.

– Дождаться надо было, а не бежать сюда, – возразил Спирька, хотя почувствовал, что в словах Косого есть своя правда.

– Не ведаю, как тебе, – сказал Филька. – А мне от Разина ничего не надо, да и дать ему нам нечего. Волю?.. Так её у меня, сколько надо, столько и есть. Разве не так?

Гусак с ним сразу согласился, а Спирька недолго раздумывал. И стали с той поры ватажники промышлять воровством, никого мимо себя не пропускали: грабили всех прохожих и проезжих, даже казака пьяного поймали, раздели догола и в Свягу с камнем на шее бросили. Так и прошло у них время, пока деревья совсем не обезлиствели и немоготу стало ночевать под открытым небом. Над Синбирском по ночам полыхали огненные отсветы, но город не поддавался Разину, и не было у Спирьки и его дружков даже и проблеска мысли, где они зазимуют.

Ночью в дубраве, где они ночевали, их до костей проморозило и продуло. Косой устал дрожать под овчиной на куче дубовых листьев, поднялся и, по привычке, пошёл к дороге глянуть, нет ли на ней кого живого, чтобы его растрясти. Привалился спиной к придорожному дубу и высмотрел человека, но поопасался взять его в одиночку, растолкал Спирьку и Гусака, и они втроем вышли поперёк пути прохожего и чуть рты не раззявили от изумления – такой богатой добычи у них ещё никогда не бывало. Первым пришёл в себя Косой.

– Диво-дивное! – воскликнул он, выйдя на дорогу с саблей в руке. – Убей Бог лаптем, думал, что мужики в синбирской округе всем барам головы поотрывали, так нет! Куда путь держишь, боярин?

– Раз вы мне встретились, значит к вам, – спокойно ответил Твёрдышев. – Мне сейчас всё едино, от чьей руки смерть найти.

Ватажники переглянулись, таких слов они от своих жертв ещё не слыхивали.

– Почему ты взял, что мы тебя порешим? – спросил Спирька. – Вот опростаем тебя от богатой одёжки, золотые повытрясем, и гуляй дальше! А для сугрева овчинку пожалуем.

Гусак встал рядом с Твёрдышевым и примерил свой лапоть к его сапогу.

– Снимай, боярин, обувку, хочу понежить ноги в тепле!

Твёрдышев вспомнил про грамотку за голенищем и заартачился.

– Всё берите, а сапоги оставьте!

– Зря рядишься, здесь тебе не торг, – сказал Гусак и крепко ударил Твёрдышева кулаком под душу.

Степан Ерофеевич, хватая ртом воздух, скорчился, на него навалились Косой и Спирька и стали срывать одежду. Твёрдышев перевёл дух и озлился, отбросил от себя ватажников и побежал по дороге. За ним кинулся Гусак, догнал, и они сцепились бороться посреди дорожной грязи.

– Беда! – завопил Косой. – Они же дорожную одежду в грязи вываляют!

Он и Спирька собирались броситься на подмогу Гусаку, но вдруг обезножили: на них из дубравы выехали полтора десятка казаков и копьями прижали ватажников и Твёрдышева к дубам.

– Что не поделили, ярыжные люди? – спросил казачий старшой. – Не знаете, как купца раздуванить, или он на вас насел и хотел отобрать воровскую казну?

– Сапоги не стал снимать, – проворчал Гусак. – Оттого и шум начался.

Старшой присмотрелся к сапогам Твёрдышева.

– Знатная обувка! – сказал он. – Ну-ка, ребята, разуйте его!

На этот раз Степан Ерофеевич не сопротивлялся. И сапоги, и грамотка оказались в казачьих руках.

– Эге, – заявил старшой. – Да это вестовщик! Берите, ребята, всех и гоните к Степану Тимофеевичу! Атаман грамоткой будет доволен.

Он хотел тронуть коня, но увидел на земле саблю.

– А ну, подай! – велел Гусаку.

Казак недолго разглядывал саблю, размахнулся и ударил изо всех сил ватажника по голове. Тот рухнул наземь.

– А сабля, ребята, казацкая! – сказал он, наезжая конём на Спирьку. – Вестовщика не трогайте, а воров рубите!

Спирька вскинул руки, защищая голову, но через мгновение она покатилась по замёрзшей земле. Тут же лишился жизни и Филька.

– Посадите вестовщика на запасного коня, – вытерев сабельный книнок о шею своего жеребца, распорядился старшой.

На нём красовались дорогие, из красной юфти, сапоги Твёрдышева, и он, нет, нет, да поглядывал на соболью шапку пленника. Наконец, не сдержал искушения, сорвал с него шапку и нахлобучил ему на голову свою баранью. Твёрдышев не сопротивлялся, им овладело и равнодушие ко всему, что происходит, и если он и желал чего, то лишь того, чтобы всё поскорее завершилось. Когда они приблизились к Казанской стороне Синбирска, он посмотрел на прясло и, если бы на нём появился Милославский, то тогда Степан Ерофеевич, может быть, и возжётся, и крикнет своему губителю: «Вот ты и достиг своего, воевода!» Но прясло было пустым, казаки и мужики сидели вокруг костров, и появление Твёрдышева их не взволновало. Для этих людей он был ещё один барин, которого вели на бессудную расправу к их атаману.

На прощанье сорвав с Твёрдышева дорогой пояс и кошель с деньгами, казаки передали его и грамотку калмыку Бумбе, и денщик, пригнув тяжёлой рукой шею пленника к земле, ввёл его в атаманский шатёр. Степан Тимофеевич уже отпустил своих есаулов после утреннего разбора и был один. Атаман сидел на стопе из нескольких ковров, на плечах была соболья шуба, его знобило, и он в руке держал чашу с горячим сбитнем, и время от времени из неё отхлёбывал медовый настой с пряностями. Бумба протянул Разину грамотку, тот взял её и велел кликнуть писаря Евсея Жилкина.

Денщик вышел из шатра, и Разин взглянул на пленника.

– Узнаю, ты мой давний знакомый, – молвил атаман, равнодушно озирая Твёрдышева, который явился к нему напоминанием о прежних днях, когда он, полный огненных мечтаний о поджоге всей боярской и никонианской Руси, шёл от соловецких старцев на вольный Дон.

– Что, подрастряли тебя мои ребята? – посмотрев на босые ноги Твёрдышева, спросил Разин. – Но ты не горюй, сапоги, может, тебе и не понадобятся, а если будут нужны, то я свои дам, у меня их много. – Атаман усмехнулся. – Всех воевод от Астрахани до Синбирска раздел-разул, а наряжать некого.

В шатёр бесшумно проник грамотей Жилкин и низко поклонился.

– А ну-ка, Евсейка, вычти грамотку, может и про меня в ней писано.

Выслушав её с вниманием, Разин усмехнулся.

– Видно, крепко я припёк Милославского, раз он понуждает Юшку Бярятинского поспешать к Синбирску на выручку. И посыльщика знатного нашёл. Ну, зачем тебе, купцу, надо было вязаться в столь опасное дело? Ведь тебя могли до меня не довести, свернули бы шею и бросили псам на прокорм!

– Милославский вынудил, – хмуро произнёс Твёрдышев. – Грозил пытать за измену великому государю.

– Смеху подобно, что ты изменник, – удивился Разин. – Но если это так, то в чём твоя измена?

Степан Ерофеевич нахмурился и уставился взглядом мимо Разина. Он не посмел выдать атаману тайну подземного лаза, а без этого убедить его в своей правоте не мог.

– Знаешь, кого ты мне напомнил? – сказал Разин. – Парня, приказчика, которого присылал ко мне на Низ. Говорил я ему, что он меж двух огней норовит проскочить, а сгорит сразу в обоих. Вот и ты такой же: одну грамотку от соловецких старцев мне подбросил, а вот эту понёс Юшке Бярятинскому. Теперь ты наверно от соловецких старцев и отрёкся?

Последними словами Разин угодил Твёрдышеву не в бровь, а в глаз. Он побледнел и тихо произнес:

– Я был на исповеди у синбирского протопопа Анисима.

– Да ну? – развеселился Разин. – Пальцы судорогой не свело, когда для крестного знамения ты их в щепоть складывал?

– Зря надсмехаешься надо мной, атаман! – горько вымолвил Твёрдышев. – Разве ты свою судьбу знаешь?

Разин вплотную приблизился к Твёрдышеву и остро взгляделся в его глаза. Степан Ерофеевич едва устоял и не

отшатнулся от этого взгляда, тёмного, как вода на дне глубокого колодца, и обмораживающе мёртвого.

– Мне ли над тобой смеяться? – прошептал Разин. – Мне ведомо, что над людьми ничего нет, кроме смерти. Хочешь узнать, что это истинно так?

«Он не в себе!» – мелькнуло в голове Твёрдышева.

– Твоя вера, атаман, не по моему убогому умишку.

Разин с видимым усилием оторвал от купца свой высасывающий душу взгляд. И в этот миг его молнией пронзила догадка: «Оттого смерть и близко не подходит ко мне, что я её не задобрил особо ценным даром!» Он вышел из шатра, но вскоре вернулся. На его лице блуждала счастливая улыбка, которая обострённо чувствующим опасность Твёрдышеву показалась зловещей.

– Скоро я сам передам грамотку Мирославского Юшке Бярятинскому, – сказал атаман. – Пришла весть, что он покинул Тетюши и теперь идёт по черте. Скоро я им займусь, а сейчас, купец, хочу отблагодарить тебя за твоё давешнее гостеприимство и ласку.

В шатёр вошли Бамба и с ним два казака. Они несли каждый по большому кулю, которые бросили с плеч на кошку.

– Ступайте, – молвил Разин и, освободив кули от завязок, вывалил из них всё, что там было: исподнее бельё из тонкого полотна, носки, зипуны из легчайшей тафты и атласа, рубахи и воротники к ним, обшитые жемчугом и драгоценными камнями, вышитые золотом кафтаны с изумрудными пуговицами, штаны из тяжёлого шёлка, пояса с золотыми и серебряными пластинами, шубы собольи, покрытые красным и синим английским сукном, шубы на куньем меху со стоячими бровными воротниками, сапоги из драгоценной бухарской юфти, расшитые золотыми и серебряными нитями, шапки собольи, бобровые и куньи, простого покроя и боярского, горлатые.

– Ты, я вижу, удивлён, – сказал Разин. – Но не могу я отпустить тебя в негожем виде. Бери всё самое лучшее и дорогое. Не огорчай хозяина отказом.

Исподнее Твёрдышев брать не стал, взял штаны из тяжёлого шёлка, поднял ногу, чтобы всунуть её в штанину и увидел, что она черна от грязи. Разин понял его незадачу, взял соболью шапку и кинул её купцу.

– Это как раз годится на обтирку, – усмехнулся он. – На столыце в кувшине вино, сполосни им ноги и оботри соболем.

Надев штаны и обувшись, Твёрдышев из дюжины поясов выбрал тот, что попроще, но Разин заставил его взять другой, с золотыми пластинами, в которые были вкраплены гранёные алмазы.

– На купецком поясе должен висеть кошель, да не пустой, а с золотом, – сказал атаман. – Вот, бери, в нём триста ефимков, да алмаз нахичеванского хана в тысячу рублей.

– Не по заслугам мне такая честь, Степан Тимофеевич, – стал отказываться от сокровища Твёрдышев. – Рублей пять я возьму, а остальное пусть у тебя останется.

– Что, смущает тебя столь щедрый подарок? – спросил Разин.

– Боюсь, не отдарю тебя, Степан Тимофеевич, – смущённо произнёс Твёрдышев. – Когда мы ещё встретимся, чтобы я смог тебя отдарить...

– Там, где мы встретимся, золото для нас потеряет цену, – Разин окинул купца мутным взглядом. – Но за вход туда надо платить.

Хотя Твёрдышев не понял смысла сказанных атаманом слов, но они его испугали. «Атаман, точно, ополоумел, заговаривается, – решил купец. – Дай Бог, унести от него ноги живу!». Разин кажется понял его чувства и, распечатав залитый воском кувшин, наполнил чары.

– Пора тебе в путь, купец, – произнёс он, поднимая чару. Твёрдышев поднял свою, выпил, и у него перехватило дух.

– Это двойное вино, – усмехнулся Разин. – Пожуй чеснока.

Вино двойного перегона крепко шибануло в голову Твёрдышева, и она замутилась. Купец покачнулся, но атаман его бережно поддержал и провёл к выходу.

– Иди! – он ожёг ухо гостя горячим шёпотом. – Иди, она тебя ждёт.

Твёрдышев, жмурясь от яркого света, сделал из шатра два шага, и Бумба накинул на него просторный кожаный куль, сшиб на землю, и начал вязать верёвками. Через малое время он уже был на краю крутого волжского обрыва, где, заложив пальцы в рот, пронзительно засвистел. Казаки в подгорье его услышали и ответили троекратным свистом. Бумба махнул им рукой, и с плеча бросил куль с Твёрдышевым вниз. Когда он, подпрыгивая и кувыряясь, докатился до ровного места, казаки его подхватили и, добежав до берега, с бревенчатого настила, где чалились струги, кинули в Волгу. Вода в том месте, где упал куль, всплеснула, разбежалась круговыми волнами и утишилась ровной гладью, на которой самоцветами заиграли солнечные блики.

– 9 –

После разгрома своего войска под Синбирском окольный Бярятинский с половиной оставшихся у него рейтар, отбиваясь во время пути от воровских ватаг, прибежал в Тетюши, небольшую, но прочную крепость на Волге, ниже Казани. Поручив полковникам Зыкову и Чубарову заняться обустройством стана, он удалился от всех в отведённую для него избу и потребовал, чтобы ему доставили бумагу и писчие снасти. И тут обнаружилось, что все они утеряны во время бегства, в том числе и царские грамоты. Это уязвило Бярятинского больше потери обоза с воинскими припасами, это было уже умалением чести великого государя, чьи собственноручные письма стали потехой для вора и его подручников. Станет об этом известно царю, и не миновать тогда окольному опалы, а то и суровой кары, но винить в этом, кроме себя, было некого, и Бярятинский послал самого расторопного из рейтарских начальников капитана Зверева в тетюшскую приказную избу за покупкой всего необходимого для письма.

Зверев возвратился не один, а с местным воеводой, который, не в пример Милославскому, оказался покладистым малым из

недавних московских стольников, выстоявший свою должность близ царских сеней и тонко разбиравшийся в хитросплетениях придворной жизни. Он знал, что Бярятинский близок к государю, посему согнул перед ним спину гораздо ниже, чем полагалось воеводе. Окольный не пропустил этого мимо глаз и милостливо спросил:

– Ты из каких дворян будешь?

– Из Дмитриевых, по московскому списку, – ответил воевода и поставил на стол берестяной ящик. – Здесь всё, что понадобится твоей милости для письма.

– Сколько у тебя воинских людей в крепости?

– Приказ казанских стрельцов и три сотни дворян, сбежавшихся со всей округи от воровского раззора, – сказал воевода. – Каждый день подходят ещё, не меньше десятка.

– Стало быть, есть люди и полков? – заинтересовался Бярятинский.

– Почти все твои, окольный. Проходу от воров в Синбирск нет, вот они и засели в Тетюшах.

– Зверев! – окольный хищно оскалился. – Возьми свою роту и выгони в тычки из города всех дворян, не обращая внимания на возраст. Я после их сам разберу, с пристрастием. А ты, воевода, пригляди, чтобы эти нетчики не сбежали!

Рейтарский капитан и тетюшский воевода поспешили приступить к исполнению повеления окольного, а он открыл берестяной ящик и вынул из него бумагу, чернильницы с красными и чёрными чернилами и очинённые гусиные перья для письма. Бярятинский ещё в пути сочинил в уме отписку великому государю, и теперь ему оставалось запечатлеть её на бумаге. Князь снова мысленно повторил свою заготовку и решительно взялся за перо. Начал не с того, что вор его прогнал от Синбирска с великим позором и людскими потерями, а с простодушного уведомления: «...А я, холоп твой, с твоими, великого государя, ратными людьми отошёл в Тетюши и дожидаюсь кравчего и воеводы князя Петра Семёновича Урусова, чтобы нам, холопам твоим, пойтить опять в Синбирск и князя Ивана Милославского от осады освободить...» Далее Бярятинский довольно ловко переложил вину за своё поражение

от Разина на князя Урусова: «Если бы, государь, кравчий и воевода князь Пётр Семёнович Урусов к тому бою поспел, а у меня, холопа твоего, было бы две тысячи пехоты, вор бы не только не приступил к Синбирску, но и к берегу не приступил; а то рассмотрели, что у меня нет пехоты, так и охрабрили, и я, холоп твой, отошёл от Синбирска, и полки твои, великого государя, отвёл в целости, oprичь того, которые побиты и поранены в боях. А надобно бы, государь, идти вскоре на Синбирск, чтобы черту удержать, и вели, государь, мне конных и пеших людей дать, чтобы мне было с кем в поле надёжно стоять и над вором промысел учинить... А московские, государь, люди и городовые, которые со мною, холопом твоим, душевно тебе, великому государю, рады служить; а нижегородцы, государь, многие богатые люди в полку не бывали, а кравчему и воеводе князю Петру Семёновичу писал сего ж числа, чтоб он шёл на Синбирск не мешкав, чтоб, государь, черту удержать, а как черту удержим, по-прежнему, всё твоё, великого государя, будет, и Астрахань за тобою, великим государем, будет, а како с ним вором такой же бой будет, и его самого воры казаки, связав, отдадут или убьют...»

Барятинский два раза вычитал отписку и остался ею доволен: ему удалось ненавязчиво спихнуть часть своей вины на князя Урусова, а великому государю гневаться на двоих ближних людей за их общую промашку с вором под Синбирском будет не с руки, да и не ко времени, сейчас надо не виновных искать, а воевать, и другого воеводы, способного справиться с вором Стенькой Разиным у царя Алексея Михайловича, кроме князя Барятинского, не было.

Окольничий отложил отписку в сторону и взял чистый лист бумаги. Нужно было отправить грамотку в Казань, воеводе Урусову. Хотя Барятинский в душе презирал кравчего, он не погнушался навить много лестных слов князю Петру Семёновичу, лишь бы получить столь необходимую для него пехоту, и, в придачу к ней, десятка два полевых пушек, чтобы иметь в неизбежном сражении с Разиным, о котором он вспоминал с зубавым скрежетом, решающий перевес в силах.

Барятинский послал денщика за Чубаровым, и когда полковник явился, заметил, что тот явно чем-то расстроен.

– Что стряслось, Андрей? – спросил окольничий. – На тебе лица нет.

– Добаловались мы с мужичьем, Юрий Никитич! Только что прибежали к Тетюшам трое дворян из-под Курмыша и такое рассказали, что волосы дыбом.

– Вольно тебе было слушать нетчиков, – жёстко сказал Барятинский. – Они знают, что их за невяку в свои полки ждут батоги, вот и брешут, что не попадя.

– Эти не врут, окольничий! – горячо вымолвил Чубаров. – Хоронились эти дворяне от воров в лесу, да не схоронились, набежали на них крестьянишки, схватили четверых и предали лютой казни...

– Видать, на колья рассадили? – сухо поинтересовался Барятинский.

– Пригнули друг к другу молодые дубы, привязали дворян к ним за руки за ноги, и порвали на части...

– Даже так! – воскликнул окольничий. – Гляди, какие затейники! Не мякни, полковник, это нам на руку: теперь дворянишки наконец поймут, что их место не запечья обнюхивать, а быть в полках, как им и предписано – конно и оружно!

Барятинский взял со стола отписки царю и казанскому воеводе.

– Пойдешь, Чубаров, посыльщиком к Урусову. Отдашь ему мою отписку и на словах испросишь у него пехоту и полевые пушки. Перед князем не заносись, но будь твёрд. Возьми с собой полсотни рейтар на лучших боевых конях и в полной ратной сбруе. Проверь, чтобы у всех доспехи были начищены, и пусть лучшую одежду наденут, дабы у казанцев от вашего боевого вида дух захватывало. А другую отписку, великому государю, отправь из Казани с двумя рейтарами. А ну-ка, встань на свет, я тебя огляжу!

Чубаров смутился и ступил на половицу, на которую из небольшого оконца сочился солнечный свет. Барятинский приблизился и постучал пальцем по доспеху полковника.

– Добрый у тебя нагрудник, а шапка помята. Негодно в таком виде являться к князю.

Он подошёл к плетённому из ивовых прутьев походному сундуку, открыл крышку и достал блестящий золотом шлем с сутаной из белоснежных перьев.

– А ну, прикинь на свою башку, Чубаров!

Полковник положил железную шапку на стол и надел на голову иноземный шлем.

– Чистый лях! – воскликнул окольный. – Как раз такой, которого я сшиб с коня под Киевом. Вот теперь тебе впору будет говорить с кравчим Урусовым. Шлём береги, на ночь прячь от мышей, чтобы те перья не отгрызли.

– Когда велишь выезжать? – спросил полковник.

– Бери отписки и отправляйся. Без пехоты и пушек я тебя в Тетюшах не желаю видеть.

Барятинский вышел из избы за Чубаровым, посмотреть, как устроились рейтары на новом для них стане. Ночи стали морозны, посему палатки и шалаши были поставлены лишь для сторожей. Свободные от службы ратные люди поместились в избах посада, утеснив обывателей, а также в амбарах и других постройках. Для коней соорудили жердевый загон, Барятинский подошёл к нему и увидел, что рейтары, прежде чем завалиться спать, крепко растрясали посадских людей: на земле было разметано несколько стогов сена, в четыре гряды насыпан овёс, а глубокие и длинные колоды наполнены свежей водой.

Окольный порадовался тому, что от Синбирска ему удалось уйти, сохранив большую часть коней. Без них рейтар не воин, а крестьянские сивки да бурки слишком мелки и слабосильны, чтобы носить на себе облачённых в железо всадников. Дворянин являлся в полк на своём коне, но сейчас могли прийти и безлошадные, таких окольный решил ставить в пехоту, что было для дворянина и наказанием и давало ему возможность, добыв в бою доброго коня, вернуться в рейтары.

К конскому загону подъехало с десятков нагруженных рогожными кулями телег, и окольный подошёл к ним ближе. Навстречу ему поспешил полковник Зыков.

– Воевода не поскупился! – доложил он. – И то скажу, что амбары в этом городке трескаются от съестных припасов: рыба всякая, гречка, говядья и баранья свежанина, на моих глазах бычков и ярков резали, два воза хлебов, один с вчерашними, другой с сегодняшними. Для твоего стола, Юрий Никитич, воевода и лучшие тетюшские люди собрали отдельно, величают тебя спасителем и кланяются ниже земли.

– Они что, глаза мне белужьей икрой решили замазать? – скривился окольный. – В сём городке нетчики, как клопы, в каждом пазу схоронились. Где Зверев? Почему его нет с теми сотнями дворян, что в Тетюшах попрятались?

– Зверев при мне начал перетрясать городок, начиная с казанского конца, – сказал Зыков. – Рейтары злы на тех, кто не явился в полки, и никому не дают спуска. Гонят всех в тычки к соборной площади, там уже полгорода на коленях стоят. Скоро всех сюда пригонят.

Полковник оглянулся на телеги, возле которых уже собрались сержанты, каждый за своей долей пропитания для подначальных людей.

– Дозволь, Юрий Никитич, начать раздачу припасов?

– Пусть берут пай на этот день, – распорядился Барятинский. – И выстави вокруг телег надёжных сторожей. Ты, Зыков, остаёшься у меня полковником на оба полка, посему гляди в оба, чтобы рейтары не забаловали с вином. Питухов бей без моего спросу батогами, до изнеможения.

– А что Чубаров? – спросил полковник.

– Он сегодня уходит в Казань к князю Урусову за пехотой и полевыми пушками.

– Прими, Юрий Никитич, дары от лучших тетюшских людей, – сказал Зыков, и глаза его алчно блеснули.

– Тебя, вижу, что-то заботит, – усмехнулся Барятинский.

– Там есть дубовый бочонок, – растёкшись ухмылкой, доверительно промолвил Зыков. – Я нюхнул пробку и чуть слюной не захлебнулся: романея венгерской выделки, с польской войны такого запаха не чуял.

– Ладно, уговорил. Вели приготовить малое пируванье для поручиков и капитанов, они его заслужили. Я тоже буду.

Зыков повернулся, чтобы идти к своему обозу, но Бярятинский его задержал.

– Распорядись истопить мыльни, чтобы все в чистое переоделись, а то от людей псиной воняет. И мне баньку-мыленку спроворь, я и сам чешусь, как пёс шелудивый.

Скоро по всему посаду запылали костры, запахло дымом, затем мясным варевом. Закурились избы-мыльни вдоль берега неширокой речушки. Листва сохранилась и кое-где зеленела только на молодых дубках, и рейтары их ободрали дочиста на веники, ибо какое русскому человеку мытьё без того, чтобы не пропарить тело до радостного изнеможения, а после рухнуть с берега в ключевой омут.

Денщик под присмотром князя перебирал походный сундук в поисках чистого исподнего, когда в избу вломился капитан Зверев.

– Что, всех пригнал? – спросил Бярятинский.

– Больше трёх сотен дворян, – ответил Зверев, подавая окольниковому свёрнутый в трубку лист бумаги. – Здесь они все указаны поимённо.

Перед крыльцом, окружённые конными рейтарами, в несколько рядов нестройно стояли дворяне.

– Коня! – велел окольниковый.

Денщик мигом подвёл к нему боевого коня, Бярятинский вскочил на него, поднял на дыбы, жеребец всхрапнул и прыгнул в сторону толпы. Люди в страхе попятнулись, но князь понудил коня совершить ещё один прыжок и вселил в нетчиков такой страх, что они попадали на колени. Сзади на них напёрли конные рейтары Зверева, и уже не страх, а ужас обуял дворян, многие закрыли головы руками и стали слёзно молить о прощении.

– Молчать! – хрипло пролаял полковой воевода, возмущённый слезотечением и жалобным вопием служилых людишек. – Клятвопреступники! Вы все целовали крест великому государю на верную ему службу, получили за это поместье и жалованье, но разбежались и попрятались, едва эта служба от вас потребовалась великому государю! Нет на это у меня воли, а то бы я выгнал всех на Казанскую дорогу! И пусть

вас там мужики перевешают на деревьях, порассажают на кольях или порвут на части молодыми дубами!

Окольниковый повернул коня и медленно проехал вдоль коленопреклонённых дворян. За ним следовал Зверев.

– Я зрю, что есть среди вас такие, у кого и оружия нет! – окольниковый остановился возле двух молодых дворян. – Кто такие?

У парней от страха заостенели языки, они лишь взмывали и бились головами в землю.

– Зверев! – велел Бярятинский. – Извлеки из толпы тех, кто безоружен!

Таких оказалось человек тридцать. Палки у капитана Зверева были припасены, и скоро рейтары обрушили их на дворянские спины. Отмалчивались под ударами немногие, большинство же вопили и визжали, извиваясь под суковатыми ивовыми прутьями, но каждому было отмерено, по приговору окольникового, по полсотни батоков.

– В другой раз вздёрну на рели! – объявил Бярятинский. – В рейтары вы не годитесь, мои рейтары оружие не теряют. Служить вам в пехоте солдатами и без жалования. А пока определи их, Зверев, на чёрные работы, пусть начинают службу с самого низа!

– Куда девать остальных, окольниковый? – спросил капитан.

– Пусть подходят ко мне по одному. А ты отмечай каждого по списку.

Зверев объявил о решении окольникового, но желающих первыми приблизиться к свирепому военачальнику не нашлось. Тогда Зверев выхватил из толпы попавшего ему под руку дворянина и приволок к Бярятинскому.

– Объяви своё имя! – велел капитан.

– Петрушка Макеев, – сказал, подрагивая всем телом, молодой дворянин. – Приписан к полку Чубарова.

– Говори, почему не явился на службу! – рывкнул Бярятинский.

– Как можно было явиться? – забормотал Петрушка. – Я с пятнадцатью дворянами, своими соседями, шёл к Синбирску вслед за тобой, окольниковый, так близко, что шавяки от твоих

коней были ещё тёплыми, а возле Промзина Городища переправу через Суру переняли воровские люди, и мы от них едва ушли к Барышской Слободе, там через реку переправились, и в лесу на нас напала воровская мордва числом до сотни, а может и поболее. Мы прыснули в разные стороны, и с той поры я своих соседей так и не видел. Выбежал на казанскую дорогу и пристал к дворянам, что бежали из алатырских мест. С ними и явился в Тетюши.

– Эти алатырцы здесь? – спросил Бярятинский. – Выкликни их ко мне!

Из толпы вышли с десятков дворян, все с саблями, а кое-кто и в железных доспехах.

– Как вы попали сюда? – сурово уставился на них окольниковый.

Алатырцы молчали. Наконец отыскался среди них смельчак, который подтвердил слова Петрушки Макеева. Бярятинский слушал его в полуха, он заранее знал все жалобы: хлебный недород и невозможность купить добрую справу для службы, бегство крестьянишек и обнищание поместного хозяйства, недавний холерный мор и задержка за несколько лет выплаты служебного жалованья. Воевода мало чем мог им помочь, ему самому Разрядный приказ не выплатил пожалованные великим государем наградные деньги за два года пограничной службы в Рязанском разряде, но Бярятинский служил не только за денежные и земельные дачи. К этому его призывал долг высокородного князя Рюриковой крови, поэтому плачи и стоны захудалых дворянишек вызывали в нём не сочувствие, а желание вбить их в землю по самые плечи.

Видя, что воевода ничего не говорит, алатырцы охрабтели, к одному жалобщику присоединился другой, третий, и вдруг все заговорили разом. Бярятинский недоумённо потряс головой, ощерился, как волк, и замахнулся на них плетью, в конец которой был впечатан свинцовый шарик. Железная шапка на голове ближайшего к окольниковому алатырца от удара смялась, а он сам, обеспамятев, рухнул на землю.

– Завтра явиться всем сюда до света, конно и оружно! – Бярятинский поднял жеребца на дыбы и стал наступать на толпу. – Тому, кто припозднится или сворует, смерть!

Рейтары Зверева стали теснить толпу к городской дороге, в их руках замелькали плети, и дворяне что было сил бросились бежать в крепость. Приговорённых к чёрным работам служилых людей погнали мыть котлы и таскать воду для мылен. Находившийся до этого в стороне полковник Зыков подъехал к окольниковому, который взглянул на него пустым, затуманенным злобой взглядом.

– Мыленка, князь, истоплена, – осторожно, чтобы не распалить неосторожным словом воеводу, сказал Зыков. – Изволь испробовать первый пар.

Заметив, что Бярятинский начал отмякать, подъехал к нему ближе и ласково промолвил:

– Вольно тебе было, князь, гневить своё сердце из-за негодных дворянишек. Их на Руси хоть пруд пруди, а ты один такой у великого государя, и замены тебе нет.

Слова полковника всколыхнули в окольном уже начавшее остывать в нём чувство позора, которое он испытал после своего бегства от Синбирска. Вор Разин со своими казакишками и оравой мужичья совершил неслыханное: побил и рассеял непобедимые рейтарские полки, перед которыми не устояли в бою польские жолнёры и шведские драгуны, и притушил сияние славы над Бярятинским, считавшимся одним из лучших воевод русского войска. Это была неслыханная поруха родовой чести всех князей Бярятинских, и Юрий Никитич даже отсюда, из Тетюшей, явственно слышал, как шушукуются и злорадствуют в царском дворце его недруги и завистники. Уж они-то не упустят случая влить в уши великому государю самые изошрённые клеветы на споткнувшегося воеводу и навсегда очернят его в глазах простодушного и доверчивого Алексея Михайловича. Спасти пошатнувшееся положение Бярятинского могла лишь решительная победа над вором, но пока воевать его было не с кем. Ополоумевшие от страха дворянишки были ещё далеко не воины, но других служилых людей у окольного не было, и

ему предстояло в несколько дней сделать из толпы готовое к бою войско.

– Так что там, мыленка готова? – спросил князь, с трудом оторвавшись от своих неотвязных дум.

– Я в неё заглядывал, – обрадовался своему подбrevшему начальнику Зыков. – Полы выскоблены, твой денщик уже дубовый веничек запарил, и холодный квас припасён...

– Веди, показывай, Фёдор, – окольный легонько тронул вперёд коня.

– 10 –

Барятинский, верный своей солдатской привычке, проснулся в утренних сумерках, откинул от себя баранью шубу, под которой лежал на голой лавке, и, шлёпая босыми ступнями по холодному брёвновому полу, подошёл к оконцу. Утро вставало сырым и мглистым, сквозь белёсую пелену тумана неясно проступали очертания соседних изб, амбаров и заборов посада, и доносились понятные окольному звуки многолюдного воинского стана – ржание коней, говор людей, бряцанье железа, удары топора по дереву. Он высунулся в оконце и потянул ноздрями влажный воздух, и сразу почуял горьковатый запах дыма от костров, на их огне уже в котлах начинала закипать вода, и повара, распоров рогожные кули, готовились засыпать в неё дроблёный овёс для приготовления толоконицы, привычной воинским людям утренней сыти, которой они так плотно набивали своё брюхо, что не чувствовали голода до вечера.

Скоро запах овсяного варева послышался и близ князя: денщик принёс ему котелок толоконицы и положил рядом большой ломоть хлеба и кусок варёного мяса, оставшийся от вчерашнего пиროвания. Барятинский привычно умял овсянку с ржаниной и запил еду квасом. К мясу он не прикоснулся, и не потому, что была постная пятница, его не смущало скоромное и в Великий пост. К пище он был равнодушен и ел всегда ровно столько, чтобы сохранить силы и не утратить интерес к жизни.

Всегда молчаливый денщик помог воеводе застегнуть нагрудник и подал шлем, на котором был вычеканен двуглавый орёл. Окольный, бряцая шпорами, вышел на крыльцо и остановился, оглядывая всё вокруг.

К этому времени на стане стало многолюднее и шумнее, как раз нестройной толпой явились из Тетюшей дворяне, все в ратной сбруе, на конях и с оружием. Ими тотчас завладели полковник Зыков и капитан Зверев, сочли по списку и удостоверились, что пришли все, бывшие здесь вчера, а с ними и с десятков новиков, прибежавших ночью из ближайшего леса, когда прослышали о стоянии Барятинского в Тетюшах. Начальные люди разделили обрётённых воинов на равные части, и вышло две роты, пока ещё неполного состава. Много начальных людей было убито под Синбирском, и вместо капитанов на роты назначили подпоручиков, а на полуроты поставили четырёх сержантов. Начальники сразу с ором и битьём накинудись на новиков и построили их по полсотни человек в несколько рядов. Полковник Зыков объехал строй и направился к Барятинскому, который уже сидел на своём жеребце и хмуро взирал на тетюшское воинство.

– Даю тебе, полковник, две недели, чтобы ты из этого людского хлама сделал боевых рейтар, – заявил окольный. – Больше времени у меня нет. Придёт Чубаров, и мы сразу двинемся на Синбирск.

– Нам не впервой, князь, из сброда сотворять витязей! – весело сказал Зыков. – Эти за неделю будут готовы идти в огонь и воду!

Он ведал, про что говорил. За столь малое время подготовить из трусоватых дворянишек безоглядно идущих на верную смерть отчаянных рубак стало бы непосильной задачей для любого иноземного маршала, но только не для русского полковника. И особой хитрости в этом не было. И Зыков, и ротные начальники намеревались учить новиков воинскому делу с такой беспощадностью, что те непременно, после десятка дней непрерывного битья и недосыпа, должны были взмолиться, чтобы их немедленно послали в бой. Ибо каждый тогда поймет,

что в бою он ещё сможет выжить, а в учении его ждёт неминуемая смерть.

– Держи новиков в поле, – велел окольный. – Разбей там стан и не уходи из него без моего слова. Через неделю я наеду и посмотрю, чему ты их научил.

Новые рейтары, спутав ряды, стали выходить из посада в чистое поле. Замыкал их движение воз с палками для битья, на которых сидел заросший до бровей чёрной бородой сержант, исполнявший, в свободное от войны время, обязанности полкового палача.

Через неделю, как он и обещал, окольный приехал в сопровождении Зыкова к новобранцам. Было ветрено, и над полем, вытоптанном рейтарскими конями, белыми шмелями проносились хлопья снега. Барятинского ждали, едва он ступил на границу стана, как тревожно заухали тулумбасы, рейтары выбежали из шалашей, обгоняя друг друга, кинулись к своим коням и встретили окольного в боевом строю.

Полковой воевода медленно ехал вдоль линии рейтар и вглядывался в их лица. Он видел перед собой совсем других людей, чем неделю назад, это было заметно по их отрешённо тупым взглядам, которыми они глядели на окольного, и тот удовлетворённо отметил, что беспощадное учение пошло воинским людям впрок, и они стали готовы к выполнению любого его приказа.

Часть поля была изрыта рвами, за которыми поставили столбы с прибитыми к ним деревянными щитами. Зыков велел подпоручикам приготовиться повести свои роты на препятствия в боевом строю, и отъехал с Барятинским в сторону на небольшое возвышение, откуда всё хорошо было видно.

– Сколько сейчас в каждой роте людей? – спросил окольный.

– Без малого, по двести пятьдесят, – ответил полковник. – Я всех прибежавших к нам дворян немедленно отправляю сюда. Разреши, князь, начинать?

– Начинай!

Зыков вынул из седельной кобуры пистолет и выстрелил вверх. Тотчас первая рота пошла крупной рысью на

препятствия, но вскоре понеслась галопом, с разгона преодолела первый ров, затем второй, рейтары выхватили из седельных кобур пистолеты и на скаку выстрелили по деревянным щитам, которые от ударов тяжёлых пуль начали покрываться дырами и рассыпаться на щепки.

Зыков вопрошающе глянул на окольного и тот недовольно пробурчал:

– Строй сломали, некоторые олухи и пистолетов не успели вынуть, как промчались мимо столбов. Худо, полковник, худо!

Вторая рота прошла через рвы и отстрелялась лучше первой, но Барятинский и тут остался недовольным.

– Не умеют идти на приступ в плотном строю. Учи их, Зыков, времени у тебя на это меньше недели!

В этот же день пришло известие от Чубарова: к Тетюшам подошли три больших струга. На одном были воинские припасы, а на двух других прибыла пехота, стрелецкий приказ полного состава. Барятинский поспешил на пристань, где его встретил стрелецкий голова Юдин, который передал ему отписку Чубарова. Окольный развернул её, углубился в чтение и скоро от досады стал краснее своей рыжей бороды. Полковник слабо знал грамоту, из его каракулей Барятинский понял только то, что его дорогой шлем с белыми перьями цел, а сам Чубаров обещает скоро быть в Тетюшах.

– Как там, на Казани, мой Чубаров? – спросил окольный.

– Он у князя Урусова в большом уважении, – ответил стрелецкий голова. – Живёт в воеводской избе, ест и пьёт с кравчим за одним столом.

– Оставь, Юдин, сотню стрельцов на разгрузку струга, а остальных веди к полковнику Зыкову, он укажет тебе место, где ты разобьёшь свой стан.

Скоро пришёл капитан Зверев с полусотней телег, которые он насобирав у обывателей города. Стрельцы снимали с себя оружие и стали выносить со струга воинские припасы: рогожные кули с порохом, небольшие, удобные для перевозки, свинцовые чушки, лубяные короба с гранатами, железные ядра для полевых пушек россыпью, несколько сот копий для копейной пехоты и большой деревянный ящик, который

полагалось открыть только полковому воеводе. Барятинский велел сорвать с него крышку, в ящике оказались три сотни седельных пистолетов шведской работы, смазанные рыбьим жиром и присыпанные мелкой стружкой.

После воинских припасов с грузового струга вынесли много рогожных кулей с толокном и сухарями, коробов с рыбой и выкатили пять восьмивёдерных бочек зелена-вина для укрепления здоровья и воинского духа рейтар и пехоты.

Полковник Чубаров явился в Тетюши 18 сентября 1670 года посуху и привёл с собой полносоставный стрелецкий приказ и полтысячи рейтар из ближних к Казани нижегородских волостей, которые попрятались от воровских людей близ князя Урусова.

Окольныйничий, построив своих рейтар, встретил Чубарова на воинском стане. Полковник подъехал к князю на дорогом тонконогом жеребце, сияя золочёным с белыми перьями шлеме.

– Вижу, возлюбил тебя князь Пётр Семёнович, раз пожаловал туркменским конём, – усмехнулся Барятинский. – Тебя, Чубаров, нужно отдать в Посольский приказ и отправлять на посылки к иноземцам. Что за слова ты нашёл, чтобы улестить спесивого казанского воеводу?

– Не я, великий государь нашёл такие слова, – сказал полковник. – Он устроил Урусову за его сидение в Казани вдали от вора грозную выволочку и посулил отправить воеводой в Даурию. Но вслед за своей немилостью дал кравчому солдатский полк Трифонова, потому он так легко расстался с двумя стрелецкими приказами, у него их есть ещё два, да ещё несколько тысяч конных татар, которые пребывают к вору Разину в великой ненависти за его бесчинства над Едисанской ордой и бусурманами на Каспии.

– Стало быть, Урусов теперь готов идти на Синбирск? – спросил Барятинский.

– Поспешного выхода чаять не стоит, – сказал Чубаров. – Князь мешкает до крайней возможности и будет в Синбирске через день после того, как ты сокрушишь вора. А посыльщиков к великому государю с известием о победе постарается отправить раньше тебя.

– Что ж, это в его повадках, загребать жар чужими руками, – согласился с полковником окольныйничий. – Объяви начальным людям, что всем полкам, приказам и прочей пехоте быть готовыми к строевому смотру. А сегодня разбери, вместе с Зыковым, всех прибылых рейтар по своим полкам.

Через день войско Барятинского вышло из Тетюшей и отправилось в сторону Синбирска. Окольныйничий имел в строю два полка рейтар и до двух тысяч пехоты. За войском, охраняемый ротой рейтар, двигался обоз и полевые пушки. Сам полковой воевода находился во главе передового полка рейтар Чубарова, из которого две сотни всадников были отправлены вперёд для проводывания местности. Им было велено хватать всех, кто им попадётся, и решать, как с ними поступать: явным ворам, после жёстких расспросов, рубить головы на месте, а более важных пленных и всех дворян посылать на суд окольного.

Отойдя тридцать вёрст от Тетюшей, войско, после ночлега, вышло к Свяге, и близ села Куланги к Барятинскому прибежал рейтар из передового охранения и донёс, что на них нашла бунтарская ватага крестьян, вооружённых косами, вилами и дубьём, числом тысячи в три душ, которые норовят прижать рейтар к глубокому и крутому оврагу.

Чубаров был рядом, и окольныйничий велел ему вести полк на воров, и рубить, и стрелять их без всякой жалости. Полковник привстал на стременах, вырвал саблю из ножен и, издав нечленораздельный пронзительный вопль, пустил коня крупной рысью. За ним, на ходу перестраиваясь в боевые ряды, растекаясь в ширину, пошёл рейтарский полк, более тысячи всадников, и подмёрзшая за ночь земля загудела под тысячами конских копыт, и вспугнутая этим гулом с голых вершин берёзового леса снялась громадная стая ворон, и с оглушительным гомоном полетела, как чёрная туча, в сторону Свяги, заслоняя собой тусклое предзимнее солнце. Рейтары Чубарова, бежавшие от Синбирска, и новые, из нижегородцев, были дворянами, и шли вперёд, пылая лютой ненавистью к рабам, которых они считали за говорящий скот, внезапно

охваченный бешенством бунта и кинувшийся бодать и топтать своих владельцев.

Ослеплённые яростью крестьяне пёрли на прижатых уже к краю оврага рейтар передовой роты и проглядели смерть, которая накатила на них сзади. Рейтары Чубарова выстрелили из пистолетов, взялись за сабли, и началась резня. Мужиков охватил ужас, они кинулись бежать во все стороны, их гнали, рубили и топтали конями. Скоро всё поле возле Куланги было усеяно убитыми, а спасшихся от немедленной смерти ожидала мучительная казнь.

К ним подъехал Барятинский и велел всех казнить расчленением. Полковые палачи опростали из мешковины свои особые широкощёкие топоры и принялись на колодах лишать людей ног, рук и голов. Так казнили шестьдесят семь человек, остальных окольных велел бить до полусмерти палками, чтобы им неповадно было бунтовать в другой раз.

Барятинский убедился, что скоро дойти до Синбирска ему не удастся: на речке Карле на него навалилась тысячная толпа мужиков, и на то, чтобы с ней расправиться, ушёл целый день. Из-за боя случилась большая задержка возле села Кырсадаки, затем рейтарам пришлось разгонять и казнить бунтовщиков у села Старые Маклауши.

Точных известий о судьбе Синбирска у Барятинского не было. Пойманные воры рассказывали небылицы и всякий раз другие, и окольный не мог понять, что там происходит на самом деле, пока близ Тагая, уже на засечной черте, к нему не привели человека, объявившего себя поручиком Надёжой Кезоминым. Барятинский недоверчиво на него посмотрел, но пришелец выпростал из холопской одежды свиток грамоты и подал её полковому воеводе.

– Ты когда ушёл из Синбирска? – спросил, прочитав письмо Милославского, окольный.

– Позапрошлой ночью, – ответил Кезомин. – Воевода сам меня отправлял и велел передать тебе, князь, чтобы ты поспешал на выручку града.

– Стало быть, припёк вор князя Ивана! – сказал окольный. – Говорил я ему, чтобы дал мне солдатский полк, и тогда бы не

было осадного сидения, а вора давно бы схватили и отправили в Москву... Как Синбирск?

– Худо. Воры взгромозили на Казанской стороне вровень с пряслем земляной вал, мечут с него беспрестанно огонь, по несколько раз в день идут на приступ. Синбиряне изнемогли от постоянных боёв, многие убиты, втрое больше пораненных, а Стенька своих людей не считает, мужики к нему валом валят и конца их приходу не видно.

– Сколько же сейчас у вора людей? – спросил окольный.

– Как бы не обнести тебя, князь, неправдой, – подумав, сказал Кезомин. – Скажу, тысяч с двадцать, а сегодня вдруг к вору привалит толпа в пять тысяч мужиков, а может и поболее.

– Добро, пусть будет так, – окольный позвал своего денщика. – Дай поручику коня и оружие. Сегодня войско заночует в Тагае, а завтра я поведу его на Синбирск.

Острог Тагай на черте встретил государево войско молчанием. Рейтары обшарили избы и выгнали из них несколько жёнок и два десятка малых ребят.

– Где ваши мужья? – спросил Барятинский испуганных жёнок, но те лишь беспрестанно кланялись и закрывали собой ребятишек.

– Известно где, – сказал, наезжая на жёнок, капитан Зверев. – Все поголовно ушли к вору. Отвечайте, или я вас попотчую плетью!

Жёнки, обливаясь слезами, завывали, окольный развернул коня и поехал к избе, приготовленной ему для ночлега.

Ранним утром войско отправилось по засечной черте к Синбирску и близко к вечеру достигло берега Свяги, за которой круто поднималась Синбирская гора. Самой крепости от Свяги не было видно, но небо над вершиной горы было задымлено пожарищами. Неожиданное появление рейтар Барятинского смело воровских людей с левого берега реки, и Конная слобода была пуста.

Рейтарские полковники и стрелецкие головы собралась вокруг окольного и ждали его распоряжений. Они знали, что не позднее, чем завтра им предстоит сразиться со злодеем не на жизнь, а на смерть, и победа в этой схватке во многом зависела

не только от храбрости и боевого опыта рейтар и стрельцов, но и от того, как будет ими распоряжаться полковой воевода. Начальные люди верили в своего окольного, но не догадывались, что того томила неуверенность в исходе сражения, князь ещё не изжил в себе унижающее его чувство позора, которое он испытал, спасаясь бегством от вора. Но вместе с тем Стенька научил Бярятинского осторожности, и она склонила его принять разумное решение.

– Будем ждать вора здесь. Ему уже ведомо, что мы пришли, это его распалит, и завтра с утра он кинется на нас всей своей мощью. Тебе, Чубаров, я поручаю сохранность обоза. Отведи его на полторы версты от берега и не спускай с него глаз. Голова Юдин, видишь те ракитовые кусты? Схоронишься в них с одним приказом и пушечным нарядом. Остальные стрельцы и другая пехота встанут в полуверсте от берега. Когда воры перелезут через Свиягу и кинутся на них, пехота, держа строй, наведёт их на пушки. Добивать воровских людишек будут рейтары.

С правого берега Свияги за Бярятинским наблюдал черкас Очерет. Появление государева войска его огорчило: завтра, по уговору с Разиным, он намеревался отойти от Синбирска и следовать с оставшимися у него казаками в милые его сердцу Запороги. «Не отпустит меня, Стенька, – сокрушался Очерет. – А уйти от него убёгом будет не по-товарищески».

К нему подошёл мужицкий атаман, чья ватага с дубьём и вилами в руках сторожила правый берег Свияги.

– Велишь разломать мосты, есаул? По ним рейтары могут перелезть на нашу сторону, и мы их не удержим. Мои ребята вмиг порушат мостовые плети.

– Не позволяю! – строго промолвил Очерет. – Мосты ни в коем разе не ломай и крепко их сторожи. Даст Бог, в башку Юшки Бярятинского затмение найдёт, и он кинется к пряслам. Там-то мы его и встретим. А бить его нам не впервой.

Черкас развернул коня и поехал в гору. Мимо шли казаки, которых Разин послал присматривать за Бярятинским, и Очерет им тоже крепко наказал беречь мосты, которые мужики, по дурости, могли порушить. От крепости доносилась пушечная и

пищальная пальба, Крымское прясло и вал были окутаны дымом, сквозь который прорывались всполохи огня. Приход Бярятинского расшевелил Разина, и он повёл казаков и мужиков на очередной приступ, смутно надеясь, что в этот раз ему удастся сломать ослабевающее с каждым днём сопротивление синбирян. Мужики с топорами и копьями дуром пёрли на пищальные пули и пушечный дроб, и десятками валились с мостов за смертью. Их вела на верную гибель не осмысленная отвага бывалых воинов, а озлобленная обречённость людей, загнанных бунтом в тупик, из которого не было выхода, кроме смерти.

Когда Очерет подъехал к крепости, приступ уже был отбит, и Разин стоял возле своего шатра, отирая мокрой тряпкой лицо и руки от чужой крови.

– Что, видел Юшку? – спросил атаман, опалив черкаса ещё неостывшим от боя огненным взглядом. – Много ли он рейтар за собой привёл?

– Рейтар много больше, чем в прошлый раз, но у него теперь есть и стрелецкая пехота.

– Вот и добро, что все вместе явились, – усмехнулся Разин. – Не надо будет за ними гоняться. Поутру всех сразу и побьём. Или ты в смущении?

– Бой покажет, – сказал Очерет. – А ведь завтра день Покрова...

– Ну и что с того? Или Пресвятая Богородица теперь Юшкина заступница? Я, Остап, крепко помню, что в этот день ты обещал меня покинуть. Что ж, иди в свои Запороги хоть сейчас, я тебя не держу.

– За что ты, Степан, меня укорил? – сердито произнес Очерет. – Я товарищей не бросаю. Схожу завтра с тобой на рейтар и уйду своим путём.

– А я знал, что ты меня не покинешь, – заметно обрадовался Разин. – Могло бы как раз твоих казаков и не хватить для завтрашнего боя. Сейчас сойдутся есаулы и старые казаки, надо размыслить, как взять Юшку за горло.

В утро Покрова Пресвятой Богородицы разинское войско зашевелилось и зашумело много раньше, чем в прежние дни. Сторожа на городских пряслах с тревогой смотрели, как вокруг крепости, разгоняя потёмки, запылало множество костров, заржали и зафыркали кони, задвигались толпы воровских людей, из острога, освещённого многими огнями, выехали полевые пушки, и большая часть казаков и мужиков стала по нескольким дорогам стекать в Свяжское подгорье.

Старший в эту ночь над сторожами капитан Мигунов, почесав в раздумье и смущении затылок, всё же решил разбудить своего полковника и донести ему об уходе воровских людей от стен града. Зотов, позёвывая, выслушал капитана, выругался и встряхнулся.

– Не умыслил ли вор какой каверзы? – сказал он. – Иди, Мигунов, на прясла и зри за всем, что делается вокруг. А я извещу воеводу.

Скоро облачившись в кафтан, полковник вышел из своей комнаты и крикнул: дух солдатской избы был так крепок и жгуч, что у него запершило в горле. В большой горнице спало больше сотни солдат, и в ней было не только душно, но и жарко. Зотов издали трижды перекрестился на помаргивающий перед образом Спасителя свет лампы и, стараясь не потревожить спящих людей, вышел наружу. Было ещё темно, но дорогу до воеводской избы полковник нашёл бы и с закрытыми глазами. Проходя возле соборной церкви, он увидел, что возле неё уже стоят люди, скоро должна была начаться утренняя.

Милославский уже опростался от жарких объятий своей девки-душегрейки и прохладился на крыльце в накинутой на плечи шубе.

– Что явился ни свет, ни заря? – спросил он. – Если с праздником поздравить, то рано. Приходи за полдень на уху и пироги с молитвой.

– Стенька задумал явно недоброе, – донёс Зотов. – С большей частью своих людей он ушёл к Свяге. Как думаешь, Иван Богданович, к чему бы это?

– Вот это вести! – восторженно воскликнул князь и быстро засунул руки в рукава шубы. – Поспешим на свияжское прясло!

– А что мы с него увидим? – охладил воеводу полковник. – Ещё темно.

– Не скажи, – князь поднял голову. – Уже засветлело. А с прясла мы, может, и ничего не увидим, но услышим. По лёгкому морозцу далеко слышать.

Небо за Волгой, и вправду, начало светлеть, звёзды притушились, но над Свягой было ещё непроглядно темно. Зотов и Милославский стояли на верхнем мосту прясла и, обратившись в слух, ждали, что из Свяжского подгорья донесётся до них хоть какой-нибудь звук. И дождались. Издалека до них докатились глухие, едва слышные удары полковых тулумбасов: «Бум! Бум! Бум!»

– Это Барятинский! – воскликнул Милославский. – Пришёл таки окольный на выручку Синбирска! Молись, Глеб Иванович, чтобы Бог был на его стороне, и вор нашёл свою погибель!

Полковник лучше Милославского понимал, какое тяжёлое испытание предстоит вынести войску окольного.

– Князь строит полки, – промолвил он. – Но пока ни он, ни Стенька друг друга не видят.

Полковник угадал: разинское войско по трём наплавным мостам переходило через Свягу, совсем не видя государевых воинских людей. Из туманных сумерек до них лишь доносились гулкие удары тулумбасов. Сберегая казаков, Разин пустил вперёд мужиков и они, притопив мосты своей тяжестью, бесстрашно шли на левый берег, черная лаптями студёную воду и крепко сжимая в руках оружие. Мосты устояли на плаву, и по ним пошли казаки, которые вели своих коней в поводу, а рейтарские тулумбасы продолжали сотрясать воздух, призывая к битве.

Одно войско стояло против другого, и все ждали, пока развиднеется. Но вот тьма начала понемногу рассеиваться, и Разин, сопровождаемый Бумбой, выехал вперёд мужицких толп, которые чёрными роями клубились вокруг своих атаманов. Почти ни у кого из этих людей Степан Тимофеевич не знал

имени, за месяц осады перед ним прошли десятки крестьянских вожakov, и он не мог их всех упомянуть, но все они боготворили Разина, и сейчас, медленно проезжая перед ними, он вызывал в людях такое неудержимое ликование, что никто не мог удержаться, чтобы не завопить во всё горло, приветствуя великого атамана всея гулевой Руси.

Объехав мужицкие ватаги и взбодрив их своим появлением, Разин вернулся к есаулам, которые стояли впереди казаков. Все притихли, и атаман понял, что от него ждут слова.

– Сегодня наш день, побратимы! – вскричал, обращаясь ко всему казацкому войску, Степан Тимофеевич. – Побьём Юшку Барятинского, и Синбирск будет наш, и Нижний Новгород! На рейтар идите, когда они растратят пули на пехоту, а в сабельном сражении рейтар казаку не соперник. Встретим рейтар пицальным боем и сразу навалимся на них со всех сторон. Знайте, что я буду с вами с начала и до конца сечи!

Когда Разин закончил речь и вложил свою дамаскской выделки саблю в ножны, Фрол недовольно произнёс:

– Не атаманское это дело, Степан, рубиться наравне с простыми казаками. Не дай Бог, случится с тобой худо, и войско останется без головы.

– Не накаркивай беду, Фролка! – отмахнулся от предостережения брата Степан Тимофеевич. – Дай и мне повеселиться боем, всем нутром чувую, что сегодня мой день.

Разин сказал правду, он и на самом деле предчувствовал, что сегодня с ним случится такое, что бесповоротно переломит его судьбу. Устав томиться неизвестностью своего будущего, бесповоротно покинутый своим покровителем Гориничем, атаман решил поставить на кон сражения собственную жизнь.

– Если со мной в бою случится лихо, то вашим атаманом пусть будет Корень.

И дивно, что есаулы не возразили своему предводителю, а лишь потупились и завздохали. Им показалось, что он сказал это не зря. Многие из них уже замечали, что Разин стал чудить больше обычного и задумываться, а это по воровскому и казачьему поверью не сулило ему добра.

Внезапно удары боевых барабанов смолкли. Государево войско построилось в ряды, и князь Барятинский в мгlistых утренних сумерках стал объезжать пехоту. Приказ стрельцов и с полтысячи безлошадных дворян стояли в пятнадцать рядов в версте от Свяги. Вооружённая бердышами и пищалями, пехота выглядела грозной силой, но опытный воевода знал, что люди не выспались и замёрзли. Ещё он сомневался, что они выполнят задуманный им отход к пушечной засаде.

– Все ли стрельцы и дворяне знают, что им надлежит делать? – спросил Барятинский стрелецкого голову.

– Твоё повеление, князь, доведено до каждого полуголовы, сотника, полусотника и десятника, – ответил Юдин. – Но есть нужда в том, чтобы было кому их опаматовать, если у стрельцов и дворян от страха помутится разум.

– Дельно мыслишь, – сказал Барятинский и оборотился к сопровождавшему его полковнику Зыкову. – Поставь роту рейтар, чтобы они охолодили пехоту, коли она побежит. Но не саблями, а плетями!

Когда окольный подъехал к полку Чубарова, уже развиднелось. Рейтары сидели на боевых конях, все в ратной сбруе, железные нагрудники и шапки поблёскивали от осевшей на них туманной мороси. Рейтары выглядели свежее пехоты: они выспались рядом со своими конями, где им было тепло и покойно, и теперь, каждый со своей думой, ждали начала сечи.

– На мужиков, Андрей, не лезь, – сказал князь своему любимцу Чубарову, – зря растратишь на них пули, а вор только этого и поджидает. Враз навалится на тебя казачьим войском.

– Я уже учён Стенькой и его повадки ведаю.

– Зыков, ты пойдёшь вслед за Чубаровым, – распорядился Барятинский. – И глядите в оба за вором, у него навывчка лезть в сечу. Будет такая удача, возьмите его живым, достанете только голову, бранить не стану.

От полка Чубарова окольный отъехал на невысокий взгорок, где два знаменщика держали полковые знамёна, стояли тулумбасы и находились с десятков рейтар, которых князь мог использовать на посылки в полки и приказы. Солнце ещё не вылезло из-за Синбирской горы, но было уже светло, и

Барятинскому стали хорошо видны великие мужицкие толпы, затопившие берег Свяги. Они его ничуть не устрашили, он высматривал казаков и, наконец, увидел их за большими осокорями у самого края воды, сбившихся в плотные ряды, на своих неказистых, но крепких конях.

Разин не спешил начинать битву, и князь решил его поторопить: велел недолго пробить в тулумбасы. Боевые барабаны пробудили Стеньку, он увидел своего кровного врага, сидящего на коне под сенью полковых знамён, и возжётся яростью. По мановению атамана мужицкие ватаги ошетились косами и копьями и медленно стали двигаться на государеву пехоту. Врагов отделяли друг от друга сначала с полверсты, потом счёт пошёл на сотни сажений. Стрельцы и дворяне спешно готовились к пищальному бою: первый ряд встал на одно колено, второй целился стоя, пехота из третьего ряда заполнила промежутки между строями и тоже была готова открыть прицельный огонь.

Мужики ещё не знали силы кучного пищального боя и пёрли на пехоту с удалью, как будто спешили сразиться с ней на кулачках. Загремели выстрелы, извергая из пищалей клубы дыма, передние ряды мужицких ватаг были выбиты, но живые не дрогнули и, переступая через павших, вонзили свои косы и копьё в передние ряды пехоты. Теперь солоно пришлось стрельцам и дворянам, мужики их резали и кололи, но больше сваливали на землю и затаптывали насмерть. Рёв обезумевших от ярости людей, вопли ужаса поверженных и стоны раненых от поля сражения докатились до прясел осаждённого града, и Милославский приказал бить во все колокола, чтобы дать знать Барятинскому, что синбиряне живы и ждут от него скорого к ним прихода.

Когда мужики истребили первые ряды пехоты, стрельцы и дворяне стали отходить, но их враги в них так крепко вцепились, что, отступая, они вынуждены были биться изо всех сил. Пушечная засада была уже близка. И капитану рейтар показалось, что пехота вот-вот побежит, он собрался напустить на нее рейтар, но стрельцы и дворяне устояли. Сражаясь, они продолжали медленно отступать, и бледный от волнения

стрелецкий голова Юдин с трудом сдерживался, чтобы не начать до времени пушечную пальбу.

Кроме пушек у Юдина была сотня стрельцов с мушкетами, и все они, установив своё оружие на сошки, ждали своего часа, как приказ стрельцов, нацеливших пищали на уже близкое мужицкое войско, за которым, привстав на стременах, наблюдал весьма довольный ходом сражения князь Барятинский.

Степан Тимофеевичу свалка пехоты с мужиками была нелюбопытна, и в сторону боя он не смотрел. Он знал, что исход сражения решится в сечи рейтар и казаков, и для того, чтобы он оказался в его пользу, из перешедших по мостам новых мужицких ватаг строил перед казацким войском заслон, который должен был ослабить первый, самый опасный натиск рейтар. Мужицкие атаманы, радостные, что над ними начальствует сам Степан Тимофеевич, ставили своих людей живым щитом перед казаками.

Неожиданно для разинцев раздалась пушечные, мушкетные и пищальные залпы из засады, которые сразу выбили сотни мужиков, а на оставшихся в живых ударили стрельцы Юдина и воспрянувшая духом пехота. Но и после многих потерь ватаги были ещё многочисленными, они отходили к реке, но ожесточённо сопротивлялись и не утратили воли к победе.

Князь Барятинский, довольный удачным исполнением своей засадной хитрости, решил, что пришло время двинуть вперёд рейтар и, приблизившись к полкам, громко возвестил:

– Пожалую сто рублей тому, кто доставит мне вора живым или мёртвым!

Сто рублей были великим богатством, и рейтары встретили слова окольного радостным и оглушительным воплем. Многие из них возмечтали встретиться и сойтись в рукопашной с самим Разиным. Часто и громко начали бить тулумбасы, и тысяча облачённых в железо рейтар чубаровского полка пошли на казацкое войско неторопливой и мерной рысью. За ними, чуть забирая вправо, двинулись рейтары полковника Зыкова. Половина его полка были новики, из дворян, найденных в Тетюшах, которые особо горячо жаждали крови воровских казаков.

Разина грозный вид устремившегося на него государева войска не смутил, и он скорым шагом двинул им навстречу мужиков, а казаки пошли за ним следом, первыми своими двумя рядами растекаясь в ширину, чтобы все они разом смогли, не мешая друг другу, встретить рейтар выстрелами из длинноствольных пищалей. Мужичий заслон на какое-то время сумел сберечь казаков от удара рейтар, которым пришлось пробиваться к ним через косы и копыя ватажников, расчищая себе дорогу пулями и саблями, и лобового столкновения не случилось. Но скоро казаки и рейтары перемешались друг с другом, и бой стал множеством поединков без правил, в которых побеждал не сильнейший, а тот, кого берегли судьба и слезные молитвы родных и близких.

Отчаянный Очерет со своими черкасами врубился в полк Зыкова с такой силой, что сумел оторвать от него сотни четыре рейтар, которые смешали ряды, но устояли и, выхватив из седельных кабур пистолеты, смогли выстрелить в казаков и многих побить, но павшие будто оставили силу живым, и в сабельных схватках запорожцы чаще брали верх над рейтарами, и скоро Зыков стал оглядываться на окольного, ожидая от него подмоги.

Под началом есаула Корня была тысяча казаков, они сшиблись с полком Чубарова, и оба войска увязли друг в друге. Люди не только рубились на саблях, но часто сходились так близко, что могли грызть друг друга зубами. Бой шёл по всему полю, всадники топтали пехоту, но пешие воины и мужики также наносили им немало вреда, и уже много коней, потеряв своих хозяев, металась по полю ещё невиданной на Руси битвы между голытьбой и дворянами.

Государево войско полным своим составом вступило в сражение, и князь Барятинский с невысокого взгорка взирал на кровавую сечу, тоскуя, что у него не осталось в запасе воинских людей, которыми он смог бы усилить свои полки. Исход сражения был далеко не ясен, сошлись сила на силу, и победить должен был тот, чей воинский дух и воля к победе будут решительнее и твёрже.

Среди рейтар было немало бесшабашных удальцов, возжаждавших завладеть сторублёвой головой атамана, и Разину не приходилось искать себе поединщиков. Не успевал он снести саблей голову или разрубить на части одного рейтара, как тут же перед ним вздыбливал своего коня другой, но и этот, как следующий, не становился помехой на победном пути атамана. Рядом с ним рубились свирепый Бумба, брат Фрол и верные казаки-одностаничники.

Степан Тимофеевич уже побил многих рейтар, когда на него пошёл могучий алатырский дворянин Семён Степанов. Он сумел сохранить заряженным один пистолет и выстрелил в атамана, не дойдя до него несколько шагов. Тяжёлая пуля ударила Разина в грудь и сшибла его с коня. Степанов, спеша завладеть богатой добычей, упал на него сверху и стал вязать ему руки, но верный Бумба пронзил рейтара своей калмыцкой пикой и тут же пал с разрубленной головой на залитую кровью землю.

Над телом поверженного атамана закипела кровавая сеча. Рейтары рвались уволочь его к себе, но казаки рубились за Разина с такой неистовой мощью, что скоро в полку Чубарова не осталось ни одного храбреца, кто бы посмел к ним приблизиться. Фрол кинулся к брату и прижался ухом у его груди.

– Жив! – радостно вскрикнул он.

Казаки подхватили атамана и понесли его на руках. Никто не посмел встать у них на пути.

Степан Тимофеевич был крепко ранен, но над полем сражения разгулялась другая, чёрная весть, что атаман погиб, и это известие так поразило казаков и мужиков, что они сразу почувствовали, как у них стали убывать силы. Нашли свою смерть Очерет, Однозуб и многие старые казаки. Но был жив Корень.

– Надо держать рейтар, пока атамана не унесут за реку! – крикнул он своим казакам, и его люди встали на пути рвавшихся к Свяге дворян. Кровавая сеча закипела с новой силой. Барятинский, успевший возрадоваться вести о гибели вора Стеньки, решил, что войску пора его видеть и поспешил к

пехоте, которая не преследовала отступавшие мужицкие ватаги, чтобы её подбодрить своим грозным словом.

Степан Тимофеевич лежал на траве, и над ним склонился лекарь Нефёд.

– Поспешай, старый! – торопил его Фрол.

Нефёд завязал узел повязки, отрезал ножом концы.

– Берите его на руки, – сказал он казакам. – И с великим бережением несите в острог.

Тяжёлая плеть окольного прогулялась по спинам стрельцов и дворянской пехоты, они взбодрились и кинулись в бой. Почувствовав поддержку, усилили натиск рейтары, и бунташное войско обратилось в бегство. Казаки успели на своих быстрых конях занять мосты и без потерь перешли на другой берег. Следом за ними кинулись мужики, на мостах началась давка. Бревновые плети под тяжестью людей стали тонуть и разрываться между собой, люди оказались в студёной воде и многие утонули. На оставшихся на левом берегу мужиков накинудись рейтары и истребили всех, кто там был, кроме тех, кто бросился в реку. Но немногие мужики смогли преодолеть Свягу вплавь и добраться до правого берега.

Брятинский был не в силах преследовать разбитое бунташное войско: рейтары и пехота понесли тяжёлые потери, выбились из сил, людей нужно было накормить и дать им время на отдых, чтобы они окрепли и воспряли духом. Окольный велел начальным людям дать ему сведения о потерях, и вскоре ему доложили, что убито и ранено более тысячи рейтар и пехоты, и государево войско убавилось почти на четверть своего личного состава.

Это известие повергло Брятинского в глубокое раздумье. Бывалый воевода колебался, как ему поступить: спешить на выручку осаждённым синбирянам или, огородившись обозом, стоять на месте и ждать князя Урусова с его войском. Эти сомнения разрешил внезапно донёсшийся до окольного звон колоколов: Милославский опять подавал ему знак, чтобы он шёл освобождать крепость от осады.

В обозе про голодное войско не забыли, уже с утра для людей было готово толокно, в коробах лежали нарезанные

ломти хлеба и связки вяленой рыбы. Всё это на телегах доставили в полки и приказы. Рейтары и стрельцы ждали, что князь пожалует всех победной чарой зелена-вина, но бочек на телегах не было, и людям пришлось есть всухомятку, а жаждущие могли смочить глотки свияжской водой.

Окольный велел рейтарам кормить и обихаживать коней, а две сотни стрельцов повёл к реке на восстановление разорванных наплавных мостов. На другом берегу было пусто, воры бежали так резво, что даже забыли поставить против государева войска боевой заслон. Окольный поторапливал людей и через пять часов из пойманных в воде брёвновых плетей был переброшен через реку широкий и прочный мост, по которому воевода тотчас перевёл в Свяжское подгорье пехоту и все пушки. Это дело заняло много времени, и рейтары начали переходить Свягу, когда дневной свет стал меркнуть, а на склоне горы за речкой Синбиркой появились воровские ватаги.

Есаул Корень не забывал о своём атаманстве, но ему пришлось потратить много времени и сил, чтобы привести казаков в боевое состояние духа. Этому помогло известие, что Разин жив, и донские люди воспылали жаждой отмщения. Корню некогда было их пересчитывать по головам, на взгляд он определил, что казаков у него осталось не более тысячи, а мужиков было убито несчётно, но всё равно их оставалось в достатке, чтобы держать крепость в крепкой осаде.

Есаулу донесли, что Брятинский перешёл Свягу с рейтарами и пехотой и идёт на Синбирскую гору. Корню стало понятно, что окольный решил разметать осаду вокруг крепости, и он с казаками и тысячной ватагой мужиков собрался встретить его на берегу Синбирки.

Брятинский думал, что воры, по своей привычке, кинутся на него первыми, и велел, зарядив пушки свинцовым дробом, ждать приступа. Однако бунташное воинство не спешило идти на пули и копыя, а князя пугало близкое наступление темноты, и он пустил вперёд пехоту. Подтащив пушки впотымах к реке, стрельцы окатили разинцев свинцовым дробом и пулями, а затем стали переходить Синбирку вброд. Мужики ждали их на

своём берегу, казаки выстрелили из пищалей, и началась отчаянная сеча.

Пехота сцепилась с мужиками намертво, бой шёл в воде и на берегу, и конца ему не предвиделось. Тогда Бярятинский сам повёл полк Зыкова стороною от места схватки через речку. Рейтары в три скока преодолели Синбирку и, разрядив в замешкавшихся казаков пистолеты, взялись за сабли. Звуки боя достигли крепости, и Милославский велел открыть уже освобождённые от рогожных кулей ворота. Полковник Зотов повёл за собой пятьсот солдат и двести копейщиков своего полка.

Первыми появление солдат заметили казаки и бросились от них в сторону. Пехота усилила натиск, прорвалась на берег Синбирки, и мужики побежали от неё врассыпную. Бывалый Зотов остановил солдат и велел разжечь смольё, чтобы обозначить себя в темноте и избежать стычек с людьми Бярятинского. Это помогло рейтарам и пехоте выйти на синбирян. Вскоре, следом за ними, явился и окольный. В схватке с казаками ему не повезло: его сшибли с лошади, и сейчас замаранный грязью князь зло топоришил рыжую бороду.

– Я, кажется, поспел вовремя? – спросил полковник Зотов.

– Хорош, выручальщик! – заскрипел зубами окольный. – Засел с князем Иваном в рубленном городе и весь день поглядывал, как я с ворами барахтаюсь!

– Надо поспешать, князь, – хладнокровно сказал полковник. – Ночь ворах не помеха, как бы они не переняли нас у крепостных ворот.

– Так что ты медлишь? – продолжал горячиться окольный. – Я же не повис на тебе и не держу!

Сотню солдат полковник пустил вперёд, а с остальными прикрывал рейтар и пехоту сзади. Их продвижению разинцы не чинили препятствий, и вскоре люди Бярятинского и солдаты были в крепости, где их, не скрывая радости, встретили истомлённые осадой синбиряне.

Воротник Федька Трофимов закрыл последний дубовый засов на воротах, и солдаты начали заставлять их рогожными кулями с мукой и солью. С приходом Бярятинского осада не

закончилась, сила мужицкого войска не истощилась людскими потерями: сразу же, вслед за Бярятинским, в Синбирск явился атаман Мурза Кайко с десятью тысячами злых в сече мордовцев и чувашей.

– Я получил от великого атамана Степана Тимофеевича весть, что мои люди ему нужны для битвы с князем Бярятинским, – объявил Мурза Кайко.

– Ты опоздал, атаман, – сказал есаул Корень. – Степан Тимофеевич ранен и лежит без памяти в острожной башне.

– Я уже слышал об этом, но не верил, что случилось такое горе. Проведи меня к нему, есаул, я должен его видеть. Мое войско будет знать, что великий атаман жив, это взбодрит людей на битву.

Разин лежал на лавке, у его изголовья горели две восковые свечи. Спешно найденный среди гуляющих людей убежлый поп клал перед иконой Святой Живоначальной Троицы поясные поклоны и молился за здоровье атамана. Мурза Кайко был язычником, но склонил перед святым образом голову, что-то пробормотал на своём языке и подошёл к Разину.

– Я явился по твоему слову, великий атаман! – отчётливо проинёс Мурза Кайко.

Степан Тимофеевич открыл глаза, приподнял голову и схватил мужицкого атамана за руку. К раненому поспешил лекарь Нефёд.

– Ступайте отсель, – сказал он Корню. – Его нельзя тревожить.

Выйдя из башни, Мурза Кайко удивил и обрадовал есаула своим предсказанием:

– Великий атаман будет жить! Он так крепко сдавил мою руку, что я чуть не вскрикнул.

– Дай-то бы Бог! – Корень впервые за долгое время осенил себя крестным знаменем. – Ты Мурза Кайко явился как раз во время. Как вооружены твои люди?

– По мордовским и чувашским местам объявили указ о запрещении ковать железо, но мы его не слышали. И каждый мой воин имеет копьё с железным наконечником и топор. Завтра я обложу своими людьми крепость, а вечером пойду на приступ.

В тёмный предутренний час из ворот острога вышли два десятка казаков. Четверо вели за собой в поводу навьюченных коней, остальные, сменяя друг друга, несли носилки, на которых, погружённый в беспмятство, возлежал Разин. Обходя сторожевые костры, они спустились в подгорье, к пристани, возле которой стоял готовый к отплытию струг. Казаки внесли на него и поставили на корме носилки, втащили тяжёлые выюки, и есаул Корень поторопил кормщика:

– Отчаливай, Лучка! – сказал он, сходя со струга. – Прощай, Фрол! Жди меня с казаками на Дону.

Казаки всламы оттолкнулись от пристани и стали выгребать по протоке на коренную Волгу, где над стругом взметнулся парус, и он устремился к Царицыну.

Разин заметался на носилках и заскрипел зубами. Лекарь Нефёд кинулся к нему и, удерживая, стал отирать со лба пот сухой тряпицей.

– Что, тяжело тебе, Степанушка? – участливо промолвил он. – Потерпи... Не может быть того, чтобы такой могучей казачище не одолел смерть.

Лекарь невольно угадал: атамана терзала не пулевая рана, а душевная мука. Он видел себя возлежащим на ковровых подушках в просторном и светлом шатре, где перед ним из воздуха вдруг соткалась прекрасная златовласая дева в полупрозрачном шёлковом одеянии.

– Ты кто? – с трудом ворочая пересохшим языком, спросил Разин.

– Разве ты меня не знаешь? – улыбнулась дева. – Я получила от тебя столь богатый подарок, что не могла не явиться.

Степан Тимофеевич потянулся к красавице, схватил её за руку, и его насквозь ожгло ледяным ознобом.

– Стало быть, ты и есть моя смерть, – промолвил, окаменев лицом, атаман. – Вот ты какая...

– Беда с вами, людьми, – нахмурилась дева. – Придумали, что я костлявая старуха, да ещё и с косой. А я всего лишь открываю человеку дверь в его новую лучшую жизнь. Но для тебя ещё не настал час переступить через мой порог.

– Так что ж меня ещё ждёт? – востропнулся Степан Тимофеевич.

Дева взмахнула рукавом шёлкового одеяния, и перед Разиным явился резной столец, на котором, дымясь, стояла золотая чаша.

– Испей, атаман, и всё тебе станет ведомо.

Степан Тимофеевич обеими руками взял чашу и жадно приник к ней пересохшими губами. Сначала питьё приятно охладило его нутро, затем стало сладковато-тёплым и приобрело вкус крови. Разин, с трудом сдержав тошноту, заглянул в чашу и зажмурился.

– Ужели ты ослаб духом, атаман? – промолвила дева. – Ты хотел знать свой последний час, так узри его!

Степан Тимофеевич с трудом разлепил очи, и его взору открылась огромная площадь, заполненная московским простонародьем, устремившим свои взгляды к большому помосту, на который всходил он сам, Разин. Сутулый и длиннорукий палач разорвал на нём рубаху и опрокинул навзничь. Сверкнуло лезвие топора, и скоро атаман был расчленён, а затем обезглавлен.

– Мне Гориныч такую страшную смерть не сулил! – востропнулся, опрокидываясь на ковровые подушки, Разин.

– А что же тебе насулил Гориныч? – спросила дева.

– Великую славу, – прошептал атаман.

– Эх, Степан Тимофеевич! – воскликнула дева – смерть. – Не обманул тебя Гориныч, а уважил. С лобного места тебя узрит вся Великая Русь, и в народном мнении ты обретёшь такую великую славу, какой ни у кого не было и не будет!

– 12 –

Милославский и Барятинский встретились близ воеводской избы и обнять друг друга не поспешили.

– Что же ты, князь Иван, не пустил на воров солдатский полк в полдень? – не сдержался и уколол воеводу окольниковый. –

Тогда бы ни один вор не перелез через Свягу, куда я их опрокинул.

– Добро тебе, князь Юрий, воевать в чистом поле! – не задержался Милославский уязвить Барятинского. – Там бежать есть куда, а в крепости я заперт, как в волчьей яме, и только могу ждать, когда меня вызволят. Но теперь, слава Богу, ты в Синбирске, завтра мы оба два промыслим вора.

– Дай мне от своей победы одуматься, – сказал окольный. – Надо разместить рейтар и пехоту и дать людям отдых.

– А я поджидал тебя, Юрий Никитич, сегодня, и весь день мыленку держал горячей, – Милославский посмотрел на грязную одежду князя. – Изволь хозяину не прекословить и прими моё приглашение. Устройством твоих людей я займусь сам, с полковниками.

Воевода нашёл Зыкова и Зотова, с их помощью утеснил своих солдат и стрельцов и опростал одну воинскую избу, куда поместил триста рейтар со всеми начальными людьми. Остальным рейтарам и пехотинцам нашлось место в шести крепостных башнях, где они разместились тесно, почти друг на друге, но всё же под крышей. Непросто было устроить рейтарских коней, их, по совету Зыкова, воевода до утра оставил там, где их привязали хозяева. Для помещения князя Барятинского была определена половина приказной избы, на другую половину ушли дьяк Ермолаев с подьячими и сундуками для бумаг.

– Окольный, пожалуй, напарился и помылся, – сказал воевода. – Ступай и ты туда, Зыков, пока мыленка не выстыла.

Барятинского, которого он позвал угоститься, Милославский встретил на пороге своей избы. Окольный переоделся во всё чистое и красное: верх собольей шапки, рубаха, штаны, сапоги и кафтан были красного цвета, различались лишь оттенки. Пар и горячая вода не умилили ярко-рыжую бороду князя, и она задорно топорщилась. Наконец и глаза у него оказались красными, с рыжими бровями и ресницами.

– Явился ты, Юрий Никитич, и от тебя в горнице стало светлее.

Окольный принял слова воеводы за лесть и важно прошёл на гостевое место.

Настя поставила на стол блюдо с закусками и, прикусив губу, чтобы не прыснуть смехом, ушла в спальню.

– Обеднел я, сидючи в осаде, – сказал Милославский. – Так что не прогневайся, князь, за хилый стол.

– Будет тебе, Иван Богданович, себя хаять, – окольный глянул на стоявшие на столе кувшины. – Не худо бы после мыльни кваску испить.

– Не обижай меня, Юрий Никитич, – улыбнулся воевода. – Я обеднел, но не обнищал. Что тебе больше по нраву: зелено-вино или романея?

– Я не великий питух. Но после мыленки, если нет кваса, предпочту чару зелена-вина.

Закусывали солёными огурчиками и грибами. Милославский потянулся к пирогу, но его остановил явственно донёсшийся многотысячный вопль толпы.

– Петька! – крикнул воевода. – А ну, скоренько сведай, что там стряслось!

– Это мужики возвопили, – сказал Барятинский. – Знать не к добру.

Милославский, чтобы не были чары пусты, взялся за кувшин, но окольный решительно отказался.

– Благодарствую, Иван Богданович, я больше не буду.

В дверь горницы просунулся денщик, глаза его возбуждённо посверкивали.

– Воры запрудили всё место перед острогом и вопят:

– Атаман жив!

– Ступай! – замахал на Петьку рукой воевода и повернулся к окольному. – Не добил таки ты, Юрий Никитич, вора, а жаль.

– Недолго ему осталось трепыхаться! – уверенно произнёс Барятинский. – Скоро явится с войском князь Урусов, и не быть вору живым!

Настя поджидала своего князюшку, разбирая и расчёсывая волосы костяным гребнем. Одно плечо у неё было оголено, и Милославский, войдя на цыпочках в спальню, впился в него поцелуем.

– Ойюшки! – игриво воскликнула девка-душегрейка. – Ты, князюшка, меня напужал! А как твой гость, остался доволен? Я как увидела его, так чуть не рассмеялась.

– Стало быть, он тебе не показался? – самодовольно спросил Милославский.

– Перед тобой, князюшка, он просто рыжий ёжик, – пролепетала Настя, приникая к воеводе своими мягкостями. – У меня к тебе, милостивец, есть крохотная просьбишка.

– Ну, и чего же ты хочешь, забавница?

– Твёрдышевская мамка, Потаповна, просит за приказчика Максимку, которого ты в тюрьме запер.

– Годи! – воевода отстранился от Насти, задумался и вспомнил молодого парня, которого он вместе с пойманным вором отдавал на расспрос губному старосте Пантелееву и палачу Борьке Харину. Отпускать парня живым было воеводе опасно, тот мог, при случае, рассказать о делах, за которые Милославского на Москве могли взять к ответу.

– Дался старой дуре Потаповне этот приказчик, – лениво промолвил он. – На Максимке висит государево дело, и я его не отдам.

Настя хотела захныкать и разжалобить князя, но, взглянув на его хмурое лицо, задула свечу и повернулась к нему спиной.

Осаждённый Синбирск отходил ко сну. В смрадной воинской избе и в продуваемых холодным ветром с Волги крепостных башнях рейтары и стрельцы, утомлённые многочасовым сражением, погрузились в тёмное беспамятство, которое иногда озарялось видениями минувшей битвы, и ратники, скрипя зубами и вскрикивая, продолжали воевать во сне. Вокруг града горели сотни костров, и между ними на сосновых ветках, завернувшись в свои одежки и тесно притиснувшись друг к другу, спали сорвавшиеся с крепостной помещицей привязи мужикию. Они не ведали, какую злую участь сулит им завтрашний день.

В подклети твёрдышевской избы бодрствовал Савва, он сидел за столом и вписывал в свою синбирскую летопись события минувшего дня. Нелёгкие думы и осадная жизнь

добавили седины в его волосах, он исхудал, и его стали одолевать приступы кашля.

В каморку тихо вошла Потаповна и поставила перед ним на столец большую чару медового взвара.

– Козье молоко тебе надо пить, батька, и каждый день есть парное мясо с гречкой, тогда и оздоровеешь. Но где сейчас найти козу! На весь Синбирск один козёл, да и тот воевода.

– Нет ли доброй вести от его полюбовницы? – спросил Савва.

– За те золотые серёжки, что я ей отдала, можно добрую корову купить, а Настя – девка крученная и верченная, и знает, что я ей не спущу обман, подстерегу и обварю кипятком до смерти.

– Без денег воевода не отдаст парня, – рассудительно промолвил Савва.

– А где их взять? Степан Ерофеевич сгинул безвестно, хозяина в доме нет, а у меня осталась щепотка полушек.

– Рубли найдутся, – сказал Савва. – Парня надо выручать, а то сгниёт заживо в тюремной яме.

– Ты сам тогда ступай, Саввушка, к Насте, и всё у неё вызнай. Но деньги вперёд не давай, ни воеводе, ни его полюбовнице.

Ключница, тяжко вздыхая, удалилась, а Савва вышел из подклети внутрь двора и поднял голову. Заполночь небо над Синбирском очистилось, и крупно возвездило. Белая полоса Батыевой дороги, помаргивая мириадами мелких звёздочек, протянулась с востока на запад, а по сторонам от неё небо было выткано таинственными и бередящими разум звёздными узорами. Над градом, прочертив темноту, пролетала, затухая, белая искра. Савва проводил её взглядом и перекрестился: ещё одна христианская душа нашла успокоение в горних пределах.

В сыром и затхлом подвале тюрьмы Максим проснулся оттого, что лежавший с ним рядом Федот захрипел и, разметав руки, ударил его по плечу. Парень повернулся к товарищу и коснулся его лица. Оно было мокрым и горячим.

– Что, дурно тебе, Федот?

– Дай воды...

Максим ползком добрался до бочки, набрал в кружку воды и вернулся.

– Отхожу я, брат – сказал, утолив жажду, Федот и скрипнул зубами. – Не к Стеньке мне надо было приставать, а уйти в немецкие края. Меня от московских порядков давно стошнило, так нет ещё и уверовал, как дурак, что Разин даст людям волю. А её никогда на Руси не было и не будет.

– Стало быть, у немцев она есть?

– Ничего ты не понял, Максимка: для меня была воля – не жить на Москве. Была, да вся вышла, запнулся о Стеньку и пропал.

Федот обеспамятел и стал бредить. К рассвету он затих. Через недолгое время над головами узников послышались тяжёлые шаги. Это проснулся палач Борька Харин и заходил своими косолапыми ножищами по полу пыточной избы. Вскоре дверь в тюрьму приоткрылась, и в неё просунулась опухшая харя палача.

– Что, сволочи, все живы?

– Федот отошёл, – загомонили тюремные люди.

– Подволоките его сюда! – велел палач.

Максим взял истощавшее тело Федота и подал Борьке.

– Боренька! Милостивец! – заплакались тюремные люди. – Не закрывай совсем дверь! Оставь нам продох!

– Вонять надо поменьше! – рявкнул палач и захлопнул творило.

Тело Федота он сунул в рогожный куль, закинул его на плечо и скорым шагом поспешил к яме, в которой скопом хоронили всех убитых и умерших. Обыватели шарахались от палача с его страшной ношей, мимо воинских людей Борька прошмыгивал боком, солдаты и стрельцы частенько тузили палача ради общей забавы. Яма была заполнена покойниками почти наполовину. Борька швырнул с плеча куль вниз, плюнул на него вслед и вернулся к тюрьме.

Возле пыточной избы его поджидали Савва и Макрида, к которой Настя живо перепроводила монаха по его щекотливому делу. Знахарка недавно свела с рожи палача гнилые лишай и была у него в большом уважении.

– Я к тебе, Бориска, пошептаться по важному делу.

– А это кто с тобой? – спросил палач, окидывая Савву тусклым оловянным взглядом.

– По его делу и разговор будет. Отпирай свою избу, а то люди оборачиваются.

Знахарка первой ступила в пыточную, огляделась по сторонам и промолвила:

– Худо ты бытуешь, Бориска. Пора тебе свою избу иметь на посаде.

– У меня даже малых зажитков нет, – недовольно пробурчал палач. – Жалование всего два рубля с полтиной на год. С воров тоже больших прибытков нет, все они пьянь да голь. Изба больших денег стоит, да и на что она мне?

– Как на что? – всплеснула руками знахарка. – Пора тебе ожениться, Бориска. Не приведёшь же ты невесту в пыточную избу жить под дыбой на крыше тюремной ямы.

– Ожениться мне было бы в самый раз, – вздохнул палач. – Да кто за меня пойдёт? Все люди меня чураются, как зачумлённого.

– А вот и неправда! – живо воскликнула Макрида. – Есть одна, кому ты по нраву. Сразу скажу, что она чуть-чуть была замужем, но всем хороша: телом в твой обхват, щёки как яблоки налитые, глазки маленькие, а щебечет – ну, чисто птаха залётная!

– Я бы не против, – сказал Борька. – Но ты же говоришь, изба нужна.

– А вот по сему делу послушай этого человека и всё сделай, как он велит, – сказала Макрида.

Савве было в новинку вести торг за человеческую жизнь, он всегда просил облегчить людскую участь у Бога, здесь нужно было её вымалывать у палача. Борька утомился ждать, пока он вымолвит слово и раздражённо крикнул. «Как мне величать этого выродка?» – спохватился Савва.

– Что за дело ко мне? – спросил Борька.

– У тебя парень в узилище томится, Максим, твёрдышевский приказчик.

– За него просишь? – спросил Борька и глянул на знахарку. Макрида ободряюще закивала.

– Отдай мне парня, я тебе за него пожалуйю пять рублей.

Палач закусил нижнюю губу и задумался. Деньги большие, но и продавать узника ему было впервой, и он колебался.

– Как я тебе его отдам? За него с меня губной староста спросит. Что я скажу?

Савва устремил беспомощный взор на Макриду.

– Экий ты, Бориска, недотёпа! – желчно вымолвила знахарка.

– У тебя в тюрьме люди мрут?

– Бывает.

– И куда ты их деваешь?

– Как куда? Заверну в рогожу да в яму кину.

– Вот и сотвори с Максимкой тоже самое, – сказала Макрида.

– Как завечереет, отволоки его к яме и там оставь. Забудь страх, сейчас начальным людям не до тюрьмы.

Борька покряхтел и решительно протянул ручищу к Савве:

– Давай деньги!

– Получишь у ямы, когда я увижу Максима живым.

– Ладно! – палач навис над Саввой. – Вздумаешь вилять, так я из тебя мигом душу выну!

Весь день Савва протомился ожиданием, а когда стало смеркаться, поспешил к яме. Скоро явился Борька с кулем на плече.

– Давай деньги! – потребовал он.

– Ты поначалу развяжи куль, а я гляну, жив ли парень.

– Ещё как жив! – Борька положил куль на землю и снял завязку. – Не хотел своего спасения, пришлось его усмирить. Давай деньги!

Савва помог Максиму выпростаться из куля, затем вынул завязанные в тряпицу деньги и отдал палачу.

– Пойдём поскорее от смрадного места, Максимушка. Потаповна пирогов напекла, и, поди, нас с крыльца выглядывает.

Набатные и другие колокола на башнях крепости ударили сполох. Ратные люди с оружием в руках выбегали из воинских

изб и спешили на прясла. На Борьку Харина, который, зажав в кулаке деньги, торопился к знахарке, никто не смотрел.

– Ты что заявился? – недовольно спросила, открыв дверь, Макрида. – Я тебя в гости не звала.

Борька разжал кулак и показал ей деньги.

– Пять рублей у меня есть, – ухмыльнулся палач. – Стало быть, время показать мне невесту.

В этот миг в башнях загрохотали пушки, и началась частая пищальная пальба.

– Какая тебе сейчас невеста! – разозлилась Макрида. – Не чуешь, дурень, что вокруг деется? Беги к себе в тюрьму, и запрячь рубли до лучшего времени!

Борька постоял, полупал зенками на закрытую дверь и побрёл в тюрьму, где его ожидала пыточная работа.

– 13 –

Милославский и Барятинский по сполоху прибежали к Казанским воротам, к которым уже вплотную мужики насыпали вал. С этой стороны крепости угрожала наибольшая опасность.

– Воры лезут со всех сторон, и я пехоту послал на прясла, а Зыкову велел держать рейтар в засаде и, буде нужда, подпереть солдат и стрельцов, если они дрогнут. Что скажешь, Иван Богданович?

– Это ты здраво умыслил, князь, – Милославский успокоил сбившееся в беге дыхание. – Однако нам надо промыслить доброго языка, чтобы выведать у него всю правду о воре. Вчера близ острога вопили, что Стенька жив, а может он к сему часу подох?

– Это было бы нам на руку, – согласился окольный. – Если на нас свалится такая радость, то, отбив приступ, мы откроем ворота и ударим на них всем войском.

Воеводы поднялись на верхний ярус башни, и перед ними открылась крепость, со всеми окутанными пороховым дымом пряслами и часть предполья, на котором шевелились огромные толпы мужиков, издали похожие на муравьиные скопища. Они

упрямо лезли на прясла, но больше всего их было на валу, вокруг Казанской башни. Бой шёл прямо под ногами Милославского и Барятинского, к которым, по их вызову, явился полковник Зотов.

– Глеб Иванович! – перекрывая немилосердный шум схватки, крикнул Милославский. – Добудь мне языка, но чтобы это был казак. Обещай людям, что добытчика я пожалею рублём!

Первый приступ бунташного войска был отбит с великим для него уроном. Но мужики и не подумали отступить. В нахлынувших на Синбирск потёмках они готовились к новому, ещё более отчаянному натиску. Мурза Кайко и Корень не зря помедлили до вечера и решились на ночной бой: сначала вспыхнуло несколько огней, потом они начали шириться в стороны, и вскоре Синбирск оказался в кольце быстро сжимающегося вокруг крепости зарева. Не менее десяти тысяч мужиков, издавая нечеловеческие вопли и держа в руках пылающее смольё, кинулись на прясла с небывалым доселе остервенением.

Загрохотали пушки во всех шести башнях крепости, ударили затинные, установленные наверху прясел, пищали, солдаты и стрельцы открыли стрельбу из своего оружия, но это не остановило бунташных людей. Подбежав к крепости, они швыряли горящее смольё в город и по многочисленным лестницам упрямо карабкались на прясла. Солдаты рубили их саблями, кололи копьями, стрельцы, отпалив из пищалей, пустили в ход бердыши, но кое-где им пришлось отступить в башни. Барятинский срочно послал находившегося близ него полковника Зыкова к рейтарам, и те pistolетным боем и саблями посбрасывали мужиков вниз.

На Казанской стороне, где остался пребывать Милославский, бой был ещё более упорен и жесток: здесь на приступ пошли все казаки, что были у Корня, но на сей раз солдаты за пряслом отсиживаться не стали, встретили их на валу, и началась жёсткая сеча. Никто не хотел уступать ни пяди вала, долго было неясным, чья сила возьмёт верх, и полковник Зотов послал в пекло имевшиеся у него под рукой две сотни копейщиков. Их удар тесно сомкнутым строем был страшен и неотразим:

половина казаков остались бездыханными на валу, живые бежали, а двоих донцов схватили и приволокли к Милославскому.

– Ты у них память не отшиб? – спросил воевода доставившего к нему языков верзилу сержанта.

– Должны быть в памяти: моргают и дышат.

– Я велел, Глеб Иванович, взять одного языка, а приволокли двух, – усмехнулся Милославский. – Что же мне теперь вместо обещанного рубля давать два?

– Это как твоей милости будет угодно, – сказал полковник. – Семи гривенников за каждого будет достаточно.

Милославский был в радости и не поскупился: дал сержанту полтора рубля, а языков велел доставить к Борьке Харину в тюрьму, где для беседы с ними имелись пыточные снасти.

Палач встретил воровских казаков с превеликим удовольствием. Их появление сулило ему верный прибыток, и он кинулся разжигать огонь в очаге, чтобы поскорее приступить к делу. Милославский подзадержался и всё выглядывал Барятинского, надеясь переложить розыск на него, но князь запропал надолго. На валу вновь закипела сеча, казаков сменили мужики, которые с оглушительным ором полезли на прясла, швыряя в город горящее смольё. Милославский огляделся по сторонам: в крепости запылали пожары, но на загоревшиеся избы тотчас набрасывались вооружённые топорами и крючьями люди, и скоро раскатывали их на брёвна, которые засыпали землёй и заливали водой.

В очаге уже скопились раскалённые угли, когда в пыточную избу вошёл Милославский. Он оглядел воровских казаков и в одного ткнул пальцем:

– Этого взять на пытку первым!

Борька вытряхнул казака из кафтана и штанов и, подвесив над жаром, взял короткий тяжёлый кнут и вопрошающе поглядел на воеводу. Милославский показал Борьке три пальца. Палач, отступив на шаг, трижды ударил казака по голой спине. Из рубленых ран обильно пролилась кровь и зашипела на углях.

– Говори, вор, жив ли Разин, а если не сдох, то как ранен? – спросил Милославский и указал Борьке на раскаленные угли.

Тот опустил казака ступнями на огонь. Казак взвыл, а его товарищ крикнул:

– Не молчи, Гришка! Атаман прошлой ночью пометался со своими ближними в струг и убёг на Низ, а ты за что муку терпишь?

Милославский велел поднять казака из огня и сказал:

– Стало быть, Разин плюнул на воровское братство и убёг?

– Врёт Алексашка! – прохрипел казак. – Степан Тимофеевич от раны обеспамятел, а то бы он от Синбирска не ушёл.

– Вот оно что! – радостно произнёс Милославский. – Значит, многие казаки поглядывают вору вслед и, при случае, готовы бежать за ним вдогон?

– Так и есть, – подтвердил догадку воеводы Алексашка. – Не стало среди казаков согласия.

Милославский проведенным розыском был крепко доволен и поспешил отыскать окольного, чтобы объявить о важной новости.

– Раскол среди воровских казаков нам на руку, – сказал Бярятинский. – Надо освобождать проездные ворота и ударить по бунташному войску всеми нашими силами.

– Не промахнуться бы, князь, – колебался Милославский.

– Последний приступ воров был недружен, у них нет прежней охоты лезть на прясла. Вот увидишь, они побегут!

– Добро бы так, а вдруг воры охрабреют? Что тогда? – продолжал сомневаться Милославский, без возражений глядя на то, как окольный подозвал Зыкова и велел ему опростать Крымские ворота от кулей с мукой и солью.

В этот час полковник Чубаров, стоящий за Свягой со своим полком и обозом, приблизился к реке и велел бить в тулумбасы, а рейтарам проходить с большим шумом возле наплавного моста. В притихшем после очередного приступа Синбирске и вокруг него эти звуки были явственно слышны, но восприняты по-разному: государевыми людьми с надеждой, а бунташными людьми – с трепетом и страхом. Они враз все уверовали, что к Синбирску явился на выручку казанский воевода князь Урусов, и этого было достаточно для начала великого смятения. Повод к нему подали казаки, они бросились бежать в подгорье к стругам.

За ними побежали и мужики, но не все: Мурза Кайко удержал под своим началом большую часть верных ему мордовцев и чувашей и стал уходить от Синбирска по черте на Тагай.

В крепости Милославский и Бярятинский спешно начали строить своих воинских людей для прорыва осады. Рейтары и две роты солдат под начальством полковника Зыкова и капитана Мигунова встали возле Крымских ворот, московские стрельцы, солдаты и пехота окольного подступили к Казанским воротам, над ними начальствовал Зотов. Когда все были готовы, люди солдатского полковника по мостам перекинулись на земляной вал и обрушилась на бунташное войско, рейтары Зыкова устремились в открытые ворота, а Мигунов напал на острог, где его солдаты вырезали всех живых и раненых. Вскоре запылала острожная башня, загорелись избы, амбары и прясла.

Полковник Зотов разогнал всех бунташных людей на Казанской стороне, оставил пехоту Бярятинского добывать раненых, а сам с тремя приказами московских стрельцов поспешил в подгорье, вслед за рейтарами Зыкова. Трёхтысячная толпа людей, сбившаяся возле пристани, видела свою накатывающуюся на них с Синбирской горы смерть, и её обуял ужас. Стругов было немного, и за них началась смертельная схватка. Казаки убивали друг друга, чтобы захватить место, бросившихся вслед за стругом людей успевшие в них залезть счастливы рубили саблями и топили. И лишь две сотни оставшихся верных Корню казаков вслед за есаулом бросились на конях в Волгу, чтобы испытать напоследок свою судьбу.

Рейтары Зыкова врубались в толпу, и началось беспощадное избивание обезумевших от страха людей. Сопротивляющихся не было, земля стала мокрой от крови, которая ручьями стекала в Волгу. Однако запертых возле пристани мужиков было так много, что немалая их часть смогла прорваться сквозь рейтар, где их встретили московские стрельцы и погнало обратно. Государевых воинских людей обуяло небывалое ожесточение: рейтары-дворяне мстили бунтовщикам за разорение усадеб и убийства барских семейств, московские стрельцы – за ужасы испытанной ими синбирской осады и смерть товарищей.

Последними явились в подгорье Милославский и рота капитана Мигунова. Солдаты пришли не с пустыми руками, они принесли топоры и стали строить рели и заострять колья для казней. Оставшихся в живых бунтовщиков стрельцы сбили в кучу и подпёрли бердышами.

Казни начались с восходом солнца, которое, словно палач в кумачёвой рубахе, взошло над Заволжьем, с четвертования полутора сотен казаков. В жаждущих насытиться видом людских страданий и крови недостатка не было, рейтары становились друг за другом в очередь, чтобы получить возможность собственноручно исполнить злодейскую работу. Скоро на берегу выросла гора из человеческих голов, рук, ног и тел, а воложка стала красной от крови.

Многие синбирские обыватели, настрадавшись в осаде, жаждали увидеть казни вблизи, но поопасались идти в подгорье, чтобы не попасть под руку пьяных от крови рейтар и пехоты. Они забрались на волжское прясло и глядели с него на смерть своих ненавистников. Издали совершаемые государевыми людьми злодейства казались им нестрашными, обыватели были весело возбуждены, а иные похохатывали, когда вздёрнутые на вески люди стали дёргаться как петрушки в руках скомороха.

Савва и Максим видели всё, что происходит в подгорье с земляного вала, который был весь от верха и до края волжского берега покрыт убитыми и растерзанными людьми, а смех обывателей на пряслах поверг их души в смятение.

– Пойдём отсюда! – Савва потянул парня за руку. – Кончилось наше синбирское время.

– Ты знаешь, куда идти?

– Куда, как не в монастырь? Меня братия примет, а ты будешь в кузнице о наковальню постукивать. Найдём невидную обитель и станем там свои и людские грехи замаливать.

Пройдя несколько шагов, Савва остановился возле обращённого огнём в раскалённые угли брёвна.

– Пока не ушёл, надо завершить своё дело.

Он достал из-за пазухи летопись синбирской осады и, горько вздохнув, бросил её на угли. Упав, книга раскрылась, ветер

растормошил страницы, и пламя стало жадно пожирать сухую бумагу.

– Зачем ты так! – воскликнул Максим. – Твой «Хронограф» – великая память людям!

Сгорая, бумажные листы шевелились, как живые, ветер подхватывал пепел, рассеивал его вокруг, и человеческие слова становились прахом.

– Разве голая правда нужна людям? – горько вымолвил Савва. – Народ примет лишь такую правду и память, которые ему по сердцу, чтобы можно было над ними несбыточно помечтать и безутешно прослезиться. А моя книга не угодна ни барам, ни народу.

Полотнянко Николай Алексеевич
АТАМАН ВСЕЯ ГУЛЕВОЙ РУСИ

Современный русский роман

Редактор *Л.И. Полотнянко*
Дизайн обложки *А.В. Качалин*
Компьютерная вёрстка *Л.И. Полотнянко*
Корректор *М.Н. Аверина*

Подписано в печать 18.07.14.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая.
Гарнитура Times New Roman.
Усл.печ.л. 22,56. Заказ №14/076.

Тираж 300 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом
центре «Гарт» ИП Качалин А.В.
432042, Ульяновск, ул. Рябикова, 4.